

Munich Personal RePEc Archive

The Beginning and the End of the New Economic Policy: The Kronstadt Rebellion and the Shakhty Trial

Balabin, Roman

ETH Zurich

19 February 2019

Online at <https://mpra.ub.uni-muenchen.de/125225/>
MPRA Paper No. 125225, posted 09 Jul 2025 05:20 UTC

НАЧАЛО И КОНЕЦ НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

КРОНШТАДТСКОЕ ВОССТАНИЕ И ШАХТИНСКОЕ ДЕЛО

.....◆.....

Р.М. Балабин

Серия «Экономика и политика в начале XX века»

Roman Balabin

**THE BEGINNING AND
THE END OF THE NEW
ECONOMIC POLICY**

THE KRONSTADT REBELLION AND
THE SHAKHTY TRIAL

Neoconomica
Moscow, 2019

Роман Балабин

**НАЧАЛО И КОНЕЦ
НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
ПОЛИТИКИ**

**КРОНШТАДТСКОЕ ВОССТАНИЕ И
ШАХТИНСКОЕ ДЕЛО**

Неоэкономика
Москва, 2019

УДК 9(47+57)23:94(47)(082.1)
ББК 63.3(2)613+63.3(2)614-361

Б20

Балабин, Роман Михайлович (1985-).

Б20 Начало и конец Новой экономической политики: Кронштадтское восстание и Шахтинское дело / Роман Балабин; под ред. О. В. Григорьева. – М.: Неоэкономика, 2019. – 351 с. – (Серия «Экономика и политика в начале XX века»; кн. 1).

ISBN 978-5-00202-817-7

Новая экономическая политика (НЭП) проводилась в Советской России с 1921 по 1928 год, сменив собой политику военного коммунизма периода Гражданской войны. В годы НЭПа использование рыночных механизмов и привлечение иностранного капитала в форме концессий совмещалось с государственным регулированием смешанной экономики с использованием инструментов планирования. Принципы и идеи раннесоветского НЭПа оказали заметное влияние на политику коммунистического Китая 1980-х годов. Данная монография посвящена двум событиям, ознаменовавшим собой начало и конец эпохи НЭПа.

В первой части речь идёт о Кронштадтском вооружённом восстании, в ходе которого экипажи кораблей и жители города в 1921 году выступили против диктатуры большевиков и проводившей ими политики военного коммунизма. Во второй части описано «Шахтинское дело» 1928 года. Данный инсценированный судебно-политический процесс над представителями дореволюционной технической интеллигенции и германскими специалистами стал знаковым событием, обозначив переход от НЭПа к «социалистическому наступлению» в экономике. Третья часть книги посвящена эпизодам биографии и работам одного из ведущих участников событий, революционера Л. Д. Троцкого. В историографических разделах книги проводится анализ более трёх сотен источников по теме.

Книга будет полезна как специалистам, так и широкому кругу читателей, интересующихся экономической, юридической, дипломатической и военной историей, а также – историей СССР и Российской империи в начале XX века.

УДК 9(47+57)23:94(47)(082.1)
ББК 63.3(2)613+63.3(2)614-361

ISBN 9785002028177

© CC-BY-SA 3.0, Р.М. Балабин, 2019
© CC-BY-SA 3.0, О.В. Григорьев, от ред., 2017
© CC-BY-SA 3.0, И.М. Колесников, об авт., 2018
© CC-BY-SA 3.0, Wikimedia Foundation, 2018
© С. Кузнецова, Коммерсант Власть, прил., 2011
© Коммерсантъ СПб, прил., 2001

Оглавление

От редактора	8
Предисловие	17
 Часть I. Кронштадтское восстание (1921)	
Глава 1. Предшествующие события	23
1.1. Гражданская война. Продразвёрстка и крестьянские восстания	23
1.2. Политические разногласия	24
1.3. В Петрограде	25
1.4. Крепость Кронштадт	27
Глава 2. История выступления	31
2.1. Начало восстания	31
2.2. Реакция среди эмигрантов. Пресса	39
2.3. События 2-6 марта	41
2.4. Первый штурм	44
2.5. События 8-18 марта. Второй штурм	46
2.6. Судьба лидеров восстания	49
Глава 3. Итоги и влияние. НЭП	73
Глава 4. Память о восстании	77
Глава 5. Оценка событий. Историкография	79
5.1. Советская историкография – «Кронштадтский мятеж»	79
5.2. Западная и эмигрантская версии – «Кронштадтское восстание»	81
5.3. Новая версия Троцкого (1938)	87
Глава 6. Отражение в культуре	89
Примечания	92
Литература	94
Электронные ресурсы	98

Часть II. Шахтинское дело (1928)

Глава 7. Исторический контекст	102
Глава 8. Истоки дела. Следствие	106
8.1. Шахтинский этап	107
8.2. Краевой этап	109
8.3. Республиканский этап	113
8.4. Итоги следствия	114
Глава 9. Международный аспект дела. Советско-германские отношения	116
9.1. Кризис в советско-германских отношениях	116
9.2. Шляпа и плащ как сигналы к саботажу	118
9.3. «Потерянный» арестованный	120
Глава 10. Предварительное следствие прокуратуры	126
Глава 11. Суд	129
11.1. Список обвиняемых	129
11.2. Ход процесса	136
11.3. Приговор	142
Глава 12. Оценки и влияние	143
Глава 13. Историография	148
13.1. Советская версия	148
13.2. Версия Евдокимова (1937)	150
13.3. Современная историография	152
Глава 14. Реабилитация	157
Глава 15. В искусстве	158
Примечания	160
Литература	162

Часть III. Лев Троцкий: эпизоды ранней биографии и печатные работы

Глава 16. Первая ссылка Троцкого	166
16.1. Предыстория	167
16.2. История	168
16.3. «Восточное обозрение»	174
16.4. Побег	187
16.5. Влияние	191

Глава 17. Лев Троцкий в 1905 году	196
17.1. Предыстория. Первая эмиграция	197
17.2. Возвращение в Россию	197
17.3. В Санкт-Петербурге	204
17.4. В Финляндии	207
17.5. Член Петербургского Совета	209
17.6. Демонстрация 18 октября	218
17.7. Встреча с польскими революционерами	219
17.8. Забастовка и восьмичасовой рабочий день	220
17.9. Оборонительный период. Роль Ленина	223
17.10. Во главе Совета	224
17.11. Суд над членами Совета	229
17.12. Оценки и влияние	237
Глава 18. «Наша революция»	242
18.1. Описание и история	243
18.2. Основные положения и их критика	244
18.3. Влияние	255
18.4. Издания	257
18.5. Переводы	259
Глава 19. «Новый курс»	267
19.1. История и описание	268
19.2. Критика	272
19.3. Влияние	280
19.4. Издания и переводы	282
Глава 20. «Сталинская школа фальсификаций»	286
Глава 21. «Преданная революция»	297
Вместо заключения	309
Об авторе и редакторе	311
Список иллюстрация и лицензия	317
Предметный указатель	323
Приложения	334
Abstract	349
Contents	350

От редактора

Столетний юбилей Октября мало кого оставил равнодушным. До сих пор ведутся жаркие споры, какой была бы судьба России, не соверши большевики Октябрьскую революцию. Вопрос о тактической (политической) части данной проблемы мы разберём во второй книге, посвящённой Брестскому миру. Стратегическую (экономическую) же часть мы рассмотрим тут. Перейдем сразу к глобальному уровню описания ситуации и кратко опишем экономическое состояние России (Российской империи) по состоянию на 1914/1917 год.

Часто можно слышать от монархистов выражение «Россия, которую мы потеряли»¹. Приводятся аргументы, что на начало XX века Россия была динамично развивающейся страной: росла промышленность, происходил стремительный рост населения. В частности, Дмитрий Менделеев высказывал мысль, что к концу XX века население России должно было бы составлять 500 млн человек.

На самом деле, быстрый демографический рост (вызванный внедрением минимальной медицины и понятий о гигиене) — это была большая слабость России. Рост населения в основном происходил на селе,

¹ «Россия, которую мы потеряли» — документально-публицистический фильм российского режиссёра Станислава Говорухина, посвящённый дореволюционной России. Вышел на экраны в 1992 году. Вместе с фильмами «Так жить нельзя», «Великая криминальная революция» и «Солженицын» фильм составляет своего рода публицистический сборник Говорухина. Режиссёр долго работал над фильмом, проводя много времени в архивах, библиотеках и фильмохранилищах. В 1991 году вышла в свет книга Говорухина, которую он назвал «Россия... Которую мы потеряли»; данная книга легла в основу сценария для фильма. Фильм Говорухина имел большой общественный резонанс и сыграл значительную роль в переломе массового сознания советских людей в начале 1990-х годов. Сама фраза «Россия, которую мы потеряли» стала нарицательной для обозначения дореволюционной России — но часто используется критиками и как насмешка над идеализацией дореволюционной России.

пригодной для обработки земли было мало и становилось все меньше. По расчетам того времени, даже если взять и перераспределить между крестьянами все земли (казенные, помещичьи и т. д.), то земли крестьянам для хорошей жизни все равно бы не хватило, при этом весь позитивный эффект от перераспределения земель среди крестьян был бы нивелирован быстрым ростом населения.

На основе расчетов был сделан вывод, что для того, чтобы стабилизировать ситуацию в сельском хозяйстве, необходимо было «убрать» с земли 15-20 млн человек.

Таким образом, никакие сколь угодно хорошие показатели экономического роста не могли решить демографическую проблему. В городах могло появляться ежегодно 100 тысяч, 300 тысяч, даже полмиллиона рабочих мест, но обеспечить работой 15-20 млн «лишних» человек было невозможно. Даже если бы революция не произошла в 1917 году, демографическая проблема все равно рано или поздно дала бы о себе знать.

Что лежало в основе быстрого экономического роста Российской империи в начале XX века? Взаимодействие с западными странами по монокультурной модели.

Россия участвовала в мировой торговле зерном, получала с этого деньги и на эти деньги уже с помощью разнообразных протекционистских мер, с помощью в том числе государственного финансирования промышленности, развивала свою экономику².

² В начале XX века Российская империя, наряду с США, занимала ведущее положение в мировом сельском хозяйстве. Это было особенно видно на примере зерновых культур: за первые 14 лет XX века площадь посевов выросла на 15 %, урожайность хлебов на 10 %, сбор зерна на душу населения более чем на 20 %. Валовой сбор зерна – 5637 млн пудов (92,5 млн тонн) – 1-е место в мире. Российская империя обеспечивала половину мирового урожая ржи и занимала второе место по урожаю пшеницы. Она также занимала 1-е место по экспорту зерновых – экспортировано 647,8 млн пудов (10,61 млн тонн). Общий объем экспорта зерновых составлял в денежном выражении 651 млн рублей. Кроме того, Российская империя поставляла 50 % мирового экспорта куриных яиц и ей же принадлежало 80 % мирового производства льна. Российская империя также занимала 1-е место в мире по производству и экспорту сливочного масла: в среднем экспортировалось 77,6 тысяч тонн масла в год.

В чем состоит фундаментальная проблема рыночного взаимодействия развивающейся страны с развитыми странами по монокультурной модели?

Рассмотрим такую ситуацию: некоторая развивающаяся страна включается в торговлю с развитой страной.

Если торговля идет интенсивно, то со временем она захватывает новых и новых участников внутри государства, каждый из которых начинает понимать свою выгоду. Количество людей в развивающейся стране, понимающих выгоду рынка, растет и становится значимым в общей доле населения. Такая ситуация характерна для небольшой страны, в которой рыночное взаимодействие может охватить сразу большую группу населения.

Что происходит, если страна большая и торговля не может достаточно быстро охватить достаточно большую долю населения? Те, кто участвуют в торговле, получают от нее выгоду; те же, кто в торговле не участвуют, вынуждены терпеть лишения. Например, если хлеб начинает продаваться за границу, то на внутреннем рынке начинают расти цены на хлеб и для тех, кто хлебом не торгует, ситуация начинает ухудшаться. Таким образом, в государстве возникает у одних слоев населения позитивное отношение к рынку, а других – негативное и все уже зависит от соотношения довольных и недовольных в государстве.

Россия, как нам известно, большая страна. По этой причине, торговал хлебом только тот, кто имел выход на внешние и внутренние рынки (железные дороги, которые и были построены для обеспечения логистики хлебной торговли, достигали отнюдь не всех областей в России). Таким образом, формировался узкий слой людей, которые понимали выгоду рынка и достаточно большой слой людей, которые от рыночных отношений страдали.

В то же время, страна испытывала значительное демографическое давление. Необходимо было куда-то направить 15-20 млн человек, но промышленность сразу всех взять не могла. Получается, что за границей рыночного развития оставалась слишком большая доля населения, проблемы у которой только нарастали.

Как пыталась решить эту проблему власть, в частности, в чем состояла программа Столыпина? Он говорил: пусть люди отделяются на хутора и отруба, а лишнее население может осваивать Сибирь.

Основной целью реформ было внедрение капитализма и рынка в сельском хозяйстве, и повышение продуктивности за счет того, что

земли переходили бы «эффективным собственникам». Но как мы говорили выше, рыночные реформы приносят выгоду поначалу только небольшой части населения, задействованной в рынке, а для остальных — они ухудшают ситуацию, и усиливают социальную напряженность. Что, собственно, и происходило.

До тех пор, пока существовала община, проблема «лишних» людей не стояла так остро, ведь какое-то минимальное содержание она им могла обеспечить. С реализацией программы Столыпина и частичным распадом общины эта проблема встала острее³.

И как было установлено, практика переселения населения в Сибирь не решала проблему демографического давления. Какие-то люди действительно переселились туда и стали осваивать новые земли, но многие из пытавшихся переселиться решили вернуться назад. Да и не прокормила бы Сибирь те самые 20-30 миллионов человек.

Куда могли пойти «лишние люди»? Они шли в город. Однако, несмотря на бурный экономический рост, города не могли взять на себя всех людей, поэтому многие из них стали безработными и таким образом города стали рассадниками революции.

Какие еще угрозы существовали для царского режима? Дело в том, что царь находился в перманентном конфликте с нарождающимся классом капиталистов. Шел экономический рост, худо-бедно развивалась своя промышленность. Капиталисты хотели принимать какие-то решения, участвовать в политике, они были достаточно крупными, у них были свои интересы. Однако эти интересы в структуре государства никак не были представлены.

³ Столыпинская аграрная реформа — обобщённое название широкого комплекса мероприятий в области сельского хозяйства, проводившихся правительством России под руководством П. А. Столыпина, начиная с 1906 года. Основными направлениями реформы были: передача наделных земель в собственность крестьян, постепенное упразднение сельской общины как коллективного собственника земель, широкое кредитование крестьян, скупка помещичьих земель для перепродажи крестьянам на льготных условиях, землеустройство, позволяющее оптимизировать крестьянское хозяйство за счёт ликвидации чересполосицы. Аграрные преобразования, инициированные Столыпиным, предусматривали также организацию массового переселения крестьян из европейской части Российской империи в Сибирь, на Дальний Восток и на территорию современного Северного Казахстана (см. освоение целины).

Почему капиталисты финансировали политические партии, даже большевиков? Потому что у капиталистов были свои интересы, и царское правительство их полностью игнорировало. Они хотели политического представительства, но им его не давали⁴.

То есть те проблемы, с которыми сталкивалась страна, были непропорционально больше любых экономических успехов. Поэтому революция была во многом неизбежна, с 1912 года устойчиво росли революционные настроения, рост которых был лишь на время прерван начавшейся Первой мировой войной.

Следующий важный вопрос на очереди – это ударная советская индустриализация 1930-х годов. Каков возможный прогноз экономического развития России без ударной индустриализации 1930-х годов?

Дело в том, что среди большевиков вообще не стояло вопроса о том, необходима ли индустриализация. Все были абсолютно убеждены в том, что она необходима, вопрос заключался лишь в темпах индустриализации.

Изначально за высокие темпы индустриализации выступали последовательно следующие люди: Преображенский, Пятаков, Троцкий, потом к ним присоединились Зиновьев и Каменев. Их идей, в сущности, было «огрabitь» крестьянство для нужд индустриализации.

Идеологом движения против ускоренной индустриализации и за продолжение Новой экономической политики (НЭПа) был Бухарин.

После тягот Гражданской войны и Революции, средний слой партии очень устал и хотел передышки. Поэтому, собственно, и возобладали бухаринская линия. Был НЭП, был рынок, они работали и давали замечательные результаты: в отдельные периоды темпы восстановления промышленности достигали 40% в год.

Отдельно стоит сказать о роли Сталина. У него не было никакой своей идеологии – он был абсолютным прагматиком. Вся его логика основывалась на борьбе за личную власть – и в этом он был гениален.

В 1920-е Сталин тонко прочувствовал настроения среднего слоя партии (усталость) и всячески их поддерживал, выступая сторонником

⁴ См. ниже краткую биографию подсудимого по Шахтинскому делу Л. Рабиновича как пример судьбы революционно настроенного представителя интеллигенции.

НЭПа. Благодаря чему он смог в аппаратной борьбе победить Троцкого с его идеей «сверхиндустриализации».

А уже в дальнейшем, выгнав Троцкого и разгромив его сторонников, Сталин стал использовать идеи Троцкого про ускорения индустриализации для борьбы с Бухариным и «рыночниками», и на этой основе победил уже Бухарина, обеспечив как абсолютную личную власть, так и полное единомыслие в партии. И только тогда уже занялся индустриализацией на основании идей Троцкого и его группы.

Рис. 1. Пара «нэпманов», изображенных советским графиком Д. Н. Кардовским в виде богато одетых «буржуа» (1920-е). «Нэпманы» (совбуры) являлось разговорным названием предпринимателей в Советской России и СССР в период НЭПа. Термин впервые прозвучал в эстрадном обзрении «Олимпийцы в Москве» петроградского театра миниатюр «Коробочка»; его автором стал известный в те годы фельетонист Р. Меч (Менделевич). В период НЭПа в РСФСР допускалось только мелкое предпринимательство, при этом сами предприниматели, согласно конституции 1918 и 1925 годов, были лишены избирательных прав как «нетрудовые элементы».

Как уже было сказано, экономические успехи дореволюционной России строились на монокультурном взаимодействии с развитыми странами. Шел зерновой экспорт, с получаемых посредством него денег и благодаря протекционистским мерам поднималась промышленность, причем достаточно быстро.

Россия была крупной, но не самой передовой страной, которая развивалась по этой модели. Была другая страна, которая развивалась по той же модели гораздо быстрее и энергичнее – Аргентина.

Смотря на судьбу Аргентины, мы и можем смоделировать судьбу России. Прежде всего, необходимо отметить, что Аргентина обладала рядом преимуществ по сравнению с Россией.

Во-первых, она не участвовала в Первой мировой войне и смогла значительно нажиться, продавая растущее в цене продовольствие.

Во-вторых, Аргентина была в среднем намного богаче, чем Россия. Земли плодороднее, климат лучше, населения меньше.

В-третьих, Аргентина была более политически устойчивой. Страна небольшая, населения без особых проблем восприняло рынок. Если в России существовал конфликт между крестьянством и государством, в Аргентине такой проблемы не было.

Аргентина успешно развивалась на основе монокультурной модели до начала Великой Депрессии, то есть до 1929 года. С началом масштабного кризиса цены на продовольствие значительно снизились, соответственно объем денег, получаемых с торговли зерном, драматически упал. С тех пор Аргентина практически остановилась в своем экономическом развитии.

Она занялась неэффективным импортозамещением, которое окончательно ее разорило. Затем последовала череда революций и смен режимов. Страна вошла в долги, Аргентина – один из рекордсменов среди стран по числу дефолтов.

При этом России не всегда хватало продовольствия на прокорм собственного населения, соответственно она не могла значительно нарастить зерновой экспорт. Если бы не произошло индустриализации 1930-х годов, скорее всего, что Россию еще ждала бы более печальная судьба, чем судьба Аргентины.

Остается еще один важный вопрос: могла ли индустриализация пройти более мягко, в рамках рыночных механизмов – без раскулачивания, насильственной коллективизации и связанных с этим жертв?

Этот вопрос тоже обсуждался. И у этой линии в партии были сильные сторонники – тот же Бухарин. Но из проведенного выше экономического анализа однозначно следует – что нет, не могла бы.

Уже к концу НЭПа начались проблемы с хлебозаготовками. Крестьяне отказывались продавать зерно. Хотя производство зерна росло, но все большая его доля уходила на собственное потребление из-за быстрого роста населения. Закупочные цены были низкими, повышать их возможности не было. И при слаборазвитой промышленности крестьянам было особо нечего покупать даже на эти деньги.

А без больших объемов экспортного зерна было не на что закупать оборудование для строительства промышленности. Да и город кормить было нечем – в городах начинался голод.

Кроме того, обнаружилось, что даже те трактора, которые начали производиться в середине 1920-х годов, практически не находят сбыта — они были слишком дорогими для мелких хозяйств, а крупных было мало. Получался своего рода порочный круг, блокировавший возможность быстрого развития.

Круг этот и был разрублен коллективизацией и раскулачиванием. Тем самым большевики «убили» сразу четырёх «зайцев»:

- (i) получили дешёвое зерно для экспорта и обеспечения населения города,
- (ii) обеспечили дешевой рабочей силой «стройки коммунизма» — невыносимые условия в деревне, заставили крестьян бежать в город,
- (iii) создали крупного потребителя (колхозы), способного эффективно востребовать сельхозтехнику,
- (iv) уничтожили крестьянство как носителя мелкобуржуазной идеологии, превратив его в «сельский пролетариат».

При всей своей жестокости это было, похоже, единственное эффективное решение, позволившее за пару десятков лет пройти путь, на который у развитых стран уходили столетия. Без этого развитие пошло бы по инерционному сценарию — по существу такому же, как мы описывали для Российской империи.

Рис. 2. Советская купюра в 25 червонцев. Самая крупная банкнота периода НЭПа: была эквивалентна 215 граммам золота (аверс, 1922).

Подведем итоги.

Во-первых, причиной Октябрьского переворота следует считать полную несостоятельность Временного правительства, которое не

смогло остановить распад страны и наладить государственное управление после падения царской власти. См. детали в моём предисловии к нашей следующей книге из серии «Экономика и политика в начале XX века», публикуемой российской АНО «Неоэкономика».

Во-вторых, революция в России имела причины объективного характера и была во многом предопределена. Те экономические проблемы, с которыми столкнулась страна, были очевидно не разрешимы доступными царскому правительству методами.

В-третьих, если бы в России не произошло индустриализации 1930-х годов, судьба ее была бы во многом печальной: она могла навсегда остаться бедной аграрной страной.

Конечно, цена отказа от НЭПа – цена перехода к ударной индустриализации – была очень высока. Крестьянство, послужившее «топливом» этой самой индустриализации, было «уничтожено как класс» (многие – и физически). Но благодаря этому, была создана материальная база, обеспечившая относительно приличную жизнь советских людей на протяжении десятилетий – и остатками ее мы пользуемся и до сих пор. Двум ключевым событиям, олицетворяющим начало и конец НЭПа, посвящена эта книга.

О. В. Григорьев
АНО «Неоэкономика», Москва, 2019

Предисловие

«Подымайся, люд крестьянский!

Всходит новая заря –

Сбросим Троцкого оковы,

Сбросим Ленина царя!..»

– из частушки, опубликованной в период
Кронштадтского восстания (1921)

Не прошло и четырёх лет после того, что большевики назвали «Великой Октябрьской социалистической революцией», как советское правительство вынуждено было извлечь ненавистную ему буржуазию со «свалки истории». С целью помочь накормить и одеть советский народ. Советское государство, буквально измученное Гражданской войной, иностранной интервенцией и собственными безрассудными решениями – принятыми как по неопытности, так и в шорах марксистской идеологии – оказалось неспособно справиться со своими базовыми задачами. Прежде всего, с задачей распределения самых основных потребительских товаров среди широких масс населения.

В период с 1918 по 1920 год зерно, необходимое для пропитания городов и армии, коммунистическая партия – всё ещё полная революционной решимости – получала в результате «реквизиции» зерна. Использование яркого термина латинского происхождения не смогло полностью скрыть от населения печального факта ограбления. Эта тактика помогла большевикам пережить Гражданскую войну, но к началу 1921 года вызвала крестьянские восстания во многих регионах бывшей Российской империи. Одному из них, Тамбовскому восстанию и его лидеру, будет посвящена отдельная глава следующей книги.

Столкнувшись с окончательным упадком экономики и восставшим крестьянством, Владимир Ленин и, в меньшей мере, Лев Троцкий отказались от надежды на немедленный переход к социализму. Так Ленин призвал, среди прочего, к легализации значительной части

частной предпринимательской деятельности, ранее полностью и «окончательно» запрещенной. Так было положено начало тому, что стало известно в советской истории под предельно беспристрастным термином «Новая экономическая политика», или НЭП. Только «Новый курс» Франклина Рузвельта, тема одной из следующих книг в данной серии, может посоперничать с НЭПом в абстрактности названия.

Исследователи по сей день расходятся во мнениях относительно хронологических границ НЭПа, поскольку эта политика не была введена и не была отменена формальными указами. Большинство западноевропейских и американских историков отмечают конец НЭПа как 1928 или 1929 год. Некоторые советские историки продлевали его существование вплоть до второй половины 1930-х годов. В этой книге мы сфокусируемся на двух событиях, символизирующих начало и конец эпохи НЭПа: на Кронштадтском вооруженном восстании 1921 года и на «Шахтинском процессе», проходившем в 1928 году.

Как уже отмечал американский профессор Алан Болл в конце Холодной войны, принятие, и даже поощрение, советским государством частного предпринимательского сектора казалось аномалией многим наблюдателям ещё в 1920-х годах. Последующий ход советской истории мало что сделал, чтобы изменить это впечатление. Затесавшийся между «военным коммунизмом» и сталинской индустриализацией, НЭП часто рассматривался как краткая, хотя и увлекательная, интермедия в истории СССР. Но экономические программы, поразительно похожие на НЭП, были реализованы в последние годы в других странах социалистического мира – прежде всего в Венгрии, в Югославии, и в континентальном Китае.

Книга «Начало и конец Новой экономической политики: Кронштадтское восстание и Шахтинское дело» состоит из трёх частей. Первая часть содержит шесть глав, подробно повествующих о Кронштадтском вооруженном восстании 1921 года. В них рассказывается как о причинах, так и о ходе матросского мятежа. Приводятся доступные биографические сведения о лидерах восстания и кратко обсуждается судьба участников его подавления. Заключительная глава первой части, посвящённая историографии проблемы, содержит ссылки на

источники, сформировавшие две основные версии кровопролитных событий на острове Котлин.

Вторая часть книги о «Шахтинском деле» включает в себя девять глав. В них описывается как исторический контекст сфабрикованного в 1928 году дела, так и его международный резонанс, прежде всего – в Германии. Дело о вредительстве на шахтах Донбасса стало причиной одного из самых серьёзных дипломатических кризисов в системе взаимоотношений между Советской Россией и Веймарской республикой за весь период существования последней. Здесь же обсуждается ход процесса и его влияние на настроение советского населения. Историография дела также выделена в отдельную главу.

Обе части – это не более чем «штрихи» к необъятной теме НЭПа. Но «штрихи» важные, поскольку с их помощью можно хотя бы приблизительно сформировать временные границы проблемы. Они не нацелены на создание целостной картины десятилетия жизни огромной страны, но выбраны в качестве иллюстрации. Третья часть книги посвящена эпизодам ранней биографии и ключевым работам одного из ведущих участников событий в СССР 1920-х годов, журналиста и революционера Льва Троцкого. Здесь обсуждается как его практическая деятельность в 1905 году, так и его литературное наследие. Речь идёт, прежде всего, о влиятельных книгах «Наша революция», «Новый курс» и «Преданная революция».

Можно надеяться, что в совокупности со второй книгой данной серии «Экономика и политика в начале XX века», названной нами «Брест-Литовский мирный договор: история переговоров и экономические последствия», мы сможем стать на шаг ближе к пониманию бурных событий и новых явлений в России в первой половине прошлого века. Нейтральный и взвешенный взгляд на них поможет нам оказаться и на шаг ближе к пониманию их влияния на день сегодняшних. Ведь их значимость нам ещё только предстоит оценить.

Р. М. Балабин
BWAN, Технопарк Цюриха, 2017

Часть I.
Кронштадтское восстание (1921)

Краткая справка

Кронштадтское восстание, также известное как Кронштадтский мятеж – вооружённое выступление в марте 1921 года гарнизона крепости Кронштадт, экипажей кораблей Балтийского флота и жителей города против диктатуры большевиков и проводимой ими политики «военного коммунизма». Событиям на острове Котлин предшествовали серьёзные внутренние проблемы Советского государства: продразвёрстка и развал промышленности, а также политические разногласия в самой большевистской партии.

Рис. 3. Подавление Кронштадтского «мятежа» (или «восстания»): части Красной армии (РККА) атакуют островную крепость Кронштадт по льду Финского залива (март 1921).

Мятежный дух балтийских матросов, активно участвовавших в революционных событиях начиная с 1905 года и названных Львом Троцким «красой и гордостью русской революции», вновь проявился уже в феврале 1921 года – с принятием собранием команд линейных

кораблей «Севастополь» и «Петропавловск» резолюции, включавшей политические требования («Власть Советам, а не партиям!»), которая затем была поддержана на митинге в центре Кронштадта. После появления слухов о намерении большевиков подавить восстание силовым путём в крепости был создан Временный революционный комитет (ВРК), взявший всю полноту власти в городе. Восстание в Кронштадте приветствовали русские эмигранты, готовившиеся поддержать антибольшевистские действия матросов.

7 марта, после требования властей РСФСР о «немедленной и безоговорочной капитуляции» восставших — объявленных вне закона — лояльные большевикам части Красной армии пошли на штурм острова, закончившийся неудачей. Группировка была усилена новыми частями. В результате второго штурма большевистским войскам удалось, несмотря на значительные потери, взять крепость, после чего в городе начались массовые репрессии. Восемью тысячам восставших удалось уйти в нейтральную Финляндию.

В 1994 году президент РФ Борис Ельцин реабилитировал участников «Кронштадтских событий». В современной историографии «Кронштадта 1921» сложились две основные конкурирующие концепции событий, к которым иногда добавляют и оригинальную версию Троцкого, озвученную им в 1938 году. Версии можно условно обозначить как концепцию «Кронштадтского (антисоветского) мятежа», развивавшуюся преимущественно в советской историографии, и концепцию «Кронштадтского (антикоммунистического) восстания», получившую распространение за пределами СССР.

Глава 1. Предшествующие события

1.1. Гражданская война. Продразвёрстка и крестьянские восстания

К осени 1920 года Гражданская война двигалась к завершению. Молодая Советская Россия заключила мирные договоры с Эстонией, Латвией, Литвой и Финляндией, добившись международного признания. 12 октября было заключено перемирие с Польшей, а через три недели – в результате падения «белого Крыма» – был положен конец последнему организованному вооружённому сопротивлению советской власти на европейской части страны. При этом на юге Украины ещё действовали вооружённые отряды Нестора Махно [1].

Рис. 4. Картина «Русское духовенство на принудительных работах» художника И. А. Владимирова (1918/1919).

Выиграв, по сути, Гражданскую войну, большевистское правительство столкнулось с серьёзными внутренними проблемами: промышленность, сельское хозяйство и транспорт были разрушены и

дезорганизованы в результате прошедших войн. А действовавшая политика военного коммунизма, включавшая насильственную конфискацию урожая у крестьян, вызывала недовольство последних. По мнению американского историка анархизма Пола Эврича, это и было краеугольным камнем всех проблем [1].

В 1921 году глава Совнаркома Владимир Ленин писал [2]:

«Сущность военного коммунизма заключалась в том, что мы фактически брали у крестьян излишки, а иногда и не только излишки, но и часть зерна, необходимого для еды. Мы забирали его, чтобы удовлетворить требования армии и поддержать рабочих.»

Отсутствие угрозы со стороны «белых» армий привело к большому количеству крестьянских восстаний недовольных продразверсткой. Особенно серьёзными были волнения в Тамбовской губернии, на Средней Волге, на Украине, на Северном Кавказе и в Западной Сибири. Согласно данным ВЧК, к февралю 1921 года в разных частях страны произошло 118 крестьянских мятежей. Зачастую восстания проходили под лозунгами «Долой реквизицию!», «Долой продотряды!», «Не сдавать продовольственные излишки!», «Долой коммунистов и евреев!» и так далее [3].

1.2. Политические разногласия

Разногласия по поводу будущего военного коммунизма возникли и в большевистском руководстве. Ряд членов партии выступал за усиление государственного вмешательства в сельское хозяйство: включая формирование посевных комитетов, отвечавших за сосредоточение и подготовку людских ресурсов и сельскохозяйственной техники, необходимых для увеличения посевных площадей. В то время как другие выступали за отказ от принудительной политики в деревне (см. далее о Новой экономической политике) [4].

По инициативе наркомвоенмора Льва Троцкого в стране также проводилась милитаризация рабочего класса: создавались трудовые армии, которые направлялись на низкоквалифицированные работы, такие как лесозаготовки или строительство. Лидеры меньшевиков сравнивали распределение рабочих по группам с египетским

рабством, когда фараоны принудительно использовали рабочую силу для строительства пирамид [5-7].

Продолжавшаяся с декабря 1920 года по март 1921 года внутрипартийная полемика на X-м съезде партии достигла своего апогея. Во время дискуссии о роли профсоюзов сложились три позиции: полное подчинение профсоюзов государству, полная независимость профсоюзов, а также промежуточная позиция.

Полное подчинение предлагал Троцкий, руководствуясь военным подходом. Против него высказались члены Рабочей оппозиции, которые также требовали передачи профсоюзам управления предприятиями. Ленин в сложившейся дискуссии занял промежуточную позицию. По мнению Эврича, «внутрипартийные споры отражали возросшее напряжение в советском обществе» [8].

1.3. В Петрограде

Положение в городах РСФСР, ранее зачастую поддерживающих большевиков, было намного худшее, чем в деревнях. Разрушенная за шесть лет промышленность к концу 1920 года выпускала почти в пять раз меньше продукции по сравнению с уровнем 1913 года, а производство потребительских товаров составляло лишь четверть от довоенного уровня. В результате существенно сократилась и численность рабочих, занятых в промышленном секторе: 2,6 миллиона человек в 1917 году против 1,2 миллиона в 1920 году [9,10].

Серьёзные проблемы с доставкой продовольствия посадили горожан «на голодный паёк»: в начале 1921 года петроградские рабочие, занятые в сталеплавильном производстве, ежедневно получали 800 граммов чёрного хлеба; ударники труда – 600, а прочие категории – 400 или даже 200 граммов. По официальным данным, работники транспорта получали в день от 700 до 1000 килокалорий. К концу 1920 года это привело к тому, что – несмотря на наличие вооружённых заградительных отрядов, блокировавших дороги и конфисковавших продукты у спекулянтов – незаконная торговля процветала.

Более того, она в значительной степени вытеснила официальные источники поступления продовольствия. При этом городское население резко сократилось: в частности, в Петрограде от 2,5 миллионов человек, проживавших в октябре 1917 года, к августу 1920 года

осталось примерно 750 тысяч. Ещё больше обострила проблему зима 1920/1921 годов, выдавшаяся крайне холодной [11,12].

Топливо в советские города также поставлялось с перебоями, а Петроград находился в северо-западной части России – в отдалении от основных продовольственных и топливных центров. В начале февраля 1920 года более 60 % фабрик и заводов Петрограда были вынуждены закрыться, так как топить было попросту нечем.

23 февраля 1921 года на собрании рабочих Трубочного завода была принята резолюция с требованием увеличить пайки и немедленно распределить имеющуюся в наличии зимнюю одежду и обувь. На следующее утро массовая демонстрация рабочих этого завода прошла по Васильевскому острову. При этом в мероприятие были вовлечены и рабочие других предприятий, включая пролетариат с петербургской табачной фабрики Лаферм.

Таким образом, 24 февраля в Петрограде начались забастовки и митинги рабочих с политическими и экономическими требованиями. Петроградский комитет РКП(б) расценил волнения на заводах и фабриках города как мятеж и 25 февраля ввёл в городе военное положение, арестовав около пяти сотен рабочих активистов. Вооруженные курсанты военного училища разогнали демонстрацию без кровопролития – стреляли только в воздух [13,14].

26 февраля на расширенном заседании пленума Петроградского Совета начальник политотдела Балтийского флота Николай Кузьмин обратил внимание собравшихся на бунтарские настроения в матросской среде. Он предупредил, что если не положить конец забастовкам («вольтерке») в Петрограде, то на флоте может произойти взрыв [15].

27 февраля власти приняли решение увеличить нормы пайков для солдат и рабочих: теперь каждый получал фунт с четвертью хлеба и банку мясных консервов ежедневно. Помимо этого, с 1 марта по всей Петроградской губернии были сняты заградотряды и рабочим было официально разрешено покидать город для выезда в деревни. Такое решение привело к снижению недовольства, и к 3 марта почти все базирующиеся предприятия вновь приступили к работе.

При этом, по мнению американского консула в городе, повышение продовольственных норм «пробило серьёзную брешь в продовольственных запасах Петрограда». Российский историк Сергей Яров отмечал, что только на нескольких предприятиях Петрограда рабочими были приняты политические резолюции. В тот же период «на

других заводах и фабриках сотрудники интересовались только и исключительно экономическими вопросами» [16,17].

«В связи с событиями в Петрограде настроение [корабельных] команд резко изменилось к худшему...» [18]

1.4. Крепость Кронштадт

Задуманный в XVIII веке для прикрытия главного фарватера Финского залива, ведущего к устью Невы, Кронштадт и к 1920 году не утратил этой своей функции. Мощные укрепления, расположенные как на острове Котлин, так и в его окрестностях, были модернизированы с учётом последних на тот момент достижений военной науки. С берегов залива Кронштадт прикрывали орудийные батареи, а пространство между Котлином и побережьями было перекрыто линиями искусственных островов с фортами.

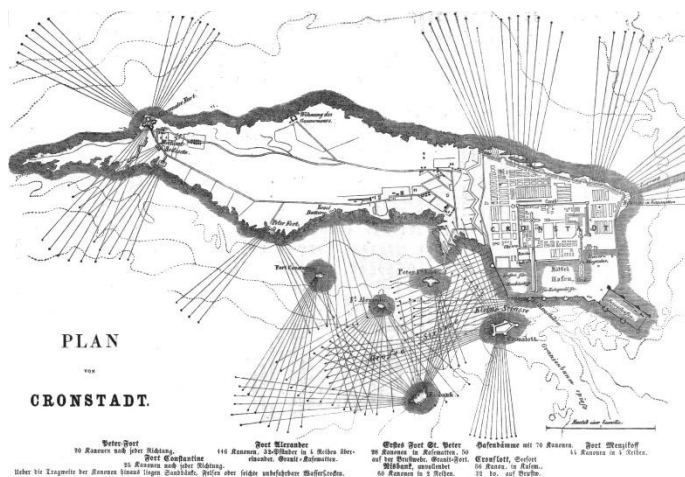

Рис. 5. План крепости Кронштадт (Э. Кейл, 1854).

В 1921 году Кронштадт был главной морской базой всего Балтийского флота. Поэтому из 50 тысяч человек, населявших город, больше половины (около 27 тысяч человек) составляли военные [19,20].

В годы Первой русской революции на острове произошло сразу два восстания – в 1905 и 1906 годах – подавленные правительственными войсками (см. главу данной книги «Троцкий в 1905 году»). Движущей силой тех выступлений, по мнению Эврича, была «ненависть к властям и офицерам и жёсткая дисциплина на флоте». Второе выступление закончилось казнью 36-ти зачинщиков [21-23].

После Февральской революции в городе прокатилась волна убийств офицеров. После этого, ещё в мае 1917 года, Кронштадтский Совет, руководимый представителями различных политических групп (большевики, анархисты, левые эсеры и радикалы анархо-народнического направления), объявил себя единственной властью в городе и отказался подчиняться Временному правительству Александра Керенского. То есть он фактически реализовал будущий лозунг Октябрьской революции «Вся власть Советам!».

В результате большевик Иван Флеровский назвал Якорную площадь города «кронштадтским вече». По данным Эврича, в связи с угрозой голода, жители Кронштадта в тот период массово создавали небольшие сельскохозяйственные коммуны, в которых занимались обработкой свободных участков земли. Обычно в составе таких коммун было до пятидесяти человек обоих полов, работавших на одном предприятии или просто живших по соседству [24].

В июле 1917 года кронштадтские матросы сыграли ключевую роль в неудавшемся восстании. Собственно, за свою роль в «июльских днях» (июльское восстание или июльский кризис) они были названы Троцким «красой и гордостью» русской революции.

Кронштадтские матросы были вновь призваны в Петроград в конце августа того же года – уже во время неудачного выступления, предпринятого Верховным главнокомандующим Русской армией генералом от инфантерии Лавром Корниловым. В тот период особенно отличилась команда линейного корабля «Петропавловск» (см. далее). Кроме того, в октябре 1917 года матросы участвовали в штурме Зимнего дворца, а большевизация Совета на острове прошла быстрее, чем большевизация самого Петросовета столицы [25,26].

В ходе Гражданской войны в рядах РККА сражались более сорока тысяч матросов Балтийского флота. За время войны их не раз называли «вдохновителями революционной воинственности». По данным российского военного историка и архивиста Василия Христофорова, опубликованным в «Морском сборнике» в 2014 году, с конца 1917 года

кронштадтцы превратились в своего рода кадровый резерв, из которого партийное руководство подбирало надежных и преданных делу революции кандидатов для укрепления фронтов Гражданской войны. Им на смену приходило молодое пополнение, набранное по призыву в основном из сельских районов юга РСФСР и с Украины. Только в одном 1920 году в Кронштадт прибыли около десяти тысяч новых матросов и красноармейцев [27].

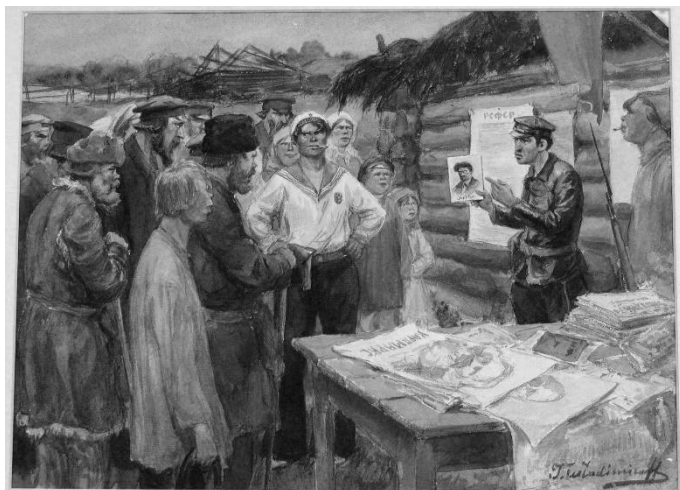

Рис. 6. Картина «Агитатор» художника И. А. Владимирова (1920); на столе присутствует изображение К. Маркса, а в руке у пропагандиста узнаваем портрет Л. Д. Троцкого.

Уже в марте 1918 года, после роспуска Центрального комитета Балтийского флота (Центробалта) и передачи его полномочий Совету комиссаров Балтийского флота, отношение «балтийцев» к новым властям резко ухудшилось. И ситуация только продолжила осложняться. Так усилия большевиков по ликвидации комитетов и назначению комиссаров на командные посты вызвали «бурю протеста» [28].

В июле-октябре 1918 года многие матросы участвовали в выступлении левых эсеров (см. Выступление матросов в Петрограде). В итоге, в 1928 году 1-й народный комиссар по морским делам РСФСР и один из ключевых организаторов Октябрьской революции Павел Дыбенко окончательно отошёл от слов о «красе и гордости»: он в указанный

период, связанный с завершением НЭПа, стал писать уже о «вечно мятежном» духе кронштадтских матросов [29-31].

В 1920–1921 годах, в связи с планомерным затиханием боевых действий и отсутствием необходимости в высокой численности армии, солдаты и матросы Кронштадта впервые за многие месяцы получили отпуск. Они смогли приехать на свою малую родину, чтобы столкнуться с принудительной конфискацией зерна [32]:

«Большевистская цензура скрывала от нас многое, что происходило у нас дома, пока мы были на фронте и в море. Когда мы вернулись домой, наши родители спросили нас, почему мы воевали за угнетателей. Это заставило нас задуматься.»

К концу 1920 года на Балтийском флоте начались заметные проблемы со здоровьем военнослужащих: вспыхнула эпидемия цинги. Одновременно резко увеличилось и число случаев дезертирства с кораблей и судов. В январе 1921 года около пяти тысяч балтийских моряков покинули ряды РКП(б), а развернувшаяся политическая борьба за управление флотом между Троцким и Зиновьевым дополнительно подорвала авторитет большевистской партии [33,34].

Моряки всё ещё полагали, что они имели права голоса в решении политических вопросов. В частности, на II-й партийной конференции моряков-балтийцев, прошедшей 15 февраля в самом Петрограде, доклад начальника политуправления Балтийского флота (Побалта) Эрнеста Батиса подвергся суровой критике со стороны присутствовавших. В принятом конференцией решении прямо утверждалось, что Побалт превратился в бюрократический, не пользующийся доверием, орган. В решении также говорилось, что парторганизации флота превратились в органы, не опирающиеся в своей деятельности на волю и мнение «народной массы» [35-37].

В краткой, но ёмкой записи Ленин позднее отмечал, что «экономика весны 1921 превратилась в политику: „Кронштадт“» [38,39].

Глава 2. История выступления

Рис. 7. Моряки с линкора «Петропавловск» (март 1917)

2.1. Начало восстания

26 февраля 1921 года состоялось экстренное собрание команд линкоров «Севастополь» и «Петропавловск», стоявших «бок о бок» в закованной льдом гавани Кронштадта. На собрании было принято решение направить в Петроград делегацию, которая бы выяснила, что происходит в городе и почему бастуют рабочие.

Резолюция

Посетив бывшую столицу Российской империи, кронштадтские моряки увидели, что фабрики, на которых происходили стачки, окружены красноармейцами [40]: «Можно было подумать, что это не фабрики, а трудовые тюрьмы царских времен» – из книги С. М. Петриченко «Правда о Кронштадте», вышедшей в Праге в 1921 году.

28 февраля состоялось новое, «историческое», собрание, на котором делегаты описали матросам ситуацию в городе. Тогда же была принята резолюция с требованиями провести перевыборы Советов,

упразднить комиссаров, предоставить свободу деятельности всем социалистическим партиям, разрешить свободную торговлю. На собрании также были отвергнуты пункты о полной свободе торговли и о выселении всех евреев в Палестину [41-44].

По мнению Эврича, резолюция являлась «обращением к советскому правительству с требованием выполнять Конституцию, предоставить те права и свободы, о которых Ленин говорил в 1917 году». То есть моряки повторно обратились к старому большевистскому лозунгу «Вся власть Советам!» [45]

1 марта на Якорной площади Кронштадта состоялся пятнадцатитысячный (по другим данным – шестнадцатитысячный) митинг под лозунгами, включавшими «Власть Советам, а не партиям!» и «Советы без коммунистов!». На митинг прибыл председатель ВЦИК Михаил Калинин. Зиновьев, по некоторым данным, доехал только до Ораниенбаума, так как матросы вызывали у него опасения [37,46].

Калинин попытался успокоить собравшихся, но матросы сорвали его выступление: его неоднократно прерывали выкриками «Брось, Калинин, тебе тепло», «Ты сколько должностей-то занимаешь и поди везде получаешь!», «Мы сами знаем, что нам надо. А ты, старик, возвращайся к своей жене». В адрес матросов были произнесены угрозы о «железном кулаке пролетариата», способном уничтожить «недисциплинированность и измену». Несмотря на угрозы исходная резолюция была принята митингующими [19,47].

***Резолюция собрания команд 1-й и 2-й бригад кораблей
от 1 марта 1921 г.***

Заслушав доклад представителей команд, посылаемых общим собранием команд с кораблей в гор. Петроград для выяснения дел в Петрограде, постановили:

1. Ввиду того, что настоящие Советы не выражают волю рабочих и крестьян, немедленно сделать перевыборы Советов тайным голосованием, причем перед выборами провести свободную предварительную агитацию всех рабочих и крестьян.

2. Свободу слова и печати для рабочих и крестьян, анархистов, левых социалистических партий.

3. Свободу собраний и профессиональных союзов, и крестьянских объединений.

4. Собрать не позднее 10 марта 1921 г. беспартийную конференцию рабочих, красноармейцев и матросов гор. Петрограда, Кронштадта и Петроградской губернии.

5. Освободить всех политических заключенных социалистических партий, а также всех рабочих и крестьян, красноармейцев и матросов, заключенных в связи с рабочими и крестьянскими движениями.

6. Выбрать комиссию для пересмотра дел заключенных в тюрьмах и концентрационных лагерях.

7. Упразднить всякие политотделы, так как ни одна партия не может пользоваться привилегиями для пропаганды своих идей и получить от государства средства для этой цели. Вместо них должны быть учреждены с мест выбранные культурно-просветительные комиссии, для которых средства должны отпускаться государством.

8. Немедленно снять все заградительные отряды.

9. Уравнять [рабочий] паек для всех трудящихся, за исключением [работников] вредных цехов.

10. Упразднить коммунистические боевые отряды во всех воинских частях, а также на фабриках и заводах – разные дежурства со стороны коммунистов, а если таковые дежурства или отряды понадобятся, то можно назначить в воинских частях роты, а на фабриках и заводах по усмотрению рабочих.

11. Дать полное право действия крестьянам над своею землею так, как им желательно, а также иметь скот, который содержать должен и управлять своими силами, т. е. не пользуясь наемным трудом.

12. Просим все воинские части, а также товарищей военных курсантов присоединиться к нашей резолюции.

13. Требуем, чтобы все резолюции были широко оглашены [советской] печатью.

14. Назначить разъездное бюро для контроля.

15. Разрешить свободное кустарное производство собственным трудом.

Резолюция принята бригадным собранием единогласно при 2 воздержавшихся.

Председатель Бригадного собрания *Петриченко*
Секретарь *Перепелкин*

После своего выступления Калинин покинул крепость: первоначально мятежный караул отказался его выпускать. После этого комиссар флота Николай Кузьмин и председатель Кронштадтского совета Павел Васильев были арестованы [48,49]. По данным Эврича, этот арест действительно имел место – но произошёл на следующий день, уже после их выступления на «делегатском собрании» (см. ниже) [50].

Временный революционный комитет (ВРК)

2 марта в 13 часов в большой аудитории бывшего Морского инженерного училища состоялось «делегатское собрание», на повестке дня которого стояла подготовка к переизбранию Кронштадтского Совета. Было решено пригласить по два человека с каждого корабля, фабрики, воинского подразделения и любой другой организации или коммуны. Собралось чуть более 300 человек, треть из которых при этом являлись коммунистами.

Делегаты, отправленные на собрание, избирались коллективами: например, по инициативе начальника артиллерии Кронштадта, бывшего царского генерала Александра Козловского, в Управлении крепостной артиллерии для этого был созван сход. Большевистского комиссара и по совместительству председателя совета артиллерийского управления отстранили от должности за протест против участия работников управления в собрании [51,52].

Собрание охраняли вооружённые матросы с линейного корабля «Петропавловск». Открывал заседание Степан Петриченко, который в дальнейшем сыграл ведущую роль в событиях (см. далее отдельный раздел о его биографии). Собравшиеся в Кронштадте полагали, что и сам Петроград находился в состоянии «всеобщего восстания» [51].

В середине собрания один из матросов с «Севастополя» выкрикнул, что к зданию следуют силы местных коммунистов в количестве пятнадцати грузовиков, вооружённые винтовками и пулемётами. После этого для управления городом и гарнизоном на собрании был сформирован Временный революционный комитет (часто, Ревком или ВРК). Позднее планировалось передать его обширные полномочия новоизбранному Совету.

Рис. 8. Предположительно генерал-майор А. Н. Козловский (1915).

По советским данным, ВРК во главе с матросом Петриченко был создан за день до этого. В состав данного органа вошли также анархист Яковенко, машинный старшина Архипов, мастер электромеханического завода Тукин и заведующий третьей трудовой школой эсер И. Е. Орешин. Впоследствии ВРК был расширен до 15 человек. Около девяти сотен членов РКП(б) из 2680, находившихся в тот момент в Кронштадте, вышли из рядов большевистской партии и присоединились к Кронштадтскому восстанию [53].

Возможной причиной возникновения слуха о вооружённых коммунистах был тот факт, что с острова спешно эвакуировалась Высшая

партийная школа во главе с членом кронштадтской ЧК – всего около 150 человек [37,54]. До этого комиссар Кронштадтской крепости Новиков действительно забрал из местного арсенала ручные пулемёты, но, осознав масштаб событий, он дал указание группе покинуть остров. Комиссара перехватили у форта Тотлебен – но он всё же покинул город верхом на лошади и по льду [19,55].

Штаб ВРК расположился на борту «Петропавловска». После обустройства штаба комитет распорядился направить вооружённые отряды для захвата всех стратегических объектов, и к полуночи им это удалось. Город сдался без сопротивления. Все военные корабли, форты и батареи признали новую власть.

Копии резолюции, принятой на митинге, были доставлены в близлежащие города, в том числе в Ораниенбаум и в Петроград. В результате морской воздушный дивизион в Ораниенбауме признал ВРК и направил туда своих представителей [55].

Используя мощные радиостанции военных кораблей, ВРК немедленно передал в эфир резолюцию митинга и просьбу о помощи. В самом Кронштадте был введен комендантский час и, в подражание опыту Комитета революционной обороны Петрограда 1918–1919 годов, были сформированы «ревтройки» [56,57].

С 3 по 16 марта на острове ежедневно выпускалась газета «Известия Временного революционного комитета матросов, красноармейцев и рабочих гор. Кронштадта» (Известия ВРК). В первом номере Петриченко попросил поддержки у жителей города [58]:

«Товарищи, Временный революционный комитет постановил, что не будет пролито ни единой капли крови... Задача Временного революционного комитета состоит в том, чтобы общими усилиями создать в городе и крепости условия для справедливых выборов в новый Совет. Итак, товарищи, за порядок, спокойствие, решительность, за новую, справедливую социалистическую структуру, которая будет способствовать обеспечению благосостояния всех трудящихся [59].»

В дальнейшем восставшими выпускались листовки с призывами к рабочим и красноармейцам поддержать «третью революцию» – после Февральской и Октябрьской. На этот раз революция была направлена против диктатуры большевиков.

Среди агитационных материалов, публиковавшихся в газете восставших на острове, были представлены и элементы народного песенного фольклора – русские частушки:

Всероссийская коммуна
Разорила нас дотла,
Коммунистов диктатура
Нас до ручки довела.

Мы помещиков прогнали,
Ждали волюшки, земли,
Всех Романовых стряхнули,
Коммунистов обрели.

Вместо воли и землицы
Чрезвычайку дали нам,
И Советские хозяйства
Насаждали, тут и там.

Хлеб, скотину забирают,
Пухнет с голоду мужик.
У Ерёмы взяли Сивку,
У Макара и сошник...

Нет ни спичек, керосину,
Все с лучинами сидят,
При коммуне большевистской
Только карточки едят.

И восстали по России
За землицу мужики,
А в «Известиях» всё пишут:
«Взбунтовались кулаки».

Подымайся, люд крестьянский!
Всходит новая заря –
Сбросим Троцкого оковы,
Сбросим Ленина царя!..

Руководитель революционного и повстанческого движения на юге России Нестор Махно был информирован о событиях в Петрограде и Кронштадте. Его армия приветствовала восстание в

радиопередаче, переданной с использованием слабого радиооборудования, захваченного в тот период махновцами [60].

Известия о событиях в Кронштадте вызвали серьёзную обеспокоенность в Совнаркоме. Уже 1 марта было опубликовано воззвание Московского совета рабочих и красноармейских депутатов «Ко всем рабочим города Москвы и губернии, ко всем крестьянам и красноармейцам, всем честным гражданам», в котором разъяснялись причины временных хозяйственных трудностей. Сам документ заканчивался призывом «Долой провокаторов Антанты! Не забастовки, не демонстрация, а дружная работа на фабриках, мастерских и железных дорогах выведет нас из нищеты, спасет нас от голода и холода!» [57,61].

3 марта было опубликовано специальное постановление в связи с событиями в Кронштадте, подписанное Лениным и Троцким и принятое днём ранее Советом труда и обороны. Царский генерал Козловский обозначался в постановлении руководителем мятежа, а его сподвижники объявлялись преступниками. Жену и детей генерала сотрудник ВЧК взяли в качестве заложников. При этом резолюция мятежников была охарактеризована как «черносотенно-эсеровская».

Этим же документом Петроград и Петроградская губерния переходили на осадное положение, а вся полнота власти в Петроградском укрепленном районе передавалась в руки Комитета обороны Петрограда. С этого дня все городские кварталы патрулировались вооружёнными отрядами, а на стенах домов были вывешены объявления с полным запретом всяких собраний. Нарушившим это предписание полагался расстрел непосредственно на месте [62,63].

Для руководства подавлением восстания в Петроград прибыли ведущие большевистские руководители того периода. В бывшую столицу приехал главнокомандующий всеми Вооружёнными силами РСФСР (главком) Сергей Каменев. Сюда же прибыл и председатель Революционного военного совета (Реввоенсовета) Лев Троцкий [37].

2.2. Реакция среди эмигрантов. Пресса

Русские эмигранты, относительно недавно покинувшие территорию бывшей Российской империи в связи с революционными событиями и Гражданской войной, приветствовали восстание в Кронштадте и заявляли о стремлении помочь мятежникам.

Рис. 9. Капитан 1-го ранга, барон П. Н. фон Вилькен (1920).

При этом Эврич отмечал, что обвинения со стороны правительства Советской России в организации эмигрантами самого восстания нельзя назвать справедливыми – «заговорщики» не сыграли существенной роли в начале самого восстания. Кроме капитана 1-го ранга Российского императорского флота, барона Павла фон Вилькена, прибывшего из Финляндии 16 марта, за всё время восстания у матросов не было непосредственных контактов со своими потенциальными сторонниками за рубежом. Тут можно отметить, что сам барон Вилькен был хорошо знаком многим морякам в Кронштадте, поскольку в период Первой мировой войны, с 1917 по 1918 год, он непосредственно командовал линкором «Севастополь» [64,65].

При этом, согласно Советской военной энциклопедии (СВЭ), в Ревель (Таллин) в период восстания прибыл лидер партии эсеров Виктор Чернов, пославший своего представителя в Кронштадт [19,66].

Реакция международной прессы на Кронштадтское восстание была сформирована идеологическими разногласиями и «геополитической напряженностью», окружавшей в то время Советскую Россию. Само восстание привлекло значительное внимание иностранных средств массовой информации, особенно в Западной Европе.

Западные СМИ и европейские интеллектуалы часто выражали сочувствие кронштадтским мятежникам, изображая их как жертв большевистского авторитаризма. Восстание рассматривалось как символическая борьба за демократический социализм против советских репрессий. Требования мятежников, включавшие свободу слова, печати и собраний, нашли отклик в либеральных и социалистических кругах за рубежом. Однако освещение событий варьировалось в зависимости от политических пристрастий авторов. Некоторые печатные издания рассматривали восстание прежде всего как очевидное свидетельство внутренней нестабильности в РСФСР.

Американская пресса сообщала своим читателям о требованиях восставших матросов. Она также сообщала и о заявлениях большевиков о том, что восстание было организовано контрреволюционными силами, включая генералов Белой гвардии и иностранные разведывательные службы – такие как французские. Эти обвинения часто игнорировались как пропаганда, направленная на дискредитацию подлинного низового инакомыслия в стране советов.

Несмотря на значимость восстания, оно не помешало советским дипломатическим усилиям, таким как переговоры по Советско-английскому торговому соглашению (1921) или Рижскому договору между РСФСР, УССР и Польской Республикой. Западные правительства были больше сосредоточены на прагматичных отношениях с Советской Россией, чем на поддержке внутренних восстаний и мятежей. Хотя в западных СМИ и существовало сочувственное освещение, не было никаких скоординированных международных усилий по оказанию существенной помощи мятежникам. Это расхождение будет часто повторять и после 1920 года: оно подчеркивало как глобальный интерес к внутрисоветским делам, так и пропагандистские «баталии» первой половины XX века.

2.3. События 2-6 марта

В ночь со 2 на 3 марта ВРК решил направить небольшой отряд в количестве 250 человек в Ораниенбаум, из которого комитет получил известия о присоединении Морского воздушного дивизиона. Но восставшие были встречены пулеметным огнем [67].

Более активные действия не получили поддержки среди восставших. Среди предложений, поступавших от офицеров крепости, были:

- (i) освобождение с помощью корабельных орудий «Петропавловска» и «Севастополя», скованных зимним льдом;
- (ii) совершение набега на соседнюю с островом паровую мельницу для пополнения запасов продовольствия;
- (iii) обнесение крепости рвом;
- (iv) непосредственный поход на Петроград.

Историк Эврич, ссылаясь на мнение генерала Козловского, объяснял отказ от активных действий «независимым характером моряков и их традиционной ненавистью к офицерству».

При этом моряки согласились вести пропаганду среди петербуржцев. Однако, из двух сотен агитаторов, направленных из Кронштадта в Петроград и близлежащие районы с копиями резолюции, принятой на «Петропавловске», практически все были арестованы большевиками. Буквально единицам удалось избежать ареста – см. также ниже о судьбе агитаторов и руководителей после разгрома выступления [68].

Дезинформация производилась уже во время самих событий. Согласно Кибальчичу, в ночь со 2 на 3 марта его разбудил телефонный звонок шурина Зиновьева – Ильи Ионова, – который сообщил, что Кронштадт во власти «белых» и они все мобилизованы. Организатором мятежа был назван генерал А. Н. Козловский. Также с раннего утра на пустых улицах города он заметил расклеенные листовки с призывом пролетариата к оружию, гласящие о заговоре Козловского в Кронштадте. Кибальчич был уверен, что придумать «белого генерала Козловского» мог только Калинин [69].

По советским данным (см. раздел «советская историография» ниже), 3 марта в крепости был образован штаб обороны, который возглавил бывший капитан Е. Н. Соловьянинов, а в его состав вошли военные специалисты: командующий артиллерией крепости, генерал Козловский [70], контр-адмирал С. Н. Дмитриев, офицер генерального штаба Б. А. Арканников [41].

Кронштадтцы пытались добиться открытых и гласных переговоров с властями. Однако позиция последних с самого начала событий была однозначной: никаких переговоров или уступок. Восставшие должны были сложить оружие безо всяких условий. Так делегация кронштадтцев, прибывшая в Петроград для разъяснения требований матросов, солдат и рабочих крепости, была арестована.

Рис. 10. Нарком Л. Д. Троцкий на Красной площади (1920-е).

Советские власти не были расположены к ведению переговоров, поскольку они ещё в феврале выдвинули ультиматум: «или вы приходите в чувство, или ответите за содеянное». При этом власти всё же вели телефонные переговоры с членами ВРК, безуспешно убеждая их в безвыходности положения мятежников [71,72].

4 (или 5) марта Комитет обороны Петрограда предъявил Кронштадту ультиматум. Лев Троцкий прямо потребовал от мятежных моряков «немедленной и безоговорочной капитуляции». Точнее, 5 марта Троцкий – как председатель Реввоенсовета – подписал приказ о подавлении мятежа, в котором содержалось предупреждение мятежникам: если в течение 24 часов мятеж не будет прекращён, против крепости будут открыты военные действия с использованием регулярных частей Красной Армии. В тот же день он выпустил обращение «К гарнизону и населению Кронштадта и мятежных фортов», в котором он предлагал «всем поднявшим руку против Социалистического Отечества немедленно сложить оружие» [73].

К гарнизону и населению Кронштадта и мятежных фортов

Обращение РВС и командования Красной Армии

Рабоче-крестьянское правительство постановило:

вернуть незамедлительно Кронштадт и мятежные суда в распоряжение Советской Республики.

Посему приказываю

Всем поднявшим руку против Социалистического Отечества немедленно сложить оружие.

Упорствующим обезоружить и передать в руки советских властей.

Арестованных комиссаров и других представителей власти немедленно освободить.

Только безусловно сдавшиеся могут рассчитывать на милость Советской Республики.

Одновременно мною отдается распоряжение подготовить все для разгрома мятежа и мятежников вооруженной рукой.

Ответственность за бедствия, которые при этом обрушатся на мирное население, ляжет целиком на головы белогвардейских мятежников.

Настоящее предупреждение является последним.

*ЦА ФСБ РФ, ф. 114728,
т. 2, л. 2. Копия*

В тот же день в крепости состоялось заседание делегатского собрания, на котором присутствовали 202 человека. Ими было принято решение защищаться. По предложению Петриченко состав ВРК был увеличен с 5 до 15 человек. Всего же на стороне восставших сражалось около 15 тысяч человек: примерно 13 тысяч матросов и солдат, а также – две тысячи гражданских лиц. До начала штурма крепость покинули более четырёх сотен «перебежчиков» [74-76].

По советским данным, по состоянию на 12 марта, силы мятежников насчитывали 18 тысяч солдат и матросов, 100 орудий береговой обороны (с учётом корабельных орудий линкоров «Севастополь» и «Петропавловск» – до 140 орудий) и свыше 100 пулемётов [77].

5 марта года приказом Реввоенсовета № 28 была восстановлена 7-я армия под командованием М. Н. Тухачевского, которому предписывалось подготовить оперативный план штурма и «в кратчайший срок подавить восстание в Кронштадте». Штурм крепости был назначен на 8 марта. Именно в этот день, после нескольких переносов, должен был открыться X съезд РКП(б). Сжатые сроки подготовки операции диктовались и тем, что ожидаемое вскрытие от льда Финского залива могло существенно осложнить взятие островной крепости [78].

«Кронштадтский мятеж – серьезнейшая со времени революции внутренняя угроза режиму – подтвердил справедливость опасений Ленина и всех требований сомкнуть партийные ряды» [79]. Собрать силы для штурма было непросто. Так 7 марта 1921 года силы 7-й армии насчитывали 17,6 тысяч лояльных большевикам красноармейцев. В Северной группе было 3683 бойца, в Южной группе – 9853 бойца, в резерве – около 4-х тысяч. Основной ударной силой являлась сводная дивизия под командованием Павла Дыбенко, в состав которой вошли 32-я, 167-я и 187-я бригады РККА. Одновременно началось выдвижение к Кронштадту 27-й Омской стрелковой дивизии [80].

2.4. Первый штурм

7 марта в 18:45 артиллерийские батареи на Лисьем Носу и в Сестрорецке открыли заградительный огонь – в основном по отдалённым фортам крепости – призванный ослабить мятежников и облегчить наступление РККА. После ответных залпов в артиллерийский поединок вмешалась батарея на Красной Горке, а следом открыли огонь 305-миллиметровые орудия линкора «Севастополь».

В результате развязанной артиллерийской дуэли, в частности, был повреждён участок железной дороги, проходившей между Ораниенбаумом и Петергофом. Начало обстрела мятежной крепости было отмечено жителями Петрограда, включая Александра Беркмана, который был ошеломлен произошедшим [81].

После артиллерийской подготовки была предпринята первая попытка взять крепость штурмом. На рассвете 8 марта северная и южная группы пошли в атаку на Кронштадт. При этом некоторые из красноармейцев – как, например, отряд курсантов из Петергофа – перешли

на сторону мятежников. Другие же отказались выполнять приказы и отступили. Согласно докладу комиссара северной группы войск, несколько красноармейцев посетили крепость до штурма. В целом, солдаты хотели направить свою делегацию в Кронштадт для ознакомления с требованиями, выдвинутыми мятежниками [82].

Несмотря на уверенность Ленина в успехе прямого штурма, он не принёс никаких результатов. Войска, лояльные большевикам с заметными потерями отступили на свои исходные рубежи [19].

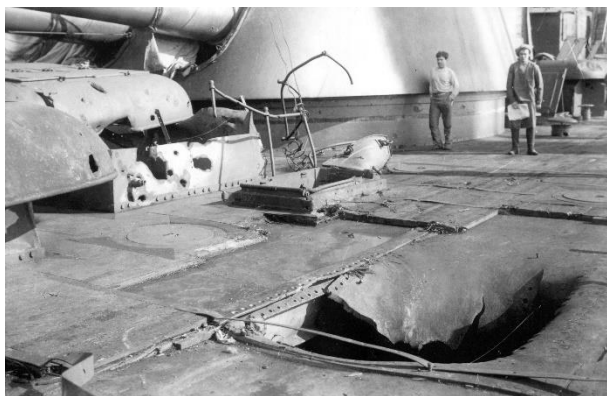

Рис. 11. Разрушение на линкоре «Петропавловск» (март 1921).

Уже днём был сделан первый налёт советской авиации на остров Котлин. Под плотным зенитным огнём были совершены попытки нанесения бомбовых ударов по батареям и кораблям мятежников. Согласно данным из эмигрантского источника, один советский самолёт был сбит и упал в Финский залив [83-85].

После неудачного штурма «Известия ВРК» выпустили передовицу под заголовком «Пусть знает весь мир». В данном тексте Временный Революционный Комитет предъявил «фельдмаршалу» Троцкому обвинение в развязывании кровопролития [86].

Советские лидеры были вынуждены признать свою неудачу. 9 марта Каменев в своей речи на съезде сообщил, что подавить мятеж сразу не удалось. Он также отметил, что военное положение в РСФСР оказалось сложнее, чем ранее предполагалось [87].

Как отмечал К. Е. Ворошилов, после неудачного штурма «политико-моральное состояние отдельных частей вызывало тревогу». Так

два полка 27-й Омской стрелковой дивизии (235-й Минский и 237-й Невельский) отказались участвовать в сражении и были разоружены. Эта дивизия успешно сражалась против колчаковцев и белополяков, но отказалась повиноваться приказу о переброске под Ораниенбаум. Мятежники из числа солдат дивизии прямо призывали своих однополчан «идти в Петроград бить евреев» [80].

Примерно в то же время были арестованы и под конвоем отправлены в Петроград все участники антибольшевистского заговора, имевшего место в Петергофе – в Петергофском командном училище [88]. См. также более ранние заговоры, связанные с такими антибольшевистскими организациями как «Правый центр», «Национальный центр», «Союз возрождения России» (СВР), «Союз защиты родины и свободы» и другими группами.

2.5. События 8-18 марта. Второй штурм

При подготовке ко второму штурму численность пробольшевистской группы войск была доведена до 24 тысяч пштыков при 159 орудиях и 433 пулемётах. Части РККА были реорганизованы в два оперативных соединения. Первой была Северная группа (командующий Е. С. Казанский, комиссар Е. И. Вегер), наступавшая на Кронштадт с севера по льду залива, с участка побережья от Сестрорецка до мыса Лисий нос. Второй стала Южная группа (командующий А. И. Седякин, комиссар К. Е. Ворошилов), наступавшая с юга, из района Ораниенбаума. К 16 марта общая численность всей 7-й армии была доведена до 45 тысяч человек [41,77].

В действующие части для усиления направили отряд сотрудников петроградской губернской милиции – из них в штурме приняли участие 182 сотрудника Ленинградского уголовного розыска. Туда же было направлено около трёхсот делегатов X съезда партии – включая вызвавшихся добровольно лидеров рабочей оппозиции и фракции демократического централизма. Более тысячи (1114) простых коммунистов и три полка курсантов нескольких военных училищ также стали участниками второго штурма. Кроме того, была проведена разведка, подготовлены белые маскхалаты, доски и решётчатые мостки для преодоления ненадёжных участков ледяной поверхности [89-91].

Перед вторым штурмом Тухачевский отдал приказ о применении против восставших химического оружия: мятежные линкоры предполагалось обстрелять снарядами с «удушающими газами». Приказ будущего маршала Советского Союза не был исполнен в связи с погодными условиями. Позже, летом 1921 года, Тухачевский, по ряду свидетельств, использовал химическое оружие при подавлении Тамбовского восстания. В своих воспоминаниях, опубликованных через пять лет, он не упоминал ни об одном из этих случаев [92,93].

Рис. 12. Подавление выступления: Красная армия атакует Кронштадт по льду Финского залива (март 1921).

Второй штурм начался в ночь на 16 марта 1921 года. По данным Эврича это произошло 17 марта, в 3 часа утра [94]. До начала боя атакующие сумели скрытно занять форт № 7 (оказавшийся пустым), однако соседний форт № 6 оказал продолжительное и ожесточённое сопротивление, существенно задержав атакующих.

Форт № 5 сдался после начала артиллерийского обстрела, но до того, как к нему подошла штурмовая группа. Гарнизон форта не оказал сопротивления, а курсантов встретили возгласами «Товарищи, не стреляйте, мы тоже за Советскую власть». Однако соседний форт № 4 держался несколько часов и в ходе штурма атакующие пробольшевистские части понесли тяжёлые потери [91,95].

С тяжёлыми боями войска овладели также фортами № 1, № 2, «Милютин» и «Павел». При этом батареею «Риф» и батареею «Шанец» защитники покинули ещё до начала штурма. По льду залива они ушли в соседнюю Финляндию, оставив позицию пустой [80].

В середине дня 17 марта 1921 года, 25 советских самолётов совершили налёт на штаб мятежников – линкор «Петропавловск». После захвата фортов красноармейцы ворвались в крепость, где начались ожесточённые уличные бои. К 5 часам утра 18 марта сопротивление кронштадтцев в целом было сломлено [41,77,96].

18 марта 1921 года штаб восставших принял решение уничтожить линкоры (вместе с пленными, находившимися в трюмах) и прорываться в Финляндию. Штабисты приказали заложить несколько пудов взрывчатки под орудийные башни, однако это распоряжение вызвало возмущение у матросов – поскольку руководители мятежа уже сбежали в тот момент за границу, в ту же Финляндию [96].

На «Севастополе» «старые» матросы разоружили и арестовали восставших, после чего выпустили из трюма коммунистов и радировали на берег, что на корабле восстановлена Советская власть. Некоторое время спустя, после начала артиллерийского обстрела сдался и линкор «Петропавловск», который к тому моменту уже покинуло большинство наиболее активных мятежников [80].

По данным советских источников, штурмующие потеряли 527 человек убитыми и 3285 ранеными. При штурме было убито около одной тысячи мятежников, свыше двух тысяч было «ранено и захвачено в плен с оружием в руках». Кроме того, более двух тысяч повстанцев сдались в плен, а около восьми тысяч – перешли границу с Финляндией. Все беженцы из РСФСР, в том числе члены штаба и Ревкома, содержались в специальных лагерях для беженцев под надзором финской полиции. Позднее в июле того же года всех их перевели в форт «Туркинсаари» на острове Туркинсаари (Овчинный), расположенном у северного побережья Выборгского залива [77].

Эти цифры оспариваются в литературе. Так согласно утверждению американского консула в Выборге Гарольда Куартона (Harold B. Quarton) общие советские потери в результате восстания составили около десяти тысяч человек. Большая российская энциклопедия (БРЭ) приводит потери в войсках Петроградского военного округа в 1,9 тысяч убитых и 1,2 тысяч раненых [37].

В ходе мятежа также погибли около пятнадцати делегатов Десятого съезда. 24 марта они, вместе с другими погибшими, были с воинскими почестями похоронены в Петрограде (см. раздел «Память») [97].

2.6. Судьба лидеров восстания

Глава ВРК Степан Петриченко

Судьба лидера кронштадтского Ревкома Степана Петриченко заметно контрастирует с дальнейшей судьбой большинства бежавших в Финляндию участников восстания, о которых после 1921 года практически ничего не известно. Степан Максимович Петриченко (1892–1947) родился в семье малоземельного крестьянина в деревне Никитенка Жиздринского уезда Калужской губернии. Через два года после его рождения семья Петриченко переехала в город Александровск (сегодня – Запорожье), где Степан окончил двухклассное городское училище. Затем он поступил на работу на местный металлургический завод – стал рабочим-металлистом.

Перед началом Первой мировой войны, в 1913 году, Степан Петриченко был призван на военную службу и отправлен на линкор «Петропавловск», входивший в состав Балтийского флота – части Российского императорского флота. Во время Февральской революции в России Петренко находился с флотом на Эстонском острове Нарген (сейчас – Найссаар). После Октябрьской революции, в декабре 1917 года, на острове была провозглашена Советская республика матросов и строителей. Воодушевленные революционными идеалами, восемь десятков военных моряков и около двух сотен коренных островитян организовали местное самоуправление, которое просуществовало до захвата Таллина войсками кайзеровской Германии – то есть, до 26 февраля 1918 года. При приближении германских войск руководители Наргенской республики и большая часть матросов с кораблей эвакуировались в свою основную базу – в Кронштадт – ввиду бессмысленности сопротивления превосходящим силам противника.

В Кронштадте Петриченко стал служить на линкоре «Петропавловск» военным писарем. По ряду источников он имел авторитет среди местных матросов. По вопросу о заключении Брестского мира (см. вторую книгу данной серии) он не поддержал политику

большевиков, однако позднее заявил о признании своей ошибки в данном вопросе. В «партийную неделю» 1919 года он вступил в РКП(б), но вскоре выбыл из большевистской партии в ходе партийной перерегистрации. Летом 1920 года после своего возвращения с побывки (отпуска) в Александровске, Петриченко хвалил махновщину, однако анархистом по убеждениям не стал.

В марте 1921 года, с началом матросских волнений в Кронштадте, Степан Петриченко возглавил ключевой орган руководства восстанием – Временный революционный комитет. По мнению многих авторов, особых политических талантов Петриченко в тот период не проявил. После подавления мятежа он был среди тех, кто пешком ушёл через замерзший залив в Финляндию.

По данным Христофорова (см. также выше), все беженцы, в том числе члены ВРК, содержались в лагерях для беженцев под надзором финской полиции. На каждого из них была заведена отдельная учетная карточка, в которой были указаны: установочные данные, дата и место рождения, гражданство, политическая деятельность и партийная принадлежность. В учетной карточке Петриченко было зафиксировано: «Петриченко Степан Максимович, бывший военный писарь, маляр; гражданство: бывший российский гражданин, кронштадтский беженец; партийность: социалдемократ, отметки о политической деятельности: председатель Совета Кронштадтского восстания 1921 г.». Несколько позднее на той же карточке появилась еще одна запись о роде занятий Петриченко: «Руководитель Российского культурно-демографического объединения (1945 г.)».

В Финляндии Степан Петриченко начал работал на местных лесопильных заводах – стал плотником. Точнее, в июле 1921 года финские власти перевели всех российских беженцев в форт «Туркинсари», где 22 мая 1922 года Петриченко был арестован местной полицией по доносу о шпионаже в пользу ВЧК – согласно докладу служащего финского полицейского сыска О. Карлссона. Лидер ВРК был отправлен в изолятор на севере Финляндии; по другим данным, в течение двух месяцев он содержался в Выборгской следственной тюрьме.

По мнению финского исследователя Л. Вестерлунда⁵, после приезда в Финляндию Петриченко предложил свои услуги многим антибольшевистским группам, начиная с тех, кто был готов платить больше, – от крайне правых монархистов до левых эсеров. Так осенью 1921 года его руководителем стал глава Союза защиты Родины и Свободы (Народного союза защиты родины и свободы) Борис Савинков. Когда представитель Савинкова, Эльвенгрен, остался без финансовых средств, Петриченко начал – при посредничестве генерал-майора Северина Добровольского – работать на организацию эсера Николая Чайковского, дислоцировавшуюся во Франции, в Париже.

В тот период Петриченко блокировал намерение «белой» эмиграции в Хельсинки направить кронштадтских «добровольцев» в Советскую Карелию для организации нового восстания. Одновременно, он помогал организовывать боевые отряды для отправки кронштадтцев в «красный» Петроград. Петриченко также призывал не подчиняться приказу генерала Врангеля о включении отряда бывших кронштадтцев в армию, находившуюся в Турции. Когда в начале 1922 года постановлением ВЦИК рядовым участникам восстания была объявлена амнистия, Петриченко не чинил препятствий желавшим вернуться на родину и сам намеревался это сделать.

Так всего через год после кронштадтских событий, в апреле 1922 года, Петриченко предложил свои услуги и финским представителям советской госбезопасности – работникам ВЧК.

Однако, как отмечал профессор Христофоров, данные Вестерлунда несколько расходятся как с мнением других (полу)профессиональных исследователей, так и с официальной версией советской внешней разведки. Так, в книге «Очерки советской внешней разведки» отмечалось, что сотрудничество советских властей с Петриченко началось лишь после того, как он обратился в советское консульство в столице Латвии, в Риге, с просьбой о помощи в возвращении в СССР (см. ниже). Писатель-историк и переводчица из Хельсинки Элеонора

⁵ Westerlund L. Polle Russen som blev faktisk overbefalhavare / Generallojtnanten Paul von Gerich 1873–1951. Del 1. Helsingfors, 1997. S. 166–169.

Иоффе также сообщала в 2010 году⁶, что Петриченко был завербован советской разведкой в середине 1920-х годов.

В любом случае, на определённом этапе своей биографии бывший лидер антибольшевистского выступления в Кронштадте стал активным помощником ОГПУ. Чекисты дали Петриченко проверочное задание и после успешного его выполнения закрепили на постоянной агентурной работе по месту его проживания в Финляндии. Он стал частью сети Чрезвычайной Комиссии Петроградской губернии.

Формально после освобождения из заключения финские власти направили Петриченко на постоянное жительство в Улеаборгскую губернию (губерния Оулу), где он и находился до 1924 года. В городе Улеаборг (Оулу), расположенном в северо-восточной части Ботнического залива, Петриченко работал на лесопильном заводе в качестве чернорабочего, а затем — переехал в небольшой посёлок Партаниemi. Здесь он проживал практически до конца НЭПа, до 1927 года, после чего вместе со своей семьей перебрался через залив в соседнюю Латвийскую Республику (Латвию). В августе 1927 года он подал заявление на имя Калинина с просьбой вернуть ему советское гражданство и разрешить вернуться на территорию СССР.

Затем Петриченко вернулся в Финляндию, где устроился на работу на целлюлозную фабрику, располагавшуюся в городе Кемь (бывший Кемский городок). Здесь он работал до своего сокращения в 1931 году. После этого Петриченко переехал в финскую столицу — в город Хельсинки, где проживал до начала Великой отечественной войны, до 1941 года. В период Большого террора, в 1937 году, он заявил о своём отказе от сотрудничества с советской разведкой, однако затем снова согласился продолжить работу.

Через него в СССР поступала информация об антисоветских планах и замыслах белоэмигрантских организаций, обосновавшихся в Финляндии. Он раскрывал чекистам их контакты с единомышленниками в других странах Европы и передавал сведения о самой финской разведке и контрразведке. Как и другие советские разведчики (шпионы), до пакта Молотова-Риббентропа Петриченко был ориентирован на работу против гитлеровской Германии. В начале 1941 года от него

⁶ Иоффе Э. Слуга двух господ // Звезда: журнал. 2010. №12. С.104—129.

поступило несколько сообщений о подготовке Германии и Финляндии к войне с СССР. Так 19 января 1941 года он сообщил данные как о военных приготовлениях самой Финляндии, так и о прибытии и размещении в стране германских офицеров. Он также сообщал о концентрации германских дивизий в бывшей Польше, разделённой в тот момент между Третьим Рейхом и СССР.

В марте Петриченко информировал своих советских кураторов о прибытии в район Петсамо (Печенга) целой германской дивизии, а некоторое время спустя — о получении финскими резервистами военного обмундирования, что означало практически полное приведение их в мобилизационную готовность.

Рис. 13. Фотография из дела С. М. Петриченко после его экстрадиции из Финляндии в Советский Союз (НКВД, апрель 1945).

Непосредственно 21 июня 1941 года Степан Петриченко был арестован финскими властями «по подозрению в участии в деятельности, представлявшей угрозу безопасности государства». В этот же день его поместили в центральную тюрьму Хельсинки. Позднее он находился в заключении в лагерях в Кёюлиё и Карвиа.

В тот период Петриченко сообщал сокамерникам, что не только не одобрял нападения Германии на СССР, но и «с отвращением вспоминал германскую оккупацию Украины в 1918 г., отрицательно

относился к национал-социализму». По мнению лиц, находившихся одновременно с Петриченко в финском заключении, он в действительности являлся «убеждённым русским патриотом».

После выхода Финляндии из Второй мировой войны Петриченко был освобожден из заключения. Это произошло 23 сентября 1944 года. Точнее, 25 сентября – на основании соглашения о перемирии между СССР, Великобританией и Финляндией – Петриченко был освобождён и ему было разрешено продолжить жить в Финляндии.

Однако, на первых послевоенных парламентских выборах, прошедших в Финляндии в марте 1945 году, победу одержали левые про-советские силы. Так министром внутренних дел страны стал коммунист Юрьё Лейно: полицию того периода в Финляндии называют «красной». 20 апреля 1945 года новый министр внутренних дел Финляндии получил список из 22-х русских эмигрантов, утверждённый советским генерал-полковником Андреем Ждановым. Людей в списке требовалось немедленно арестовать и передать советской стороне.

В списке значились бывшие офицеры-монархисты, такие как генерал Добровольский, ротмистр Дмитрий Кузьмин-Караваев, капитан Кирилл Пушкарев, лейтенант флота Борис Бьёркелунд. В тот же ряд попал и экс-руководитель Временного Революционного комитета Кронштадтского восстания Степан Петриченко. И в ночь на 21 апреля он был задержан сотрудниками финской государственной полиции, а уже утром вместе с двадцатью другими задержанными был на самолете отправлен непосредственно в Москву. По прибытии всех фигурантов доставили в Главное управление контрразведки НКВД «Смерш» и поместили во Внутреннюю тюрьму НКВД СССР.

Допросы Петриченко начались уже через два дня, 23 апреля. Одним из первых вопросов, заданных следователем, был вопрос об его участии в «Кронштадтском мятеже». На это Петриченко ответил, что 28 февраля 1921 года он был избран в состав Кронштадтского Ревкома и назначен его председателем:

«Вновь избранный комитет встал на контрреволюционный путь и организовал Кронштадтский вооруженный мятеж против Советской власти. Таким образом, будучи председателем так называемого Революционного комитета, я являлся одним из организаторов и руководителей контрреволюционного мятежа в Кронштадте. Когда мятеж силой оружия Красной Армии был подавлен, я, боясь ответственности, вместе с другими его участниками бежал за границу».

Следователь также требовал от бывшего главы ВРК назвать как белоэмигрантов, поддерживавших контакты с финской разведкой, так и членов финляндского отделения воинской организации Белой эмиграции «Русский общевойсковой союз» (РОВС).

24 апреля 1945 года начальник ГУКР НКО «Смерш» Виктор Абакумов формально утвердил постановление на арест Петриченко, который в тот же день был санкционирован заместителем Главного военного прокурора РККА Алексеем Румянцевым. В арестном постановлении отмечалось, что Петриченко в 1921 году являлся руководителем «Кронштадтского мятежа», бежал за границу и проживал в Финляндии, где вступил в антисоветскую организацию РОВС, которая нацеливалась на совершения террористических актов и свержение Советской власти. Петриченко, согласно данному постановлению, занимался переброской боевиков РОВС на советскую территорию. «Принимая во внимание, что, находясь на свободе, Петриченко может уклониться от следствия и суда», ему была избрана мера пресечения в виде содержания под стражей. Таким образом, был запущен формальный механизм предварительного следствия по делу.

На допросе 3 мая следователь задал Петриченко вопрос о том, как было организовано Кронштадтское восстание. На это арестованный ответил, что «контрреволюционным мятежом в Кронштадте руководил так называемый Временный Революционный комитет, созданный 2 марта 1921 г. Однако еще до создания этого комитета контрреволюция – эсеры, меньшевики и анархисты – продолжительное время подготавливали Кронштадтский мятеж». Петриченко сообщил следователю о том, что 1 марта 1921 года был организован масштабный митинг всего личного состава Кронштадтского гарнизона, на котором была принята резолюция (см. выше), а на следующий день было назначено делегатское собрание для перевыборов местного совета. Он добавил, что на делегатское собрание явились враждебно настроенные к большевикам лица, именовавшиеся «представителями» воинских частей, фабрик, заводов и учреждений города Кронштадт. Делегатское собрание открыл сам Петриченко и он же был выбран его председателем, а затем – стал председателем Ревкома.

На трёх майских допросах, проходивших 5, 12 и 14 числа следователь интересовался деталями борьбы Ревкома против Советской власти. Следствие интересовало, какое участие Петриченко принимал в издании газеты «Известия Временного Революционного комитета

матросов, красноармейцев и рабочих города Кронштадта»? Следователь также не оставил без внимания и международный аспект дела. Так он задавал вопрос, какую помощь мятежному Кронштадту оказывала международная контрреволюция и о том, чем Петриченко занимался после 1921 года в Финляндии?

На вопрос о международном участии Петриченко ответил, что «Англия и Финляндия ничего реального в оказании помощи нам не обещали, хотя мы и возлагали на них большие надежды. От имени белоэмигрантского центра, который возглавлялся Врангелем, выступил Бунаков и предлагал в помощь Кронштадту выставить вооруженную силу – остатки Белой армии, эмигрировавшей из России. Однако от такого предложения я отказался, понимая, что с прибытием в Кронштадт белогвардейцев они обязательно постараются командование крепостью взять в свои руки, чего не хотел Ревком».

В итоге, 15 мая 1945 года бывшему главе ВРК Петриченко был предъявлен целый список обвинения, за каждым из которых мог последовать смертный приговор. Среди прочего Петриченко обвинялся в том, что, находясь на военной службе в советском Балтийском флоте, он возглавил Кронштадтский мятеж, направленный против Советской власти. Проживая в Финляндии, он, согласно документам обвинения, состоял членом антисоветской организации РОВС и в Русской колонии читал перед эмигрантами антисоветские лекции. Он также обвинялся в связях с финской разведкой.

Петриченко признал себя виновным по всем пунктам предъявленного ему обвинения. 6 сентября был составлен окончательный протокол, в котором собранные данные признавались достаточными для предания его суду. В этот же день Абакумов утвердил обвинительное заключение по статьям 58-8 и 58-11 УК РСФСР, а также и по статьям 58-1б и 58-4. В качестве меры наказания обвинение предлагало заключение Петриченко на десять лет в исправительно-трудовые лагеря. 1 октября один из заместителей главного военного прокурора Красной Армии утвердил обвинительное заключение.

17 ноября дело против Петриченко было рассмотрено на Особом совещании при НКВД СССР без присутствия обвинения и защиты. «За участие в контрреволюционной террористической организации и принадлежность к финской разведке», Петриченко был приговорен к десяти годам ИТЛ, считая срок с апреля. Через неполные два года, 26 июля 1947 года, Особое совещание при МГБ СССР рассмотрело

архивно-следственное дело и постановило: «Во изменение постановления Особого совещания при НКВД СССР от 17 сентября 1945 г. Петриченко Степану Максимовичу срок наказания исправительно-трудовой лагерь заменить заключением в тюрьму на тот же срок».

С датой смерти Степана Петриченко в литературе, по состоянию на 2017 год, существуют разночтения. Так, в книге «Очерки советской внешней разведки» сообщалось, что он умер в Соликамском лагере в июле 1947 года. Однако, начальник ОУРЗ Соликамлага МВД 26 августа 1947 год сообщил в московский отдел «А» МГБ СССР, что Петриченко умер на месяц раньше, 2 июня 1947 года. Иногда также встречается информация о смерти Петриченко во время его этапирования из Соликамского лагеря во Владимирскую тюрьму.

Рис. 14. Глава ВРК С. М. Петриченко (третий слева) среди оппозиционеров и эмигрантов в Финляндии (1921).

Отдельную сложность вызвала реабилитация Степана Петриченко. Согласно указу президента РФ Бориса Ельцина (см. ниже) репрессии в отношении матросов, солдат и рабочих, основанные на обвинениях в вооруженном мятеже, были признаны незаконными и противоречащими основным гражданским правам. Как отмечал Христофоров, деятельность Петриченко в период Кронштадтских событий подпадала под действие российского указа. В то же время главный

военный прокурор Михаил Кислицын в своём протесте (в порядке надзора) по делу Петриченко отметил, что сам Петриченко был заключен в лагерь за принадлежность к финской разведке.

31 августа 2001 года президиум 4-го окружного военного суда в Москве рассмотрел в открытом судебном заседании протест военного прокурора и полностью согласился с доводами прокуратуры. Российские судьи отметили, что Петриченко, «проживая после разгрома Кронштадтского мятежа на территории Финляндии и опираясь на установленные в ходе него связи с представителями разведок Англии и Финляндии, в период 1921–1922 гг. тесно сотрудничал с представителями финской разведки. Петриченко осуществлял подбор кандидатур из числа бывших участников Кронштадтского мятежа для засылки на территорию СССР в разведывательных целях. В 1921 г. им лично была организована засылка в г. Ленинград трех агентов для участия в “Таганцевском” заговоре, а в 1922 г. еще двух.»

Таким образом российский суд, проходивший в начале XXI века, оставил без внимания тот факт, что «дело Таганцева» уже было признано сфальсифицированным органами ОГПУ, а все его участники к тому моменту уже были реабилитированы. Профессор Христофоров также обращал внимание на то, что «ни при рассмотрении уголовного дела С.М.Петриченко в 1945 г., ни при его пересмотре в 2001 г., к сожалению, не был исследован вопрос о характере сотрудничества Петриченко с советской внешней разведкой, какие ему давались задания, какая линия поведения ему отрабатывалась, например, при внедрении в “Российский общевойсковой союз” (РОВС), какая у него была легенда и т.п. Вполне возможно, что его активное участие в деятельности РОВС было связано с работой на советскую разведку, а посещение [белоэмигрантских] собраний, подготовка и выступление с антисоветскими докладами среди русских эмигрантов являлись частью его легенды и отработанной линией поведения».

Член ВРК Сергей Вершинин

Сергей Степанович Вершинин (1897–1921) перед Кронштадтскими событиями, с 1916 года, являлся строевым (матросом-электриком) на линкоре «Севастополь» Балтийского флота. По ряду свидетельств он являлся также и анархистом. В современных событиям советской прессе и в позднейших исторических работах в рамках

советской историографии Вершинина часто называли «уголовником». Основанием для этого было то, что он дважды был предан военному суду за оскорбление комиссара корабля.

Вершинин являлся активнейшим участником Кронштадтского восстания — он стал главным руководителем матросского выступления на линкоре «Севастополь», где вошёл в состав судового комитета, избранного в первые дни мятежа. Он также стал инициатором разоружения большевиков на своем корабле. 4 марта 1921 Вершинин был избран во Временный революционный комитет повстанцев.

Рис. 15. Трупы расстрелянных участников восстания (март 1921).

После этого он вёл активную агитационную компанию в фортах и на кораблях, а также и на предприятиях Кронштадта — заведовал агитпунктом Ревкома. Он добивался присоединения фортов и предприятий к матросскому восстанию. Среди прочих мест Вершинин посещал солдатские собрания для проведения Кронштадтской резолюции (см. выше) на форты «Риф», «Шанц» и «Красноармейский».

Уже 5 марта Вершинин организовал матросский отряд, имевший численность до трёх сотен человек, во главе которого, он, по некоторым сведениям, планировал выступить в бывшую столицу — в Петроград. В городе он намеревался поднять выступление рабочих против большевистской (советской) власти.

В ночь на 8 марта Вершинин участвовал в бою под Кронштадтом во время первого штурма крепости «красными» частями (см. выше). Утром того же дня он в одиночку выехал на Ораниенбаум, где был задержан патрулем лояльных большевикам сил. Заявил при

задержании, что он был уполномочен ВРК вести переговоры с большевистскими властями (с «красным» командованием), но мандата на этот предмет при себе не имел. Он был немедленно арестован. По советским данным, Вершинин был взят в плен в бою у Петроградских ворот в Кронштадте 8 апреля. После нескольких допросов расстрелян по приговору Петроградской ЧК.

Протокол допроса Вершинина, члена кронштадтского Ревкома

Допрос 21/III 7 ч 40 мин

На предложенные вопросы отвечаю вся эта буза началась с конца февраля, когда в Питере вспыхнула забастовка, кочегар Савченко, он же Савчук, командир 9 роты Уланов собрали собрание «Севастополь» по вопросу о Питерских забастовках и были посланы в Петроград. По приезде оттуда, кажется 1/III, они опять собрали собрание и говорили, что рабочих Питерских частью расстреляли, частью схвачены, частью отставлены от работ и просят якобы помощи от Кронштадта. Команда откликнулась. Комиссара Чистякова и Комбрига Зосимова слушали. Решили созвать бригадное собрание, оно было собрано. Я на нем не был и не знаю, кто председательствовал. На нем была вынесена резолюция, 1/III принятая затем гарнизонным собранием. В это время на «Севастополе» уже поставила команда свой от себя караул, на гарнизонном собрании кроме тт Васильева, Кузьминой Калинина выступали Шустов, кочегар с «Петропавловска», и Петриченко – он предложил резолюцию, принятую на бригадном собрании. Резолюция эта была выработана на «Петропавловске», но кем именно – не знаю. Я лично ничего не знал, что будет и как и во что все это выльется. К этому времени для ведения корабельной жизни на «Севастополе» было выбрано 9 челов Коровкин, Ососов, Перепелкин и я – остальных не помню. Представители от каждой роты по 1. После 1/III из этих 9 человек выбрали двух – меня и Перепелкина на делегатское собрание 2/111. Тут были арестованы по предложению Петриченко т. Васильев и Кузьмин и постановлено образовать из 5 чел. президиум. В президиуме был председателем Петриченко, товпредсед[ателя] Яковенко и Архипов, секретарем Тукин и Орешин, которых нарядили

переименованием в Ревком, который ушел на «Петропавловск», где и заседал. После этого на «Петропавловске» у них было закрытое собрание, на которое никого не пускали, а было только 5 человек. Так было до 6/III. 6/III опять было делегатское собрание.

Петриченко делал доклад о продовольствии, топливе и обороне, он говорил хватит на месяц, топлива тоже, оборону предлагал препоручить штабу крепости. Затем довыборы Ревкома, на который я и был избран. Были распределены функции, а я остался пришивной без функции. Посылался на форты для поднятия благонадежности и для того, чтобы поставить их в известность о случившемся. Я был на форте «Шанс» и «Риф», куда ездил я с Савченко (Савчуком). Прочитали резолюцию, арестовали коммунистов, доведя до сведения, что власть принадлежит Ревкому, предлагали сему подчиняться. Был на другой день на форту «Красноармейский» с одним матросом из «Петропавловска», с Сунцовым, — оттуда уже штаб крепости дослал команды. Когда приехали обратно в Кронштадт, началась стрельба. Было Ревкомом (Архипов, Романенко и Петриченко) мне сказано, чтобы я пошел на «Петропавловск», чтобы он, «Петропавловск», выделил лиц для [парламентских] переговоров. Я, как член Ревкома, Говоров с «Севастополя», остальные фамилии не знаю. Мандат был выдан Говорову, как человеку более развитому и умеющему хорошо говорить. Это было вечером. Мы ждали у Петроградских ворот наступающих, думали, что они пошлют делегатов и мы с ними вступим в переговоры, но не дождались. Утром 8/III началась канонада. Меня послали (Архипов, Петриченко) в Ораниенбаум. При сильном обстреле Говоров и др. не пошли тогда, я пошел один и на половинном пути [от] Ораниенбаума был задержан цепью и доставлен к Дыбенко, откуда в Особотдел.

На предложенные вопросы отвечаю: вступая в члены Ревкома, не знал, что будет делаться и как все будет. Я человек малограмотный, в политике не разбираюсь. Побудила меня отозваться на эту бузу агитация Петриченко и др., они говорили, что вот в Октябре мы кровь проливали, а теперь опять в старом положении очутились, и разожгли во мне чувство, что надо им помочь, а как и что они предлагают, я не знал и над этим не задумывался. Я был зол на заградительные отряды и видел в них все олицетворение Советской власти коммунистов. Ехал я как-то и у меня отобрали все продовольствие, а как сказал Петриченко, что он против заградительных отрядов, так я к нему и присоединился.

Ни о какой программе политической, ни о какой программе действий наших я не знаю, не слышал и не думал никогда.

Прочитано: *Вершинин*
Опросил *Фельдман*

Член ВРК Пётр Перепёлкин

Ещё меньше биографических сведений, по состоянию на 2017 год, было обнаружено исследователями и архивистами о члене Ревкома Перепёлкине. По имеющимся данным, Пётр Михайлович Перепёлкин (1891–1921) происходил родом из крестьян Тверской губернии Российской империи – он родился в деревне Воробьево Бежецкого уезда. Сегодня это Бежецкий район Тверской области.

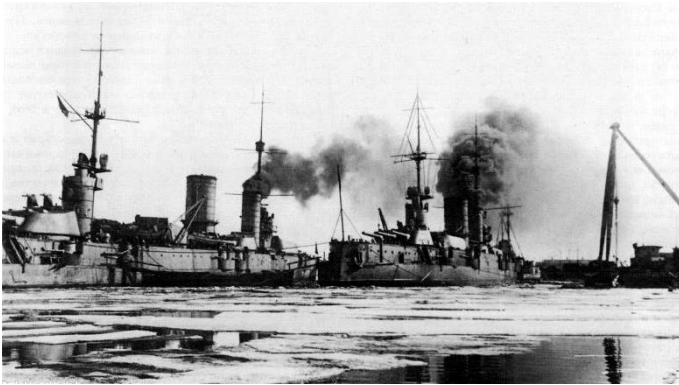

Рис. 16. Линкоры «Петропавловск» и «Севастополь» (1921).

На момент мятежа он был беспартийным: по его собственным словам, «ни в какой партии никогда не был; политические убеждения к советской власти, но против комиссародержавия». При этом в протоколе он фигурировал как анархист. Перепёлкин являлся гальванером – матросом, обслуживавшим артиллерийскую электротехнику – на линейном корабле «Севастополь».

1 марта 1921 года Перепёлкин был избран делегатом на собрании по выборам в совет – стал участником делегатского собрания. На

самом же делегатском собрании он был избран членом Ревкома. Он также состоял секретарем собрания выборных и стал заведовать Агитотделом Ревкома после взятия в плен члена Ревкома Вершинина (см. выше). В качестве заведующего Агитотделом Перепёлкин послал из крепости в воинские части, относившиеся к Петроградскому гарнизону, пять десятков человек с агитационной литературой.

В протоколе ВЧК указано, что «когда поднимался вопрос об отступлении, то [Пётр Перепёлкин] настаивал на взрыве замков у орудий». Он был арестован на линкоре «Севастополь», когда приехал объяснять матросам о сложившемся в Крепости положении вещей. По решению Петроградской ГубЧК был приговорён к высшей мере наказания – расстрелян в апреле 1921 года в самом Петрограде.

Протоколы допросов члена Кронштадтского ВРК П.М. Перепёлкина 24 и 28 марта. 28 марта

28 марта.

Допрошенный гр. Аграновым 28/III-21 г., я показал следующее:

Я был избран в Ревком 4 марта. В этот же день новый состав Ревкома в числе 15 чел. выделил оперативную тройку в составе Петриченко, Яковенко и Ососова. Этой тройке было поручено Ревкомом войти в сношения со штабом крепости и военными специалистами крепости. На другой день (5/III) Петриченко доложил Ревкому, что оперативная тройка вступила в сношения со штабом крепости, который со своей стороны предложил Ревкому свои услуги и знания. Давления на военспецов штаба со стороны Ревкома не было. Штаб согласился работать под контролем Ревкома. Военспецы никаких политических условий нам не предлагали. Мы считали, что военспецы согласились работать добровольно. Никаких протестов от спецов о давлении на них со стороны Ревкома и команд ни разу не поступало. Ревком с самого начала решил держаться оборонительной тактики. Мне известно, что убитый в бою стар[ший] артиллерист [линкора] «Севастополя» и бригады линкоров Гейцек добровольно вызвался участвовать в мятеже.

Орепин и Архипов (члены Ревкома) были 14–15 марта делегированы Ревкомом в Финляндию для ускорения присылки

продовольствия и медикаментов, обещанных Красным Крестом. Заявление В. Чернова, быв. председателя учредилки, о готовности соц.-рев. оказать помощь (вооруженную и организационную) восставшему Кронштадту решено было Ревкомом сохранить в тайне и не разглашать. Было также решено не разглашать факта пьянства членов Ревкома Архипова, Валька и Иванова. Решено было держать в секрете оперативный план обороны.

На делегатском собрании 4/III представители от рабочих требовали вооружения Кронштадтских рабочих винтовками и возложения на них охраны города. Рабочие были вооружены 7/III веч[ером]. Мною было разослано в Петроград и Ораниенбаум около 50 делегатов с литературой, но из них не вернулся никто⁷. Комендант следственной тюрьмы Шустов 16/III предложил Ревкому расстрелять виднейших коммунистов, содержащихся под стражей, но большинством голосов это предложение было отвергнуто. За расстрел высказались только Петриченко и Тукин⁸.

Резолюция, предложенная Петриченко на гарнизонном и общегородском собрании граждан 1/III, была выработана на «Петропавловске» группой в 7–8 чел. В нее входили Петриченко, Вейс-Гинтер Ян Янович, фамилии остальных мне неизвестны. Вейс-Гинтер – гальванер с «Петропавловска», был членом судебного комитета «Петропавловска». Эта комиссия проредактировала первоначальный текст резолюции, принятой принципиально командой «Петропавловска». Резолюция в новой редакции была вновь принята общим собранием команды «Петропавловска», а затем «Севастополя». Эти собрания произошли 28/II с.г. 1/III эта же резолюция была утверждена общим собранием команд бригады больших линейных кораблей в присутствии представителя от 2-й бригады лин. кораблей. На этом собрании были добавлены 2 последних пункта резолюции. После этого резолюция была вынесена на гарнизонное собрание.

⁷ По данным современных исследователей, агитаторов было гораздо больше, а некоторые даже выходили из крепости по несколько раз.

⁸ Тукин – мастерской электромеханического завода, член Кронштадтского ВРК; после поражения восстания ушел в Финляндию. Тукина Ольга Владимировна (рожд. 1880) – «из мещан», жена члена ВРК Тукина; она была взята в заложницы и позднее репрессирована советскими властями.

25/II с.г. общим собранием команды «Севастополя», по предложению комиссара Чистякова, было решено послать делегацию в Петроград в составе 5 чел. матросов для выяснения причин волнений на питерских фабриках и заводах и требований, предъявлявшихся рабочими. «Петропавловском» была послана делегация в 7 чел. Делегаты вернулись из Петрограда 27/II и доложили собраниям команд о причинах волнений на заводах Балтийском, Трубочном, фабрике Лаферм и линейных кораблях «Гангут» и «Полтава». Резолюция была принята на последующих собраниях в результате этих докладов.

Приехавший в Кронштадт барон Вилькен доложил на заседании Ревкома, на котором присутствовали представители штаба крепости, что Финляндия ни в какие сношения с Кронштадтом не вступит.

Перепелкин Петр. 28/III 21.

Допросил Я. Агранов.

Следователь ВЧК Яков Агранов

Следователи по Кронштадтскому делу зачастую оставили более заметный след в советской истории, чем многие из обвиняемых. Так Петра Перепелкина допрашивал Яков Агранов – человек, сделавший в дальнейшем заметную карьеру в органах госбезопасности СССР.

Яков Саулович Агранов (имя при рождении – Янкель Шевелевич (Шмаевич) Агранов; 1893–1938) – руководящий сотрудник ВЧК–ОГПУ–НКВД, комиссар государственной безопасности 1-го ранга с 26 ноября 1935 года, один из организаторов массовых репрессий 1920-х и 1930-х годов. Руководил расследованием обстоятельств Кронштадтского восстания, крестьянского восстания Антонова (см. вторую книгу данной серии), сфабрикованного дела «Петроградской боевой организации В. Н. Таганцева». Он также готовил процесс правых эсеров, процесс Промпартии и процесс Трудовой крестьянской партии.

Первый заместитель председателя ОГПУ СССР – наркома НКВД СССР, начальник Главного управления государственной безопасности НКВД СССР. В декабре 1934 года Агранов руководил следствием по делу об убийстве С. М. Кирова и был назначен временным начальником Управления НКВД Ленинградской области. Вместе с Г. Г. Ягодой

и Н. И. Ежовым Агранов был одним из организаторов Первого московского процесса над Зиновьевым и Каменевым, которые были обвинены в связях с Троцким. Агранов неоднократно «раскрывал» и другие «троцкистские заговоры» в столице СССР.

Позднее Агранов был понижен в звании и отправлен в провинцию: входил в состав особой тройки УНКВД СССР по Саратовской области. Он был расстрелян в 1938 году как участник «контрреволюционной заговорщицкой организации в органах НКВД». В постсоветские времена, судебной коллегией по делам военнослужащих Верховного суда РФ, Агранов был признан не подлежащим реабилитации.

*Из материалов февральско-мартовского пленума
ЦК ВКП(б) 1937 года
3 марта. Утреннее заседание*

Агранов: Тов. Ежов в своем ярком и обстоятельном докладе дал верную и ясную характеристику состояния и работы органов государственной безопасности, с предельной ясностью вскрыл причины провала органов государственной безопасности в деле борьбы с заговором японо-немецко-троцкистских агентов. Надо со всей определенностью признать, что с раскрытием этого заговора органы государственной безопасности опоздали, по крайней мере, на 4 года. Я должен, товарищи, со всей большевистской прямоотой и откровенностью признать, что этот заговор буржуазных реставраторов и фашистских агентов я проглядел.

Я должен заявить, что очень остро чувствую всю тяжесть своей ответственности перед ЦК нашей партии и советским правительством за позорный провал наших органов в деле борьбы со злейшими врагами коммунизма, за все те безобразия в работе наших органов, о которых говорил в своем докладе т. Ежов. Совершенно бесспорно, что если бы органы государственной безопасности проявили необходимую большевистскую и чекистскую бдительность и волю к борьбе с врагами советского строя; если бы они с необходимой остротой реагировали на сигналы агентуры о существовании троцкистского центра, организующего террористические покушения против руководителей нашей партии и правительства, — то заговор троцкистских мерзавцев

был бы давно и полностью раскрыт и ликвидирован и гнусное убийство т. Кирова было бы предотвращено.

Наша и, в частности, моя ответственность усугубляется тем, что антисоветский троцкистский заговор представлял собою весьма разветвленную организацию, имевшую свои группы на ряде промышленных предприятий, на транспорте и в ряде учреждений; что о составе троцкистского центра и его террористических намерениях знало большое количество людей. Казалось бы, при этих условиях, не стоило особо больших трудов вскрыть троцкистское подполье и своевременно пресечь террористический заговор троцкистской сволочи в корне. Органы же государственной безопасности безмолвствовали и бездействовали, тем самым фактически давая врагу возможность безнаказанно творить его черное дело.

Товарищи! ЦК нашей партии и лично т. Сталин неоднократно указывали нам на ошибки органов государственной безопасности и предупреждали о необходимости повышения революционной бдительности и улучшения методов борьбы с врагами Советской власти. В своем закрытом письме от 18 января 1935 г. об уроках событий, связанных с злодейским убийством т. Кирова, ЦК нашей партии сделал нам следующее предупреждение:

«Не благодущие нужно нам, а бдительность, настоящая большевистская революционная бдительность. Надо помнить, что чем безнадежнее положение врагов, тем охотнее они будут хвататься за “крайнее средство”, как единственное средство обреченных в их борьбе с Советской властью. Надо помнить, что непонимание этой истины сыграло злую шутку с работниками Наркомвнудела в Ленинграде. Пусть это послужит нам уроком».

Сделали ли мы и, в частности, я все выводы из указаний ЦК нашей партии и правительства? Учили ли мы полностью и до дна тяжкие уроки ленинградских событий? Надо прямо сказать, что те выводы, которые мы должны были со всей большевистской решительностью и быстротой сделать, нами не были сделаны. Было сказано много слов, были изданы соответствующие приказы и циркуляры о перестройке агентурно-оперативной работы, но на деле никакой перестройки мы не произвели. Мы не сумели превратить Главное управление государственной безопасности в подлинно боевой, четко слаженный, бесперебойно действующий аппарат политического розыска, который был бы способен вовремя ухватиться за нужное звено в борьбе с врагом и

обеспечить своевременное вскрытие и ликвидацию антисоветских формирований.

Как же, товарищи, могло случиться, что мы – руководители НКВД и, в частности, я, проглядели возникновение и развитие антисоветского троцкистского заговора? Если отвлечься от фактов прямого предательства, о которых говорил в своем докладе т. Ежов, то надо остановиться на следующей основной причине нашего провала. Эта причина заключается в том, что мы были оторваны от партии, тщательно отгорожены от ЦК нашей партии. Аппарат органов государственной безопасности воспитывался старым руководством НКВД в лице т. Ягоды в духе узковедомственного патриотизма.

Рис. 17. Начальник ГУГБ НКВД СССР Я. С. Агранов, являвшийся в 1921 году следователем по Кронштадтскому делу; был расстрелян в 1938 году.

Под предлогом исключительной секретности чекистской работы чекистам в завуалированной форме настойчиво внушалась антипартийная мысль о том, что обращаться в партийную организацию с указанием на недостатки, имеющиеся в органах НКВД, безусловно зазорно, что это является грубейшим нарушением чекистской дисциплины и чекистской тайны и наносит ущерб ведомственной «чести».

Эйхе. Тов. Агранов, почему за последние пять лет ни одного представителя в Западносибирский край не назначили, предварительно не спросив меня или крайком? Почему все они назначались даже без запроса крайкома?

Агранов. Я могу ответить. Не только без опроса крайкома, но и без какого-либо уведомления меня. (Эйхе. Люди назначались, снимались и никого при этом не спрашивали). Тов. Ягода может вам дать по этому поводу точную справку. (Шум в зале. Шкирятов. Не сбивайте его, дайте говорить.) Таким образом в корне подрезывались малейшие намеки на критику и самокритику в наших органах. Органы чека искусственно превращались в замкнутый мир, где нередко грубо, а иногда и под прямой угрозой, заглушалось всякое проявление политической и оперативной инициативы чекистов, которые осмеливались указывать своему начальству на необходимость принять меры против того или иного контрреволюционного формирования.

Это, например, вскрылось на днях на партийном собрании в секретно-политическом отделе ГУГБ, где десятки чекистов указывали на практиковавшийся бывшим начальником СПО Молчановым неслыханный зажим самокритики и преступное подавление малейшей инициативы работников под угрозой репрессий. (Жуков. Кому Молчанов подчинялся?) Я скажу об этом дальше. Я особо хочу подчеркнуть, что чекистам, в том числе и руководящему составу, упорно прививалась мысль о том, что чека — это свой дом, свое хозяйство, куда, стало быть, не может проникнуть луч партийного света.

Вот показательный пример: летом 1936 г. мне пришлось договориться с т. Ягодой о созыве одной междуведомственной комиссии по линии прокуратуры и суда. Когда я ему заметил, что этот вопрос надо согласовать с секретарем ЦК ВКП(б) т. Ежовым, т. Ягода мне резко ответил: «Если вы не хозяин в своем собственном доме, то согласовывайте». Я, само собой разумеется, этот вопрос с т. Ежовым согласовал и ему об этом рассказал. (Голос с места. Значит, не хозяин.) Должен признаться, что такое откровенно «хозяйское» заявление т. Ягоды меня поразило. Я понял его, как проявление известного раздражения т. Ягоды против того партийного контроля, который осуществлял в отношении НКВД в последние 2–3 года т. Ежов. Меня это поразило потому, что никакого собственного дома, собственного ведомства у меня, как и у подавляющего большинства большевиков-чекистов, нет и быть не может, что мы никогда не противопоставим своих ведомственных интересов интересам нашей партии.

Ворошилов. Тов. Сталин специально указал Ягоде и вам, чтобы вы возглавили Главное управление государственной безопасности и потом интересовался вступили ли вы в отправление ваших

обязанностей. И вы вместе с Ягодой, мягко выражаясь, немного обманули нас. (Косиор. Просто соврали. Агранов. Не так обстояло дело, т. Ворошилов.) А ведь т. Сталин сколько раз вас об этом спрашивал.

Агранов. Действительно, еще в конце 1935 г. по прямому предложению т. Сталина я был назначен начальником Главного управления государственной безопасности. Я ждал выписки из постановления ЦК. Этой выписки не было до конца 1936 года. Когда я спрашивал Ягоду, что означает эта задержка, т. Ягода говорил, что, видимо, ЦК считает правильной точку зрения его, Ягоды, что Главное управление государственной безопасности должно возглавляться самим наркомом. А т. Ягода упорно в продолжение ряда лет сопротивлялся тому, чтобы кто-нибудь руководил ГУГБ помимо него. (Микоян. А почему вы не сказали ЦК партии об этом?)

Я после решения ЦК заболел и долго отсутствовал. А когда я приехал, то занялся следственным делом по троцкистам. К тому же я должен был проявить в отношении себя немного скромности. Я считал, что, если нет постановления ЦК о моем назначении начальником ГУГБ, значит, у ЦК имеются какие-то соображения на этот счет. (Ягода. А вы чем ведали?) Я скажу, чем я ведал. Не мешайте мне говорить. Оторванность от партии не могла не проявиться в той политической близорукости, которую обнаружили органы государственной безопасности в деле борьбы с троцкистской банды, правыми, диверсантами, шпионами, террористами.

Аппарат секретно-политического отдела ГУГБ, основной задачей которого является борьба с антисоветскими политическими партиями и организациями, воспитывался в последние годы в том направлении, что троцкисты представляют собой сейчас либо разрозненные группы, либо не связанных между собой одиночек, и что поскольку нет открытых проявлений троцкистской активности, стало быть, можно не беспокоиться.

При такой постановке дела ясно, что аппарат СПО не мобилизовывался на глубокое проникновение в троцкистское подполье. Я неоднократно в острой форме указывал на это бывшему начальнику секретно-политического отдела Молчанову, который внешне всегда со мной соглашался, саботируя затем все мои указания, прикрываясь при случае указаниями бывшего народного комиссара т. Ягоды.

Я должен сказать, товарищи, что Молчанов был формально подчинен мне, как заместителю наркома. Но на деле, в силу той системы

руководства НКВД, о которой я буду говорить дальше, Молчанов непосредственно подчинялся народному комиссару т. Ягоде. Я должен сказать, что в свое время само назначение Молчанова начальником СПО поразило не только меня, но и всех чекистов, так как мы его считали одним из самых отсталых, одним из самых бездарных работников всей периферии. (Ягода. Хоть раз вы мне об этом что-нибудь говорили?) Я говорю об этом, товарищи, не для самооправдания. Моя ответственность за работу НКВД и Молчанова ясна. Я говорю это для того, чтобы вскрыть здесь на пленуме ЦК действительное положение вещей, которое привело к ослаблению работы НКВД.

Рис. 18. Будущий маршал М. Н. Тухачевский, являвшийся непосредственным руководителем подавления восстания; был расстрелян в 1937 году.

(Молотов. Видимо, вы примиренчески относились ко всему этому делу. Ворошилов. Вы тоже бывали в политбюро очень часто и имели полную возможность переговорить обо всех этих вопросах.) Из дальнейшего будет видно, как это получилось. Я об этом скажу. Тов. Ежов в своем обширном докладе привел целый ряд фактов, свидетельствующих о преступном игнорировании Молчановым прямых сигналов агентуры о террористической деятельности троцкистов и правых. Мне хотелось бы для иллюстрации привести факт сопротивления Молчанова нанесению удара по троцкистам в 1935 году.

В середине 1935 г. т. Ежов сказал мне, что, по его мнению, и мнению ЦК партии в стране существует не вскрытый центр троцкистов. Тов. Ежов дал мне санкцию на производство операции по троцкистам в Москве. Я дал распоряжение о подготовке к производству этой операции Молчанову и довел об этом до сведения т. Ягоды. Под всевозможными предлогами и со ссылками на то, что подготовительные меры к этой операции еще не закончены, Молчанов к выполнению распоряжения не приступал.

Я дал тогда указание управлению НКВД по Московской области т. Реденсу представить справку о наличии троцкистских подпольных групп в Москве. Я получил от управления Наркомвнудела по Московской области обстоятельную справку, из которой было видно, что в Москве существует несколько десятков активных, законспирированных троцкистских групп, в том числе группа Дрейцера.

Ввиду того, что мое устное распоряжение (у нас принято для быстроты давать устные распоряжения) не выполнялось, я отдал письменное приказание Молчанову немедленно представить мне план операции по ликвидации всех контрреволюционных троцкистских гнезд. (Голос с места. Письменный, а почему нельзя было иначе сделать. Почему нельзя было переговорить с Ягодой.) Я этот вопрос ставил и не один раз; ставил и на оперативных совещаниях, где также присутствовали и Молчанов, и Ягода.

Андреев. Ваше время истекло...

Вопросы истории, 1994, № 12.

Глава 3. Итоги и влияние. НЭП

После подавления восстания начались репрессии, в том числе и против населения города. По информации Сержа, они происходили с ведома главы ВЧК Феликса Дзержинского [98,99].

Рис. 19. В. И. Ленин, К. Е. Ворошилов и Л. Д. Троцкий среди делегатов 10-го партсъезда РКП(б), вернувшихся после подавления Кронштадтского восстания.

Первый, показательный расстрел 13 защитников крепости был приведён в исполнение 20 марта 1921 г. в 24:00. По данным профессора Христофорова, первыми были приговорены к «высшей мере» не успевшие бежать в Финляндию члены Ревкома: Вальк, Павлов и Парушев. За ними последовал приговор редактору «Известий Кронштадтского Революционного комитета» А. Н. Ламанову (Ломанову). Всего к расстрелу были приговорены 2103 человека. К различным срокам наказания были приговорены 6459 человек. Освобождены из-под стражи были только 1464 человека. Кроме того, с весны 1922 началось массовое выселение жителей Кронштадта с острова.

В последующие годы оставшиеся в живых участники кронштадтских событий неоднократно репрессировались. К пятилетию Октябрьской революции решением ВЦИК от 2 ноября 1922 значительная часть рядовых участников восстания была амнистирована. 10 января 1994 года президент РФ Борис Ельцин своим указом №65 «О событиях в г. Кронштадте весной 1921 г.» реабилитировал всех участников Кронштадтского восстания [37].

В 1921 году Совнарком РСФСР объявил об окончании политики военного коммунизма и о переходе к НЭПу – Новой экономической политике [100,101]. При этом сама резолюция о НЭПе была представлена в Центральный Комитет партии 24 февраля – за пять дней до начала восстания [102,103].

О замене продовольственной и сырьевой разверстки натуральным налогом.

ДЕКРЕТ ВСЕРОССИЙСКОГО ЦЕНТРАЛЬНОГО ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА (ВЦИК) О ЗАМЕНЕ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ И СЫРЬЕВОЙ РАЗВЕРСТКИ НАТУРАЛЬНЫМ НАЛОГОМ

21 марта 1921 г.

Декрет ВЦИК, принятый на основе решения X съезда РКП(б) «О замене разверстки натуральным налогом» (март 1921 г.), положил начало переходу к новой экономической политике.

1. Для обеспечения правильного и спокойного ведения хозяйства на основе более свободного распоряжения земледельца продуктами своего труда и своими хозяйственными средствами, для укрепления крестьянского хозяйства и поднятия его производительности, а также в целях точного установления падающих на земледельцев государственных обязательств, разверстка, как способ государственных заготовок продовольствия, сырья и фуража, заменяется натуральным налогом.

2. Этот налог должен быть меньше налагавшегося до сих пор путем разверстки обложения. Сумма налога должна быть исчислена так,

чтобы покрыть самые необходимые потребности армии, городских рабочих и неземледельческого населения. Общая сумма налога должна быть постоянно уменьшаема, по мере того как восстановление транспорта и промышленности позволит Советской власти получать продукты сельского хозяйства в обмен на фабрично-заводские и кустарные продукты.

3. Налог взимается в виде процентного или долевого отчисления от произведенных в хозяйстве продуктов, исходя из учета урожая, числа едоков в хозяйстве и наличия скота в нем.

4. Налог должен быть прогрессивным; процент отчисления для хозяйств середняков, маломощных хозяев и для хозяйств городских рабочих должен быть пониженным. Хозяйства беднейших крестьян могут быть освобождаемы от некоторых, а в исключительных случаях и от всех видов натурального налога.

Старательные хозяева-крестьяне, увеличивающие площади засева в своих хозяйствах, а равно увеличивающие производительность хозяйств в целом, получают льготы по выполнению натурального налога. (...)

7. Ответственность за выполнение налога возлагается на каждого отдельного хозяина, и органам Советской власти поручается налагать взыскания на каждого, кто не выполнил налога. Круговая ответственность отменяется.

Для контроля за применением и выполнением налога образуются организации местных крестьян по группам плательщиков разных размеров налога.

8. Все запасы продовольствия, сырья и фуража, остающиеся у земледельцев после выполнения ими налога, находятся в полном их распоряжении и могут быть используемы ими для улучшения и укрепления своего хозяйства, для повышения личного потребления и для обмена на продукты фабрично-заводской и кустарной промышленности и сельскохозяйственного производства. Обмен допускается в пределах местного хозяйственного оборота как через кооперативные организации, так и на рынках и базарах.

9. Тем земледельцам, которые остающиеся у них после выполнения налога излишки пожелают сдать государству, в обмен на эти добровольно сдаваемые излишки должны быть предоставлены предметы

широкого потребления и сельскохозяйственного инвентаря. Для этого создается государственный постоянный запас сельскохозяйственного инвентаря и предметов широкого потребления как из продуктов внутреннего производства, так и из продуктов, закупленных за границей. Для последней цели выделяется часть государственного золотого фонда и часть заготовленного сырья.

10. Снабжение беднейшего сельского населения производится в государственном порядке по особым правилам. (...)

*Директивы КПСС и Советского правительства
по хозяйственным вопросам. Сб. документов,
М., 1957, Т. 1, с. 225-227.*

В качестве причины изменения экономической политики советской власти Иосиф Сталин в 1924 году называл восстания в Кронштадте и Тамбовской губернии: «Разве мы не опоздали с отменой продразверстки? Разве не понадобились такие факты, как Кронштадт и Тамбов, для того, чтобы мы поняли, что жить дальше в условиях военного коммунизма невозможно?» [104,105]

Историк Константин Морозов в 2005 году утверждал, что Кронштадтское восстание «поставило перед властью проблему потери популярности». В особенности эта проблема была заметна в армейской среде. Морозов считал, что для большевистских властей в столице «настоящим шоком» стало не столько восстание единичного гарнизона, сколько тот факт, что в многомиллионной Красной армии нашлось не так уж много боевых частей, которые можно было использовать для подавления восстания – без опасения, что красноармейцы перейдут на сторону мятежников [106].

Глава 4. Память о восстании

Участники штурма, погибшие в ходе подавления восстания, были похоронены на Якорной площади Кронштадта в братской могиле. В 1922 в братской могиле был захоронен председатель ревтрибунала Балтийского флота В. Д. Трефолев. Десятилетие спустя, в 1932 году, там же был захоронен бывший командир ударного коммунистического батальона и затем комиссар крепости В. П. Громов. Над их могилой с 7 ноября 1984 года горит вечный огонь [107].

В Санкт-Петербурге одна из улиц называется улица Трефолева, в честь В. Д. Трефолева – чекиста, председателя Революционного трибунала Балтийского флота. Рядом с Троицким собором Александро-Невской Лавры находится братская могила, на которой написано «Памяти жертв Кронштадтского мятежа. 1921» [108,109].

В секторе воинских захоронений Преображенского кладбища Москвы находится памятник с надписью «Памяти павших под Кронштадтом командиров и курсантов 2 пехотной Московской школы 4-18 марта 1921 года». Согласно Указу президента РФ от 1994 года, в Кронштадте должен был быть сооружён памятник «жертвам кронштадтских событий весной 1921 года» [110,111]. После указа был поставлен закладной камень будущего памятника.

13 марта 2001 года по инициативе просветительного центра «Мемориал» в Санкт-Петербурге – в помещении на улице Рубинштейна, дом 23 – был организован видеопросмотр документально-публицистического фильма выпускника режиссёрского факультета Ленинградского государственного театрального института имени А. Н. Островского Григория Никулина «Кронштадтский мятеж». По официальной версии киностудии, многосерийный фильм был поставлен Никулиным в 1996 году на студии «Ленфильм». Показ фильма был посвящён юбилейной дате – 80-летию Кронштадтского восстания.

Фильм демонстрировался в зале с экспозицией выставки «В мире двух диктатур», ориентированной на сопоставление нацизма и сталинизма. Основной смысл предшествовавшего показу краткого выступления сопредседателя петербургского «Мемориала» В. В. Иофе

состоял в опровержении большевистского мифа о «контрреволюционности» повстанцев 1921 года.

Фильм насчитывал восемь серий. Основной материал был снят за десять лет до показа, к марту 1991 года, но выпустить его удалось лишь в 1993 (по другим данным, в 1996) году. Фильма, по мнению анархистов Северной столицы, не являлся произведением в популярном в те годы стиле «примирения и согласия». Из всей картины продолжительностью в 3 часа 40 минут в 2001 году удалось продемонстрировать лишь её третью и четвёртую серии (части).

После этого автор сценария и режиссер «Кронштадтского мятежа» Никулин рассказал собравшимся о ряде обстоятельств появления данной работы. По его версии, первоначально идея создания фильма возникла ещё в 1968 году, после разговора режиссёра с Е. Драбкиной. Но основная проблема в те годы заключалась в нежелании Ленинградского обкома КПСС санкционировать освещение острой, «закрытой», темы антибольшевизма начала НЭПа. Студия «Ленфильм» также в итоге «уклонилась» от участия в непростом с политической точки зрения проекте – и в итоге картина была снята на средства, предоставленные режиссёру лесозаготовительной организацией, зарегистрированной в Республике Коми. В ходе встречи 2001 года Никулина также дал своё принципиальное согласие на предоставление копии фильма центру «Мемориал» для перезаписи.

В 2011 году в Государственной публичной научно-технической библиотеке (ГПНТБ) Сибирского отделения Российской академии наук (СО РАН) в Новосибирске прошла выставка литературы, названная организаторами «К 90-летию Кронштадтского мятежа». В экспозиции было представлено более пятидесяти изданий, посвящённых событиям 1921 года: монографий, диссертаций, сборников научных трудов (см. об историографии далее).

Глава 5. Оценка событий. Историография

Историография «Кронштадта 1921» прошла в XX столетии «длительный и плодотворный» путь развития. Ко второму десятилетию XXI века сложились две основные конкурирующие концепции событий в крепости – событий, которые советский историк Юрий Поляков в 1967 году называл «опаснейшими» [112-115]. Версии можно условно обозначить как концепцию «Кронштадтского (антисоветского) мятежа», развивавшуюся преимущественно в советской историографии, и концепцию «Кронштадтского (антикоммунистического) восстания», получившую распространение за пределами СССР. Отдельными историками отмечалась и оригинальная, третья, версия Льва Троцкого, озвученная им уже в эмиграции – в 1938 году [54,116].

5.1. Советская историография – «Кронштадтский мятеж»

Автором первой официальной советской версии событий в Кронштадте стал наркомвоенмор Лев Троцкий. Он первым определил произошедшее как «Кронштадтский мятеж». Используя материалы французской прессы (см. раздел «Приложения» в этой книге), он также напрямую связал «мятеж» с заговором иностранных разведок и контрреволюционного подполья в Советской России. Позже формулировки Троцкого были поддержаны Лениным в его докладе на X съезде большевистской партии и на последующих выступлениях [65]:

«Всем, вероятно, известно, что в ряде иностранных газет, в том числе и в “Матен”, сообщение о восстании в Кронштадте появилось еще в середине февраля, то есть в то время, когда Кронштадт был совершенно спокоен. Чем это объясняется? Очень просто. Центры контрреволюционных заговоров находятся за границей. Между этими русскими эмигрантскими центрами и известными группировками европейского империализма и европейской прессы имеется самая тесная связь, разумеется, отнюдь не платонического характера. Русские контрреволюционные организации обещают своевременно устроить

мятеж, а нетерпеливая бульварная и биржевая печать уже пишет об этом как о факте.» – Л. Д. Троцкий (1921).

В начале 1931 года советский историк революционного движения, будущий кандидат исторических наук Моисей Лурье (1901–1941) опубликовал две статьи о Кронштадте в журнале «Красная летопись». Первая работа называлась «Кронштадтский мятеж 1921 года в советской и белой литературе». Она была написана уже в атмосфере политических процессов конца 1920-х – начала 1930-х годов (см. следующую часть этой книги). Статья в итоге была нацелена на доказательство связи мятежников с зарубежными спецслужбами.

Во второй своей статье, вышедшей под заглавием «Оценка кронштадтского мятежа в произведениях В. И. Ленина», Лурье анализирует высказывания Владимира Ленина о кронштадтских событиях. Он, ожидаемо, приходит к выводу о том, что глава Совнаркома считал Кронштадтское выступление проявлением «мелкобуржуазной стихии в условиях экономического кризиса». Однако оба текста, при всей их очевидной ангажированности, до сих пор имеют определённое историографическое значение для исследователей.

В дальнейшем в СССР, в сталинском «Кратком курсе истории ВКП(б)», трактовка мятежа была дополнена тезисами о крестьянской (по выражению авторов, «мелкобуржуазной») природе недовольства балтийских матросов – и, разумеется, о «вредительстве» троцкистов и зиновьевцев [117]. Последним приписывалась основная вина в дестабилизации ситуации. Именно эта версия стала непреложным фактом для всей последующей советской историографии [118-126].

В рамках такого подхода к десятилетию событий из печати вышли такие работы как «Кронштадтский мятеж. Популярный очерк» (Ленинград, 1931) за авторством М. Кузьмина, «Кронштадтский мятеж в 1921 г. Гражданская война в очерках» (Ленинград, 1931), написанный А. С. Пуховым, а также – сборник статей, воспоминаний и документов «Кронштадтский мятеж» под редакцией Н. Корнатовского. Десять лет спустя этот список пополнила работа К. Жаковщикова «Разгром Кронштадтского контрреволюционного мятежа в 1921 году», вышедшая также в Ленинграде в канун начала Великой отечественной войны.

Сильной стороной советских исследований в рамках данной концепции было широкое использование документов и архивных материалов [127-129]. Но сами события изучались в полном отрыве от революционного прошлого моряков-балтийцев. Иначе говоря, при

обсуждении событий 1921 года советские авторы зачастую даже не упоминали о роли матросов в событиях Первой русской революции или об их действиях в октябре 1917 года [130,131].

5.2. Западная и эмигрантская версии – «Кронштадтское восстание»

На западное описание событий в Кронштадте большое влияние оказало идеологическое противостояние времён Холодной войны. В результате конкретный конфликт на острове Котлин стал рассматриваться в качестве общего «конфликта между большевиками и революционными массами». При этом к массам были отнесены проходившие службу матросы Балтийского флота [132-134]: «Кронштадтское восстание явилось выражением широкого конфликта между массами и большевистским правительством.»

Таким образом противостояние внутри государственных структур стало обсуждаться как противостояние советского государства и российского общества. Ряд историков того времени принял и тезис, изначально популярный среди авторов-анархистов, о бескорыстности кронштадтцев, являвшихся «идейными борцами за демократию», борцами за «по-настоящему народную демократическую модель управления после древнерусского вече и казачьего круга». То есть о них зачастую писали, как о людях, не обладавших в рамках восстания/мятежа собственными «локальными» интересами [135-137].

Были у несоветской историографии о событиях на Котлине и некоторые очевидные достоинства. В частности, принципиальным отличием западной историографии являлось исследование причин конфликта, в рамках которого авторы проводили анализ событий за весь период 1905–1917–1921 годов. При этом нельзя упустить из виду, что «анализ причин выступления, исследование действий матросов в работах западно-европейских и американских авторов по-прежнему основывались исключительно на пропагандистских заявлениях самих восставших кронштадтцев [138,139].»

Заметное влияние на западную историографию имела книга американского историка анархизма Пола Эврича «Восстание в Кронштадте. 1921 год» (англ. *Kronstadt, 1921*), вышедшая одновременно в

Великобритании и США в 1970 году. Пол Генри Эврич (Аврич или Аврих) родился в 1931 году в еврейской семье, эмигрировавшей из Одессы. В 1952 году он окончил Корнеллский университет, получив степень бакалавра. Затем, в годы Холодной войны, он служил в американских Военно-воздушных силах. В 1957 году он продолжил своё образование в Колумбийском университете, а через четыре года впервые посетил Советский Союз – как американский студент по обмену.

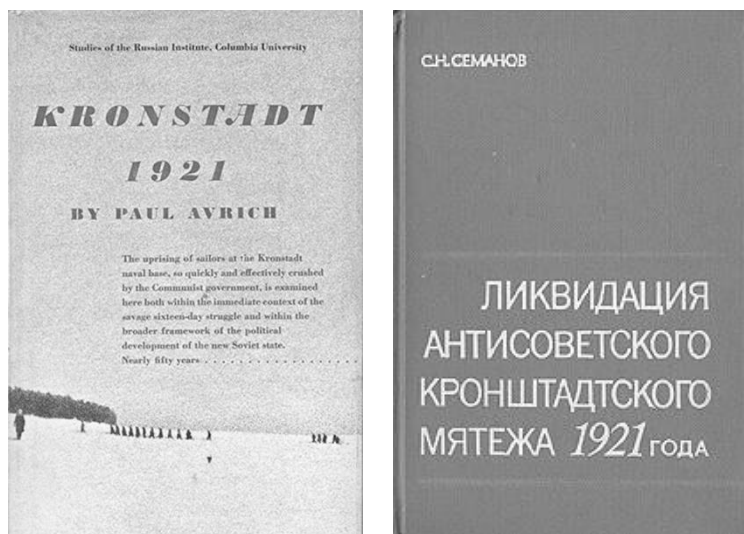

Рис. 20. Обложки книг П. Эврича «Восстание в Кронштадте» (1970) и С. Семанова «Ликвидация антисоветского Кронштадтского мятежа» (1973).

В связи с написанием своей работы «Русская революция и фабрично-заводские комитеты» (англ. *The Russian Revolution and the Factory Committees*) Эврич приступил к изучению истории Кронштадтского восстания и более общей темы – анархистского движения в Российской империи и в раннем РСФСР. С 1962 года он преподавал в Квинс-колледже (англ. *Queens College*) в Нью-Йорке, где продолжил специализироваться в области истории анархизма: как русского, так и мирового.

Через девять лет после первого издания его книга о кронштадтских событиях 1921 года была переиздана в издательстве Принстонского университета под заглавием «*Kronstadt 1921*». В 1975 году книга

Эврича вышла в Париже на французском языке в переводе Эрве Денеса под заголовком «Трагедия Кронштадта» (фр. *La Tragédie de Cronstadt: 1921*). В 1971 году появился итальянский перевод, выполненный Марио Спинеллы для издательства «Мондадори» и выпущенный в Милане и Вероне в рамках серии «Oscar». В 1973 году книга вышла на испанском языке в Буэнос-Айресе в издательстве «Proyección».

Уже после окончания Холодной войны, в 2002 году, книга Эврича вышла на чешском языке в Праге как тринадцатый том серии «Библиотека анархистов» (чеш. *Anarchistická knihovna*). На японский язык труд о Кронштадтском восстании перевёл Такамицу Сугавара: перевод «クロンシュタット1921» был опубликован в Токио в 2008 году. Книга также выходила в Стамбуле на турецком языке, а в Венгрии её перевод был напечатан Институтом общественных наук (венг. *Társadalomtudományi Intézet*) Венгерской рабочей партии (MSZMP).

В СССР в ответ на книгу Эврича заведующий редакцией серии «Жизнь замечательных людей» (ЖЗЛ) Сергей Семанов в 1973 году написал свою работу «Ликвидация антисоветского Кронштадтского мятежа 1921 года», в которой излагалась советская версия событий на острове Котлин. Только в 2007 году книга Эврича была переведена на русский язык и опубликована трёхтысячным тиражом в издательстве Центрполиграф под заголовком «Восстание в Кронштадте. 1921 год» в рамках издательской серии «Россия в переломный момент истории».

Коллеги Эврича из западноевропейских и американских университетов отмечали полноту, трезвость и научную широту его «превосходного» исследования. Взяв за основу фразу Ленина о том, что мятеж матросов лучше, чем что-либо другое, осветил советскую действительность, профессор Эврич начал с краткого анализа экономических и политических недугов советского общества зимой 1920 года, которые подготовили почву для восстания. Затем он переходил к обсуждению событий в Кронштадте, программы повстанцев, позиции различных политических движений, реакции коммунистического руководства и влияния неудачного восстания на ход русской истории в 1920-е годы. Ни один предшествующий исследователь не смог так тщательно изучить все эти аспекты и последствия восстания.

В своей трактовке противостояния советской власти и мятежников профессор Эврич руководствовался следующим суждением, которое он высказывал во введении: «Кронштадт представляет собой ситуацию, в которой историк может симпатизировать мятежникам и все же

признать, что большевики были правы, подавляя их». Но хотя он и считает, что правительство было вынуждено подавить мятеж, чтобы предотвратить распространение восстания и сохранить государство, Эврич никоим образом не принимал советскую версию событий в Кронштадте. Он также не оправдывал коммунистических лидеров за их серьёзные ошибки, которые способствовали обострению напряженности и масштабному кровопролитию.

Так Эврич, по мнению профессора Абрахама Ашера, убедительно опровергал советское утверждение о том, что мятежники в Кронштадте были контрреволюционерами – обвинение, которое в то время, должно быть, поразило многих революционеров. Кронштадтские матросы долгое время считались образцовыми революционерами: и во время восстания 1921 года они разработали «анархо-народническую» программу, призванную воплотить в жизнь чаяния Октябрьской революции 1917 года, как они их понимали.

Среди прочего они призывали правительство предоставить «полную свободу действий в отношении земли» крестьянам, провести новые и тайные выборы Советов, объявить свободу слова и печати для рабочих и крестьян, а также – освободить «всех политических заключенных социалистических партий». Кронштадтское восстание было явно движением «слева» и не имело ничего общего с различными «правыми» группами, все ещё надеявшимися свергнуть большевиков. Именно по этой причине коммунисты сочли восстание вблизи бывшей имперской столицы столь угрожающим для себя.

В одном из самых интересных и оригинальных разделов книги Эврич, по мнению профессора Ашера, исследует возможность эмигрантского руководства восстанием. Он обнаружил секретный меморандум, написанный в 1921 году и, по-видимому, составленный эмигрантом, профессором Германом Цейдлером, в котором подробно излагались меры, которые следовало предпринять в случае восстания в Кронштадте. Однако нет никаких доказательств того, что этот меморандум или иные заговоры, вынашивавшиеся за пределами России, каким-либо образом повлияли на матросов. Как подмечал Эврич, если бы восстание было запланировано, мятежники наверняка подождали бы несколько недель, пока растает лед, соединявший Кронштадт с материком – что значительно затруднило бы наступление советских войск и освободило бы мятежные корабли для маневрирования.

Результат восстания оказался прямо противоположным тому, на который рассчитывали повстанцы. Конечно, большевики ввели Новую экономическую политику (НЭП), которая во многом отвечала требованиям широких масс – но это изменение в направлении советской политики было сформулировано Лениным за несколько недель до восстания. Однако в политической сфере советское правительство пошло не по пути подлинного самоуправления (или ослаблению репрессий), а скорее к ужесточению своей диктатуры.

Будущий профессор истории в университете Пенсильвании Моше (Миша) Левин в апреле 1972 года в журнале «Soviet Studies» детально разобрал работу Эврича. Левин писал, что «реконструкция событий профессором Полом Эвричем имеет все ингредиенты превосходного исторического письма: скудно, но убедительно представленная справочная информация; масса источников, хорошо просеянных и тщательно проверенных, включая некоторые недавно обнаруженные материалы; терпеливое и сочувственное отношение к аргументам и контраргументам главных героев; яркий отчет о событиях; быстрое изображение самозванных и эфемерных лидеров (всегда трудное дело) и способность передать читателю атмосферу, колорит и дух разворачивающейся драмы». Левин добавлял, что «драматизм событий передан не только описанием ожесточенных боев между балтийскими моряками и другими красными войсками или яростью наступающих, штурмующих крепость по тающему под их ногами льду, но и ясным представлением политических и идеологических конфликтов: матросы, “краса и гордость революции”, теперь повернули свои ружья и лозунги советской демократии против большевиков и тем самым выявили болезненный разрыв между двумя, доселе союзными, движущими силами Октябрьской революции...»

По мнению Моше Левина, «фактически, это одна из редких работ о Советской России, которая пытается показать, как обе стороны оказались в ловушке своих идеалов, дилемм и взглядов на свои собственные и интересы своей страны, и которая стремится изобразить события без неоправданной выгоды ретроспективного взгляда».

Переходя к анализу самих событий, последовавших за Октябрьской революцией и Брестским миром, Левин писал, что «восстание кронштадтских моряков было в основном результатом опустошений, нанесенных стране Гражданской войной. Новый режим одержал славную победу, но страна была разорена. Деревня кипела от восстания

против суровых изъятий продовольствия [см. часть о Тамбовском восстании в следующей книге], рабочие были голодны, деморализованы и готовы к забастовке. Чтобы выиграть войну, большевики превратили страну в военный лагерь, воссоздали иерархическую структуру и жесткую дисциплину в армии, отказались от экспериментов с рабочей демократией на фабриках и ввели единоначалие администратора, используя как в армии, так и в экономике экспертов, привлеченных в основном из рядов бывших привилегированных офицеров и менеджеров». Суммируя, «дисциплинарный дух, контроль вездесущих комиссаров, упадок независимости советов, теперь находящихся под полным диктатом одной партии, и тяжелая рука растущей бюрократизации — все это многие революционеры считали опасным отклонением от высоких идеалов революции и, в свою очередь, подталкивали к появлению оппозиций внутри партии».

Завершая свой обзор, Левин отметил, что «многие, в первую очередь матросы, пришли к мысли, что народные идеалы Октября, вдохновлявшие их преданность и храбрость, на самом деле уже были преданы. Эврич показывает, как нищета деревни и забастовки рабочих в Москве и Ленинграде воодушевляли матросов и спровоцировали восстание. Описание забастовочного движения в Петрограде является ценным вкладом в наши знания об этом периоде. Оно показывает не только характер движения, но и, довольно убедительно, мастерство и решимость большевиков как профессиональных правителей». Так петроградские «фабрики были очень быстро усмирены смесью жестких мер и уступок, и движение быстро сошло на нет, так и не став серьезным политическим антибольшевистским вызовом».

Персоналии также иначе раскрылись в ходе восстания. Так, по Левину, «образ, впоследствии закрепившийся за Зиновьевым как за человеком ненадежным, колеблющимся и склонным к панике, значительно пересматривается описанием его решительных, быстрых и энергичных действий в течение всего критического периода». Причина поражения антибольшевистского движения также были очевидны, поскольку «матросы неправильно поняли эфемерный характер волнений. Они увидели в них знак надвигающейся большой волны — и взялись за оружие в своем городе-крепости, чтобы поднять новое восстание». Важно отметить, что в 1921 году «лидеры большевиков, так же как и матросы, были убеждены, что Кронштадт легко может стать местом сбора огромного народного движения против них».

Аналогичные мнения о работе Эврича в тот период высказывали и другие западные советологи и историки, специализировавшиеся на политической и экономической истории СССР. Постепенно книга стала классикой, войдя во многие учебные курсы. В 2010 году её русский перевод был использован при написании статьи «Кронштадтское восстание 1921» в Большой российской энциклопедии (БРЭ).

5.3. Новая версия Троцкого (1938)

После изгнания из СССР, Троцкий изменил свой первоначальный взгляд на события в крепости. В 1938 году он внёс существенный вклад в её историографию, первым обратив внимание как на «сугобо местные и меркантильные» мотивации кронштадтцев, так и на демагогичность их требований и деклараций. По его выражению, «восстание диктовалось стремлением получить привилегированный паск» [140].

«Те моряки, которые оставались в “мирном” Кронштадте до начала 1921 г., не найдя себе применения ни на одном из фронтов гражданской войны, были, по общему правилу, значительно ниже среднего уровня Красной Армии и заключали в себе большой процент совершенно деморализованных элементов, носивших пышные панталоны “клеш” и причёску сутенеров... Такова была реальная обстановка, без слащавых идеализаций задним числом [141].»

Свою новую версию Троцкий был вынужден озвучить в рамках полемики с членом комиссии Дьюи — официально, «Комиссии по расследованию обвинений, предъявленных Льву Троцкому на московских процессах» — германским революционером и политиком Венделином Томасом. Томас, эмигрировавший в США из Германии после прихода к власти национал-социалистов во главе с Адольфом Гитлером, обратился к бывшему советскому наркому с письмом. Данное письмо содержало ряд вопросов относительно личной роли российского революционера в подавлении Кронштадтского выступления.

Ответ Троцкого вызвал целую серию критических откликов: против изгнанного из СССР революционера выступили многие его товарищи по антисталинисткой левой оппозиции. Среди них были Виктор Серж, Антэ Цилига, Борис Суварин и Макс Истмен. Все они считали, что кронштадтцы «стремились к возвращению революции в подлинно пролетарское советское русло». Они также полагали, что

моряки протестовали против жестокостей военного коммунизма и террора в отношении гражданского населения. Кроме того, поскольку о местонахождении поезда наркома в марте 1921 года знали многие, версия Троцкого о личном неучастии в подавлении выступления матросов не выдерживала критики [142-145].

См. также для сравнения Мартовское восстание в Германии. **Мартовское восстание** или Восстание в Средней Германии (нем. *März kämpfe; Mitteldutsche Aufstand*) представляло собой серию вооруженных выступлений коммунистов, имевших место в марте 1921 года в Средней Германии. Одним из активных участников и организаторов событий был Макс Гёльц (нем. *Max Hoelz*).

Всего в выступлении по всей стране приняли участие около 200 000 рабочих. В боях погибло около 180 человек (по другим данным — 145 человек). Среди них было и 35 полицейских; число раненых неизвестно. По подозрению в перевороте было арестовано около шести тысяч человек. Из них четыре тысячи человек были приговорены в общей сложности к 2000 годам тюремного заключения. Восемь человек были приговорены к пожизненному заключению, а четверо — к смертной казни. Акция оказалась для Объединённой коммунистической партии Германии (ОКПП) полным провалом.

В результате поражения Мартовского восстания коммунисты в целом потеряли в Веймарской республике значительное политическое влияние. Если в начале года компартия имела 450 000 членов, то после мартовских боёв их число упало сразу в три раза [153].

Глава 6. Отражение в культуре

Краткие упоминания о событиях на острове Котлин в 1921 году встречались во многих советских и раннероссийских художественных произведениях. Так в трилогии Василия Аксёнова «Московская сага» в первой части упоминается восстание в Кронштадте. По сюжету романа один из героев романа – Никита Градов – участвует в подавлении мятежа, а затем приезжает руководить работами на линкоре.

В поэме советского переводчика, драматурга и поэта Эдуарда Багрицкого «Смерть пионерки», во фрагменте, называемом «песней», упоминается Кронштадтский мятеж и отмечается факт, что Кронштадт был взят наступлением по льду:

...Нас водила молодость
В сабельный поход,
Нас бросала молодость
На кронштадтский лёд...

События Кронштадтского восстания стали основой повести Михаила Кураева «Капитан Дикштейн» (1977–1987). При этом «Капитан Дикштейн» стал первым произведением советским художественной литературы, в котором события Кронштадтского восстания занимают центральное место. Изначально повесть писалась автором «в стол». Однако в годы Перестройки она была опубликована в советском журнале «Новый мир», в девятом номере за 1987 год. Публикация принесла литературную известность 48-летнему Кураеву, работавшему на тот момент сценаристом на киностудии «Ленфильма». Положительные отзывы о повести были даны известными критиками и писателями, среди которых были как Андрей Синявский, так и Лев Анненский. И буквально в следующем году издательство «Советский писатель» выпустило повесть отдельным изданием.

Фабула повести весьма фантастична. В центре её положен рассказ о жизни главного героя – Игоря Ивановича Дикштейна, который на самом деле являлся кочегаром с линкора «Севастополь» по имени Чубатый. Герой взял имя другого человека во время Кронштадтского восстания и прожил сорок лет «чужую» судьбу. Сюжет же «Капитана

Дикштейна» построен на описании дня жизни главного героя, полного самых тривиальных бытовых мелочей, который постоянно прерывается описанием бурных событий марта 1921 года.

Кураев был хорошо знаком с текстами советского исторического «официоза»: с «Кратким курсом истории ВКП(б)», с пятитомной «Историей гражданской войны в СССР», а также – с популярным очерком Олега Леонидова «Ликвидация Кронштадтского мятежа» и сборником под редакцией Корнатовского (см. выше в разделе историография).

Рис. 21. Плакат В. Маяковского «Эй, не верь ему...» (март 1921).

Кроме того, Михаил Берман-Цикиновский написал пьесу «Якорная площадь», в которой «драматически воплотил» события марта 1921 года. Пьеса Бермана-Цикиновского стала второй частью его «Петроградской трилогии», посвящённой осмыслению революционных событий в России. Темой произведения являлась судьба свободы, а сама пьеса «Якорная площадь» была построена во многом на воспоминаниях американских анархистов Александра Беркмана и Эммы Голдман. Так в пьесе стремительно сменяют друг друга картины митинга на

Якорной площади от 1 марта и вымышленного совещания Ленина и Троцкого в кремлёвском кабинете.

Среди действующих лиц только одно было вымышленным – санитар Данило, остальные – реальные исторические лица. Главным персонажем пьесы можно было назвать саму Якорную площадь: но не как географическую точку на карте, а в античном смысле термина – как место собрания свободных граждан. Так в финале пьесы происходил диалог между санитаром Данилой и Петриченко, в котором лидер Кронштадтского восстания говорил: «У нас не было начальников, Данило. Нашим начальником был народ с Якорной площади».

В 2008 году издательство «Варяг» включило «Якорную площадь» в третий том авторского сборника «Собрание сочинений в 3-х томах». Заведующая отделом лекционной и экскурсионной работы в краеведческом музее города Ломоносова Ксения Ермолаева полагала, что в пьесе Берман-Цикиновского «романтизация восстания и его участников достигает своего логического завершения» [146,147].

Уже в 1921 году советский карикатурист Владимир Козлинский создал в рамках серии «Окна сатиры РОСТА» плакат «Кронштадтская карта бита», а Владимир Маяковский – плакаты и стихотворения «Эй, не верь ему...» и «Подходи товарищ, смотри лучше – вот чему кронштадтские события учат» [148-150].

В 1935 году советский живописец, член Ленинградского Союза художников, Рудольф Френц создал картину «Штурм Кронштадта». В 1980-х годах в Великобритании существовала анархо-панк группа «Кронштадтское восстание» (англ. *The Kronstadt Uprising*) [151,152]. В 2016 году в широкий прокат вышел двухсерийный документально-художественный фильм «Кронштадт. 1921», производством которого занималась московская студия «Star Media».

Примечания

- [1] Эврич, 2007, с. [4]–[8].
- [2] Ленин, ПСС, 1967, Т. 43, С. 219.
- [3] Эврич, 2007, с. [8]–[10].
- [4] Эврич, 2007, с. [11]–[15], [24].
- [5] Эврич, 2007, с. [19].
- [6] Дэй, 2013, с. 123–138.
- [7] Эврич, 2007, с. [20].
- [8] Эврич, 2007, с. [21]–[22].
- [9] Эврич, 2007, с. [15]–[16].
- [10] Аллен, 2013, с. 72.
- [11] Эврич, 2007, с. [16]–[19].
- [12] Эврич, 2007, с. [25].
- [13] Эврич, 2007, с. [26]–[28], [33].
- [14] Aves, 1996, p. 116.
- [15] Эврич, 2007, с. [29]–[30].
- [16] Эврич, 2007, с. [34]–[36].
- [17] Яров, 1999, с. 75–76.
- [18] Попов, 2017, с. 107.
- [19] СВЭ, 1979, с. 479.
- [20] Эврич, 2007, с. [36]–[37].
- [21] Эврич, 2007, с. [39]–[40].
- [22] Крон-кое вос. 1906, 1936, с. 103.
- [23] СВЭ, 1979, с. 478.
- [24] Эврич, 2007, с. [40]–[42].
- [25] Эврич, 2007, с. [43].
- [26] Suny, 1971, p. 151.
- [27] Эврич, 2007, с. [44].
- [28] Дыбенко, 1928, с. 199.
- [29] Эврич, 2007, с. [44]–[45], [47].
- [30] Флеровский, 1926, с. 218–237.
- [31] Дыбенко, 1928, с. 69.
- [32] Эврич, 2007, с. [47]–[48].
- [33] Эврич, 2007, с. [48].
- [34] Дэй, 2013, с. 143.
- [35] Эврич, 2007, с. [49]–[50], [66].
- [36] Пухов, 1931, с. 50–52.
- [37] БРЭ, 2010.
- [38] Ленин, ПСС, 1967, Т. 43, С. 387.
- [39] Поляков, 1967, с. 211.
- [40] Эврич, 2007, с. [50]–[51].
- [41] СВЭ, 1979, с. 479–480.
- [42] Эврич, 2007, с. [51].
- [43] Козлов, 1999, с. 146.
- [44] Попов, 2017, с. 54.
- [45] Эврич, 2007, с. [53].
- [46] Lih, 1990, p. 225.
- [47] Эврич, 2007, с. [54].
- [48] Эврич, 2007, с. [54]–[55].
- [49] Ворошилов, 1961, с. 15–25.
- [50] Эврич, 2007, с. [58]–[59].
- [51] Эврич, 2007, с. [55]–[58].
- [52] Голинков, 1975, с. 495.
- [53] Эврич, 2007, с. [59], [64].
- [54] Христофоров, 2011, с. 57–64.
- [55] Эврич, 2007, с. [60].
- [56] Ворошилов, 1961, с. 15–30.
- [57] Эврич, 2007, с. [61].
- [58] Эврич, 2007, с. [60]–[61].
- [59] Известия ВРК, №1, 1921, с. 1.
- [60] Landis, 2008, p. 334.
- [61] Трифонов, 1971, с. 88–94.
- [62] Эврич, 2007, с. [66], [69].
- [63] Эврич, 2007, с. [100].
- [64] Эврич, 2007, с. [85]–[93].
- [65] Голинков, 1975, с. 496.
- [66] Голинков, 1975, с. 496–497.
- [67] Эврич, 2007, с. [71], [98].
- [68] Эврич, 2007, с. [70], [99].
- [69] Серж, 2001, с. 154–156.
- [70] Азовцев, 1986, с. 321–323.
- [71] Эврич, 2007, с. [96].
- [72] Эврич, 2007, с. [99], [104].
- [73] Эврич, 2007, с. [102].
- [74] Попов, 2017, с. 150.
- [75] Эврич, 2007, с. [106], [110].
- [76] Козлов, 1999, Т. 1, с. 14.
- [77] Хромов, 1983, с. 306.
- [78] Дойчер, 2006, с. 517.
- [79] Карр, 1990, с. 167.
- [80] Ворошилов, 1961, с. 20–35.
- [81] Эврич, 2007, с. [107]–[108].
- [82] Эврич, 2007, с. [108].
- [83] Эврич, 2007, с. [108]–[109].
- [84] Лапков, 2011, с. 3–8.
- [85] Эврич, 2007, с. [135]–[136].
- [86] Эврич, 2007, с. [110].
- [87] Эврич, 2007, с. [133].
- [88] Эврич, 2007, с. [136]–[137].
- [89] Скилягин и др., 1967, с. 81.
- [90] Эврич, 2007, с. [134]–[135].
- [91] Гербановский, 1980, с. 46–51.
- [92] Аптекарь, 1994, с. 56.
- [93] Croll, 2004, pp. 1–48.
- [94] Эврич, 2007, с. [141].
- [95] Гербановский, 1980, с. 47–50.
- [96] Эврич, 2007, с. [144].

- [97] Эврич, 2007, с. [145].
[98] Серж, 2001, с. 159–161.
[99] Христофоров, 2011, с. 57–58.
[100] Malle, 2002, p. 453–454.
[101] Broué, 2006, p. 459.
[102] Карр, 1990, с. 747.
[103] Поляков, 1967, с. 42.
[104] Himmer, 1994, pp. 515–529.
[105] Сталин, 1946–2006, Т. 6, с. 37.
[106] Морозов, 2005, с. 151.
[107] Сватовая, 2014.
[108] Марголис.
[109] Комаров, 2014.
[110] Памяти павших под Крон-том.
[111] Ельцин, 1994.
[112] Smele, 2006, pp. 335–337.
[113] Поляков, 1967, с. 30.
[114] Голинков, 1975, с. 493.
[115] Broué, 2006, pp. 531–532.
[116] Попов, 2017, с. 3, 5, 19–20, 37.
[117] Назаренко, 2011, с. 212.
[118] Семанов, 1973.
[119] Семанов, 2003.
[120] Жаковщиков, 1941.
[121] Корнатовский, 1931.
[122] Кузнецов, 1930.
[123] Кузьмин, 1931.
[124] Пухов, 1931.
[125] Щетинов, 1978.
[126] Голинков, 1975, с. 493–498.
[127] Попов, 2017, с. 36–37, 42, 88.
[128] Попов, 2014, с. 61–65.
[129] Демидов, 1996, с. 4.
[130] Попов, 2017, с. 15.
[131] Елизаров, 2007, с. 33–34.
[132] Эврич, 2007, с. 93.
[133] Поляков, 1967, с. 206.
[134] Roberts, 1970, p. 244.
[135] Эврич, 2007, с. 58.
[136] Ball, 1990, p. 10.
[137] Попов, 2017, с. 141–142.
[138] Попов, 2017, с. 157.
[139] Scott, 1999, p. 389.
[140] Попов, 2017, с. 36–37, 100–102.
[141] Троцкий, 1938, с. 22.
[142] Троцкий, 1937, с. 12–14.
[143] Фельштинский, 2013, с. 231–233.
[144] Knei-Paz, 1978, pp. 417, 556.
[145] Atkin, Biddiss, Tallett, 2011, p. 10.
[146] Кураев, 1990, с. 4.
[147] Берман-Цикиновский, 2008.
[148] Козлинский.
[149] Школьный, 2000, с. [21].
[150] Школьный, 2000, с. [22].
[151] Гос. Русский музей, 2005, с. 85.
[152] Glasper, 2014, pp. 96–100.
[153] Broué, 2006, pp. 531–532, 886.

Литература

1. Аллен Р. С. От фермы к фабрике: новая интерпретация советской промышленной революции = *Farm to Factory: A Re-interpretation of the Soviet Industrial Revolution*. – М.: РОС-СПЭН, 2013. – 392 с. – (История сталинизма). – ISBN 978-5-8243-1799-2.
2. Голиков Д. А. Кронштадтский мятеж // Крушение антисоветского подполья в СССР (1917–1925 гг.). – М.: Политиздат, 1975. – 703 с. – 200 000 экз.
3. Гражданская война в СССР (в 2-х тт.) / колл. авторов, ред. Н. Н. Азовцев. – М.: Воениздат, 1986. – Т. 2.
4. Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия / Гл. ред. С. С. Хромов; Ред. кол.: Н. Н. Азовцев, Е. Г. Гимпельсон, П. А. Голуб и др. – М.: Советская энциклопедия, 1983. – 704 с. – 150 000 экз.
5. Дела и люди Ленинградской милиции: Очерки истории / А. Скилягин, В. Лесов, Ю. Пименов, И. Савченко. – Л.: Лениздат, 1967. – 376 с.
6. Дойчер И. Троцкий. Вооруженный пророк. 1879–1921. – М.: Центрполиграф, 2006. – 527 с. – ISBN 5-9524-2147-4.
7. Дыбенко П. Е. Из недр царского флота к Великому Октябрю. Из воспоминаний о революции. 1917–7.XI–1927. – М.: Военный вестник, 1928. – 237 с. – 7000 экз.
8. Дэй Р. Б. Лев Троцкий и политика экономической изоляции = *Leon Trotsky and the Politics of Economic Isolation* / науч. ред. А. А. Белых; пер. с англ. А. В. Белых. – М.: Дело, 2013. – 469, [1] с. – (Экономическая история в прошлом и настоящем / РАНХиГС). – 1000 экз. – ISBN 978-5-7749-0766-3.
9. Елизаров М. А. Матросские массы в 1917–1921 гг.: от левого экстремизма к демократизму. – СПб.: СПб ВМИ, 2004. – 282 с.
10. Жаковщиков К. И. Разгром кронштадтского контрреволюционного мятежа в 1921 г. – Л.: Лениздат, 1941. – 74 с.
11. Из истории русского плаката: «Окна» РОСТА и Главполитпросвета. 1919–1922: кат. выст. / сост. Н. Н. Школьный; науч. ред. Е. В. Бархатова. – СПб., 2000. – 36 с.
12. Карп Э. История Советской России. Кн. 1: Большеви́стская революция. 1917–1923 = *A History of Soviet Russia*. – Прогресс, 1990. – Т. 1. – 771 с. – ISBN 5-01-002968-5.
13. Кронштадтское восстание 1921 // Крещение Господне – Ласточкины. – М.: Большая российская энциклопедия, 2010. – (Большая российская энциклопедия : [в 35 т.] / гл. ред. Ю. С. Осипов ; 2004–2017, т. 16). – ISBN 978-5-85270-347-7.
14. Крестьянины В. Я. Кронштадт. Крепость город порт. – СПб., 2002. – С. 96–105. – ISBN 5-94500-010-8.
15. Кронштадтская трагедия 1921 года: документы (в 2-х тт.) / Федеральная архивная служба России [и др.]; редкол.: В. П. Козлов (отв. ред.) [и др.]. – М.: РОССПЭН, 1999. – 686, 670 с. – ISBN 5-8243-0050-X. – ISBN 5-8243-0049-6.
16. Кронштадтский мятеж // «К-22» – Линейный крейсер / [под общ. ред. Н. В. Огаркова]. – М.: Военное изд-во М-ва обороны СССР, 1979. – С. 479–480. – (Советская военная энциклопедия : в 8 т. ; 1976–1980, т. 4).
17. Кронштадтский мятеж: Сборник статей, воспоминаний и документов / под ред. Н. А. Корнатовского. – Л., 1931. – 234 с.
18. Кронштадт 1921: Документы о событиях в Кронштадте весной 1921 г. / сост. В. П. Наумов, А. А. Косаковский; под общ. ред. А. Н. Яковлева. – М.: Эксмо: Алгоритм, 1997. – 432 с. – (Россия. XX век. Документы). – ISBN 5-89511-002-9.
19. Кузнецов В. Из воспоминаний политработника. – М.; Л.: Госиздат, 1930. – 86 с.
20. Кузьмин М. Кронштадтский мятеж. Популярный очерк. – Л.: ОГИЗ, Прибой, 1931. – 103 с.

21. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. – 5-е изд. – М.: Издательство политической литературы, 1967.
22. Леонидов О. Ликвидация кронштадтского мятежа: (Март 1921 г.). – М.: Воениздат, 1939. – 64 с. – (Библиотека красноармейца).
23. Морозов К. Н. Между Сциллой политической целесообразности и Харибдой юриспруденции // Судебный процесс социалистов-революционеров и тюремное противостояние (1922–1926): этика и тактика противоборства / Науч.-информ. и просветит. центр «Мемориал». – М.: РОССПЭН, 2005. – 735 с. – ISBN 5-8243-0735-0.
24. Назаренко К. Б. От войны к миру (1920–1921 гг.) // Флот, революция и власть в России: 1917–1921. – М.: Квадрига; Русская панорама, 2011. – 488 с. – (Исторические исследования). – 1000 экз. – ISBN 978-5-91791-058-1. – ISBN 978-5-93165-292-4.
25. Поляков Ю. А. Переход к энпу и советское крестьянство. – М.: Наука, 1967. – 519 с.
26. Правда о Кронштадте. – Грюнхут. – Прага: Газета Воля России, 1921. – 183 с.
27. Пухов А. С. Кронштадтский мятеж в 1921 году. – М., 1931. – 126 с.
28. Рудольф Френц / Государственный Русский музей. Альманах № 124. – СПб.: Palace Editions, 2005. – 96 с. – ISBN 5-93332-186-9.
29. Семанов С. Н. Кронштадтский мятеж. – М.: Эксмо: Алгоритм, 2003. – 254 с. – (Новейшая история). – 4100 экз. – ISBN 5-699-02084-5.
30. Семанов С. Н. Ликвидация антисоветского Кронштадтского мятежа 1921 года. – М.: Наука, 1973. – 232 с.
31. Серж В. Опасность – в нас самих 1920–1921 // От революции к тоталитаризму: Воспоминания революционера / пер. с фр. Ю. В. Гусевой, В. А. Бабинцева. – М.: Праксис, 2001. – 696 с. – ISBN 5-94529-004-1.
32. Сталин И. В. Сочинения. – М.: Политиздат, 1946–2006.
33. Фельштинский Ю., Чернявский Г. «Дело Льва Троцкого» // Лев Троцкий. Книга 4. Враг №1. 1929–1940 гг. – М.: Центрполиграф, 2013. – 544 с. – ISBN 978-5-227-04154-8.
34. Шетинов Ю. А. Сорванный заговор. – М.: Политиздат, 1978. – 119 с.
35. Эврич П. Восстание в Кронштадте. 1921 = Kronstadt 1921 / пер. Л. А. Игоревский. – М.: Центрполиграф, 2007. – 240 с. – (Россия в переломный момент истории). – 3000 экз. – ISBN 978-5-9524-2744-0.
36. Яров С. В. Горожанин как политик. Революция, военный коммунизм и НЭП глазами петроградцев / отв. ред. член-корреспондент РАН В. А. Шишкин. – СПб.: «Дмитрий Буланин», 1999. – 320 с. – 600 экз. – ISBN 5-86007-177-9.
37. Atkin N., Biddiss M., Tallett F. Anarchism // The Wiley-Blackwell Dictionary of Modern European History Since 1789. – John Wiley & Sons, 2011. – 512 p. – ISBN 9781444390728.
38. Aves J. The Volynka // Workers Against Lenin: Labour Protest and the Bolshevik Dictatorship. – I.B. Tauris, 1996. – 220 p. – (International library of historical studies, Vol. 6; Tauris academic studies). – ISBN 9781860640674. – ISBN 1860640672.
39. Ball A. M. Introduction: The war communism prelude // Russia's Last Capitalists: The Nepmen, 1921–1929. – University of California Press, 1990. – 243 p. – ISBN 9780520910591.
40. Broué P. Немецкая революция, 1917–1923 = Révolution en Allemagne, 1917–1923. – Paris: Les Éditions de Minuit, 1971. – 988 p. – (Arguments, 50). – ISBN 9782707301673.
41. Broué P. Немецкая революция, 1917–1923 = The German Revolution, 1917–1923 / John Archer, Ian Birchall, Brian Pearce. – Haymarket Books, 2006. – 991 p. – (Historical materialism book series, ISSN 1570-1522, Vol. 5). – ISBN 9781931859325. – ISBN 1931859329.
42. Glasper I. The Kronstadt Uprising // The Day the Country Died: A History of Anarcho Punk 1980–1984. – PM Press, 2014. – 496 p. – ISBN 9781604869880. – ISBN 1604869887.
43. Knei-Paz B. Социальная и политическая мысль Льва Троцкого = The Social and Political Thought of Leon Trotsky. – 1st. – Oxford University Press, 1978. – 652 p. – ISBN 0198272340.

44. Landis E. C. Бандиты и партизаны = Bandits and Partisans: The Antonov Movement in the Russian Civil War. – University of Pittsburgh Press, 2008. – 381 p. – (Series in Russian and East European studies). – ISBN 9780822971177. – ISBN 0822971178.
45. Lih L. Т. Хлеб и власть в России = Bread and Authority in Russia, 1914–1921. – Berkeley: University of California Press, 1990. – 303 p. – (Studies on the history of society and culture, Vol. 10; University of California Press eScholarship editions). – ISBN 9780520065840.
46. Malle S. The New Economic Policy // Экономическая организация военного коммунизма = The Economic Organization of War Communism 1918–1921. – Cambridge University Press, 2002. – 568 p. – (Cambridge Russian, Soviet and Post-Soviet Studies, Vol. 47). – ISBN 9780521527033. – ISBN 9780521302920. – ISBN 0521527031. – ISBN 0521302927.
47. Scott J. C. Seeing Like a State: How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed. – Yale University Press, 1999. – 463 p. – (The Institution for Social and Policy Studies; Yale Agrarian Studies). – ISBN 9780300128789. – ISBN 0300128789.
48. Smele J. The Kronstadt Uprising // The Russian Revolution and Civil War 1917–1921: An Annotated Bibliography. – A&C Black, 2006. – 656 p. – (Continuum Collection). – ISBN 9781441119926. – ISBN 1441119922.
49. Kronstadt, by V. I. Lenin and Leon Trotsky / ed. B. Mutnick; introd. by P. Frank. – London: Monad Press, 1979. – 159 p.
50. Аптекарь П. А. «Химчистка» по-тамбовски // Родина. – 1994. – № 5. – С. 56–58.
51. «Власть Советам, а не партиям!» // Известия Временного Революционного Комитета Матросов, Красноармейцев и Рабочих г. Кронштадта. – 1921. – 15 марта (№ 13).
52. Ворошилов К. Е. Из истории подавления кронштадтского мятежа // Военно-исторический журнал. – 1961. – № 3. – С. 15–35.
53. Гербановский С. Е. Штурм мятежных фортов // Военно-исторический журнал. – 1980. – № 3. – С. 46–51.
54. Елизаров М. А. Еще раз о причинах Кронштадтского восстания в марте 1921 г // Отечественная история : журнал. – 2004. – № 1. – С. 165–176.
55. Ельцин Б. Н. Указ Президента РФ от 10.01.1994 № 65 «О событиях в г. Кронштадте весной 1921 года» // Garant.ru. – 1994.
56. Ельцин Б. Н. Указ Президента Российской Федерации от 10.01.1994 г. № 65 // Президент России. – 1994.
57. Ермолаев И. Власть Советам!..: О событиях в Кронштадте 1–18 марта 1921 // Дружба народов : журнал. – 1990. – № 3. – С. 182–189. – ISSN 0012-6756.
58. Комаров Н. «Памяти жертв Кронштадтского восстания 1921» // kotlin.ru : новости Кронштадта. – 2014. – 28 июля.
59. Кронштадтское восстание 1906 года // Красный архив : журнал. – 1936. – № 4.
60. Лашков А. Ю. Применение авиации в ходе подавления кронштадтского мятежа // Военно-исторический журнал. – 2011. – № 2. – С. 3–8.
61. Новиков А. П. Эсеровские лидеры и кронштадтский мятеж 1921 года // Отечественная история : журнал. – 2007. – № 4. – С. 57–64.
62. Обращение населения крепости и Кронштадта // Известия Временного Революционного Комитета г. Кронштадта. – 1921. – 15 марта (№ 1).
63. Попов В. В. Первоначальные версии причин кронштадтского мятежа в изложении самих восставших матросов и официальных советских властей во время разворачивавшихся событий 1921 г // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2013. – Вып. 5 (21). – С. 65–69. – ISSN 2075-9908.
64. Попов В. В. Формирование «Единственно верной» версии причин кронштадтских событий 1921 г. В советской историографии 1920–1950-х гг // Историческая и Социально-Образовательная Мысль. – 2014. – Вып. 1 (23). – С. 61–66. – ISSN 2075-9908.

65. Сватовая И. «Сраженные в битвах за счастье народов...» // «Кронгазета». – 2014. – 22 декабря (№ 50 (253)).
66. Трифонов Н., Сувениров О. Разгром контрреволюционного Кронштадтского мятежа // Военно-исторический журнал. – 1971. – № 3. – С. 88–94.
67. Троцкий Л. Д. Мятеж бывшего генерала Козловского и корабля «Петропавловск» (Правительственное сообщение) // Правда : газета. – 1921. – 3 марта (№ 47).
68. Троцкий Л. Д. Шумиха вокруг Кронштадта // Бюллетень оппозиции (большевик-ленинцев) : журнал. – 1938. – № 66–67. – С. 22–26.
69. Троцкий Л. Д. Ответы на вопросы Венделина Томаса // Бюллетень оппозиции (большевик-ленинцев) : журнал. – 1937. – № 56–57. – С. 12–14.
70. Троцкий Л. Д. Еще об усмирении Кронштадта // Бюллетень оппозиции (большевик-ленинцев) : журнал. – 1938. – № 70. – С. 10.
71. Флеровский И. Мятеж мобилизованных матросов в Петрограде 14 октября 1918 г // Пролетарская революция : журнал. – 1926. – № 8. – С. 218–237.
72. Христофоров В. Кронштадт, 1921 год // Звезда : журнал. – 2011. – № 5. – С. 57–64.
73. Croll N. The role of M.N. Tukhachevskii in the suppression of the Kronstadt Rebellion (англ.) // Revolutionary Russia. – 2004. – December (vol. 17, iss. 2). – P. 1–48. – ISSN 0954-6545. – doi:10.1080/0954654042000289688.
74. Himmer R. The Transition from War Communism to the New Economic Policy: An Analysis of Stalin's Views (англ.) // The Russian Review. – 1994. – Vol. 53, iss. 4. – P. 515–529. – doi:10.2307/130963.
75. Roberts P. C. «War Communism»: A Re-Examination (англ.) // Slavic Review. – 1970. – Vol. 29, iss. 2. – P. 238–261. – doi:10.2307/2493378.
76. Suny R. G. Review of Kronstadt 1921 (англ.) // Slavic Review. – 1971. – Vol. 30, iss. 1. – P. 150–151. – doi:10.2307/2493470.
77. Демидов В. А. Кронштадтское восстание 1921 года: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / науч. рук. проф. А. С. Городилов. – М., 1996. – 185 с.
78. Елизаров М. А. Левый экстремизм на флоте в период Революции 1917 года и гражданской войны (февраль 1917 – март 1921 гг.): дис. ... доктора ист. наук: 07.00.02. – СПб.: С.-Петербург. гос. ун-т, 2007. – 577 с.
79. Попов В. В. Кронштадтские события 1921 г.: историография проблемы: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09 / науч. рук. И. Ю. Юрченко. – М., 2017. – 228 с.
80. Берман-Цикиновский М. Собрание сочинений в 3-х томах. – М.: Вагриус Плюс, 2008. – Т. 3. Пьесы. – 494 с. – ISBN 9785985250459. – ISBN 5985250458.
81. Кураев М. Н. Капитан Дикштейн: Повести / Михаил Кураев. – М.: Профиздат, 1990. – 240 с. – 100 000 экз. – ISBN 5-255-00144-9.

Электронные ресурсы

- Брендель К. Кронштадт – пролетарский отпрыск российской революции (1971). Дата обращения: 17 августа 2017. URL: <http://www.leftdis.nl/r/kroncajo.htm>.
- Денисов А. Г. Документальный фильм Алексея Денисова «Кронштадтский мятеж. Кто победил?» ВГТРК (2011). Дата обращения: 17 августа 2017. URL: http://russia.tv/brand/show/brand_id/5207.
- Памяти павших под Кронштадтом командиров и курсантов. Сайт «Узнай Москву». Департамент культурного наследия города Москвы. Дата обращения: 24 декабря 2018. URL: <https://um.mos.ru/monuments/pamyati-pravshikh-pod-kronshtadtom-komandirov-i-kursantov-2-y-pekhotnoy-moskovskoy-shkoly-4-18-marta->.
- Козлинский В. И. Петербург РОСТА. Кронштадтская карта бита. www.russianposter.ru. Дата обращения: 10 сентября 2017. URL: <http://www.russianposter.ru/data.php?rid=31020177000001>.
- Кречетников А. Восстание в Кронштадте: за свободу торговли и власть Советов. Русская служба Би-би-си (17 марта 2011). Дата обращения: 17 марта 2011. Архивировано 18 мая 2012 года. URL: https://www.bbc.co.uk/russian/russia/2011/03/110314_kronshtadt_uprising.shtml.
- Рябов П. В. Видеолекция «Восстание в Кронштадте» (2011). Дата обращения: 17 августа 2017. URL: <https://vimeo.com/21217525>.
- Трефолева ул. Энциклопедия Санкт-Петербурга. encspb.ru; научно-просветительская организация Институт Петра Великого; глав. ред. Александр Марголис (2015). Дата обращения: 6 сентября 2017. URL: <http://encspb.ru/object/2803915016>.
- The Kronstadt Izvestia, архив газеты «Известий Временного революционного комитета Кронштадта», издававшейся повстанцами. Платформа «Libcom.org». Дата обращения: 6 сентября 2017. URL: <http://libcom.org/library/kronstadt-izvestia>.
- Kronstadt Archive, «Архив Кронштадта» на сайте «Marxists Internet Archive» (MIA). Платформа «Marxists.org». Дата обращения: 18 сентября 2017. URL: <https://www.marxists.org/history/ussr/events/kronstadt/index.htm>.

Часть II.
Шахтинское дело (1928)

Краткая справка

«Шахтинское дело», официально известное как «Дело об экономической контрреволюции в Донбассе», являлось советским инсценированным судебнополитическим процессом, проходившим с 18 мая по 6 июля 1928 года в московском Доме Союзов.

Рис. 22. Ход «Шахтинского процесса» в зале московского Дома Союзов (май-июль 1928).

В рамках данного процесса группа из 53-х руководителей и специалистов угольной промышленности СССР, входившая как в ВСНХ и трест «Донуголь», так и в управляющие органы ряда шахт Донбасса, обвинялась во вредительстве и саботаже. Кроме того, участников процесса, являвшихся преимущественно представителями старой (дореволюционной) технической интеллигенции, обвиняли в создании подпольной контрреволюционной организации, связанной с зарубежными антисоветскими центрами. Их, в частности, обвиняли в установлении тайных связей с никогда не существовавшим в реальности «парижским центром». Первые аресты отдельных участников произошли

в июне-июле 1927 года. В марте 1928 года, после того как Политбюро ЦК приняло версию о «заговоре», дело стало политическим.

Итоговые обвинения, за отсутствием реальных улик, строились на компрометирующих показаниях и самооговорах. В связи с арестом ряда граждан Германии, имевшим место на первом этапе следствия, дело стало причиной серьёзного дипломатического кризиса. В связи с давлением со стороны европейских лидеров и представителей крупного бизнеса, советские власти были вынуждены отступить от ранее выдвигавшейся «международной» версии событий. В результате они сфокусировались на репрессиях практически исключительно против советский граждан.

«Шахтинский процесс» над группой представителей «буржуазной» интеллигенции стал знаковым событием в ранней истории СССР. Он обозначил переход от Новой экономической политики (НЭПа) к «социалистическому наступлению» в экономике.

В 2000 году Генеральной прокуратурой РФ все осуждённые были реабилитированы – за отсутствием в их действиях состава преступления. Российскими прокурорами, разбиравшими дело, были оценены и методы работы советского следствия. Так прокуратурой было особо отмечено, что уже «на первых допросах следователи, искусно манипулируя сведениями о политическом прошлом арестованных, о фактах аварий, затоплений на шахтах, антисоветских высказываний отдельных инженеров, добились от некоторых специалистов признания о контрреволюционной вредительской организации».

В зарубежной историографии «Шахтинское дело» рассматривалось как один из публичных политических процессов 1920–1930-х годов, в которых институты юстиции использовались исключительно в политических интересах. Оно также изучалось и как инструмент для социальной мобилизации населения.

Глава 7. Исторический контекст

В конце 1927 года в советской экономической политике наметились значительные изменения. Так в октябре Бухарин призывал к усиленному наступлению на капиталистические элементы в советской деревне — на «кулака». А в декабре Пятнадцатый съезд одобрил данное предложение, хотя и уточнил, что новые меры — в частности, коллективизация — будут иметь постепенный характер.

Рис. 23. Группа советских рабочих в годы НЭПа.

Однако в том же году в СССР возникла проблема со сбором зерна. Если весной и летом 1927 года фактический сбор зерновых даже несколько опережал плановый, то к концу года ситуация заметно ухудшилась. В ноябре и декабре сбор составлял менее половины от объёма прошлого года. Руководство партии оказалось встревожено как перспективой нехватки продовольствия, так и общим нарушением экономических планов. Одновременный рост крестьянских выступлений против хлебозаготовок и иных чрезвычайных мер ставил перед Политбюро ЦК ВКП(б) задачу поиска более рационального метода «перекачки» как зерна, так и другой сельскохозяйственной продукции от производителя государству [1].

Иосиф Сталин в тот период «изменил саму идеологию причин кризиса»: «Игнорируя формулу об ошибках партийно-советского аппарата (о которых немало говорилось в коллективных директивах Политбюро), он почти целиком перенёс акцент на обличение враждебных действий „кулаков“ и антисоветских сил» [2].

В партии возникла дискуссия по поводу необходимости дополнительных мер для борьбы с «классовыми врагами» — с кулаками в деревне и с «буржуазными» специалистами в промышленности. И к началу 1928 года органы ОГПУ, при поддержке партийного руководства, активизировали свою деятельность в экономической сфере [3-5].

Из докладной записки председателя ГПУ Украины В. А. Балицкого Г. Г. Ягоде, 25 апреля 1928 года, о Шахтинском деле [6]:

«Таким образом, выводы тов. СТАЛИНА в его докладе на Пленуме ЦК в отношении новых форм работы контрреволюции и подготовки интервенции, получают фактическое подтверждение в материалах этого дела».

По мнению заведующего кафедрой отечественной истории Новосибирского государственного университета (НГУ) и ведущего научного сотрудника сектора истории социально-экономического развития Института истории СО РАН, профессора Сергея Красильникова, советскую власть беспокоил и заметно обострившийся «рабочий вопрос». В годы НЭПа постоянно нарастала, а затем приобрела устойчивый характер напряженность в производственных коллективах.

Эта напряженность выражалась в стихийных, а затем и в организованных волнениях — прежде всего, в крупных и мелких забастовках. Общее недовольство и протестные настроения в конце 1920-х годов охватывали все категории советских рабочих: от кадровых специалистов до малоквалифицированных тружеников. Так в ряде забастовок участвовали даже члены местных отделений большевистской партии и отдельные молодые комсомольцы.

В реалиях социально-трудовых отношений на производстве возникали, накапливались и вспыхивали всевозможные конфликты и нестыковки. См. об аналогичной ситуации в экономике США одну из следующих книг данной серии — о Новом курсе Рузвельта. Конфликты и взаимное непонимание создавали «плодородную почву» для, пользуясь терминологией той эпохи, «размычки» между рабочими и властью. Как отмечал Красильников, рабочие-партийцы, остававшиеся на производстве, обязывались в порядке партийной дисциплины

поддерживать все, в том числе и самые непопулярные, решения заводской администрации – решения, часто воспринимавшиеся пролетариями, как шедшие вразрез с насущными интересами рабочей массы. То есть, с их собственными интересами и чаяниями.

Кроме того, изменения происходили и в сфере внешней политики: в частности, в германских правящих кругах не отрицали возможность дальнейшего кредитования СССР, но решение данного вопроса откладывалось из месяца в месяц. Представители Веймарской республики не соглашались на долгосрочное кредитование, допуская лишь выдачу кредитов на срок не более двух лет, а в качестве условия ставили полное погашение первого 300-миллионного займа. При этом советская сторона выдвигала требование нового кредита («перманентного кредитования») в 600 миллионов марок [7].

Рис. 24. Плакат «Победа революции в сотрудничестве рабочих и крестьян.

В ряды плечо к плечу, труженники городов и деревень, против железной цепи помещиков и фабрикантов мира!» (М. М. Черемных, 1925).

Столь значительная сумма вызывала сомнение в платежеспособности СССР, тем более что в период переговоров страна Советов была вынуждена пойти на сокращение расходов валюты для закупок сырья, оборудования и машин за границей. В частности, были сокращены закупки хлопка в Соединенных Штатах Америки и в Египте и увеличены площади его производства в Средней Азии. При этом пополнение запасов валюты предполагалось провести за счет увеличения

урожайности зерновых культур и расширения вывоза собранного зерна за границу. Отрицательное отношение немецкой стороны к вопросу о кредитах объяснялось её осведомлённостью как о кризисе хлебозаготовок зимой 1927–1928 годов, так и об общем ослаблении политических и экономических позиций СССР [8-11].

Конфиденциальные источники сообщали немецкому послу Ульриху фон Брокдорф-Ранцау о том, что и французский посол Жан Эрбетт, и итальянский посланник Витторио Черрути, и польский посланник Станислав Патек называли внутреннее положение в СССР «экономическим параличом» и «политической катастрофой». В результате сложившегося положения, в частности, заметно обострились отношения как среди простых рабочих шахт, так и между рабочими и специалистами на угольных разрезах [12,13].

Сворачивание НЭПа коснулось и германских промышленных концессий, которые без поддержки советского правительства и так находились в плачевном положении – с трудом удерживая самих себя «на плаву». По мнению Густава Хильгера, немецкие концессии в СССР не оправдали возлагавшихся на них надежд и доставляли всем участникам «больше раздражения, чем практических выгод» [14].

Вместе с тем полный отказ советского государства от «смешанных» предприятий требовалось объяснить широким слоям населения СССР. Ответственность за наблюдавшиеся бесхозяйственность, халатность и некомпетентность – приводившие к авариям и поломкам дорогостоящего оборудования – зачастую списывалась на «классовых врагов», «саботажников», «вредителей» и «старых специалистов». Эта демагогическая позиция большевиков – в совокупности с их представлениями о «новых формах контрреволюционной работы» и подготовке к «интервенции со стороны мирового империализма против СССР» – затрудняло для Германии восстановление доверительных отношений с руководством Советского Союза [15].

Глава 8. Истоки дела. Следствие

По мнению профессора Красильникова в действиях чекистов по «расследованию» Шахтинского дела прослеживались три основные стадии. Разделение на эти стадии наблюдается как в географической, так и в политической составляющей всего дела.

Первый шахтинский, «дополитический» этап, продолжался с июня по октябрь 1927 года. В его рамках основные следственные мероприятия осуществлялись сотрудниками Шахтинско-Донецкого оперативного сектора Полномочного представительства ОГПУ по Северо-Кавказскому краю лишь при незначительном участии ростовских коллег. Второй, ростовский, этап длился с октября 1927 года по февраль 1928 года. Третий и завершающий, ростовско-украинский этап продолжался с марта по апрель 1928 года. В его рамках к следствию подключились – а затем и стали доминировать – украинские и целый ряд московских чекистов [16,17].

При этом небольшой поселок Шахты, входивший с 1920 по 1924 год в состав Украинской ССР, привлекал внимание ОГПУ задолго до самого процесса. Ещё в 1923 году горняки Власовско-Парамоновского рудника, измотанные голодом и безденежьем, выдвинули петицию из двенадцати пунктов, в которой требовали улучшения условий труда на руднике, повышения зарплаты, соблюдения техники безопасности и развития местного самоуправления. В тот период в посёлке прошла манифестация, в которой приняли участие около 10 тысяч шахтёров, двинувшихся к зданию местного ГПУ. Здесь также началась масштабная забастовка на угольных производствах.

Манифестанты были встречены отрядом вооружённых солдат, открывших огонь. Несколько человек из демонстрации были ранены, а об убитых в те дни не сообщалось. В результате, организаторов протестов и активистов арестовали, а сами волнения стихли только после смены руководства шахтоуправления и изменения административной принадлежности всего Шахтинского района, ставшего теперь частью Северо-Кавказского края РСФСР.

При этом, в мае 1927 года массовые выражения недовольства повторились – по мнению заместителя секретаря Шахтинско-Донского

окружного комитета партии Ивана Кравцова, высказанному 20 мая в письме в ЦК, теперь это произошло из-за введения на шахтах нового коллективного договора. Обновлённый контракт повышал нормы выработки и, одновременно, понижал расценки на труд, в результате чего реальная заработная плата горняков упала почти вдвое [18,19].

8.1. Шахтинский этап

Первые аресты нескольких инженеров, техников и управленцев Донецко-Грушевского рудоуправления «Донугля» произошли в период с июня по июль 1927 года. Только трое из арестованных в дальнейшем оказались среди подсудимых на процессе, ставшем одним из первых политических процессов в СССР, направленных на искоренение «классовых врагов». Остальные были репрессированы в рабочем порядке Коллегией ОГПУ [20].

Следующая серия арестов, в рамках которой были арестованы пять человек, состоялась в период с 9 по 11 ноября, а ещё один арест произошёл 3 декабря. В новом, 1928, году ещё пять человек были арестованы в течение двух месяцев – с января по февраль. В итоге, к началу марта 1928 года – к моменту информирования членов Политбюро ЦК ВКП(б) о «раскрытии заговора» – под арестом находилось около четверти из будущих подсудимых. Дополнительные обвиняемые «добирались» в рамках последующих «форсированных» следственных мероприятий. Так, с 3 по 10 марта харьковскими чекистами были задержаны сразу девятнадцать человек, а затем – в течение месяца – были взяты под стражу ещё два десятка человек. Последние ордера на арест были датированы 15 апреля 1928 года [20,21].

Профессор Красильников, называя начальную фазу следствия «затяжной и вялотекущей», полагал, что причиной тому была невозможность выстроить доказательную базу, способную превратить «факты проявления халатности и небрежности в обвинения во вредительстве и шпионаже». Так, первому «шахтинцу» – технику Венедикту Беленко, заведовавшему «проходкой» имени Красина, относившейся к Донецко-Грушевскому рудоуправлению (ДГРУ) треста «Донуголь» – 15 апреля 1927 года были предъявлены обвинения по статье 108-й Уголовного кодекса РСФСР. Данная статья предусматривала наказание «за небрежное и халатное отношение к своим обязанностям». Причиной

же начала самого следствия стало самое обычное в те годы явление: гибель шахтёра в руководимом Беленко забое.

Рис. 25. Демонстрация в городе Шахты: фотография с самолета Н. Астафьева (1923–1927). Снимок опубликован уже в России администрацией города Шахты. Предположительно, демонстрация проходила на пересечении улицы Советская и проспекта Красной Армии.

В начале мая Беленко был отпущен под подписку о невыезде при поручительстве профсоюзной организации. При этом он был снят со своей должности и переведён техником на другую шахту. После этого в Шахтинский отдел ОГПУ поступило сразу несколько заявлений от местных рабочих, в которых они указывали на «многочисленные нарушения», допущенные их бывшим начальником в работе.

На одно заявление от 23 июля начальник окружного отдела ОГПУ Финаков наложил резолюцию о создании технико-экспертной комиссии для проверки фактов и об открытии в отношении Беленко нового дела, которое должно было быть «увязано» с делом № 267 в отношении нескольких других инженеров и техников ДГРУ,

арестованных в июне по статье 58-й (пункт 7, «экономическая контрреволюция»). Дело начало разрастаться [22,23].

8.2. Краевой этап

9 сентября 1927 года следствие по делу против тринадцати человек перешло в ведение Экономического отдела ПП ОГПУ по Северо-Кавказскому краю. На начальном этапе в качестве ключевых фигур чекисты рассматривали заведующих шахтами Николая Гаврищенко и самого Беленко. В тот же период в деле появились несколько заявлений от рабочих, сообщавших о недоплате. Позже многие шахтеры на допросах сообщали о тяжелых условиях труда, неправильном начислении заработной платы и бюрократизме инженерно-технического персонала. Заявления также обвиняли Беленко во враждебном отношении к советской власти. В тот период ни иностранные специалисты, ни дореволюционные инженеры не скрывали своего недовольства как низким уровнем финансирования угольного производства, так и методами управления. Методами, порождавшими нарушения технических процессов и правил техники безопасности – тем самым снижая, по мнению «спецов», добычу угля в регионе [24].

Летом 1927 года к местным чекистам из города Шахты прибыли их ростовские коллеги: Евгений Еленевич, Михаил Яхонтов и Василий Борисевич-Луцик. Прибытие дополнительных кадров позволило ускорить ход дела. Арестованным стали организовывать очные ставки с бывшими сотрудниками и агентами «белогвардейской» контрразведки, которые давали «стереотипные» показания о причастности арестованных к репрессиям в отношении советских рабочих.

Красильников полагал, что давление на арестованных оказывалось по трем направлениям [25,26]:

- (i) во-первых, «саботаж и вредительство на производстве»;
- (ii) во-вторых, ненормальные взаимоотношения с пролетариями, включая обшчёты, грубость и рукоприкладство, и,
- (iii) в-третьих, активно прорабатывалась «антирабочая и антиреволюционная деятельность» подозреваемых в период революций и Гражданской войны.

Постепенно изменилось и поведение самих арестованных. В конце августа 1927 года Беленко и Гаврищенко, практически

одновременно, изменили свою прежнюю линию поведения. Они начали давать показания о наличии в ДГРУ целой группы управленцев и техников, настроенных антисоветски. 24 августа 1927 года Беленко сообщил следователям, что на производстве была задействована [27]:

«Группа, родственно связанная между собой, а также связанная между собой деловыми дореволюционными связями во главе с Емельяном Колодубом, в прошлом известным шахтовладельцем.»

В тот же день Беленко впервые озвучил и конкретные обвинения, заключающиеся в сокрытии данных о богатых угольных месторождениях, разведанных ещё до 1917 года и, одновременно, в разработке бесперспективных угольных пластов. После этого уже Гаврищенко в своих показаниях «солидаризировался» с коллегой. Красильников считал неизбежным, что после подобных признаний технико-экспертные комиссии начали давать «нужные чекистам» заключения [28].

Следующий сюжет дела состоял в выявлении причин сбоев и аварий на производстве, поскольку в данный период в советской стране вследствие бесхозяйственности на предприятиях возросло число крупных аварий и пожаров. Данный сюжет рассматривался сразу в двух аспектах: (а) конкретные (единичные) акты «вредительства» и (б) выявление причин, по которым насыщение местного производства новой дорогостоящей техникой (зачастую, иностранного производства) не давало ожидаемых результатов.

В итоге материалы о вредительстве в угольной промышленности Донбасса давали партийно-государственному руководству возможность указывать на врагов рабочего класса, тесно связанных с бывшими хозяевами предприятий и иностранными разведками. При том, что само содержание дел подтверждало бедственное состояние шахт: изношенность оборудования, нехватку квалифицированной рабочей силы, низкую заработную плату и производительность труда, проблемы с организацией труда. В совокупности это создавало перспективы для выхода следствия на новый уровень. «Заговорщики» были обнаружены на более высоких уровнях управления. В частности, их нашли в правлении самого харьковского треста «Донуголь», и, одновременно, среди иностранных специалистов [5,28].

Во второй половине января 1928 года в ходе следствия произошёл «принципиальный перелом», поскольку через полтора месяца после ареста начал давать «признательные» показания инженер Абрам Башкин (Башнин), длительное время работавший в ДГРУ. Красильников

считал, что Башкин представлял особый интерес для следствия, поскольку имел брата, проживавшего в Берлине. Башкин состоял с братом в переписке и получал от него посылки.

В циркуляре ОГПУ, озаглавленном «По Германской разведке и борьбе с ней», утверждалось, что связи родственников эмигрантов «со здешними представительствами и прочими германскими учреждениями, получение через них пособий, посылок, корреспонденции из-за границы, отправка таковых, получение разрешения на въезд в Германию, посланных из Германии и т. д. являются иногда верными признаками связи эмигранта с германской разведкой и сознательного или несознательного ведения разведки в пользу немцев со стороны родственников данного эмигранта». Так в деле появилась Германия [29].

21 января, ознакомившись с предъявленными ему обвинениями сразу по нескольким пунктам 58-й статьи, включая и «шпионский», Башкин написал [30]:

«Взвесив и хорошо обдумав всю свою прошлую деятельность, я пришел к такому выводу, что[,] не будучи идейным противником Советской власти, что вследствие своей слабохарактерности и вхождению в круг знакомых и приятелей, занимавшихся преступной деятельностью, направленной против Советской власти[,] я решил раскаяться в своей прошлой деятельности и стать искренним другом Советской власти, для чего хочу и буду помогать раскрывать существующие заговоры и лиц, принимавших в них участие. <...>

Быстрое развитие каменноугольной промышленности и укрепление ее с большими достижениями срывались врагами и буржуазией, диктовавшей свою борьбу и методы ведения ее через приезжавших внутрь страны иностранцев и организованных в центре Управления Донугля лиц, принимавших эти задания и передававших их дальше, через главных инженеров или путем выезда выезжавших на места, то есть в Рудоуправления[,] иностранцев.»

После этого, с 21 января по 23 марта 1928 года, следователи допросили Башкина сорок восемь (48) раз — больше, чем кого-либо из других арестованных. Итоговые протоколы его допросов заняли около 280 машинописных страниц. В результате, на признаниях Башкина ростовские чекисты составили свои первые обзоры по «Шахтинскому делу», направленные ими в центральный аппарат ОГПУ. Кроме того, данные показания послужили толчком для аналогичных признаний целого ряда других арестованных и позволили развиваться делу,

послужившему своеобразным сигналом к окончанию относительного «гражданского мира» в советской стране [20].

В частности, Гавришенко после ознакомления с признаниями Башкина также решил дать признательные показания. Однако у него вскоре произошёл «психологический слом», и он начал давать «ложные и противоречивые» показания. Затем, по советским данным 30 января, Гавришенко выбросился из окна четвёртого этажа. Следовательно Константин Зонов, «благодаря чрезвычайно умелому допросу» ответственный за основные показания Гавришенко, «имевшие решающее значение в деле», был представлен к боевому ордену – хотя его представление и было отклонено Президиумом ЦИК [31,32].

Далеким от уравновешенного было в тот период и состояние самого Башкина. Так директор клиники нервных заболеваний, профессор Павел Эмдин 11 марта дал заключение, что «гражданин Башкин в настоящее время страдает общим неврозом, пограничным с реактивным состоянием». Медик предложил поместить подозреваемого в клинику, добавив, что в течение двух лет знал больного «как психастеника». В результате Башкин около недели провёл в специализированной клинике, после чего был возвращён обратно в тюрьму для проведения трёх завершающих допросов по делу.

Красильников полагал, что психологическое состояние основных источников информации по делу привело к тому, что обзоры ростовских чекистов не были сразу восприняты их начальством как достоверная информация. Первоначально следователи не смогли убедить ряд своих высокопоставленных руководителей в том, что деяния шахтинских инженеров действительно следовало квалифицировать как «экономическую контрреволюцию» [5,33]:

«Ворошилов: Миша! Скажи откровенно, не вяпаемся мы при открытом суде в шахтинском деле? Нет ли перегиба в этом деле местных работников, в частности краевого ОГПУ? Томский: По шахтинскому и вообще по угольному делу такой опасности нет, ибо картина ясная. Главные персонажи в сознании [34].»

8.3. Республиканский этап

После того, как Политбюро приняло версию «заговора», в регионе началась полоса массовых арестов по Шахтинскому делу. Группа следователей под руководством Иосифа Блата, состоявшего начальником экономического управления ГПУ УССР, развернула интенсивные действия в отношении арестованных инженеров и управленцев.

Активность чекистов вывела дело на требуемый Москвой уровень. Из собранных в Шахтах материалов следовало, что в регионе существовала и действовала подпольная организация, являвшаяся разветвленной и связанной с зарубежьем.

Рис. 26. Строительство новой шахты на Донбассе в годы НЭПа (УССР).

Украинские чекисты получили признательные показания от целого ряда арестованных руководителей «Донуголя»: в частности, от Юрия Матова и Дмитрия Суцевского, работавших в управлении нового строительства треста. Преимущественно на основании показаний Матова – рукописный подлинник протокола только одного из допросов которого занял 53 листа с оборотами [35] – и Суцевского республиканское ГПУ подготовило к 1 апреля 60-страничный обзор, озаглавленный «Экономическая контр-революция в Донбассе. Следственное дело „Донуголь“». А десять дней спустя, 11 апреля, Политбюро приняло решение объединить следственное дело «Донугля» с «Шахтинским». В конце месяца, 24 апреля, появился и весьма объёмный, 95-

страничный, доклад под названием «Экономическая контр-революция в Донбассе», имевший в своём составе уже двадцать три раздела. В данном докладе была «предвосхищена» вся схема финального обвинительного заключения по делу [35,36].

Несмотря на значительные масштабы следственных мероприятий, включавших в себя аресты сотен человек и сопровождавшиеся изъятием всех возможных вещей — а также личных и служебных документов — ни в одном из доступных на 2011 год трёх сотен архивно-следственных дел Красильниковым с коллегами не было обнаружено ни одного вещественного доказательства, способного подтвердить многолетнюю деятельность разветвлённой «подпольной организации» и её тайных контактов с границей. Итоговые обвинения строились исключительно на компрометирующих показаниях и самооговорах, добытых в ходе допросов.

Красильников полагал, что на «сценарный характер» следствия указывал и тот факт, что «развёрнутых» показаний о структуре «организации» не существовало до 1 апреля. То есть до тех пор, пока структурная схема подобной организации не была «разработана и представлена» самими украинскими чекистами [35,37].

Помимо самооговоров обвиняемых, «неразрывно связанных с оговорами других», следователи также активно использовали и очные ставки. В частности, 22 апреля 1928 года, во время очной ставки между Матовым и Арваамом Юсевичем, позже ставшим одним из расстрелянных по делу, Матов заявил, что в 1925 году он лично привлёк Юсевича к работе в «организации». В ответ на прямой вопрос, подтверждает ли Юсевич показания Матова, в «течение тридцати семи минут обвиняемый Юсевич колебался между ответом да или нет. Наконец[,] он заявил, что подтверждает показания инж[енера] Матова и заявляет, что желает искренне раскаяться» [38].

8.4. Итоги следствия

В итоге дознание велось группой следователей ПП ОГПУ по Северо-Кавказскому краю и ГПУ УССР, в частности, Владимиром Антоновичем, Лазарем Арровым-Тандетницким, Евгением Евгеньевым-Шептицким, Еленевичем, Юлианом Зверевым, Александром

Инсаровым, будущим заместителем народного комиссара внутренних дел СССР Владимиром Курским, Александром Розановым, Зиновием Ушаковым, будущим генерал-лейтенантом Петром (Павлом) Федотовым, Павлом Финаковым и Яхонтовым. Все они выполняли поручение, целью которого было получить «чистосердечные признания» и придать делу характер общегосударственного [39-43].

Предварительное следствие вёл следователь по важнейшим делам при прокуре РСФСР Эммануил Левентон. Красильников считал, что само предварительное следствие по «Шахтинскому делу» показало «невысокий» уровень работы органов ОГПУ, перед которыми встала задача доказать наличие несуществующей заговорщицкой организации. Кроме того, в деле проявилась и недостаточная компетентность самих чекистов, входивших в экономические подразделения. Поскольку в течение нескольких месяцев следственный аппарат не мог «сломать» ряд арестованных руководителей шахт, «закалённых в хозяйственных конфликтах» и «уверенно опровергавших обвинения», следствие не укладывалось в нормативные сроки и неоднократно продлевалось. Особенно скандальными оказались действия чекистов в отношении арестованных немецких специалистов [5,44,45].

Несмотря на это, 9 февраля ОГПУ всё же доложило председателю Совнаркома Алексею Рыкову о раскрытии контрреволюционной организации, которая в течение ряда лет занималась «вредительством» в горнорудной промышленности. Для тщательной подготовки процесса Политбюро создало специальную комиссию в составе Рыкова, Сталина, Григория Орджоникидзе, Вячеслава Молотова, Валериана Куйбышева и (с марта) Клементя Ворошилова [5].

И меньше, чем через месяц, уже 2 марта, Молотов и Сталин разослали членам Политбюро письмо, в котором утверждалось о связях шахтинских специалистов с русскими контрреволюционными элементами в эмиграции. В письме «спецы» также были связаны с немецкими капиталистами и контрреволюционерами [46].

Глава 9. Международный аспект дела. Советско-германские отношения

Шахтинское дело имело сильный и длительный международные резонанс – в первую очередь в Германии. Советско-германские отношения в 1920-е годы в целом представляли собой сложный комплекс взаимных интересов, противоречий и предрассудков. При этом Шахтинское дело стало причиной одного из самых серьёзных дипломатических кризисов в системе взаимоотношений между Советской Россией и Веймарской республикой за весь период с 1922 по 1933 год.

9.1. Кризис в советско-германских отношениях

Начало кризису было положено 6 марта 1928 года, когда в 23:00 народный комиссар СССР по иностранным делам Георгий Чичерин, часто работавший по ночам, принял у себя в кабинете посла Германии Брокдорфа-Ранцау. Нарком лично попросил Брокдорфа-Ранцау прийти к нему на встречу. Подобный личный вызов Красильников с коллегами считал нехарактерным для дипломатической работы Чичерина. После нескольких общих вступительных слов советский нарком сообщил, что «им обоим предстоит серьёзная работа», направленная на то, «чтобы воспрепятствовать тому негативному влиянию на немецко-русские отношения, которые может оказать одно непосредственно предстоящее печальное событие».

На просьбу немецкого посла выразиться более конкретно Чичерин заявил, что в СССР вскоре состоится большой судебный процесс, на котором «преимущественно будут фигурировать поляки», но также и германские граждане. Он также сообщил и фамилии будущих подсудимых: Гольдштейн, Эрнст Отто, Макс Мейер (Майер) и Г. Вегнер – все они, по версии Чичерина, являлись сотрудниками кампании «Allgemeine Elektrizitäts-Gesellschaft» (АЕГ или АЕГ/АЭГ), работавшими в шахтинском регионе и занимавшимися как наладками турбин, так и обучением советских рабочих [47-49].

Советский нарком также сделал два дополнительных заявления: согласно первому из них, в деле ни в коем случае не будут фигурировать немецкие официальные учреждения и фирмы; согласно второму – наркомом было обещано открытое и справедливое судебное разбирательство, исключающее тайное расследование и осуждение обвиняемых во внесудебном порядке.

Рис. 27. Посол Германии в СССР граф Ульрих фон Брокдорф-Ранцау (нем. *Ulrich von Brockdorff-Rantzau*; 1869–1928).

В ответ Брокдорф-Ранцау заявил, что германская сторона «со всей настойчивостью и со всеми имеющимися [...] средствами» придёт на помощь своим гражданам, но одновременно выразил и негодование по поводу актов разрушения машин и построек. То есть он с пониманием отнёсся к мерам проводимым советскими властями [50,51].

Дело о вредительстве в Шахтах существенно отличалось от предыдущих скандалов с «германскими шпионами» в СССР. Так, советский полномочный представитель в Германии Николай Крестинский в письме Чичерину от 12 марта писал, что [52]:

«...арест инженеров и монтеров, посланных для установки заказанного в Германии оборудования, является гораздо более заметным фактом, чем аресты немецких студентов, никому в Германии не

известных и поехавших с неизвестной целью, и даже аресты так называемых консульских агентов в Закавказье. Из-за студентов шумела печать, но никто, в сущности, кроме близких к этим студентам людей, не был серьезно заинтересован в них. Так называемые консульские агенты были люди, исконно жившие в СССР и мало кому в Германии известные. [...] Другое дело арест инженеров, служащих большого концерна. Это непосредственный удар по промышленникам. Это вызовет взрыв негодования среди широких промышленных кругов [...] Помните, что германская тяжелая индустрия являлась до сих пор главной опорой советофильских настроений в Германии.»

9.2. Шляпа и плащ как сигналы к саботажу

В конце 1920-х годов общая политическая линия, проводившаяся в жизнь ОГПУ, предполагала криминализацию контактов с границей как таковых. Однако работающих на шахтах Донбасса английских инженеров, из-за сложных отношений с Великобританией (см. недавний Англо-советский конфликт 1927 года), решено было не арестовывать, а только формально допросить [53,54].

При этом, поскольку никаких реальных улик (инструкций, шифровок, специального оборудования и тому подобного) следствием обнаружено не было, а отдельные документы и письма, которые приобщались к делу, не содержали никаких следов деятельности «организации», одному из сотрудников ОГПУ «пришла идея» выставить в качестве улики вещи, которые передавались немецкими подданными гражданам СССР от родственников, проживавших за рубежом. А именно — шляпу и плащ-макинтош, полученные Башкиным от брата. С «помощью» следователя Майхина арестованный Мейер «вспомнил», что в одной из посылок была мягкая мужская шляпа, а также то, что посылку он отправил в Москву, на имя некой госпожи Спектор — сестры жены брата Башкина, урождённой М. И. Поляковой.

Кроме того, в декабре 1927 года инженер Отто привёз Башкину ещё одну посылку от брата. В ней находился дешёвый мужской плащ-дождевик. Следствие пришло к выводу, что дождевик являлся сигналом шахтинским заговорщикам на совершение крупного акта саботажа, а фетровая шляпа — приказом на проведение более мелкой

диверсии. Самому Башкину на значение переданных братом вещей «открыл глаза» его следователь и немецкий монтер Вегнер, который якобы передал Башкину 750 рублей «за услуги». Красильников с коллегами полагали, что вся подобная история была вполне «достойна» места в «третьесортном детективе» [55,56].

Рис. 28. Полностраничная реклама ламп «Nitalampen» от компании AEG в журнале «Bauwelt» (октябрь 1913). Оригинальное предприятие ныне не существует, но товарная марка «AEG» используется шведской машиностроительной корпорацией Electrolux (бытовая техника), а также китайской группой компаний Techtronic Industries, производящей электроинструменты.

Внимание следователей привлёк и сам инженер Отто, являвшийся членом немецкой правоконсервативной и монархической организации «Стальной шлем» («Штальхельм», нем. *Stahlhelm, Bund der Frontsoldaten*). Отто на допросах прямо заявлял о своих политических симпатиях к национал-социализму, резко осуждая при этом немецких коммунистов. Следствием также были предприняты попытки разработать версию «пятой колонны», то есть связать Отто с потомками немецких колонистов, проживавших на территории СССР. При этом грубая фальсификация органами ОГПУ вины инженера была столь явной, и уже 4 мая Отто заявил, что он не является членом объединения «Союз зарубежных немцев» (нем. *Bund der Auslandsdeutschen*) и опроверг получение каких-либо поручений, связанных с его поездками в «германские колонии на Украине» [53,57].

В то же время существовали отдельные сведения о том, что другой арестованный инженер, Мейер, сочувствовал коммунистам. Он,

предположительно, хранил у себя марксистскую литературу и секретные документы Коммунистической партии Германии [58].

9.3. «Потерянный» арестованный

Через три дня после первой встречи, 9 марта 1928 года Чичерин вторично принял у себя посла Брокдорф-Ранцау, сообщив теперь уже о шести – а не четырёх – арестованных немца. Список Чичерин привёл «по той справке, которую для этой цели прислал мне тов[арищ] Ягода». В новом списке появились две дополнительные фамилии: «Кёстер – акционер фирмы „Кнаппе“» и «Байштыбер – сотрудник фирмы „Кнаппе“». Уже 13 марта дипломат Максим Литвинов информировал Сталина и Чичерина об озлоблении в берлинских промышленных кругах, возникшем после известия об арестах в СССР сразу нескольких немецких инженеров [53].

В итоге, арестованный акционер Кёстер (в советских документах его фамилию часто писали как «Костер») стал причиной нового скандала. Причиной стало то, что реально существовавший директор фирмы «Кнапп» с фамилией Кёстер в момент ареста немецких инженеров находился за границей и никогда по «Шахтинскому делу» не допрашивался и не задерживался [50].

16 марта, в беседе с сотрудником наркомата иностранных дел Иваном Лоренцем, секретарь немецкого посольства Гай задал вопрос: кто же является шестым арестованным? После сверки списков стороны выяснили, что в немецком списке отсутствует Кёстер. Двумя днями позже, получив информацию об освобождении Гольдштейна и Вегнера, немецкий посол потребовал предоставления сведений о судьбе остальных четырёх арестованных. Одновременно, немецкая сторона также заявила, что, по её сведениям, фирма «Кнапп» не имела на тот момент в СССР инженера по фамилии Кёстер.

При этом, в справке ОГПУ Кёстеру инкриминировались «совершенно точно охарактеризованные проступки» и приводилась сумма истраченных им на шпионаж денег: двести тысяч советских рублей. По мнению Чичерина – который ранее ссылался на волю «широких масс населения», требовавших, под влиянием советской прессы, не

оставлять причастных к «вредительству» иностранцев безнаказанными – СССР попал «в глубейшее положение» [53].

Посол Брокдорф-Ранцау, которого целый ряд газет в Германии обвинял в «излишней приверженности к Советам», сообщил Чичерину [7,59]: «что если мы приписываем совершенно точные преступления лицу, которое оказывается несуществующим, то какова же ценность всей нашей информации и всех наших обвинений».

Чичерин «на ходу» изменил свою версию событий. Он назвал Кёстера русским немцем, после чего «на заседании комиссии т[оварища] Рыкова» данную версию подтвердил председатель ОГПУ Вячеслав Менжинский. Однако история с «потерянным арестованным» на этом не закончилась и 27 марта теперь уже министр иностранных дел Германии Густав Штресеман констатировал [60]:

«То обстоятельство, [...] что в отношении личности якобы германского подданного Кестера длительное время царил полная неясность, показывает, что советско-русские судебные органы действовали с безответственным легкомыслием.»

Красильников полагал, что чекистская халатность дискредитировала в глазах мирового сообщества как обвинения по делу, так и советских дипломатов. Обвинения выставили работников дипслужбы марионетками тайной полиции. Ситуация стала предметом пристального внимания как официальных, так и деловых кругов Германии – вплоть до президента Веймарской республики.

Несмотря на все произошедшее, ещё 8 марта Политбюро одобрило предложенный Сталиным, Бухариным и Молотовым текст обращения ЦК ВКП(б) «Об экономической контрреволюции в южных районах угольной промышленности». Данное обращение было адресовано всем партийным организациям, советским хозяйственным органам, а также ответственным работникам РКП и ОГПУ. В нём ЦК ставил задачу прекратить бесхозяйственность в стране, а само ОГПУ получило санкцию развернуть масштабные репрессивные меры для выполнения поставленной партией задачи.

Таким образом Политбюро ЦК стремилось максимально использовать «Шахтинский процесс» для борьбы с безответственностью и бесхозяйственностью советских работников. Исполнителем при этом были назначены органы государственной безопасности [20,53].

В своем «завещании» потенциальному преемнику – Куйбышеву – Чичерин в 1930 году написал [61]:

«Следующий „внутренний враг“, понятно – ГПУ. При т[оварище] Дзержинском было лучше, но позднее руководители ГПУ были тем невыносимы, что были неискренни, лукавили, вечно пытались со- врать, надуть нас, нарушить обещания, скрыть факты. [...] ГПУ обра- щается с НКВД как с классовым врагом [...] Ни одна полиция в мире не базировала бы дела на таких никчемных основах.»

Рис. 29. Приём для представителей иностранной прессы у министра Густава Штресемана (нем. *Gustav Ernst Stresemann*, 1878–1929) в 1923 году.

В то же время международный аспект Шахтинского дела получил оценку и политического руководства СССР. 2 марта 1928 года Сталин и Молотов написали членам Политбюро, что «дело может принять интереснейший оборот, если организовать известное судебное разбирательство к моменту выборов в Германии» [62]. Кроме того, на аресты отреагировало и руководство компании АЕГ, чьи специалисты были арестованы. В знак протеста оно первоначально заявило об отзыве всех своих инженеров из СССР, но уже через несколько дней отменило данное решение – опасаясь убытков от формального невыполнения контрактных обязательств [53,63–64].

Обострению отношений Москвы и Берлина способствовал и резкий тон выступлений советских вождей. В частности, Брокдорф-Ранцау считал непозволительным тон выступлений Ворошилова и других

членов правительства СССР, ссылаясь на публикации в советской прессе. В данных публикациях немцы – а их в СССР в тот период работало около пяти тысяч – были представлены «извергами» и «животными», что воспринималось веймарским послом как «организованная кампания против немецкой индустрии».

Чичерин отмечал «громадную пользу в смысле успокоения разбушевавшихся немцев», которую принесла встреча представителя посольства с арестованными. Действительно, свидание легацион-секретаря посольства Германии в СССР М. Шлиппа (Шлипа) с арестованными состоялось 19 апреля 1928 года в Бутырской тюрьме. На встрече присутствовали также начальник 8-го отделения КРО ОГПУ Михаил (Миклош) Розенфельд, выступившего в 1925 году следователем по делу немецких студентов, и следователь по особо важным делам при прокуроре РСФСР Эммануил Левентон (см. ниже). Также присутствовал и представитель НКВД Иван Лоренц. В своем отчете о свидании с арестованными Лоренц особо отметил крайне подавленное моральное состояние В. Бадштибера, давшего на тот момент признательные показания⁹. Однако просьбу о новом свидании с арестованными Чичерин не поддержал, сославшись на свою беспомощность перед органами госбезопасности – перед ОГПУ [65].

Одновременно Политбюро поручило Бухарину ознакомить делегатов английской, французской, немецкой и других коммунистических партий с «наиболее одиозными местами обвинительного акта о связях отдельных иностранных держав и посольств» с «вредителями» для того, чтобы иностранные коммунисты опубликовали эти материалы в своих газетах. После этого – не получив запрошенного нового свидания со своими гражданами и после отказа от высылки обвиняемых в Германию – правительство Веймарской республики выступило против кандидатуры Василия Блюхера, выдвинутого СССР на пост военного атташе в Берлине. Формальной причиной отказа стали связи Блюхера со структурами Коминтерна в Южном Китае.

Подобный демарш немецких властей имел успех. В мае Политбюро рекомендовало Молотову, Чичерину и Николаю Крыленко «ещё раз пересмотреть публикуемый обвинительный акт в сторону

⁹ АВП РФ. Ф. 0165 (Полпредство в Германии). Оп. 8. П. 145. Д. 288. Л. 19.

максимального сокращения тех мест, которые касаются деятельности иностранных посольств и т. п.» [66,67].

Решение прервать германо-советские экономические переговоры о новом кредите было принято в Берлине ещё до ареста немецких инженеров, но теперь правительство Веймарской республики получило удобный повод. 14 марта Штреземан ответил на замечания полпреда СССР Крестинского о «неправильном» поведении германской прессы, активно писавшей об аресте в Советском союзе невинных немецких подданных, тем, что в «Донецком деле» важнее настроения промышленников, а не прессы. В частности, директор АЕГ Феликс Дойч считал себя лично обиженным, поскольку руководимая им компания активно способствовала получению СССР немецкого кредита, а А. Дейч называл арест и процесс «безумием».

На следующий день Штреземан сообщил советской стороне о решении своего правительства временно прервать переговоры о кредите. Он добавил, что арест вызвал в деловых кругах «резкие выражения и чувство большой неудовлетворенности», и что речь шла о «чувстве большой неуверенности в отношении всей совокупности экономических отношений с СССР». После этого информация стала публичной: ТАСС опубликовало формальное сообщение о перерыве в советско-германских экономических переговорах [68].

Несмотря на то, что 17 и 21 марта Рейхстаг в целом одобрил линию веймарского правительства на сохранение сотрудничества с СССР, ряд депутатов фракций националистов (Гетч), демократов (Эрих Кох-Везер, нем. *Erich Koch-Weser*) и социал-демократов (Рудольф Гильфердинг) прямо и недвусмысленно выступили против дальнейшего кредитования Советской России [69,70].

17 марта Крестинский предложил Сталину освободить арестованного немецкого инженера Гольдштейна из-за его непричастности к «вредительству». Крестинский также сообщал генеральному секретарю большевистской партии о негативном влиянии высказываний Рыкова на немецких промышленников – которые расценивали заявления главы советского правительства как давление на суд, ещё не вынесший обвинительный приговор. Аналогично была расценена напечатанная в «Известиях» речь Михаила Калинина с одобрением требования митингующих о расправе над спецами-вредителями. Также были оценены и другие публикации, включая статьи в газетах «Правда» и «Известия», в которых существование «контрреволюционной

организации» преподносилось как доказанный факт. Столь однозначная трактовка событий зачастую воспринималось советскими читателями в качестве прямой директивы к действию [42].

В своем «грубом» ответе Сталин потребовал от Крестинского «прекратить любезничать с немцами» и обвинил его в «грубейшем нарушении большевистских традиций... партии». По мнению историка Павла Макаренко, это свидетельствовало о полной решимости генсека в тот период сохранить неизменной сформировавшуюся внешнеполитическую линию по отношению к Германии.

После всё же состоявшегося освобождения Гольдштейн – инженер, не получивший никаких сведений о том, в чём его, собственно, обвиняли – вернулся в Германию, где стал передавать местной прессе информацию об ужасающих условиях содержания арестованных в СССР. Он также сообщил и об оказываемом на арестованных давлении, в результате чего в Веймарской республике поднялась новая волна возмущения. Чичерин позже был вынужден подтверждать правдивость рассказов инженера Гольдштейна [71].

После этого, 21 марта, Политбюро постановило, что освобождение арестованных по делу теперь разрешалось проводить только с ведома комиссии самого Политбюро. Политическое бюро ЦК также взяло на себя организационную работу по подготовке и проведению процесса в Москве. Так Ростовскому отделению ГПУ было предложено к 20 апреля направить в столицу как самих арестованных, так и все обвинительные материалы по делу [18,72,73].

Глава 10. Предварительное следствие прокуратуры

Следствие прокуратуры по Шахтинскому делу возглавлял следователь по важнейшим делам при прокуроре РСФСР Эммануил Левентон (род. 1894), ставший впоследствии доцентом Московского юридического института. В 1939 году он опубликовал брошюру «Экспертиза в советском уголовном процессе» в рамках серии «Библиотека народного судьи и народного заседателя» от Юриздата. Брошюра вышла под редакцией председателя Верховного суда СССР и одного из ключевых организаторов «сталинских» репрессий Ивана Голякова.

Рис. 30. Публикации в советской прессе о Шахтинском деле: статья «Шахтинские вредители».

При этом уже 15 апреля 1940 года сам Эммануил Левентон был арестован как «участник антисоветской организации» и 11 июля следующего года осуждён Военной коллегией Верховного суда СССР по статьям 17-й и 58-й Уголовного кодекса РСФСР 1922 года в редакции 1926 года. Левентон был приговорён к десяти годам исправительно-

трудового лагеря (ИТЛ). В дальнейшем его следы, по состоянию на 2017 год, полностью теряются: дата смерти неизвестна.

6 апреля 1928 года экономическое управление ОГПУ передало материалы проведенного чекистами предварительного следствия следователю прокуратуры Левентону, который в тот же день подписал заключение о том, что дознание по делу произведено с достаточной полнотой и с соблюдением норм УПК.

Первые допросы сам Левентон провел в тот же день, 6 апреля, завершение досудебных следственных действий датируется четвертым мая. Таким образом, в течение неполного месяца Левентон выносил в среднем по 2-4 постановления в день. Его задача существенно упрощалась тем, что обвиняемые фактически уже определились в своих позициях по поводу предъявленных им обвинений. Основная работа Левентона, как отмечал Красильников, превращалась тем самым в рутинную фиксацию этих позиций.

Рис. 31. Публикации в советской прессе о Шахтинском деле: статья «Шахтинское дело» в газете «Трудовая правда».

Однако, в промежуток между 17 и 27 апреля Левентону пришлось проводить дополнительные следственные действия — очные ставки между обвиняемыми. Их целью было получение дополнительных показаний отдельных арестованных. Таким образом, фактически, Левентон доводил до конца то, что не успели доделать сотрудники ВЧК.

Очные ставки Левентона имели вполне определенную направленность: он пытался склонить к признанию тех, кто не признал свою «вину» либо сделал это только частично. Для этого прокурор использовал уже имевшиеся показания тех, кто активно сотрудничал с ростовским следствием. Ни в одном случае давление прокурора Левентона не принесло заметных результатов.

Само следствие прокуратуры под руководством Левентона, формально являвшееся независимым этапом расследования, фактически лишь придало действиям советских спецслужб характер юридической легитимности. Оно не добавило чего-либо принципиально нового к имевшейся «доказательной базе». Так текст итогового обвинительного заключения был лишь незначительно расширен. В него был включён только ряд отдельных малозначительных фрагментов из обширной серии очных ставок, проводившихся между фигурантами дела [74,75].

В этот период партийным руководством СССР планировалось также ещё раз обсудить вопрос о целесообразности привлечения к ответственности ещё двух немецких специалистов – Вегнера и Зеебольда – поскольку у следствия имелись материалы об их «вредительской деятельности». При этом сам Крыленко предложил ограничиться их высылкой за пределы территории СССР.

Но Политбюро приняло окончательное решение «о ликвидации дела» Зеебольда только 19 июля. Этот срок показателен поскольку сама специальная партийная комиссия по Шахтинскому делу была ликвидирована тремя месяцами ранее, ещё 17 апреля [76].

Глава 11. Суд

Всего по Шахтинскому делу было арестовано несколько сотен человек: одна часть арестованных была освобождена, другая (82 человек) — осуждена во внесудебном порядке Коллегией ОГПУ. В итоге, на публичный судебный процесс по делу «Об экономической контрреволюции в Донбассе» было выведено 53 человека [41].

Рис. 32. Доставка обвиняемы по делу о вредительстве в суд.

11.1. Список обвиняемых

Советский адвокат и писатель, кандидат юридических наук Аркадий Ваксберг позже писал, что «такого количества несчастных ни до него, ни после не собирал ни один судебный процесс» [77].

Горные инженеры

П. И. Антонов, А. Б. Башкин, Н. Н. Березовский, Н. А. Бояринов, С. П. Братановский, А. К. Валиковский, В. В. Владимирский, Н. Н. Горлецкий, А. В. Деттер (Детер), С. Г. Именитов, А. И. Казаринов, П.

Э. Калнин, Н. К. Кржижановский, Л. Б. Кузьма, В. В. Люри, Ю. Н. Матов, Л. Н. Мешков, И. И. Некрасов, М. А. Овчарек, В. К. Одров, Э. Отто (гражданин Германии), В. Ф. Петров, Г. П. Потемкин, Л. Г. Рабинович, В. С. Ржепецкий, Н. И. Скорутто, В. О. Соколов, И. К. Стояновский, Д. М. Суцевский, С. Е. Чернокнижников, Н. А. Чинакал, Г. А. Шадлун, В. Э. Штельбринк, А. Я. Элиадзе, А. Я. Юсевич.

По информации составителя сборника «Репрессированные геологи», кандидата геолого-минералогических наук Льва Белякова, в апреле 1928 года были дополнительно арестованы два человека: член президиума Всероссийской ассоциации инженеров Петр Пальчинский (расстрелян в мае следующего года) и Иосиф Федорович [42].

Горные техники, механики и технические специалисты

С. А. Бабенко, В. И. Бадштибер (гражданин Германии), В. И. Беленко, Н. П. Бояршинов, С. З. Будный, Ф. Т. Васильев, И. Г. Горлов, Н. Е. Калганов, С. А. Касаткин, А. К. Колодуб, Е. К. Колодуб, В. М. Кувалдин, М. К. Майер (гражданин Германии), В. Н. Напивочников, А. Е. Некрасов, М. Е. Никишин, В. Н. Самойлов, П. И. Семенченко, П. М. Файгерман [42].

Среди обвиняемых было несколько известных людей. Так за аббревиатурой «Л. Г. Рабинович» скрывался **Лазарь Германович (Григорьевич) Рабинович** (1860–1934) состоявший членом Государственной думы Российской империи II созыва от Екатеринославской губернии. Он родился в городе Каменец-Подольский в семье купца второй гильдии Герша-Бера Шломовича Рабиновича и учился в Белоцерковском реальном училище. В 1884 году он окончил Санкт-Петербургский горный институт, сегодня называющийся Национальный минерально-сырьевой университет «Горный».

В 1885 году Лазарь Рабинович был направлен главным горным управлением на Макеевский рудник наследников Иловайского, а через пять лет – на Берестово-Богодуховский рудник. Он стал первым директором «Максимовского» рудника, построенного братьями Максимовыми. Позднее он переехал в Харьков, где стал заниматься общественно-промышленной работой – стал членом бюро Союза харьковских инженеров.

Во время Революции 1905 года он был арестован и несколько месяцев провёл в Харьковской центральной тюрьме. Сегодня в литературе существуют как минимум две версии причин его ареста. Обе они приводятся Алексеем Федько в его статье от 6 октября 2011 года на портале «Донецк: история, события, факты» со ссылкой на донецких краеведов Валерия Степкина и Сергея Третьякова.

По первой из них, Лазаря Рабиновича арестовали за участие в траурном шествии на похоронах убитых казаками железнодорожников. Согласно этой версии, он нёс на процессии чёрный траурный флаг от Харьковского отдела Всероссийского союза инженеров без каких-либо антиправительственных надписей.

По другой версии причиной ареста Рабиновича было введение им на Ирминском руднике «самовольно и противно общей безопасности восьмичасового рабочего дня». Арест был произведён по распоряжению харьковского губернатора, генерала Николая Пешкова. Рабинович был осужден на высылку за границу на четыре года. 25 марта 1906 года он из исправительного арестантского отделения был препровожден на вокзал под воинским караулом, откуда он выехал в Германскую империю – в Берлин.

6 февраля 1907 года Рабинович был избран депутатом II-го созыва Государственной думы от общего состава выборщиков Екатеринославской губернии. В Думе он вошёл в состав Конституционно-демократической фракции и состоял в трёх комиссиях: в думской комиссии по исполнению государственной росписи доходов и расходов, в финансовой комиссии и в комиссии о помощи безработным. С думской трибуны он выступил с предложением за немедленное создание отдельной продовольственной комиссии.

После роспуска думы в рамках «Третьеиюньского переворота» Рабинович стал директором Ирминского каменноугольного общества и секретарем Совета съездов горнопромышленников Юга России (1903–1912). Вкладывал средства в реконструкцию шахты «Грушевский антрацит» и выдвинул идею промышленной разработки Гриппинского угольного района, вложив в его разработку значительные собственные средства. Проект оказался крайне прибыльным.

В результате Рабинович в Российской империи был состоятельным человеком и, не имея собственной семьи, оплачивал обучение нескольких студентов. Он также занимался благотворительностью.

Помимо этого, он был активен и в финансовой поддержке революционной деятельности на территории империи.

В 1920 году Лазарь Рабинович был приглашен советскими органами власти для руководства работами по реконструкции Донбасской угольной промышленности – стал председателем Научно-технического совета каменноугольной промышленности при Высшем совете народного хозяйства (ВСНХ) СССР. Он также являлся председателем промышленной секции Госплана СССР.

Рис. 33. Подсудимый по Шахтинском делу, будущий член-корреспондент АН СССР, герой Социалистического Труда и лауреат Ленинской премии Н. А. Чинакал (1969).

Рабинович был арестован в марте 1928 году. На следствии другой подсудимый Мухин показал, что трижды получал от Рабиновича деньги за свои вредительские действия. Виновным по Шахтинскому делу Рабинович себя не признал, а на суде он сказал, что «новая жизнь нужна человечеству, но то, что принесли вы, хуже старого». Защитником Рабиновича выступил Матвей Оцеп.

5 июля Рабинович был приговорен к лишению свободы на шесть лет «со строгой изоляцией», конфискацией одной трети имущества и с последующим лишением прав на три года (см. также ниже). В 1930 году на процессе по делу Промпартии его имя было названо в числе членов «Центрального Комитета» данной «мифической» организации. Через четыре года он умер в тюрьме от обострения болезни сердца.

В каком-то смысле ещё более показательная для конца НЭПа история скрывается за аббревиатурой «Н. А. Чинакал». **Николай Андреевич Чинакал** (1888–1979) родился в деревне Нур-Али в Крыму. С третьего класса давал частные уроки и тем зарабатывал свою на жизнь и обучение. В 1912 году он окончил Екатеринославское горное училище, сегодня известное на Украине как Национальный технический университет «Днепропетровская политехника».

В Российской империи и РСФСР, до 1921 года, Чинакал работал на нескольких шахтах Донбасса, где в имперские времена ввёл восьмичасовой рабочий день – за что лишился своей должности. Он был среди делегатов на Втором съезде горнорабочих, проходившем в Москве. Он так же, как и Лазарь Рабинович, участвовал в разработке технического плана восстановления, реконструкции и обновления шахт Донбасса после Гражданской войны.

С 1923 года Николай Чинакал работал в тресте «Донуголь» и в течение пяти лет занимается воплощением принятой программы восстановления в жизнь. В данный период от него поступило сразу несколько технических предложений по оборудованию рудников, включая двухтонные ширококолейные вагонетки и 200-вольтное напряжение для всего подземного оборудования. В 1924–1925 годах он был отправлен в командировку в составе делегации, возглавлявшейся Александром Скочинским, для изучения опыта работы горных предприятий Великобритании, США и Веймарской республики.

В марте 1928 года Чинакал, заведовавший отделом механизации треста «Донуголь», был арестован. Обвинения по седьмой части 57-й статьи («вредительство») он не признал, но на допросе от 28 апреля того же года написал, что (авторская орфография сохранена):

«Я виновен в том, что имея подозрения о том, что антисоветская работа в Донугле проводится, не заявил об этом своевременно соответствующим органам и поддерживал близкие отношения с теми людьми, которые мне не внушали полного доверия. Главная моя вина

в том, что когда я видел явно вредительскую работу в своём отделе, то боролся с ней не всегда и не достаточно решительно».

После Шахтинского процесса был сослан в Сибирь. Аналогично с Рабиновичем, Чинакал был приговорён к шести годам лишения свободы, трём годам поражения в правах и конфискация одной трети своего имущества. После суда он работал в Кузбассе в Ленинске-Кузнецком на шахте «Емельяновская».

Зарисовка Н. Кравченко.

Рис. 34. Портрет П. Э. Калнина за авторством Н. Кравченко, опубликованный в газете «Известия», № 132 (1928). Автором изображения Калнина был художник-баталист, журналист и писатель Николай Иванович Кравченко (1867–1941); через два года Кравченко будет присутствовать на очередном «громком» советском судебном процессе – на этот раз по делу о секте «Единый Храм» и её основателе Дмитриии Шульце.

В 1930 году Чинакал вступил в должность заместителя главного инженера проектно-строительного бюро, ПП ГПТУ, в Новосибирске. Позже советские власти направили его на постоянную работу в «Кузбассуголь», где он вскоре стал заместителем начальника проектного отдела. В 1940–1944 годах Николай Чинакал заведовал кафедрой шахтного строительства в Томском индустриальном институте, где ему была присвоена степень доктора технических наук и звание профессора без защиты диссертации.

Неполные три десятилетия, с 1944 по 1973 год, Чинакал состоял директором Института горного дела СО АН СССР. В 1958 году он стал член-корреспондентом Академии наук СССР. Уже в России, в 1998 году, в институте был создан музей, в котором есть мемориальный кабинет Чинакала. В 2010 году, Институту горного дела Сибирского

отделения Российской академии наук (СО РАН) было присвоено имя «директора-организатора» Н. А. Чинакала.

Не обошлось на Шахтинском процессе и без обвинений против старых революционеров, членов РСДРП. **Пётр Эрнестович Калнин** (1878–1938) родился в усадьбе Клейн-Зантен Зантенской волости Тальсенского уезда Курляндской губернии в семье крестьянина-батрака. Петр Калнин последовательно окончил народную школу, городское училище в городе Тукум и реальное училище, располагавшееся в городе Миттава. Переехав в столицу Российской империи и обучаясь в горном институте в Санкт-Петербурге, он занимался революционной деятельностью в рабочей и студенческой среде. Кроме того, он являлся и членом городского комитета партии РСДРП(м).

В марте 1907 года Калнин был осужден Санкт-Петербургской Судебной Палатой по ст. 49 и п. 1 и 5 ч. 1 ст. 129 Уголовного уложения к заключению в крепость («в одиночку») на полгода. Вследствие медлительности царского бюрократического аппарата, в тот период вынесенный приговор не был исполнен фактически.

Калнин смог завершить своё образование и по окончании института уехал работать заведующим участком Брестского рудника Сулинского завода. В период с 1908 по 1916 он состоял заведующим вентиляцией, помощником заведующего шахтой «Шмидт» Екатерининского Горнопромышленного общества. Позднее он стал управляющим Несветаевского рудоуправления в Ростовской области в товариществе «Парамонов и сыновья».

В мае 1908 года Пётр Калнин подавал прошение о назначении на службу коллежского секретаря в горный департамент Санкт-Петербурга. Запрос от департамента к жандармам сдвинул с мёртвой точки вынесенный ранее приговор. В нём Калнин был назван редактором-издателем газеты «Голос труда» (*Darba Balsis*) и обвинён в помещении в газету статей «Кое что в тактике социал-демократов относительно других политических партий в ГД» и других революционных материалов. По состоянию на 25 октября 1911 года он отбывал наказание по вынесенному в 1907 году приговору. Был освобождён в следующем году.

До ареста в 1928 году Калнин проживал с семьей в Харькове и работал главным инженером Несветаевского рудоуправления, относившегося к тресту «Донуголь». Арестован 10 марта по обвинению в причастности к контрреволюционной, вредительской организации горных инженеров. Калнин был осужден к восьми годам лишения

свободы и сослан в лагерь «Карлаг» в Караганду, где начал работать по своей основной специальности.

По мнению краеведа Караганды Владимира Новикова, Калнин работал в тресте «Караганда уголь», где являлся «одним из ведущих горных инженеров». В 1933 году Пётр Калнин представлял трест на сессии Казахстанского филиала АН СССР в Алма-Ате, где выступил с докладом «Работа Карагандинского бассейна за 3 года и дальнейшие перспективы». Доклад Калнина был опубликован в журнале «Народное хозяйство Казахстана» в том же году.

Около 1935 года Калнин был вынужден переехать в Челябинскую область и поселиться в городе Копейск. Здесь он состоял инженером по технике безопасности. Во время Большого террора, в декабре 1937 года, он был арестован и осужден как враг народа и приговорен к высшей мере уголовного наказания (ВМН). Согласно материалам «Книги Памяти жертв политических репрессий Челябинской области», обвинённым в 2015 году, Калнин был расстрелян в январе 1938 года.

11.2. Ход процесса

Судебные заседания, проходившие в колонном зале Дома Союзов, начались 18 мая 1928 года и продолжались сорок один день. Председательствовал в суде ректор Московского государственного университета Андрей Вышинский. До этого он являлся государственным обвинителем в целом ряде «громких» процессов в СССР: включая дело «Гукон» (1923), дело ленинградских судебных работников (1924) и дело Консервтреста (1924). В число судей входил также советский юрист Владимир Антонов-Саратовский.

Сторону обвинения представляли два государственных обвинителя. Первым был Николай Крыленко, на которого Политбюро 15 марта возложило обязанности главного обвинителя и поручило ознакомиться со всеми материалами дела. Вторым стал старший помощник прокурора Республики Григорий Рогинский [70].

Кроме того, в заседаниях принимали участие и сорок два общественных обвинителя. Посол Брокдорф-Ранцау был возмущён

поведением обвинителя Крыленко¹⁰, который, по словам посла, при обращении к нему по поводу немецких обвиняемых, на всё отзывался «презрительным смехом» [41,77,78].

Обвиняемых защищали пятнадцать адвокатов, состоявших членами московской губернской коллегии защитников: Альфонс Вормс, Л. Ф. Добрынин (защищал инженера Кржижановского, а также техников Васильева, Файермана и Горлова [79]), Арон Долматовский, Николай Коммодов, Владимир Короленко, бывший делегат Учредительного собрания Эдуард (Аркадий) Левенберг (защищал Л. Б. Кузьму, И. И. Некрасова, В. Н. Нашивочникова, В. И. Беленко, Г. П. Потемкина и А. В. Деттера [80]), Владимир Николаевич Малянтович (брат Павла Малянтовича [81]), первый председатель Белгородского Совета рабочих и солдатских депутатов Леонид Меранвиль-Десентклер (Меранвиль де Сент-Клер), Сергей Ордынский, Матвей Александрович (Мордух Хононович) Оцеп, Иван (Ян) Иосифович Плят (Плятт; отец советского актёра Ростислава Плятта), Лев Пятецкий-Шапино, Лидия Розенблюм, А. М. Рязанский и Смирнов [41].

(...) Но со второго или третьего свидания они оба [подзащитные Ю. Н. Матов и С. П. Братановский], весьма взволнованные, в особенности Матов, открылись мне [адвокату Н. К. Муравьеву], что их показания на дознании, подтвержденные – без опроса их по существу – следователю, не соответствуют действительности, что они их дали сперва вследствие того тяжелого морального и физического состояния, в котором они находились, а потом – вследствие того, что они пришли к убеждению, что так именно нужно, чтобы они показывали, что этого от них требуют и ждут люди, которые лучше их знают, что нужно, и что в случае исполнения этого требования и удовлетворения

¹⁰ Кандидат в члены ЦИК СССР I–IV созывов Николай Крыленко был расстрелян 29 июля 1938 года по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР в рамках дела о «контрреволюционной фашистско-террористической организации алышников и туристов». Верховный главнокомандующий русской армии после Октябрьской революции 1917 года (см. следующую книгу данной серии) был реабилитирован Военной коллегией Верховного Суда СССР в 1956 году.

этого ожидания они могут быть спокойны за свою судьбу и скоро будут возвращены на “производство”.

Они подробно рассказывали, как они сперва относились равнодушно к тому, что подписывали, а потом стремились пойти навстречу следователям, выведать от следователей то, что показывали другие обвиняемые, как они, чтобы быть более правдоподобными, избегали общих мест и стремились давать детали, лишь бы быть отнесенными “к первой категории” по легкости наказания, то есть к тем лицам, которых ждет возвращение на производство.

Рис. 35. Защитники знакомятся с документами обвинения (май 1928).

В частности обвиняемый Матов сообщил, что ложность его самоговора однажды уже вскрылась, так как он не смог описать, когда его спросили, внешнего вида здания Министерства, в котором он был, по его показанию, в Париже. В подтверждение того, что он частично уже раньше, до свидания со мною, но после допроса его следователем НКЮ, отказался от части своих показаний, как не соответствующих действительности (в отношении Министерства в Париже и посещений в Москве некоторых других органов) Матов ссылался на то, что этот его отказ занесен в протокол следователем ОГПУ, допрашивавшим его в Москве, и очень интересовался, приложен ли этот протокол к настоящему делу.

Я с огромным вниманием отнесся к этому заявлению обвиняемого, ибо это его указание давало возможность сейчас же проверить, хотя бы частично, правильность его ссылки. Не найдя в его деле никакого подобного протокола, я обратился к Прокурору Г. К. Рогинскому и следователю т. Левентону, зная, что они лучше меня изучили дело. Признаюсь, что я был немало поражен, когда услышал от них, что, действительно, такой протокол имеется, но что вопрос о его приобщении к настоящему делу решен в отрицательном смысле, так как, по мнению Г. К. Рогинского, протокол этот к данному делу отношения не имеет¹¹»

— из объяснительной записки члена Московской коллегии защитников Н. К. Муравьева председателю президиума коллегии защитников В. Ф. Белякову о причинах своего отказа защищать подсудимых по делу «Об экономической контрреволюции в Донбассе», написанной не ранее 22 мая 1928 года.

Муравьев являлся одним из девяти защитников, принимавших ранее участие в процессе на социалистами-революционерами в 1922 году. Вместе с другими адвокатами «обвиняемых первой группы» (т. е. с эсерами, остававшимися верными своим политическим убеждениям) он потребовал начать всё судопроизводство заново после выявления грубого нарушения целого ряда процессуальных норм. Получив от судей отказ, защитники, с согласия своих клиентов, показательно покинули очевидно бесперспективный процесс. За данный поступок Н. К.

¹¹ Во время закрытого судебного заседания 27 июня 1928 года назначенный вместо Муравьева защитник А. А. Смирнов просил суд установить, существует ли протокол допроса Матова от 29 апреля с отказом от данных им ранее показаний о посещении военного министерства в Париже и нескольких учреждений в Москве. В связи с этим запросом защиты Н. В. Крыленко пояснил, что Матов был допрошен следователями ОГПУ в рамках дела А. В. Назимова и других членов «Московского центра», поэтому этот протокол не может быть приобщен к судопроизводству по Шахтинскому делу. [ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 5. Д. 38. Л. 169-171]

Муравьев, В. А. Жданов и А. С. Тагер были арестованы и высланы советскими властями из Москвы¹².

Двух оправданных германских поданных защищал Вормс, хотя президент Пауль фон Гинденбург интересовался возможностью предоставления обвиняемым немецких защитников. В результате этого обращения германский адвокат Мунте получил разрешение на неофициальный визит в Москву – разрешение было дано ему как частному лицу, без контактов с подсудимыми. В итоге ему отвели роль юридического консультанта при посольстве Германии.

На суде присутствовали несколько сотен журналистов и многочисленные зрители. В ходе суда двадцать три из пятидесяти трех обвиняемых отказались признать себя виновными, а десять – признали свою вину лишь частично [42,77].

«Исправления» показаний

Из трёх подданных Германии, представших перед судом – инженера Отто, техника Майера и Вильгельма Бадштибера – лишь Бадштибер дал в ходе судебного заседания те признания, которых от него требовали следователи. В то же время Майер отверг все обвинения, включая и то, что он выводил из строя турбины, поставляемые в СССР фирмой АЕГ. После того, как Вышинский представил Майеру его собственное признание вины, сделанное во время следствия, Майер, признав свою подпись, заявил, что подписал данный протокол, будучи измученным ночными допросами и не имея представления о содержании текста, составленного на русском языке, которым он не владел.

Незнание Майером русского языка подтверждало также и ложность предъявленных ему обвинений в том, что он якобы консультировал подсудимого Башкина о способе вывода из строя турбин. В итоге это заявление Башкина было «исправлено» представителями ОГПУ в перерыве судебного заседания.

¹² Морозов К. И. Феномен защитников 1-й группы на показательном процессе социалистов-революционеров 1922 г. // Вестник Красноярского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки». – 2006. – № 3. – С. 31–34.

Подобные «повороты» в ходе слушаний не остались незамеченными московскими корреспондентами германских газет: в частности, корреспондент «Берлинер тагеблатт» (нем. *Berliner Tageblatt*) Пауль Шеффер сообщал о ложности всех обвинений. Тут следует заметить, что Чичерин ещё в конце 1927 года требовал от Крестинского добиться отзыва корреспондента Шеффера обратно в Германию, поскольку «нахождение Шеффера в Москве является нежелательным и обостряющим отношения между Германией и СССР». Крестинскому в итоге удалось договориться с газетой об отзыве корреспондента только после окончания процесса, так как иначе мог возникнуть очередной дипломатический скандал [82].

«Вся работа [немецких журналистов] есть сплошное издевательство над истиной, сплошное тенденциозное искажение фактов и сплошная ложь» – из письма Чичерина Крестинскому [83].

В итоге Майер и Отто были оправданы и освобождены за недоказанностью вины, а сам Бадштибер получил один год заключения условно. По истечении годичного срока Бадштибер, по одним сведениям, проживал в АССР немцев Поволжья, по другим данным – его вскоре обменяли на арестованного в Германии коммуниста [58].

16 июля посол Брокдорф-Ранцау в записке своему МИДу выразил удовлетворение приговором Верховного суда и сообщил, что «дело урегулировано». Такой исход дела счёл удовлетворительным и министр иностранных дел Штреземан. В то же время Густав Хильгер¹³, состоявший советником германского посольства в 1925 году и необоснованно обвиненный советским судом в пособничестве немецким «студентам-террористам», называл «шахтинский» процесс «спектаклем прокурора Н. Крыленко» – постановкой, которая явилась «неприкрытой насмешкой над юридической процедурой» [84-86].

¹³ В 1939 году во время переговоров о Советско-германском договоре о ненападении (пакте Молотова – Риббентропа) именно Густав Хильгер был переводчиком между Молотовым и Риббентропом, а также между Молотовым и Гитлером, поскольку Хильгер свободно владел русским языком. В 1946 году адвокат, защищавший Риббентропа на Нюрнбергском процессе (см. будущую книгу в данной серии), пытался вызвать Хильгера в качестве свидетеля защиты.

11.3. Приговор

6 июля 1928 года было вынесено решение суда, согласно которому одиннадцать обвиняемых были приговорены к «высшей мере социальной защиты» – расстрелу. Через три дня, 9 июля, пять человек – инженеры Н. Н. Горлецкий, Н. А. Бояринов, Н. К. Кржижановский, А. Я. Юсевич и служащий С. З. Будный – были расстреляны [87].

Для шести остальных приговоренных – Н. Н. Березовского, С. П. Братановского, А. И. Казаринова¹⁴, Ю. Н. Матова, Г. А. Шадлуна и Н. П. Бояршинова – расстрел был заменён десятью годами заключения, поскольку суд счёл нужным довести до сведения Президиума ЦИК, что ряд осуждённых на расстрел признали свою вину и «стремились раскрыть преступную деятельность организации». Президиуму также было сообщено, что осуждённые на расстрел относились к числу высококвалифицированных специалистов [88].

По данным Леопольда Треппера, четверо из ключевых обвиняемых по делу, приговорённых в 1928 году к смертной казни, но помилованных ЦИК, в начале 1930-х годов работали на строительстве шахт на Карагандинском угольном бассейне: «Видите ли, расстрелять кого-нибудь стоит не так уж дорого, но поскольку все они исключительно компетентные в своем деле люди... то привезли их сюда» [89].

Четверо обвиняемых, в том числе двое граждан Германии, были оправданы. Ещё четверо, в том числе гражданин Германии Бадштибер, были приговорены к условным срокам наказания. Остальные фигуранты дела получили различные сроки лишения свободы, составлявшие от одного года до десяти лет, с поражением в правах на срок от трех до пяти лет: 10 подсудимых – от 1 до 3 лет; 21 – от 4 до 8 лет; троих подсудимых – 10 лет [88].

¹⁴ Казаринов дал первые «признательные показания» 16 апреля 1928 года, после чего он продолжал подвергаться ежедневным интенсивным допросам. В преамбуле к собственноручным показаниям от 17 апреля он написал: «Рассчитывая на милостивое снисхождение со стороны органов пролетарского правосудия в отношении содеянных мною тяжких преступлений, я с полной искренностью и чувством глубокого раскаяния правдиво сообщаю, как это гадко не было, нижеследующее...» [35].

Глава 12. Оценки и влияние

Шахтинское дело не стало единственным актом выявления и наказания «экономических контрреволюционеров-вредителей». Процесс получил большой резонанс и выявил так называемых «специалистов-вредителей», организовавших «третий этап подрывной работы международной буржуазии против СССР». После показательного процесса о необходимости борьбы с контрреволюцией среди техников и специалистов заявлялось на съездах большевистской партии [88].

Руководящие указания поступали с самого верха. Так к активной борьбе по выявлению вредителей призывал сам товарищ Сталин:

«...Нельзя считать случайностью так называемое шахтинское дело. “Шахтинцы” сидят теперь во всех отраслях нашей [советской] промышленности. Многие из них выловлены, но далеко ещё не все выловлены. Вредительство буржуазной интеллигенции есть одна из самых опасных форм сопротивления против развивающегося социализма. Вредительство тем более опасно, что оно связано с международным капиталом.» [90]

Уже 9 мая 1928 года в докладной записке председателя ОГПУ Генриха Ягоды, адресованной Сталину, Орджоникидзе, Ворошилову и Рыкову, сфера «вредительства» расширялась за счет обвинения ряда бывших царских полковников и генералов, работавших в советской военной промышленности. Их обвиняли в умышленном перерасходе средств и замедлении темпов строительства патронных заводов в Туле, Ульяновске и Луганске. По версии Ягоды, это ставило под угрозу срыва мобилизационную подготовку в СССР. Данная записка позволила Сталину предложить Политбюро в срочном порядке рассмотреть вопрос о «вредительстве» в военной промышленности. Это, в свою очередь, послужило поводом для начала «расправы» над специалистами целого ряда московских заводов.

14 июня Политбюро приняло новое постановление, в котором борьба с «вредительством» распространялась теперь и на железнодорожный транспорт. В итоге Ягода на совещании по вопросу о вредительстве старых спецов не скрывал, что «Шахтинский процесс»

являлся только прелюдией к «грандиозной» кампании против вредительства во всех сферах советского народного хозяйства [91-93].

«Дорогой тов[арищ] Сталин! Следствие ГПУ по экономической контрреволюции в Донбассе закончено. Следствие было развернуто достаточно глубоко и успешно... Данные следствия показали, что контрреволюция вышла за рамки Шахтинского дела и далеко выходит за пределы Донугля, что контрреволюционная организация охватила собой ряд крупнейших трестов Украины – Югосталь, Химуголь, ЮРТ. Из следствия установлено, что такая организация существовала во всесоюзном масштабе в Москве.» [94]

Рис. 36. Фотография Е. Халдея «Враг народа» (Приморский край, 1939).

Признавая достоверность судебных материалов по Шахтинскому делу, Лев Троцкий, однако, использовал «донецкий заговор» как доказательство «внутренней гнилости» режима – режима, установившего в СССР после разгрома «объединённой оппозиции» (см. Внутрипартийная борьба в ВКП(б) в 1920-е годы). Уже находясь в вынужденной эмиграции, бывший нарком по военным и морским делам использовал «заговор» как подтверждение своей концепции о том, что причиной бюрократизации советского государственного и партийного аппарата являлось «буржуазное влияние» [95,96].

Шахтинское дело ознаменовало переход от НЭПа к «социалистическому наступлению». Красильников с коллегами полагали, что «своё

законченное выражение» представление об СССР как об «окруженной крепости» — где врагам внешним обязательно помогали враги внутренние, представленные «бывшими» — получило несколько позже, уже в годы Большого террора [4,97-99].

В результате публичных разбирательств «старые спец», оставшиеся в СССР, ощутили на себе «смену вех» в партийном руководстве. Репрессии вызывали протестные настроения в среде специалистов, не носившие при этом какого-либо организованного характера. В сводках ОГПУ, содержащих сведения о настроениях в среде специалистов в связи с Шахтинским делом, было отмечено единодушное мнение, что само дело было инспирировано ОГПУ. Специалисты полагали, что всё дело имело своей целью канализировать широкое недовольство советских рабочих.

В частности, в июне 1928 года член-корреспондент Академии наук СССР Владимир Грум-Гржимайло писал, что «настоящее подлинное вредительство есть легенда, а имел место только шулерский приём». Грум-Гржимайло добавлял, что «весь шум имел целью свалить на чужую голову собственные ошибки и неудачи на промышленном фронте... Им нужен был козёл отпущения, и они нашли его в кулаках шахтинского процесса» [100,101].

В целом, после Шахтинского дела общим и преобладавшим настроением советской интеллигенции стала «тревога и ожидание худших перемен в положении спецов». В то же время советские рабочие начали активные поиски «второго Донбасса». Для этого они стали искать скрытых врагов и шпионов на своих производствах [102].

«Вскрывшиеся на примере Донбасса крупнейшие недостатки и ошибки хозяйственной работы характерны для большинства промышленных районов и делают необходимым скорейшее проведение ряда практических мероприятий для их устранения.» [103]

Английский экономист и историк Энтони Саттон, ссылаясь на документы Государственного департамента США, сформулировал своё мнение о процессе следующим образом:

«Хотя [иностранное техническое содействие] началось ещё в 1919–1920 годах, оно значительно усилилось после подписания в 1921 году Торгового соглашения с Германией и экономических, военных и торговых протоколов к Раппалльскому договору. О глубине и полноте экономической и технической помощи, оказываемой Германией после 1922 года свидетельствует большое количество документов из

архивов Германского МИДа. Фактически, на первых порах эта помощь была почти исключительно германская.

Шахтинское дело отражает степень германского влияния на СССР. Советское правительство было обеспокоено присутствием очень большого числа немецких специалистов, работавших в советской промышленности, и оказываемым ими влиянием. Они присутствовали на большинстве крупных промышленных и горнорудных предприятий и во многих случаях наладили отношения с дореволюционными инженерами. Независимо от правовой несостоятельности „судов“ по Шахтинскому делу, ОГПУ было, вероятно, право в своей оценке угрозы для Революции.

Был уже 1928 год, а советская промышленность управлялась партнерством немецких и дореволюционных инженеров вне даже символического партийного контроля.» [104]

То есть основой дела было то, что германская техническая помощь СССР приобрела решающее значение для последнего, а число немецких инженеров и техников выросло крайне сильно [105].

Советник МИД Германии Герберт фон Дирксен в связи с Шахтинским процессом делал вывод о дуализме советской внешней политики. Он усматривал в нём след Коминтерна, VI конгресс которого проходил в Москве одновременно с Шахтинским процессом (17 июля – 1 сентября 1928 года). Принятая на конгрессе анти-социал-демократическая платформа усилила разногласия между Москвой и Берлином, а также официально закрепила в советской пропаганде концепцию существования «социал-фашизма». В рамках такого подхода в советской прессе, особенно в провинциальной, «потоки грязи» выливались на лидеров германской социал-демократии [106,107].

По заявлению нового главы фирмы АЕГ Германа Бюхнера (нем. *Hermann Bücher*, 1882–1951), занявшего пост председателя концерна после смерти Дойча 19 мая 1928 года, компания не потеряла в СССР ни одного пфеннига. Сам он был удовлетворён отношением советской стороны к его фирме. Красильников с коллегами делал вывод, что близящийся мировой кризис, неблагоприятная экономическая конъюнктура в самой Германии, конкуренция с английским капиталом и растущая заинтересованность в советских заказах привели к тому, что немецкие концерны, несмотря на арест немецких граждан, продолжили деловые контакты с СССР. Иначе говоря, германские деловые

круги отдавали себе отчёт в том, что их неудачами в отношениях с СССР непременно воспользуются другие иностранные компании.

В частности, заседания советско-германской экономической конференции, прерванные в марте 1928 года в связи с арестом в СССР немецких специалистов, возобновились уже 27 ноября и завершились успешно. Через неполный месяц, 21 декабря, был подписан новый протокол. Взаимоотношения партнеров стали улучшаться после примирительного заявления председателя ЦИК Калинина от 1 июня на Всесоюзном съезде колхозников [108], разъяснившего немцам, что действия советских судебных органов не были направлены против экономического сотрудничества двух стран. И что действия ОГПУ не ставили под сомнение ту техническую помощь, которую оказывали Советской России многочисленные немецкие специалисты.

Постепенно «немецкий след» в деле был предан полному забвению: «шахтинская страница» была «вырвана». И на «московских» политических процессах советские власти предпочитали обходиться уже без иностранных граждан на скамье подсудимых [49,85,109,110]:

«Сталинский режим получил свои внутривнутриполитические дивиденды от “Шахтинского дела”, минимизировав по возможности его негативные внешнеполитические последствия.» [109]

Иностранные компании и отдельные специалисты не спешили покидать советский рынок. Показательно, что если в середине 1929 года СССР имел технические соглашения с 27 германскими и с 15 американскими фирмами, то уже в конце года четыре десятка американских фирм активно сотрудничали с Советским Союзом [111].

Глава 13. Историография

Большинство как российских, так и зарубежных исследователей рассматривало Шахтинское дело как знаковое явление в советской жизни, обозначившее переход к новой фазе построения общества в СССР. Начало массовым репрессиям по обвинениям в хозяйственном вредительстве было положено именно «Донбасским делом» и последовавшим за ним «Шахтинским процессом» [5].

При этом, если советские историки, в соответствии с тезисом об «обострении классовой борьбы», рассматривали данное дело как свидетельство перехода «контрреволюционных сил» к новым формам сопротивления советской власти, то для исследователей XXI века оно стало обозначать переход в СССР к политике создания тоталитарного («сталинского») режима — оно стало «маркером» «Великого перелома».

Несмотря на подобные яркие оценки, в целом историография дела почти столетней давности не столь обширна [112].

13.1. Советская версия

Советские публикации по материалам Шахтинского процесса появились сразу же после его окончания. В данных текстах авторы цитировали документы самого судебного заседания. Полностью соглашаясь с позицией обвинения, они активно обличали вредителей.

Историографической концепции Шахтинского дела началось с появлением в печати СССР сообщений о «раскрытии контрреволюционной организации» в Донбассе. Так уже 12 апреля 1928 года в центральной газете «Правда» появилась резолюция Объединённого пленума ЦК и ЦКК ВКП(б), в которой «раскрытая организация» была охарактеризована как «вредительская» и имевшая своей целью подготовку иностранной интервенции. Дополнением версии о «заговоре» стали и подробные описания хода судебного процесса, буквально ежедневно публиковавшиеся в газете «Известия».

После вынесения приговора в ряде популярных брошюр была сформулирована версия, в соответствии с которой в шахтинской

организации участвовало до 20 % от общего числа инженеров и техников района. Важной составляющей данной концепции стало само понятие о «вредительстве». Именно благодаря судебному процессу над «шахтинцами» абстрактный на тот момент термин, появившийся в 1926 году в новом Уголовном кодексе РСФСР, получил «конкретное и вместе с тем расширенное толкование» [113,114].

Официальная, «каноническая», трактовка Шахтинского дела была оформлена в учебнике «История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков): Краткий курс». В дальнейшем акцент в изложении материалов дела не менялся вплоть до конца 1980-х годов, хотя Макаренко и полагал, что сфабрикованный характер обвинений, выдвинутых, в частности, против немецких инженеров, косвенным образом подтверждался уже в советских публикациях начала 1930-х годов. Кроме того, существование виртуального руководящего центра не подтверждалось никакими фактами, свидетельствовавшими бы об участии в нём обвинявшихся немцев [115-117].

Ссылаясь на материалы следствия, советские авторы писали, что указание на необходимость начала вредительских действий было отдано служащим бывшими владельцами. Команда была отдана на совещании владельцев и инженеров в Ростове-на-Дону в 1920 году – во время съезда совета горнопромышленников, который происходил после занятия Донбасса частями Красной Армии.

По мнению советских историков, до 1924 года инженеры выполняли указания в индивидуальном порядке, а с 1922 года – пытались восстановить связь с организаторами вредительства, используя личную переписку. С того же, 1922, года на рудниках были сформированы вредительские организации, которые получали деньги от бывших собственников «за сохранение в порядке отобранных у них шахт, за переоборудование и улучшение их и, наконец, за сокрытие от совласти наиболее ценных месторождений с тем, чтобы наиболее важные подземные богатства к моменту падения Советской власти могли быть возвращены хозяевам нетронутыми и неистощёнными».

Советские авторы приводили и конкретные цифры. Так на финансирование вредительской деятельности зарубежной разведкой и контрреволюцией было выделено до 700 тысяч рублей. При этом технический персонал шахт и рудников свои вредительские действия отрицал, объясняя их «неполадками» [88].

Так советский писатель и публицист, автор целого ряда работ по истории и деятельности международной разведки и контрразведки, Владислав Минаев в (пред)военном 1940 году писал [88]: «Чтобы гарантировать себя от провала, вредители старались не допускать на шахты и в аппарат рудоуправления специалистов-коммунистов. Более опытные и осторожные вредители (подобно инженеру /Леонарду Эдуардовичу/ Кузьма) проводили вредительство так тонко и осмотрительно, что не только не было заметно его следов, но, наоборот, внешне рудник (Власовский) производил весьма хорошее впечатление. В течение 1924–1925 годов вредительские организации были созданы почти во всех рудоуправлениях Донбасса.»

К 1986 году в советской версии событий в Шахтах появилось дополнение. Согласно новой версии, начало следствия было связано с тем, что «15 декабря 1923 г[ода] жена главного инженера Кадиевского рудоуправления в Донбассе Гулякова, порвавшая отношения с мужем, явилась в ГПУ и сообщила, что её муж занимается экономическим шпионажем». В рамках этого дополнения, «дальнейшее наблюдение органов ГПУ», продолжавшееся четыре года, «дало возможность вскрыть вредительские группы и в других районах Донбасса» [118].

13.2. Версия Евдокимова (1937)

По версии полномочного представителя ОГПУ на Северном Кавказе Ефима Евдокимова, высказанной в 1937 году, расследование было организовано по его личному предложению, а также – по предложению начальника экономического отдела Северо-Кавказского управления ОГПУ Константина Зонова [42].

На февральско-мартовском пленуме ВКП(б) Евдокимов рассказывал, с чего началось и как проводилось дело. Он также сообщил собравшимся и о роли лично товарища Сталина в процессе.

Многие неожиданные детали можно почерпнуть из выступления Евдокимова на февральско-мартовском пленуме ВКП(б) за 1937 год. В стенографическом отчете они никогда не печатались [119]:

«Я хочу рассказать сжато, как было раскрыто Шахтинское дело и кому мы обязаны открытием этого Шахтинского дела. Обязаны мы т. Сталину... Вы помните 1926–27 годы. В нашей стране на ряде крупных

предприятий прошла полоса пожаров и аварий... В Москве в 1926 или в 1927 г... в ОГПУ было совещание ... на котором был поставлен доклад на тему “Борьба с диверсиями”. Когда я вернулся на Северный Кавказ с совещания из Москвы, я собрал чекистов и поставил задачу... — говорил о том, что нам нужно покрепче заняться изучением всех наших промышленных предприятий, особенно тех, где аварии происходят... — выяснить, кому эти предприятия принадлежали в прошлом, каким фирмам, каким акционерным обществам, кто на этих предприятиях из старых служащих работает... В 1927 г. я встретился в Сочи с т. Сталиным. Он, как обычно, спрашивает, как дела. Я ему рассказал, и, в частности, рассказал об этом деле. Он внимательно выслушал, расспрашивал о подробностях дела. Я в конце беседы сказал о следующем: “Для меня ясно, что мы имеем дело с людьми, сознательно срывающими производство, но для меня не ясно, кто ими руководит. Или это идет по линии штабов, в частности, Польского штаба, или в срыве производства заинтересованы фирмы, которым в прошлом принадлежали эти предприятия, то есть по линии Бельгийского акционерного общества”. ... т. Сталин мне сказал: “Когда окончишь дело, пришли его в ЦК”.

Вы сами понимаете, это меня вздыбило, как боевого коня. Вернулся я, собрал ... товарищей, говорю — так и так, беритесь. Взялись мы за это дело, крутили, крутили, однако не сумели доказать в то время вредительство, арестованные не “раскололись” и путали нас... Одновременно... мы накопили материалы о всякого рода неполадках на шахтах Донецко-Грушевского рудоуправления, а этих неполадок-аварий и прочего было огромное множество.

Мы все материалы привели в известный порядок, систематизировали, причем связали происшествия с людьми, от которых зависел ход производства, которые руководили шахтами. Прояснили их прошлое и настоящее, их политическую физиономию. В результате выяснилось, что неполадки неслучайного характера и зависят от чужих людей, сидящих у руководства, занимавшихся, кстати, контрреволюционными разговорами в быту.

Произвели аресты первой группы... Что было неясно на первых порах? Неясны были особенности контрреволюционной деятельности вредителей. Тогда еще не было и таких слов, как вредительство. ... К моменту приезда т. Андреева в край в качестве секретаря крайкома мы получили показания арестованных о вредительстве и приоткрыли

завесу над происходившими на шахтах неполадками. Когда я доложил т. Андрееву об этих показаниях, он тут же написал телеграмму в ЦК, а я послал ЦК обзор Шахтинского дела. ... Если бы мы ... не послали в ЦК материал, то я не знаю, как бы выглядело Шахтинское дело и увидело ли бы оно вообще белый свет.»

13.3. Современная историография

По мнению профессора Сергея Красильникова и его соавторов, в историографии Шахтинского дела к началу XXI века можно было выделить два основных направления [120]:

- (i) первое направление было связано с изучением Шахтинского дела как такового – с реконструкцией «заговора» инженеров и действий властей по его «расследованию»;
- (ii) второе же направление акцентировало свое внимание на исследовании причин и последствий дела – прежде всего, с точки зрения изменения отношения к «старой» дореволюционной интеллигенции.

«Заговор» инженеров и его фабрикация

После появления официальной советской трактовки событий, альтернативная версия Шахтинского дела была представлена в сочинениях Абдурахмана Авторханова и Александр Солженицына. Она также получила распространение среди зарубежных исследователей. В частности, Авторханов писал о сфабрикованности всего дела Северо-Кавказским ПП ОГПУ и связывал следствие по делу с формированием «следственной техники „ежовщины“». Он также выделял личную роль Иосифа Сталина в начале массовых репрессий.

В то же время Солженицын рассматривал Шахтинское дело в качестве одного из первых в СССР опытов организации показательных процессов как таковых. Он рассматривал феномен шахтинского «вредительства» как способ объяснения широким массам населения хозяйственных неудач. Целью судебного спектакля являлась мобилизация советских рабочих на выполнение задач индустриализации и переложение вины за её проблемы на буржуазных специалистов и

капиталистов – дабы отвлечь внимание рабочих от ошибок и просчётов в самой внутренней политике СССР [78,121].

Солженицын также отмечал, что это должен был быть удивительно «бесконфликтный судебный процесс... где к единой цели стремились бы дружно и суд, и защита, и подсудимые» [122].

В исследованиях, пришедших на конец 1980-х или начало 1990-х годов, впервые в советской историографии появились версии о невиновности шахтинских инженеров. Тогда же впервые в СССР был поставлен вопрос о целях, методах и результатах фабрикации дела против инженерных кадров. В результате началось исследование самого механизма фальсификации и создания незаконного обвинения.

Красильников полагал, что наиболее обстоятельно данная позиция была изложена в монографии профессора Сергея Кислицына «Шахтинское дело. Начало сталинских репрессий против научно-технической интеллигенции в СССР». Небольшая по объёму книга увидела свет в 1993 году в Ростове-на-Дону в рамках издательской программы Ростовского государственного университета. Именно Кислицын ввёл в научный оборот документы из архива Северо-Кавказского крайкома ВКП(б), показывавшие «заказной» характер Шахтинского дела. Он же обратил внимание на особенность дела, связанную с тем, что партийное руководство сначала приняло решение, которое потом было уже юридическим оформлено на «судебном процессе». Таким образом Кислицын первым задал научный вопрос о подлинных мотивах и целях тогдашнего советского руководства [20,121].

В то же время, до 2011 года возможности исследователей дела были серьёзно ограничены доступной источниковой базой. В качестве источников в основном выступали опубликованные в советской периодической печати и выпедшие в СССР отдельными изданиями отчеты о ходе судебного процесса. В такой ситуации определёнными преимуществами обладали историки, которые имели возможность ознакомиться с архивно-следственными делами и документами Политбюро ЦК ВКП(б) вследствие своего служебного положения.

В частности, Олег Мозохин опубликовал крупные фрагменты из «шахтинских» дел, хранившихся в Архиве Президента РФ. По состоянию на 2011 год наиболее подробно сам судебный процесс был описан в «кропотливой» работе Алексея Есиневича «Театр абсурда, или Судебный процесс по „Шахтинскому делу“», изданной в 2004 году.

Данная работа, по мнению Красильникова и его коллег, не содержала «высокого уровня обобщения сделанных наблюдений» [54,123].

К началу XXI века почти неизученной оставался международный аспект Шахтинского дела, который преимущественно рассматривался в работах немецких авторов, посвящённых советско-германским отношениям 1920-х годов. Рассмотрение проводилось поверхностно.

«Шагом вперёд» в осмыслении влияния дела на межгосударственные отношения был сделан в публикации французской исследовательницы Сабинны Дюллен, специализировавшейся на советской внешней политике. Дюллен рассмотрела Шахтинское дело как часть динамики взаимоотношений и конфликтов советского руководства с политиками буржуазных стран Западной Европы [124].

В 2010–2012 годах в издательстве Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН) вышел двухтомный сборник документов «Шахтинский процесс 1928 г.: подготовка, проведение, итоги» под редакцией Сергея Красильникова. В масштабное издание из серии «История сталинизма. Документы», суммарно насчитывающее более двух тысяч страниц, вошли документы архива президента Российской Федерации (АП РФ), Архива внешней политики Российской Федерации, Центрального архива Федеральной службы безопасности РФ, Государственного архива РФ, Российского государственного архива экономики, Российского государственного архива социально-политической истории. Документы были посвящены подготовке, организации и последствиям одного из основных судебных политических процессов советской эпохи – процесса над группой отечественных и немецких управленцев, инженеров и техников, обвиненных в «экономической контрреволюции в Донбассе».

В первой книге были опубликованы документы тематических дел фонда Политбюро ЦК ВКП(б) за 1928–1929 годы, хранящиеся в АП РФ. Основу корпуса источников составили постановления Политбюро по Шахтинскому делу, подготовительные материалы к ним, решения других центральных органов власти, а также инициативная и отчетная документация органов ОГПУ. В документах был отражен механизм подготовки, принятия и реализации политических, репрессивных, судебных, пропагандистских и других решений, связанных с данным политическим процессом.

Во второй книге были опубликованы документы федеральных и ведомственных архивов по Шахтинскому делу, отразившие

технологическую сторону подготовки и осуществления внешнеполитических, репрессивных, судебных и других решений, связанных с данным процессом: материалы предварительного и судебного следствия, судебного заседания, документы, затрагивающие вопросы российско-германских отношений, сводки ОГПУ и партийно-государственных органов о настроениях представителей различных слоев общества в связи с Шахтинским процессом.

В 2013 году в журнале «Вопросы истории» была опубликована статья воронежского историка, кандидата исторических наук Павла Макаренко «„Шахтинский процесс“ и его влияние на советско-германское сотрудничество». В данной работе подробно рассказывалось об обострении советско-германских экономических и дипломатических отношений из-за судебного процесса 1928 года, в результате которого были арестованы немецкие специалисты. Здесь доцент Макаренко отмечал, что «Рапалльский курс, выгодный как советскому государству, так и Германии, подвергся в дни “шахтинского” процесса серьезным испытаниям.» [125]

Изменение отношения к интеллигенции

Формирование второго направления в историографии Шахтинского дела – связанного с изучением его последствий для советской интеллигенции – также началось весной 1928 года.

В тот период в официальных документах и, в особенности, в публицистических материалах советской печати «вредительство» стало отождествляться с деятельностью «старой» интеллигенции. Сами специалисты с дореволюционным стажем характеризовались как привилегированное в прошлом сословие, наделённое буржуазным сознанием и проникнутое «духом кастовой замкнутости» и «узкочорпоративными настроениями». Им приписывалась кастовость.

При этом в публикациях 1920-х годов одновременно подчёркивалась как недопустимость «спецедействия», так и необходимость улучшения условий работы подобных специалистов. В дальнейшем советские историки, признавая наличие «враждебных» групп среди интеллигенции, напрямую увязывали «спецедеческие» настроения конца 1920-х и начала 1930-х годов с Шахтинским и рядом другими «вредительскими» процессами. При этом «истинными» причины «спецедействия» в те годы в СССР считалась экономическая и культурная отсталость страны, а

также – «антагонизм пролетариата и интеллигенции». Недостатки политики местных властей также отмечались отдельными авторами [126].

«Шахтинцы и промпартийцы были открыто чуждыми нам людьми... Никто из наших людей не сомневался в подлинности политического лица этих господ», – Иосиф Сталин, из доклада на пленуме ЦК ВКП(б) «О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников» от 3 марта 1937 года.

Исследовательский интерес к истории отечественной интеллигенции существенно возрос в СССР и РФ на рубеже 1980–1990-х годов. После этого Шахтинское дело стало рассматриваться с точки зрения взаимоотношений интеллигенции и власти. На него стали смотреть как на переломный момент в истории репрессий в отношении интеллигенции. В частности, основываясь на материалах из российских региональных архивов, историки проанализировали влияние дела на положение провинциальной интеллигенции в СССР.

В зарубежной историографии «Шахтинское дело» рассматривалось как один из публичных политических процессов 1920–1930-х годов, в которых институты юстиции использовались в политических интересах. Оно также изучалось как инструмент социальной мобилизации населения. При этом зарубежные историки до 2011 года, так же, как и их российские коллеги, были вынуждены опираться на весьма ограниченную источниковую базу, сформировавшуюся в советскую эпоху. См. также «Дело Промпартии» (Дело контрреволюционной организации Союза инженерных организаций /Промышленной партии/) [127,134].

Глава 14. Реабилитация

27 декабря 2000 года Генеральная прокуратура Российской Федерации, после пересмотра Шахтинского дела и опротестования решения специального присутствия Верховного суда СССР от 6 июля 1928 года, вынесла своё заключение. Из данного заключения следовало, что в материалах «дела» не оказалось доказательств для признания обвиняемых виновными в инкриминировавшихся им преступлениях. Здесь же делался вывод, что осуждённые по делу подлежат полной реабилитации. Документ подписал бывший старший прокурор Управления прокуратуры СССР, старший советник юстиции Юрий Седов [128].

В заключении Генпрокуратуры опровергались два взаимосвязанных тезиса, положенные в основу обвинительного заключения 1928 года: тезис о «вредительстве» и тезис о «шпионаже». В ходе пересмотра дела были получены материалы о том, что случаи плачевного состояния шахт объяснялись, прежде всего, тяжёлым экономическим положением угледобывающей промышленности Донбасса в послереволюционные годы и всеобщей разрухой в СССР.

Одним из доказательств по делу стала переписка ряда специалистов с бывшим владельцем одной из шахт Дворжанчиком. Однако прокуроры отметили, что речь шла о намерении Дворжанчика взять шахты в концессию. А такую легальную возможность предусматривал декрет председателя СНК Ленина и управляющего делами СНК Бонч-Бруевича от 23 ноября 1920 года, когда в концессию предполагалось передать сразу семь десятков предприятия Донбасса.

Кроме того, российскими прокурорами были оценены и методы работы советского следствия. Прокуратурой было отмечено, что уже «на первых допросах следователи, искусно манипулируя сведениями о политическом прошлом арестованных, о фактах аварий, затоплений на шахтах, антисоветских высказываний отдельных инженеров, добились от некоторых специалистов признания о контрреволюционной вредительской организации» [117,129].

Глава 15. В искусстве

На следующий день после вынесения приговора, 7 июля 1928 года, в газете «Комсомольская правда» (№ 156) поэт Владимир Маяковский опубликовал своё стихотворение о процессе «шахтинцев», названное автором «Вредитель» [130]:

Прислушайтесь,
на заводы придите,
в ушах —
навязнет
страшное слово —
«вредитель» —
навязнут
названия шахт.
Пускай
статьи
определяет суд.
Виновного
хотя б
возьмут мишенью тира...
Меня
презрение
и ненависть несут
под крыши
инженеровых квартирок (...)

В том же году была снята кинохроника судебного заседания, которая затем была смонтирована в выпуски «Союзкиножурнала», а также вошла в два отдельных фильма: «Шахтинский процесс» и «Дело об экономической контрреволюции в Донбассе» (студия «Совкино»). В фильмах процесс преподносился как «дело 53 инженеров и техников, служивших старым хозяевам и ждавших интервенции» [131,132].

Писатель Варлам Шаламов утверждал, что встречался в заключении с двумя инженерами, проходившими по «шахтинскому делу»: Бояршиновым и Миллером. В передаче Шаламова, уже в 1928 году — задолго до Большого террора — к «шахтинцам» применялись такие методы ведения следствия, как «конвейер».

Рис. 37. Карикатура о вредителях из советской газеты «Бурят-Монгольская правда» (Улан-Удэ, 1928).

Речь шла о многодневном допросе заключённого несколькими следователями, непрерывно сменявшими друг друга, и помещение арестованного в карцер с водой. Кроме того, Шаламов писал, что практиковалось и помещение подследственных в камеру с холодным, а затем — с сильно разогретым полом [133].

Примечания

- [1] Макаренко, 2013, с. 4.
- [2] Хлевнюк, 2016, с. 153.
- [3] Twiss, 2015, pp. 199–203.
- [4] Блюм и др., 2012, с. 19.
- [5] Макаренко, 2013, с. 5.
- [6] Блюм и др., 2012, с. 8.
- [7] Пивненко, 1995, с. 84.
- [8] Кризис хлебозаготовок 1928. Энциклопедия «Всемирная история».
- [9] Капица и др., 1966, док. 31 «Запись обмена мнениями...», с. 62–63.
- [10] Капица и др., 1966, док. 41 «Письмо уполномоченного...», с. 83–88.
- [11] Севостьянов, 1997, док. 45, с. 94–95.
- [12] Мозохин, 2008, с. 84–85.
- [13] Макаренко, 2013, с. 4, 10.
- [14] Макаренко, 2013, с. 4–5.
- [15] Макаренко, 2013, с. 5, 10.
- [16] Блюм и др., 2012, с. 6.
- [17] Красильников, 2011, с. 22–23.
- [18] Мозохин, 2008, с. 84–87.
- [19] Соломин, 2017.
- [20] Пивненко, 1995, с. 82.
- [21] Красильников, 2011, с. 23–24.
- [22] Шарапов, 2012, с. 126–130.
- [23] Красильников, 2011, с. 23.
- [24] Макаренко, 2013, с. 5–7.
- [25] Красильников, 2011, с. 24.
- [26] Блюм и др., 2012, с. 9.
- [27] Красильников, 2011, с. 24–25.
- [28] Красильников, 2011, с. 25.
- [29] Красильников, 2011, с. 37.
- [30] Красильников, 2011, с. 25–26.
- [31] Красильников, 2011, с. 26.
- [32] Блюм и др., 2012, с. 13.
- [33] Красильников, 2011, с. 26–27.
- [34] Красильников, 2011, с. 27.
- [35] Блюм и др., 2012, с. 11.
- [36] Красильников, 2011, с. 27–28.
- [37] Красильников, 2011, с. 28.
- [38] Красильников, 2011, с. 28–29.
- [39] Тепляков, 1997, с. 280–293.
- [40] Масчин, 2011.
- [41] Красильников, 2011, Док. 330–36.
- [42] Беяков, 1999, с. 395–398.
- [43] Аграновский, 1928.
- [44] ЦА ФСБ РФ. Ф. Р-49447, Т. 145–147.
- [45] Красильников, 2011, с. 29–30.
- [46] Макаренко, 2013, с. 5–6.
- [47] Пивненко, 1995, с. 82–83.
- [48] Красильников, 2011, с. 30.
- [49] Sutton, 1968, p. 294.
- [50] Красильников, 2011, с. 30–31.
- [51] Пивненко, 1995, с. 83.
- [52] Красильников, 2011, с. 33–37.
- [53] Макаренко, 2013, с. 6.
- [54] Мозохин, 2008, с. 84–96.
- [55] Красильников, 2011, с. 37–38.
- [56] Блюм и др., 2012, с. 10.
- [57] Красильников, 2011, с. 38–39.
- [58] Пивненко, 1995, с. 87.
- [59] Красильников, 2011, с. 39–40.
- [60] Красильников, 2011, с. 40.
- [61] Красильников, 2011, с. 40–41.
- [62] Красильников, 2011, с. 41.
- [63] Колчинский, 2001, с. 312.
- [64] Хильгер, Мейер, 2008, с. 159–160.
- [65] Rothfels, 1971, Dok. 160 «Der Botchafter...», S. 331–332.
- [66] Пивненко, 1995, с. 83–84, 87.
- [67] Макаренко, 2013, с. 7, 10.
- [68] Макаренко, 2013, с. 7–9.
- [69] Пивненко, 1995, с. 83–84.
- [70] Макаренко, 2013, с. 8.
- [71] Rothfels, 1971, Dok. 193 «Der Reichsminister...», S. 402–404.
- [72] Пивненко, 1995, с. 84–85.
- [73] Макаренко, 2013, с. 8–9, 11.
- [74] Левентон, 1939.
- [75] Блюм и др., 2012, с. 13–14.
- [76] Мозохин, 2008, с. 85–89.
- [77] Пивненко, 1995, с. 86.
- [78] Макаренко, 2013, с. 11.
- [79] Тамбовская правда, 01.07.28, с. 2.
- [80] Тамбовская правда, № 1, с. 2.
- [81] Блюм и др., 2012, с. 16.
- [82] Яковлев, 2003, док. № 194 «Записка Г. В. Чичерина...», с. 175–177.
- [83] Пивненко, 1995, с. 86–87.
- [84] Макаренко, 2013, с. 11–13.
- [85] Макаренко, 2013, с. 13.
- [86] Хильгер, Мейер, 2008, с. 267.

- [87] Ратьковский, Ходяков, 2001, с. 146]–[147].
- [88] Минаев, 1940, с. 127–134.
- [89] Треппер, 1990, с. 45–46.
- [90] Сталин, 1935, с. 243.
- [91] Яковлев, 2003, док. № 185, с. 161.
- [92] Яковлев, 2003, док. № 193, с. 173.
- [93] Макаренко, 2013, с. 10–11.
- [94] Яковлев, 2003, док. № 183 «Записка Л. М. Кагановича И. В. Сталину...», с. 156–158.
- [95] Twiss, 2015, pp. 209–211, 327–328.
- [96] Sutton, 1968, p. 325.
- [97] Куромия, 1994, с. 190–198.
- [98] Ратьковский, Ходяков, 2001, с. 147.
- [99] Богданов, 2012, с. 20–22.
- [100] Красильников, 2011, с. 66.
- [101] Перчёнок, 1991, с. 179.
- [102] Блюм и др., 2012, с. 22.
- [103] Шахт-кое дело, 1936, с. 279–281.
- [104] Sutton, 1968, pp. 325, 346, 348.
- [105] Пивненко, 1995, с. 89.
- [106] Макаренко, 2013, с. 7, 13.
- [107] Пивненко, 1995, с. 88.
- [108] Пивненко, 1995, с. 87, 89–90.
- [109] Красильников, 2011, с. 42.
- [110] Блюм и др., 2012, с. 19–20.
- [111] Пивненко, 1995, с. 90.
- [112] Красильников, 2011, с. 10–11.
- [113] Красильников, 2011, с. 11–12.
- [114] Блюм и др., 2012, с. 15.
- [115] Шкловский, 1931, с. 46–56.
- [116] Макаренко, 2013, с. 14.
- [117] Мозохин, 2008, с. 84–86.
- [118] Голинков, кн. 2, 1986.
- [119] Из реч. Евдокимова, 1995, с. 4–7.
- [120] Красильников, 2011, с. 11.
- [121] Красильников, 2011, с. 12.
- [122] Красильников, 2011, с. 13.
- [123] Красильников, 2011, с. 12–13.
- [124] Красильников, 2011, с. 14.
- [125] Макаренко, 2013, с. 3–15.
- [126] Красильников, 2011, с. 14–15.
- [127] Красильников, 2011, с. 15–16.
- [128] ЦА ФСБ РФ. Ф. Р-49447, с. 1–72.
- [129] Красильников, 2009, с. 59–62.
- [130] Маяковский, 1958, с. 551, 561.
- [131] Маматова, 1995, с. 81.
- [132] Малькова, 2006, с. 122.
- [133] Медведев, 2011, с. [131].
- [134] Kuromiya, 1990, p. 273.

Литература

1. Аграновский А. Д. Люди-вредители : Шахтинское дело / предисл. А. Вышинского. – М.-Л.: Гос. изд-во, 1928. – 326 с.
2. Беляков А. П. «Шахтинское дело» // Репрессированные геологи / гл. ред. В. П. Орлов; отв. редакторы А. П. Беляков, Е. М. Заблоцкий. – 3-е изд., испр. и доп. – М.; СПб.: МПР РФ, ВСЕГЕИ, РосГео, 1999. – 452 с. – 2000 экз. – ISBN 5-93761-001-6..
3. Блюм А., Красильников С. А., Савин А. И., Ушакова С. Н. Предисловие // Шахтинский процесс 1928 г.: подготовка, проведение, итоги : в 2 кн. Кн. 2 / отв. ред. С. А. Красильников. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2012. – 1088 с. – (История сталинизма. Документы). – 1000 экз. – ISBN 978-5-8243-1603-2.
4. В. Ю. Васильев. «Шахтинська справа» 1928 // Енциклопедія історії України : у 10 т / редкол.: В. А. Смолій (голова) та ін. ; Інститут історії України НАН України. – Киев: Наук. думка, 2013. – Т. 10 : Т – Я. – С. 600–601. – 784 с. – 2000 экз. – ISBN 978-966-00-1359-9.
5. Красильников С. А., Савин А. И., Ушакова С. Н. Шахтинский политический процесс 1928 года: источники в контексте эпохи // Шахтинский процесс 1928 г.: подготовка, проведение, итоги : в 2 кн. Кн. 1 / отв. ред. С. А. Красильников. – М.: РОССПЭН; Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2011. – 975 с. – (История сталинизма. Документы). – 1000 экз. – ISBN 978-5-8243-1503-5. – ISBN 5824315035.
6. Кислицын С. А. Шахтинское дело. Начало сталинских репрессий против научно-технической интеллигенции в СССР / С. А. Кислицын; Рост. гос. ун-т, Ин-т переподготовки преподавателей социал.-гуманит. наук. – Ростов н/Д.: Изд-во науч.-метод. центра «Логос», 1993. – 109 с. – ISBN 5-7051-0023-X.
7. Колчинский Э. И. Советско-германские научные связи времени Веймарской республики. – М.: Наука, 2001. – 376 с.
8. Левентон Э. Э. Экспертиза в советском уголовном процессе / Под ред. И. Т. Голякова. – М.: Юриздат, 1939. – 52 с. – (Библиотека народного судьи и народного заседателя / Всес. ин-т юрид. наук НКЮ СССР).
9. Малькова А. Ю. Современность как история: реализация мифа в документальном кино. – Материк, 2006. – 228 с.
10. Маматова А. Х. Кино: политика и люди (30-е годы) : к 100-летию мирового кино / Научно-исследовательский институт киноискусства (Руссиа). – Материк, 1995. – 238 с.
11. Маяковский В. В. Полное собрание сочинений: В 13 т. – М.: Гос. изд-во худож. лит., 1958. – Т. 9. [Стихотворения 1928 года, и очерк «Рожденные столицей»]. – С. 551, 561.
12. Перчёнок Ф. Ф. Академия наук на «великом переломе» // Звенья: исторический альманах, Вып. 1 / ред.-сост. Н. Г. Охотин, А. Б. Рогинский. – М., 1991. – С. 163–235. – 656 с. – 50 000 экз. – ISBN 5-01-003604-5. – ISBN 5-01-003603-7.
13. Ратьковский И. С., Хомяков М. В. Советское общество в конце 20-х – 30-х гг. «Вредители» в промышленности // История Советской России. – СПб.: Издательство «Лань», 2001. – 416 с. – (Мир культуры, истории и философии). – ISBN 5-8114-0373-9.
14. Сергеев Б. В. Шахтинцы: История вредительства, суда, приговор / Составили: Б. Сергеев и В. Плесков; Предисл. и послесловие О. Литовского. – Москва: изд-во «Крестьянская газета», 1928 (тип. изд-ва «Крестьянская газета»). – 90 с., [6] с.
15. Сталин И. В. Вопросы ленинизма. – 10-е изд. – М.: Партиздат, 1935. – 656 с.
16. Hiroaki Kuromiya. Stalin's Industrial Revolution: Politics and Workers, 1928-1931. – Cambridge University Press, 1990. – 392 p. – ISBN 9780521387415.
17. Sutton A. C. Western Technology and Soviet Economic Development: 1917 to 1930 / Stanford University. – Hoover Institution publication, 1968. – 381 p. – (Western Technology and Soviet Economic Development, Vol. 1; Revolution Hoover Institution on War and Peace, Vol. 76; Armenian Research Center collection).

18. Twiss T. M. *Trotsky and the Problem of Soviet Bureaucracy*. – Haymarket Books, 2015. – 502 p. – (Historical Materialism Book Series, ISSN 1570-1522, Vol. 67). – ISBN 9781608464784. – ISBN 1608464784.
19. Документы внешней политики СССР / ред. ком. М. С. Капица и др. – М.: Политиздат, 1966. – Т. 11. (1 января – 31 декабря 1928). – 792 с.
20. Дух Рапалло: Советско-германские отношения. 1925–1933 / РАН. Институт всеобщей истории; Редкол.: Г. Н. Севостьянов (отв. ред.) и др. – Екатеринбург-Москва: Научно-просветительский центр «Университет», 1997. – 288 с. – (Российская историческая библиотека. Документы). – 1500 экз. – ISBN 5-88451-047-0.
21. Хильгер Г., Мейер А. Россия и Германия. Союзники или враги? = *The Incompatible Allies* / пер. А. Игоревский. – М.: Центрполиграф, 2008. – 416 с. – ISBN 978-5-9524-3627-5.
22. Хлевнюк О. В. Жизнь одного вождя : биография. – М.: АСТ, 2016. – 464 с.
23. Akten zur deutschen Auswärtigen Politik (ADAP) : 1918–1945 / aus dem Archiv des Auswärtigen Amtes; Hans Rothfels. – Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1971. – Bd. 8 (1. Januar bis 30. April 1928). – (Serie B : 1925–1933).
24. Лубянка. Сталин и ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД / под ред. акад. А. Н. Яковлева; сост.: Хаустов В. Н., Наумов В. П., Плотникова Н. С. – М.: Материк, 2003. – 914 с. – (Россия. XX век. Документы). – 3000 экз. – ISBN 5-85646-087-1.
25. Шкловский Г. Вредительство как метод классовой борьбы : (К вопросу изучения вредительства в условиях переходной экономики) / Генр. Шкловский; Ком. акад. Ин-т сов. строительства и права; предисловие: Н. Челяпов. – М.: [Югиз] – Советское законодательство, 1931. – 174, [2] с.
26. Шахтинское дело и практические задачи в деле борьбы с недостатками хозяйственного строительства (Резолюция по докладу т. Рыкова, принятая единогласно объединенным пленумом ЦК и ЦКК ВКП(б) 11 апреля 1928 г.) // Всесоюзная коммунистическая партия (б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1935) / отв. ред.: В. В. Адоратский, А. Н. Поскребышев, М. А. Савельев, И. П. Товстуха; Ин-т Маркса-Энгельса-Ленина при ЦК ВКП(б). – 5-е изд., испр. и доп. – М.: Партиздат, 1936. – Т. Ч. II. 1925–1935. – С. 277–283. – 694 с.
27. Минаев В. Н. Иностранные разведки и внутренние контрреволюция в период первой пятилетки. Шахтинское дело // Подрывная деятельность иностранных разведок в СССР / Под ред. И. И. Ерухимовича. – М.: Восениздат НКО СССР, 1940. – Т. 1. – 216 с.
28. Тепляков А. Г. Персонал и повседневность Новосибирского УНКВД в 1936–1946 гг. // Минувшее. Исторический альманах. – М.-СПб.: Atheneum – Феникс, 1997. – Т. 21. – С. 240–293. – 630 с. – 2000 экз. – ISBN 5-901027-03-5.
29. Млечин А. М. Павел Федотов. Ложный закордон // Млечин – История внешней разведки. Карьеры и судьбы. – М.: Центрполиграф, 2011. – 510 с. – ISBN 978-5-227-03099-3.
30. Пивненко Р. Р. Шахтинское дело 1928 г. и советско-германские отношения // Вопросы истории Европейского Севера. (Проблемы социальной экономики и политики: 60-е годы XIX–XX вв.): Сборник научных статей / Гос. ком. Рос. Федерации по высш. образованию, Петрозаводский гос. университет; ред. А. А. Афанасьева, М. А. Мишнев. – Петрозаводск: Изда-во ПетрГУ, 1995. – С. 82–90. – 179 с.
31. Медведев Р. А. Политические судебные процессы 1928–1930 гг. // К суду истории. О Сталине и сталинизме. – Время, 2011. – 656 с. – (Рой Медведев, Жорес Медведев. Собрание сочинений / «Время»). – 2000 экз. – ISBN 978-5-9691-0629-1.
32. Треппер А. Лицом к лицу с действительностью // Большая игра: Воспоминания советского разведчика = *Le Grand Jeu* / пер. с франц. И. Шрайбера; послесл. и рец. А. И. Галаган, конс. В. Р. Томина. – Издательство политической литературы, 1990. – С. 44–50. – 382 с. – 200 000 экз. – ISBN 5-250-00829-1.

33. Голинков Д. А. Шахтинское дело // Крушение антисоветского подполья в СССР. Кн. 2. – 4-е изд. – М.: Политиздат, 1986. – 397 с. – 100 000 экз.
34. Еспневич А. А. Мнимые вредители. «Шахтинское дело». «Дело Промпартии» / А. А. Еспневич. – СПб.: [СПГУТД] (Тип. СПГУТД), 2004. – 47, [1] с.
35. Богданов С. В. Власть и экономическая преступность в Советской России (1917–1941) // Историко-экономические исследования. – 2012. – Т. 13, вып. 2–3. – С. 7–22. – ISSN 2308-2488.
36. Из речи т. Евдокимова. 3 марта 1937 года // Вопросы истории. – 1995. – № 2. – С. 3–7. – ISSN 0042-8779.
37. Красильников С. А. Шахтинский Процесс 1928 Года: Предварительное Следствие В Архивных Документах // Вестник Новосибирского Государственного Университета. Серия: История, Филология. – 2009. – Т. 8, вып. 1. – С. 59–66. – ISSN 1818-7919.
38. Куромия Х. Сталинский «великий перелом» и процесс над «Союзом освобождения Украины» // Отечественная история. – 1994. – № 1. – С. 190–198. – ISSN 0869-5687.
39. Макаренко П. В. «Шахтинский процесс» и его влияние на советско–германское сотрудничество // Вопросы истории. – 2013. – № 10. – С. 3–15. – ISSN 0042-8779.
40. Мозохин О. Б. «Замешанных немцев арестовать... Англичан не трогать» Документы Архива Президента Российской Федерации о роли Политбюро ЦК ВКП(б) в организации «Шахтинского дела» // Отечественные архивы. – 2008. – № 6. – С. 84–96. – ISSN 0869-4427.
41. Шарапов С. В. Роль Свидетелей-Рабочих В Шахтинском Судебном Политическом Процессе 1928 Года // Вестник Новосибирского Государственного Университета. Серия: История, Филология. – 2012. – Т. 11, вып. 1. – С. 126–130. – ISSN 1818-7919.
42. Шахтинское дело // Дилетант : исторический журнал / ред. А. Соломин. – 2017. – 29 июня. – ISSN 2226-6887.

Часть III.
Лев Троцкий:
эпизоды ранней биографии и
печатные работы

Глава 16. Первая ссылка Троцкого

Первая ссылка Троцкого – двухлетний период в жизни революционера Льва Троцкого, который он провёл в ссылке в Восточной Сибири. В Иркутскую губернию он был сослан по приговору Одесского суда за организацию Южно-русского рабочего союза.

Рис. 38. Фотография Л. Д. Бронштейна (Троцкого) из его полицейского дела (1900).

Находясь в заключении и ссылке с 1900 по 1902 год, Троцкий вступил в брак и активно занимался как самообразованием – включая знакомство с работами классиков марксизма – так и журналистской деятельностью. Под псевдонимом «Антид Ото» (А.О.) он сотрудничал с газетой «Восточное обозрение», которая опубликовала три десятка его статей и очерков, «тепло» принятых сибирской публикой.

В этот период будущий нарком занимался литературной критикой, общими вопросами социологии литературно-художественного творчества, а также – вопросами крестьянского быта. Перемещаясь между сёлами Усть-Кут, Нижне-Илимское и городом Верхолениск, Троцкий вступил в контакт со многими бывшими и будущими революционными деятелями. Список новых знакомств Троцкого включал

в себя как будущего председателя Петроградской ЧК Моисея Урицкого, так и первого главу ВЧК Феликса Дзержинского.

Печатные работы Троцкого, опубликованные и в Европе – а также его публичные выступления в Иркутске – привлекли к молодому революционеру внимание руководителей РСДРП. В результате ему был устроен побег из сибирской ссылки. Так Троцкий оставил в Сибири свою жену с двумя малолетними дочерьми и оказался сначала в Вене, а затем – и на другом краю Евразии, в Лондоне. В столице Британской империи произошла его первая встреча с Владимиром Лениным, недавно опубликовавшим свою книгу «Что делать?».

Последующие исследователи считали, что пребывание в Восточной Сибири и контакты с местными революционерами имели большое значение для формирования политических взглядов будущего наркомвоенмора – для «его партийного самоопределения».

16.1. Предыстория

В 1896 году в Николаеве Лев Давидович Бронштейн (в будущем – Троцкий) участвовал в революционном кружке и вёл пропаганду среди местных рабочих. В 1897 году он принимал участие в основании Южно-русского рабочего союза, а 28 января 1898 года (по другим данным – в 1899 году), вместе с двумя сотнями членов Союза – был впервые арестован царскими властями [1,2]. В одесской тюрьме Бронштейн осваивал исторический материализм и знакомился с трудами марксистов – в частности, с работами Антонио Лабриолы [3-5].

Почти двухлетнее пребывание в тюрьме закончилось оглашением приговора Одесского суда 10 октября 1899 года. Главные обвиняемые по делу Южно-Русского рабочего союза: Бронштейн, Александра Соколовская и два её брата были приговорены к четырёхлетней ссылке в Иркутскую губернию. Шолом Абрамов Зив и Шмуил Берков Гуревич подлежали ссылке на два года. Остальные осужденные были высланы под гласный надзор полиции.

По мнению целого ряда биографов Троцкого такой приговор был нехарактерен для судебной системы Российской империи. Он являлся сравнительно мягким по нормам тех лет [6-9].

16.2. История

Основным источником по раннему периоду жизни Льва Троцкого, включая его первую ссылку в Восточную Сибирь, является автобиография революционера «Моя жизнь». Работа была написана им в период проживания в Алма-Ате и Турции – она была впервые опубликована в 1929–1930 годах уже после высылки бывшего наркома из пределов СССР [10,11].

Московская пересыльная тюрьма. Брак с Соколовской

После суда и приговора Троцкий был отправлен в Москву, где в течение полугода ожидал этапа в пересыльной тюрьме. Здесь он впервые услышал имя «Н. Ленина» – тогдашний псевдоним будущего большевистского лидера – и прочитал выпущенную незадолго перед этим книгу «Развитие капитализма в России». Монография Ленина была посвящена анализу экономического развития России с помощью марксистской теории. Автором было проведено исследование экономики и социальной структуры Российской империи в последней трети XIX века. Работа была написана в 1896–1899 годах, и вышла легально отдельной книгой в конце марта 1899 года в небольшом петербургском издательстве, принадлежавшем Марии Водовозовой. Первый тираж работы составил 2,4 тысячи экземпляров [2,12,13].

В начале 1920-х годов – уже будучи наркомом – Троцкий пригласил своего биографа Макса Истмена посетить здание московской пересыльной тюрьмы, где показал журналисту «мрачную цементную камеру» в Пугачевской башне, в которой он содержался два десятилетия назад, и двор, где заключенные играли в лапту. Троцкий также рассказал Истмену¹⁵, что однажды во время игры во дворе появился «некий тюремный начальник». Революционер его не заметил, и тот накинулся

¹⁵ Макс Форрестер Истмен (англ. *Max Forrester Eastman*; 4 января 1883, Канандаига, штат Нью-Йорк, США – 25 марта 1969, Бриджтаун, Барбадос) – американский журналист, писатель, поэт, литературный критик и радикальный политический активист. Первоначально был активным социалистом и троцкистом; один из ведущих представителей Гарлемского ренессанса; в конце жизни стал антикоммунистом.

на него с криком, требуя, чтобы заключённый немедленно снял перед ним шапку. «Не кричите на меня, я не ваш солдат», – ответил Троцкий, за что был отправлен в карцер на хлеб и воду [7,14].

Между маем 1899 года и мартом 1900 года в той же пересыльной тюрьме произошла женитьба Льва Бронштейна на Александре Соколовской – супружескую связь благословил ребе по иудейскому обычаю. Молодые люди, рассматривавшие «тюремный» брак – который был в те годы не таким уж и редким явлением – как «досадную скучную формальность», необходимую лишь для того, чтобы их поселили в ссылке вместе. Они хотели официально зарегистрировать свои отношения ещё во время совместного пребывания в Одесской тюрьме, но тогда – в связи с юным возрастом Троцкого – ему было необходимо согласие отца, который категорически отказался его дать [7,15]:

«Лёва [Троцкий] рвал и метал и боролся со всей энергией и упорством, на какие он был способен. Но старик [отец Троцкого] был не менее упорен и, имея преимущество – пребывание по ту сторону ограды, остался непобежденным [16].»

2 (14) мая 1899 года Соколовская, находясь в Одесском тюремном замке, просила министра внутренних дел Российской империи, «...в случае могущей последовать ссылки, меня и жениха моего Лейба Бронштейна сослать в одно место». В свою очередь сам Лейба (Лев) Бронштейн в марте 1900 года из Московской пересыльной тюрьмы просил иркутского генерал-губернатора Александра Горемыкина: «...чтобы жена моя, политическая ссыльная Александра Лейбовна Бронштейн, урожденная Соколовская, была назначена в одно со мной место Восточной Сибири» [17].

Село Усть-Кут

3 (16) мая 1900 года поезд с арестантским вагоном, в котором находился Троцкий с женой, отправился из Москвы на восток. В ряде городов заключённых перегружали, причем нередко подолгу держали в местных пересыльных тюрьмах. Так к окончательному месту ссылки, в село Усть-Кут Киренского уезда, располагавшегося на реке Лене, они прибыли 2 августа. При этом время в пути по законодательным нормам Российской империи не засчитывалось в срок ссылки. В селе, куда они сплавились по реке на паузках – «огромных» плотах с сараем, предназначенным для размещения конвоя и ссыльных – было около

сотни изб местных крестьян и всего два политических ссыльных (портной и сапожник), а вокруг — «дикая природа» [18-23]: «Кругом лес, внизу река. Дальше к северу по Лене лежали золотые прииски. Отблеск золота играл по всей Лене».

Рис. 39. Село Нижне-Илимское (Нижнеилимск): справа (на переднем плане) дом купца Я. А. Черных, слева (у фонаря) его магазин, на заднем плане церковь Покрова Пресвятой Богородицы (около 1905).

Но сам характер сельского быта и местных нравов — которые революционер называл не иначе как «идиотизм сельской жизни» — вызывал у Троцкого «чувство глубокой тоски» [18,24]:

«Хозяин и хозяйка нашей избы пили непробудно. Жизнь темная, глухая, в далекой дали от мира. Тараканы наполняли ночью тревожным шорохом избу, ползали по столу, по кровати, по лицу. Приходилось время от времени выселяться на день-два и открывать настежь двери на 30-градусный мороз. Летом мучила мошкара. Она заедала насмерть корову, заблудившуюся в лесу. ...Весною и осенью село утопало в грязи [25].»

По мнению биографов Троцкого, профессоров Юрия Фельштинского и Георгия Чернявского, в то время у будущего наркома зародилась стойкая неприязнь к деревенскому быту и жизни села в целом. В дальнейшем Троцкий не раз будет говорить и писать о значении крестьянского движения в русской революции. Но все эти заявления будут сопровождаться теми или иными оговорками, согласно которым

рассчитывать на создание крестьянской политической организации в те годы не приходилось [18].

14 (27) марта 1901 года в Усть-Куте¹⁶ Александра родила девочку, которую назвали Зина. Чтобы облегчить себе быт, супруги попытались переселиться по разрешению иркутского генерал-губернатора восточнее, на реку Илим, где у них были знакомые. Там Лев Давидович недолго прослужил конторщиком с окладом в 30 рублей у купца Якова Черных – «могущественного торгового феодала», который «подписать свою фамилию не умел, и ставил крест». Но после того как Троцкий ошибся и записал фунт краски-медянки как целый пуд, он был выдворен со службы. «Лютотой» сибирской зимой революционеру с семьёй пришлось возвратиться в Усть-Кут [26-28]:

«На коленях у меня была десятимесячная девочка. Она дышала через меховую трубу, сооруженную над ее головой. На каждой остановке мы с тревогой извлекали девочку из ее оболочки. Путешествие прошло все же благополучно [29].»

Город Верхолениск

После возвращения в Усть-Кут Троцкий вновь «покорнейше» просил разрешения переехать со своей женой и ребёнком в село Знаменское, располагавшееся в соседнем уезде [26]:

«Вследствие отсутствия доступных мне занятий на месте ссылки – селе Усть-Кут, Киренского уезда, – я лишен возможности проживать здесь с женой и ребёнком на одной казенной субсидии; посему честь имею покорнейше просить Ваше Высокопревосходительство, разрешить мне переехать на жительство в село Знаменское Верхоленинского уезда, где я надеюсь иметь какую-нибудь работу, и где содержание, совместное с семьёй брата моей жены (Ильи Лейбова Соколовского), будет обходиться несравненно дешевле.»

В результате обращения Льву Бронштейну удалось получить разрешение на переселение в Верхолениск – уездный городок, в котором, помимо ряда предприятий, почтово-телеграфной конторы, пяти лавок

¹⁶ По другим данным роды прошли в селе Нижне-Илимское, куда с 1 февраля 1901 года Льву и Александре была формально разрешена двухмесячная «отлучка» [26].

и двух «питейных заведений», имелась колония образованных (политических) ссыльных. Данная колония стала «питательной средой» для молодого революционера. В Российской империи существовал даже термин «Верхоленская ссылка» – поскольку здесь в своё время побывали и декабристы, и участники Польского восстания 1860-х годов. В своих воспоминаниях Троцкий писал о своего рода «аристократии» среди ссыльных. Речь шла о старых революционерах-народниках, которые находились в ссылке уже долгие годы и десятилетия.

Отдельный «слой» ссыльных составляли молодые марксисты. Так в Верхоленске Троцкий познакомился с 27-летним Моисеем Урицким, с которым затем примет участие в революционных событиях в Санкт-Петербурге в 1905 году. А в 1917 году они, тоже совместно, станут сначала членами «межрайонной» социал-демократической группы, а позже – и большевиками. При этом многолетнюю переписку между собой они вели в основном на немецком языке [30].

Другим верхоленским знакомым Троцкого стал 23-летний Феликс Дзержинский. В те годы это был польский социал-демократ, а в будущем – председатель ВЧК/ОГПУ [26,28,31] (см. «Пермская катастрофа» во второй книге данной серии). Исследователи истории края также отмечали, что 22 % всех политических ссыльных в Сибири на рубеже веков, в 1900-х годах, были евреями (иудеями) [7,32].

Верхоленск имел и «своеобразное геополитическое положение». Через городок проходил «великий водный путь ссылки», на котором встречались окончившие свой срок поселенцы и новые партии недавно осужденных ссыльных. Благодаря этому политические ссыльные имели возможность не только видаться и обмениваться последними известиями, но и дискутировать между собой: обсуждать характер и перспективы революционного движения [26].

Большой популярностью у местной ссыльной молодежи пользовались и спортивные игры – особенно, крокет. При этом, «Бронштейн органически не переносил соперников... и одержать победу над ним в крокете было самым верным средством приобрести злейшего врага». В Верхоленске Троцкий включился в ожесточенные споры между ссыльными. Так бывший член «Народной воли» Николай Фрейлих рассказывал в 1923 году советскому партийному историку Емельяну Ярославскому, какое «глубокое впечатление» на него и других народников произвел Троцкий «красочностью, яркостью, истовостью»

одного из своих докладов – предположительно впервые написанного революционером уже с новых для него, марксистских, позиций [33,34].

Именно в Верхоленске Бронштейн – у которого через год после Зины родилась вторая дочь, Нина – начал постепенно овладевать квалификацией профессионального журналиста. Он, по его собственному признанию, «с тревогой и неуверенностью» послал свои первые корреспонденции в газету «Восточное обозрение», основанную в 1882 году и выходившую в те годы в Иркутске. С 1894 года редактором данного печатного издания «прогрессивного толка» был либеральный деятель Иван Попов. Ранее Попов был революционным народником и членом ЦК политической партии «Народная воля».

Хотя ссыльным категорически запрещалось публиковаться в прессе Российской империи, издатели зачастую шли на такой риск. Они лишь требовали, чтобы осужденные печатались под псевдонимами. Бронштейн выбрал для себя псевдоним «Антид Ото» – от итал. *antidoto* – «противоядие». Троцкий позже вспоминал, что был «поддержан редакцией». Сначала в «Восточном обозрении» стали появляться его небольшие сельские корреспонденции, а затем – и «более солидные» (полноценные) статьи [35-37].

С газетой «Восточное обозрение» активно сотрудничало уже несколько «поколений» политических ссыльных: народники Е. К. Брешко-Брешковская, В. С. Ефремов, П. Г. Зайчневский, Д. А. Клеменц, С. Ф. Ковалик, Ф. Я. Кон, И. И. Майнов, М. А. Натансон, А. В. Прибылев, В. С. Свитыч, М. И. Фондаминский, Н. А. Чарушин, социал-демократы и эсеры, включая М. К. Ветошкина. Здесь же печатался будущий член ЦК ВКП(б) А. Б. Красин, Д. И. Кутузов-Илимский, В. Е. Мандельберг (на II съезде РСДРП он вместе Троцким будет представлять Сибирский социал-демократический союз), С. И. Мицкевич, П. Ю. Перкон, М. В. Ромм, И. А. Теодорович [38].

В своей первой ссылке Троцкий познакомился с основной работой Яна-Вацлава Махайского, также находившегося в тот период в иркутской ссылке, «Умственный рабочий» (1898–1900). Летом 1902 года в самом Иркутске будущий нарком смог лично познакомиться с автором книги, ставшей для него «серьезной прививкой против анархизма». В столице Восточной Сибири Троцкий стал свидетелем спора К. К. Бауэра и Махайского – причём его попытка вмешаться в дискуссию вызвала «нападки» со стороны обоих оппонентов [38,39].

Уже после своего побега Троцкий, знакомя Ленина с последними новостями из Сибири, сообщил лидеру большевиков о печатной работе Махайского. В своей книге Махайский изложил антиинтеллектуальную теорию, согласно которой рабочий класс эксплуатируется всем «образованным обществом» – и интеллигенцией в первую очередь. Одним из основных угнетателей рабочих, по мнению автора, выступала как раз революционная интеллигенция, стремившаяся «подчинить себе рабочий класс и жить за его счёт» [40,41].

16.3. «Восточное обозрение»

Первые печатные работы

Лев Бронштейн начал свою журналистскую деятельность с материалов деревенской тематики, которые можно охарактеризовать как фельетоны – лёгкую художественно-публицистическую литературу, имеющую сатирический или юмористический характер [42].

Его первая корреспонденция в «Восточном обозрении» появилась в октябре 1900 года под длинным заголовком «Мало заметный, но весьма важный винтик в государственной машине». В статье шла речь об элементарной «социальной клеточке» российского государственного строя – сельской общине (сельском обществе). В данной работе автор показывал дифференциацию, усложнение функций и внутренних взаимоотношений в данной «клеточке» – и наблюдавшееся усиление её взаимодействия с «общественным организмом» империи в целом. В корреспонденции приводилась опись книг и дел низового царского чиновника – писаря – показывавшая, что подобные лица заведовали всеми делами в сибирской деревне.

Здесь же будущим членом советского правительства описывалось как представляемые деревенским писарем «наполовину фиктивные цифры идут по начальству, подвергаются обработке, ложатся в основу многих официальных и земских статистических обозрений и исследований, которые составляют в свою очередь предмет ожесточенной полемики отечественных публицистов» [43].

***Мало заметный, но весьма важный винтик
в государственной машине***

Сельское общество, это – юридически не расчленимый элемент русского государственного строя, своего рода социальная клеточка, хотя название это может в данном случае иметь лишь чисто формальное значение. Никто не отрицает, что в настоящее время деревенская община далеко не представляет собою однородного по строению, самодовлеющего по отправлениям организма. Внутри ее формально-юридической оболочки происходил и происходит процесс дифференцирования, усложнение функций и отношений внутри общины-клетки и рядом с ним – процесс все большего взаимодействия этой клетки со всем общественным организмом. Это взаимодействие, еще более усложняя, в свою очередь, жизнь внутри общины, фактически стирало и стирает общинные границы, обнаруживая тенденцию автоматически группировать общественные элементы и в городе и в деревне совершенно новым путем, по новым признакам.

«...Самого поверхностного взгляда на современную деревню, – говорит проникновенный художник русской деревни и страстный защитник ее интересов, – достаточно для того, чтобы не подводить „под одно“ всех деревенских жителей и все деревенские мнения и желания. Основывать однородность деревенских интересов на общинном землевладении так же несправедливо, как если бы на основании общинного владения петербургским водопроводом... я основал одинаковость целей, желаний, стремлений, хотя бы только до известной степени, между всеми тысячами людей, населяющих тысячи квартир с одинаково проведенною водою...» (Г. И. Успенский, «Равнение под одно».)

Несмотря на чрезвычайное усложнение деревенской жизни, административный строй ее не потерпел почти никаких изменений; волостное правление продолжает оставаться министерством волости. Новые запросы, потребности, задачи деревенской жизни получают ответы, удовлетворения, разрешения при помощи старого волостного административного механизма, который все меньше способен отвечать своему назначению.

В Европейской России с усложнением задач деревенского бытия множество чрезвычайно важных сторон его перешло в ведение

земства, органа более компетентного, более сильного, чем «волость», и несомненно, что дальнейшее здоровое развитие нашей общественной жизни поведет к выделению из сферы волостного ведения всех общегосударственных или общеобластных (губернских, уездных) вопросов и переходу их в ведение правительственных и земских органов при дальнейшем расширении компетенции последних.

Но и в Европейской России, где — отчасти рядом, отчасти над сельским и волостным правлением — существует земство, сфера ведения волостного правления слишком разносторонняя, широкая, даже всеобъемлющая, чтобы деятельность этого органа могла отвечать всем своим задачам.

Что же в таком случае сказать о Сибири, где земства нет, зато имеются целые отрасли, и притом чрезвычайно существенные, сельской жизни, совершенно или почти совершенно не затрагивающие «российской» волости? Взять хотя бы ссыльно-поселенцев и административно-ссыльных, школьное и дорожное дело...

Чтобы дать читателю представление о размерах писчебумажной деятельности волостного правления, мы предложим его вниманию суховатую, но поучительную опись «книгам» и «делам» (конечно, не всем), ведение которых лежит на обязанности волостного писаря и его помощников (1 — 4).

Посемейные списки (статистика волостн. населения); подворные списки (статистика подворного хозяйства — инвентаря, работников, даже нахлебников...); раскладочная книга податей и повинностей (сложнейшая финансовая статистика и рядом с ней — финансовая политика!); для записи переходящих сумм («волость» играет роль казначейства, выдающего жалованье участковому врачу, фельдшерам, акушерке, субсидии административно-ссылным...); мирских сумм (отчетность волостного «министерства финансов»); сделок и договоров (волостное правление фигурирует в данном случае в качестве нотариальной конторы по сделкам крестьян между собою или крестьян с лицами других сословий); решений волостного суда: а) по делам гражданским, б) по маловажным проступкам; судимости крестьян; прихода и расхода паспортов; разгона обывательских лошадей; состояние продовольственных запасов, подохранного имущества (без призору оставшегося после умерших без наследников, пропавших без вести, ушедших на войну...; сюда же причисляются хранящиеся в «волости» вещественные доказательства); пригультного скота; торговых

свидетельств (имеется, правда, не во всех волостях); для записи призыва молодых людей на действительную службу; ополченцев I и II разряда; местных запасных нижних чинов (на случай призыва, перечисления в ополчение и пр.); зап. ниж. чинов, отлучившихся из пределов волости; зап. ниж. чинов, прибывших из других волостей.

Все эти «книги для записи» имеются как в сибирской, так и в каждой «российской» волости. Специально для сибирской волости надлежит еще прибавить книги, ведающие арестантов и поселенцев; для записи ссыльно-поселенцев, причисленных к волости (их в некоторых волостях числится больше, чем крестьян); ссыльно-поселенок (ничтожное сравнительно число); окладная книга (поселенцы обложены в пользу «поселенческого капитала»); крестьян, сосланных по общ. приговорам; пересыльных арестантов; прихода-расхода кормового довольствия арестантов, содержащихся и пересыльных.

Вот главные «книги». Боюсь, впрочем, что сколько-нибудь опытный волостной писарь найдет в моем перечне немало существенных пробелов. Но довольно, думаю, и перечисленного. «Книгами», однако, не исчерпывается волостная деятельность: кроме «книг» имеются еще «дела», им же несть числа.

Тут вы найдете дела об исправлении дорог, открытии школ, о состоянии урожая или о видах на таковой, дела опекунские и пр., и пр., и пр. Если бы все перечислять, то, говоря словами евангелиста, и всему миру не вместить бы написанных книг. Недаром один знакомый мне волостной писарь, когда разговор касался его обязанностей, лаконически определял их следующей формулой: «одним словом, альфа и омега», и, если в числе собеседников был человек свежий, то писарь вынимал из футляра от очков измятый листок, сорванный со стенного календаря, на оборотной стороне которого, между перечнем юбилейных исторических событий и обеденным меню, находилось заглавие, позаимствованное нами для украшения настоящей заметки: «Мало заметный, но весьма важный винтик в государственной машине», а под заглавием значилось: «Какое ведомство не имеет отношения к волостному писарю? Не говоря о министерстве внутренних дел, чины почти всех ведомств обращаются в волостное правление: военное — по разным призывным спискам, финансовое — в лице податных инспекторов, судебное — в лице следователей и приставов, народного просвещения — в лице инспекторов, духовное — в лице благочинных, ведомство земледелия — по статистике. Кроме морского и иностранных дел,

все обращаются в волостное правление с требованиями и предписаниями — и всем должен дать ответ писарь».

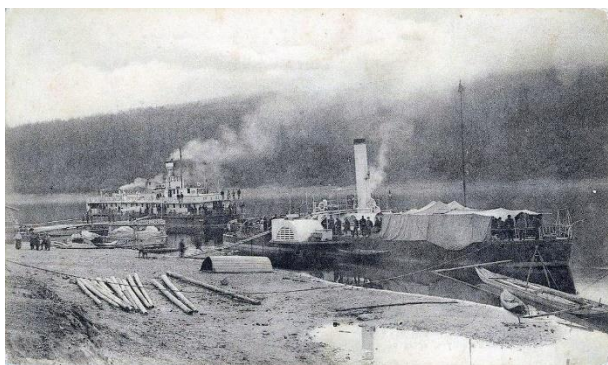

Рис. 40. Село Усть-Кут, вид на пристань (ранее 1917).

— «И то еще неверно, — прибавлял писарь, упрятывая драгоценный документ на дно футляра. — И с министерством иностранных дел имеем сношения. Раз наш матрос запил в Англии и опоздал к отходу парохода. Консул потом отправил его на родину, и мы с консулом имели по этому поводу переписку... А запасные флотские? Ведь мы и им ведем алфавит, значит, и к морскому министерству имеем отношение. Одним словом, альфа и омега!..»

Итак, волостной писарь соединяет в своем лице: финансиста, статистика, агронома, инженера-путейца, архитектора, нотариуса, судебного следователя...

Понятно, значит, если все заботы писаря уходят в казовую сторону дела. Он в точных цифрах определяет размеры урожая «на основании испытаний», которых на самом деле не производил. Он составляет проекты исправления путей, постройки и ремонта мостов, сидя в здании волостного правления, и потом на основании собственного проекта докладывает о произведенных работах, тогда как на самом деле никто никаких дорог не исправлял, мостов не строил и не ремонтировал. И многие другие отрасли своей деятельности по необходимости упрощает волостной писарь подобным же образом.

А доставляемые им наполовину фиктивные цифры идут по начальству, подвергаются обработке, ложатся в основу многих официальных и земских статистических обзоров и исследований, которые

составляют в свою очередь предмет ожесточенной полемики отечественных публицистов.

Подчеркиваем, однако, что казовая, т.е. чисто канцелярская, работа волости совершается в большинстве случаев безукоризненно... «Точность в исполнении своих писчебумажных обязанностей, – говорит цитированный выше писатель, – в настоящее время составляет самую видную черту деревенской жизни». Дав затем описание той сложной, но, так сказать, организованной суматохи, которая была вызвана в волости «экстренно-важной» бумагой «по мобилизации» (летом 1877 г.), Г. И. Успенский¹⁷ говорит:

«И все это буквально „без разговоров“ о причине, без расспросов о том, куда и зачем погонят. Плачут конечно, женщины, матери, невесты; сапожник Петр тоже жалеет, что приходится бросить мастерство и за что ни попало продать инструмент; но ни у кого ни на единую минуту не мелькнет вопрос: зачем и куда? – раз приказание пришло из

¹⁷ Успенский, Г. И. – известный писатель-народник (род. в 1840 г.), самый крупный художник народничества. С 1860 г. Глеб Успенский начал сотрудничать в «Русском Слове», «Зрителе» и др. газетах. Литературная известность Успенского начинается с 1866 г., когда появились в «Современнике» его очерки «Нравы Растеряевой улицы», из быта мелких провинциальных мещан (продолжение их печаталось за границей в «Женевском Вестнике», 1867 г.). С 1868 г. он помещает свои произведения в «Отечественных Записках». Литературную деятельность Г. Успенского можно разделить на два периода. В первом (до 70-х г.г.) Успенский является преимущественно бытописателем мелкого городского люда: мастеровых, чиновников и т. д. Сюда же примыкают картинки из жизни провинциального и столичного «мыслящего пролетариата» с его идеальными стремлениями, надеждами и тяжелыми разочарованиями. Во втором периоде своей литературной деятельности Успенский обращается к изображению крестьянского быта; большое значение этих «народнических» писаний Успенского заключается в том, что в них ярко изображен процесс разложения деревни под влиянием развивающегося денежного хозяйства. Народническая беллетристика представляет собой целую полосу в развитии русской художественной литературы. Не всегда одинаково совершенные с художественной стороны, произведения беллетристов-народников представляют собой очень ценный документ эпохи. «Произведения наших народников-беллетристов, – говорит Г. В. Плеханов в статье об Успенском, – надо изучать так же внимательно, как изучаются статистические исследования о русском народном хозяйстве или сочинения по обычному праву крестьян. Ни один общественный деятель, к какому бы направлению он ни принадлежал, не может сказать, что для него необязательно такое изучение». Сочинения Г. И. Успенского полностью сохраняют свой интерес и в настоящее время [в 1926 году].

волости. Но на все эти вопросы, зачем гонят и куда гонят, не ответит никто – ни сельский староста, ни волостной старшина, ни писарь. Да и никто из них не спросит, или, вернее, отвык спрашивать и разбирать то, что приходит сюда, в деревню, в виде приказывающей, но никогда не объясняющей бумаги».

Четверть века прошло с тех пор. Многое ли изменилось в этой стороне жизни?..

*«Восточное Обозрение» № 230,
15 октября 1900 г.*

Бронштейн продолжал тему сибирского земства, которого тогда ещё не существовало в Российской империи, и в следующей корреспонденции. Во второй своей статье он высказывал мнение, что введение в Сибири земских учреждений является лишь вопросом времени. Автор отмечал, что «бессословность» уже существующих на тот момент земств являлась в те годы весьма относительной. Поскольку крестьянское – и недворянское в целом – представительство в них было совершенно незначительно. Дворяне продолжали оставаться доминирующим сословием: если не формально, то фактически.

За этой статьёй последовал цикл из четырех новых статей Троцкого под общим заголовком «Обыкновенное деревенское». Цикл был посвящён разнообразным болезням вопросам сельского быта. Революционер писал о «медицинской беспомощности» сибирской деревни, о сельской «тюремке», в которую запирали буянов, психически больных и бесприютных инвалидов. Он также затрагивал такие вопросы как издевательства безграмотных, озлобленных и пьяных крестьян над своими беспомощными женами – и примитивизм церковно-приходской школы. Этим список тем не исчерпывался [44].

Троцкий сообщал читателям и свои впечатления от призыва молодых крестьян села Усть-Кутского на военную службу в Русскую императорскую армию. Автор констатировал тот факт, что медицинская комиссия не забраковала «по здоровью» ни одного призывника – но интерпретировал это как то, что сибирская медицина была столь плоха, что в местном обществе господствовал дарвиновский принцип естественного отбора. Иначе говоря, относительно здоровый состав

людей призывного возраста окупал непомерно высокую смертность младенцев, детей и подростков [34].

Только в статье о феминизме и «крохотной заметке» об обысках фабричных рабочих, современные историки «смогли выискать» слабые указания на марксистское мировоззрение автора в начале его первой ссылки. Остальные печатные работы Бронштейна носили «общедемократический и общекультурный характер».

Историки Фельштинский и Чернявский считали, что ранние работы Троцкого отличались знанием предмета и соответствующей литературы – в том числе и на иностранных языках. Его изложение «было ярким, подчас красочным и даже красивым». В статьях можно было найти «отголоски» манеры письма и зрелого Троцкого. Автор изданных позднее работ о русской революции (см. его книгу «История русской революции»), пролетарской культуре и партийности в литературе (см. книгу «Литература и революция»), «формировался как критик в сибирской глубинке». Так большинство его критических литературных работ того периода отличала «яркая полемичность» [26,44].

Используя псевдоним мужа («А. О.»), как минимум одну статью в иркутскую газету написала и первая жена Троцкого, Александра. Она, акушерка по профессии, поделилась с читателями своими впечатлениями от присутствия на крестьянских родах в селе Тутурка. Сюда она, возможно, попала на пути в Верхолensk. Яркое повествование заканчивается тем, что местные повитухи, изматывавшие роженицу, настоящую акушерку к ней не подпустили – и «А. О.» была вынуждена уехать, не дождавшись самих родов [45].

Через несколько десятилетий, в середине 1920-х годов, сортируя статьи из «Восточного обозрения» для включения в соответствующий том своего собрания сочинений, Троцкий разбил материалы на четыре раздела: «От дворянина к разночинцу», «Будни», «На задворках публицистики» и «Перед первой революцией». Эта разбивка казалась Фельштинскому и Чернявскому «несколько искусственной». В частности, название последнего раздела совершенно не соответствовало его действительному содержанию.

Сами биографы выделяли группы статей, посвященных творчеству писателей-классиков и представителей новейших тенденций в художественной литературе; посвященных общим вопросам социологии литературно-художественного творчества; относящихся к бытовым вопросам [46]. Статьи того периода, которые также активно

затрагивали проблемы отношений индивидуума и общества, повторно вышли в IV и XX томах «Сочинений» Троцкого: политические тексты под заголовком «Перед историческим рубежом. Политическая хроника» и литературная критика под названием «Проблемы культуры. Культура старого мира», соответственно [49].

Литературная критика

Всего в «Восточном обозрении» было опубликовано около трёх десятков статей Бронштейна по культурной проблематике. Среди них были и весьма краткие заметки, и обширные публикации, появлявшиеся по частям в нескольких номерах.

Некоторые из материалов, посланных Троцким в иркутскую редакцию, были сочтены издателями настолько острыми, что вообще не увидели света. Такая судьба постигла его статью от 1901 года под названием «История литературы, г. Боборыкин и русская критика» – уже в советский период она была опубликована в собрании сочинений по рукописи, сохранившейся в архиве Троцкого. Статья содержала «предельно острую» оценку книги беллетриста и литературоведа Петра Боборыкина о европейском романе. В 1900 году Боборыкин – лично знакомый с Эмилем Золя, Эдмоном де Гонкуром и Альфонсом Доде – был избран почётным членом Российской академии наук.

Ещё одной неопубликованной статьёй Троцкого был небольшой «этиюд» под заголовком «Нечто о сомнамбулизме». В данной работе автор высмеивал – причём делал это довольно «неуклюже» – тех, кто, по его мнению, занимался совершенно ненужным делом. Критика была широка: вплоть до филателистов, отдававших себя делу «совершенно бескорыстному и в высокой степени бессмысленному и бесцельному, словом, идеально чистому водотолчению» [46].

подавляющее большинство статей, направленных Троцким в «Восточное обозрение», встретили положительный отклик редакции и были «тепло» приняты читателями данного регионального издания. Постепенно псевдоним автора стал известен по всей Российской империи. Так биограф Троцкого Исаак Дойчер утверждал, что в 1920–1930-х годах лично общался с бывшими ссыльными, которые продолжали называть советского наркома «Антид Ото» [36,50].

В работах тех лет, литературоведческое значение которых «не стоит преувеличить», будущий наркомвоенмор высказывал свои

«сильные» оценки целого ряда писателей и литературных критиков [51]. Он писал о творчестве В. А. Жуковского, В. Г. Белинского, А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя [52], М. Е. Салтыкова-Щедрина, А. И. Герцена (и о высказываниях о Герцене автора столичного журнала «Вестник всемирной истории» Г. Белозерского), Н. А. Добролюбова, Г. И. Успенского, К. Д. Бальмонта [53], Л. Н. Андреева, Г. Ибсена [54], Г. Гауптмана [53], А. Шницлера и многих других. Историки отмечали, что оппозиционные авторы в годы империи часто находили в литературной критике «своеобразное убежище от нападок» цензуры [55-58]:

Так Троцкий писал про Александр Герцена: «Мы искренне и глубоко убеждены, что личность Герцена настолько громадна, выпукла, заслуги его в области развития русского общественного самосознания столь велики, что исключают надобность и возможность какой бы то ни было переоценки, преувеличения, особенно купленного ценою принижения поколения, шествовавшего на смену Герцену, поколения, занявшего самостоятельное и далеко не последнее место в памяти передовых групп русского общества [59].»

По мнению профессора Баруха Кней-Паца, ценность той или иной работы писателя для Троцкого зависела от двух отдельных, хотя и связанных друг с другом, элементов:

- (i) от самого писательского таланта – то есть от авторской способности к выбору слов, описанию явлений, созданию образов и так далее,
- (ii) от «социальной совести» автора – от его заботы о состоянии отдельного человека.

Троцкий отдавал своё предпочтение тем писателям, для которых литература была, фактически, конфронтацией с окружающей их социальной реальностью. Он также предпочитал авторов, для которых литература была оружием для преобразования социальной реальности (см. «Литература и революция»). В частности, будущее нарком был тронут работами писателя-народника Успенского, смерть которого от психического расстройства Троцкий считал прямым следствием борьбы с «уродством» настоящего. Кроме того, революционер восторгался и критиком Николаем Добролюбовым: за то, что последний подчеркивал связь между художественной литературой и общественно-политическим прогрессом [53,60-62].

В «литературно-критических» работах о творчестве Ибсена – в частности, о его пьесе «Враг народа» – Троцкий отмечал, что

драматург разоблачал те тонкие, но сокрушительные пути, с помощью которых «буржуазное общество» уничтожало нонконформистов. Троцкий одновременно осуждал элитаризм Ибсена – его презрительное отношение к самой идее о народной демократии [63-65].

Говоря о Гоголе, Троцкий в работе, опубликованной в 1902 году – в связи с 50-летием со дня смерти писателя – отвлекался от своих политических предпочтений, в рамки которых не попадал писатель. Революционер даже защищал автора «Вечеров на хуторе близ Диканьки» от хулителей, фокусируясь на таланте автора и его роли в становлении русской литературы [66]:

Троцкий о Гоголе: «До Гоголя русская литература стремилась существовать. С Гоголя она существует. Он дал ей существование, навсегда связав ее с жизнью. В этом смысле он был отцом реальной, или натуральной школы... По вполне понятным причинам сатирическое направление (в широком смысле) всегда было самым живым, самым честным и искренним в русской литературе [67].»

Кроме того Антид Ото в статье «Кое-что о философии „сверхчеловека“» высказывал своё отрицательное мнение о философии сверхчеловека Фридриха Ницше. В этих работах Ницше он не видел ничего оригинального. Отдельная работа Троцкого, которую можно классифицировать как «полурецензию-полуэссе», была посвящена книге Николая Бердяева (с предисловием Петра Струве) о Николае Михайловском. Троцкий считал, что «здание», которое строят бывшие марксисты, окажется «просто старой продырявленной метафизической скворечницей, которую за негодностью покинули даже легкомысленные скворцы и в которую вряд ли удастся заманить мудрую сову Минервы».

Антид Ото попробовал свои силы и в роли кинокритика, составляя крохотные заметки о фильмах, которые крайне редко демонстрировались в Верхоленске [34,68-70]. Он также отметил в критике поэзии. В частности, революционер критиковал Бальмонта: строки его стихотворения Троцкий воспроизводит в обратном порядке. Он же писал и о Брюсове – о брюсовском моностихе «О закрой свои бледные ноги» [60,71,72].

Сам Троцкий позднее писал о своём только зарождавшемся подходе к литературе и журналистике [73]: «Я просиживал ночи, черкая свои рукописи вкривь и вкось, в поисках нужной мысли или недостающего слова. Я становился писателем.»

Успех

Гонорары, которые редакция газеты «Восточное обозрение» – считавшейся в те годы толкователем «сибирского миросозерцания» и «руководителем общественного мнения» немалой части образованных сибиряков – платила Троцкому, были сравнительно небольшими. Вначале он получал по две царские копейки за строку, но вскоре вознаграждение повысили до четырёх копеек. «Это было высшим выражением успеха,» – иронично писал Троцкий через годы [74].

Рис. 41. Здание типографии и редакции газеты «Восточное обозрение» (Иркутск, ранее 1906).

Данные журналистские доходы дополняли 38 рублей в месяц, получаемые ссылкой семьёй Троцкого от царского правительства: согласно одним источникам, казна выплачивала по 19 рублей на Александру и Льва; по другим данным – они получали 35 рублей на двоих. Это позволяло ссылке семье жить «безбедно» [69,74,75].

«Работы Троцкого по искусству, литературе и философии не имели единого стандарта. Некоторые из них явно выдают дилетантизм и поверхностность автора, вытекающие из его недостаточного образования – и соответствующей неполноты знаний предмета. Другие работы были явно мотивированы политическими интересами, что

делало их случайными произведениями – с точки зрения художественной или литературной критики¹⁸.»

Время от времени Троцкий – с формального разрешения, именовавшегося в те годы «проходным свидетельством» – местного полицейского начальства ездил в Иркутск. Он «изобретал фиктивные предлоги», чтобы скрыть сотрудничество с редакцией «Восточного обозрения» (см. о причинах выше) [76].

В Иркутске Лев Давидович смог встретиться с местными марксистами, от которых получал нелегальную литературу – включая и ключевое произведения марксизма, «Капитал» Карла Маркса. В частности, он встречался с К. К. Бауэром – одним из «легальных марксистов» тех лет, являвшемся соратником экономиста, политолога, социолога и философа Петра Струве [21,34,77].

Кроме того, Бронштейн написал «нечто среднее между воспоминаниями и публицистическим очерком» о своей революционной работе в городе Николаев. Манускрипт Троцкого был передан «иркутским единомышленникам», а затем оказалась в столице франкоязычной Швейцарии, в Женеве. Здесь работа была выпущена в одной брошюре с очерком социал-демократа Юрия Стеклова – псевдоним Овпия Нахамкиса (Невзорова), одного из будущих авторов первой конституции РСФСР. Вся брошюра была посвящена тайным рабочим кружкам города Одессы и юга Российской империи.

В данном своём очерке Бронштейн пытался определить, по каким причинам именно в Николаеве был образован рабочий союз. Он видел причиной, прежде всего, быстрый рост крупных предприятий в городе, приведший к соответствующему увеличению числа «пролетариев» сравнительно молодого возраста. Он также отмечал и относительно высокий уровень грамотности среди рабочих. Уже в этом очерке содержались предостережения против излишней централизации рабочих организаций – см. отдельную главу о книге Троцкого

¹⁸ Оригинальный текст на английском языке: «*[Trotsky] writings on [art, literature, and philosophy] are not of a uniform standard: some obviously betray a dilettantism and superficiality deriving from insufficient study and incomplete knowledge; and others are so clearly motivated by his political interests as to make them only incidentally works of artistic or literary criticism.*» [51]

«Наши политические задачи» в следующей книге серии «Экономика и политика в начале XX века».

Очерк стал первой работой будущего наркома, выпущенной за пределами Российской империи отдельным изданием. Много позже, также в беседах с журналистом Максом Истменом, Троцкий говорил, что думал в те годы о самом себе как о «революционном журналисте, чье искусство должно носить памфлетный характер и чей стиль должен быть боевым» [76].

16.4. Побег

Вступив в контакт с Сибирским социал-демократическим союзом — одной из социал-демократических организаций в Иркутске, набравшей членов среди ссыльных и строителей Транссибирской магистрали, среди руководителей которой был Николай Баранский, — Бронштейн начал писать для Союза тексты воззваний и листовок. Спустя несколько лет Троцкий станет представлять данного союза на II съезде РСДРП. Кроме того, по состоянию на начало XXI века, известно об одном докладе, который будущий нарком прочитал перед членами Сибирского социал-демократического союза в доме М. А. Цукасовой (урожденной Новомейской) [26,78].

Летом 1902 года Лев Бронштейн побывал в Иркутске и получил несколько книг, в переплёты которых были вклеены свежие иностранные марксистские издания, напечатанные на папиросной бумаге. Из этих текстов Троцкий узнал, что в баварской столице, в Мюнхене, был начат выпуск газеты «Искра» — она перепечатывалась и в Томске. Новая газета поставила своей задачей создание централизованной организации из профессиональных революционеров, являвшихся сторонниками социал-демократии. Вслед за этим Троцким была получена и ключевая для будущего российских социал-демократов брошюра Ленина «Что делать?», посвященная данному вопросу [26,79-81]:

«Мои рукописные рефераты, газетные статьи и прокламации для Сибирского союза сразу показались мне маленькими и захолустными перед лицом новой грандиозной задачи. Надо было искать другого поприща. Надо было бежать.» [82]

Совершить побег из царской ссылки в те годы было вполне реальной задачей. Главную трудность побега составляла не имперская

полиция, а сама сибирская природа. Огромные сибирские пространства создавали опасность замерзнуть или утонуть, что казалось царским чиновникам «лучшим лекарством» для «неугомонных революционеров». Через годы Троцкий писал, что жена Александра стала первой, кто стал настаивать на побеге мужа. При этом она осознавала, что бежать вместе с семьёй было невозможно. Подобная версия событий воспринималась биографами Троцкого – а также и сэром Уинстоном Черчиллем – как оправдание за оставление в Сибири жены «с двумя крохотными девочками» [83-88].

Рис. 42. Город Каменец-Подольский в начале XX века.

«Каждого дельного работника мы сами [революционеры] тянули из ссылки, насколько, конечно, нам позволяли наши средства, причём не забывали, признаться, и интересов собственной организации: обыкновенно за устройство побега предлагалось отработать хоть два-три месяца у нас в Сибири. Эта “отрабочная” система не только пополняла наши силы, но и была весьма важной формой связи с общерусским [центрально-российским] движением [89].»

Побег, стоимость которого в те годы могла доходить до нескольких тысяч рублей, удался в августе 1902 года. Полицейская телеграмма об «отлучке» Троцкого была датирована 22-м числом (по старому стилю). Из самого Верхоленска Лев Давидович был вывезен знакомым крестьянином. Для того, чтобы выиграть у преследования несколько дней, в постели своего мужа Александра соорудила «некое чучело»,

изображавшее «заболевшего» мужа. Бегство, однако, раскрылось практически сразу – уже на следующий день [90,91]:

«Вчера самовольно отлучился Лейба Бронштейн 23 лет, 2 аршина с половиной, волосы каштановые, подбородок двойной, разделенный, носит очки. [По] заявлению жены, Бронштейн выехал [в] Иркутск.»

На крестьянской телеге, прячась под сеном, Троцкий отправился в путь. Его сопровождала «переводчица Маркса», скрытая в его позднейших воспоминаниях под инициалами «Е. Г.» – это была «известная бундистка» Евгения Гурвич, согласно первой публикации самого Троцкого о своей сибирской ссылке. Не доезжая до губернского города, Иркутска, попутчики расстались [92-94].

Революционер добрался до города, где местные марксисты передали ему подлинный бланк паспорта, куда он вписал свою новую фамилию – «Троцкий». Псевдоним был выбран по фамилии начальника одесской тюрьмы – которого сам революционер описывал как человека, имевшего величественную фигуру, опиравшегося на длинную саблю и считавшего себя в тюрьме царьком. Этот псевдоним станет главным и постоянным для революционера на долгие годы. Именно под этой фамилией Бронштейн войдет в историю [95-97].

Затем «иркутские друзья» помогли Троцкому погрузиться в вагон поезда дальнего следования и снабдили его «приличной» одеждой, бельём, галстуком «и прочими атрибутами цивилизации» [96].

«Я ехал по сибирской линии на запад. Вокзальные жандармы равнодушно пропускали меня мимо себя. Рослые сибирячки выносили на станцию жареных кур и поросят, молоко в бутылках, горы печёного хлеба. Каждая станция походила на выставку сибирского изобилия. На всем протяжении пути весь вагон пил чай, заедая дешёвыми сибирскими пышками... В побеге не оказалось ничего романтического: он целиком растворился в потоке чаепития [98].»

Сам революционер «наслаждался не только чаем с пышками», но и художественной литературой: в пути он читал «Илиаду» Гомера в переводе Николая Гнедича. Троцкий сделал остановку в Самаре, где находился «внутренний штаб» газеты «Искра» во главе с инженером Глебом Кржижановским. Кржижановскому уже были известны публикации Бронштейна в «Восточном обозрении», и он присвоил беглецу новую «красноречивую» подпольную кличку – «Перо» [99].

По поручению самарской организации Троцкий-Перо посетил Харьков, Полтаву и Киев, где пытался установить подпольную связь с

местными социал-демократами. Поездка не увенчалась особым успехом. В Харькове он вообще никого не обнаружил, в Полтаве он «наткнулся на областной патриотизм», а про Киев «Троцкий даже сообщать ничего не стал» [96,97].

Встреча с Лениным

Будущий лидер большевиков, Владимир Ленин, высоко отзывался о ранних работах Троцкого. Ленину нравился «бойкий и резкий» стиль статей Пера. И он торопил Троцкого ехать за границу. Возможно, редактор газеты «Искра» был информирован и о перемещениях Троцкого по Российской империи.

Получив от товарищей железнодорожный билет до пограничной станции, «скудную» сумму денег на дорогу до австро-венгерской столицы, города Вены, и «не очень хорошо изготовленные» фальшивые документы, Троцкий выехал в Каменец-Подольский. Оттуда он – с помощью местных контрабандистов и гимназиста-эсера – перешёл венгерскую границу. Затем он пешком и поездом, точнее «зайцем», добрался до столицы Австро-Венгрии. На последней пограничной станции полицейский попросил у Троцкого предъявить его поддельный паспорт, который «был найден в полном порядке».

Каменец-Подольский в начале XX века был известным пунктом контрабанды. Существовали довольно строгие расценки на услуги контрабандистов. Так стоимость услуг проводника за перевод через границу была установлена в одиннадцать рублей. Однако – учитывая, что Троцкий вёз с собой большой груз литературы, который частично нёс провожатый, а также и то, что часть пути (по болоту) контрабандист нёс самого Троцкого на спине – Лев Давыдович дал ему 25 рублей, «чем тот был несказанно доволен».

По воспоминаниям самого Троцкого, опубликованным в его автобиографии, в дороге проводник «утешал» революционера рассказами о том, какие именно «страсти» могут произойти, если их обнаружат. Проводник также не преминул сообщить молодому человеку, что недавно на местном пограничном мосту был застрелен контрабандист-«флибустьер», пытавшийся пронести в соседнюю страну не политическую, а обычную коммерческую контрабанду [94,100,101].

Однако путешествие будущего наркома прошло относительно гладко. В итоге, поздней осенью 1902 года стоя у двери квартиры на

окраине Лондона, где жили Ленин и Крупская, Троцкий – действуя по инструкции Павла Аксельрода – постучал дверным кольцом ровно три раза. Крупская подошла к двери и поинтересовалась, «кого занесло в такую рань». Услышав в ответ «Перо», она сразу же впустила Троцкого в дом и разбудила Ленина словами: «Приехало Перо» [97,102].

16.5. Влияние

По мнению целого ряда историков, период Иркутской ссылки явился «определяющим» в политической биографии Троцкого. Так именно в Восточной Сибири Лев Давидович стал марксистом – то есть он вступил на путь, связанный с «классовой борьбой пролетариата», ставшей в дальнейшем революционной программой всей его жизни. В сибирской ссылке двадцатидвухлетний Троцкий впервые начал серьезно заниматься и литературным трудом – причём, по самой разнообразной тематике [1,103,104]. Он также «овладел азами искусства партийной полемики», а его ранние работы привлекли к нему внимание руководителей РСДРП. Таким образом журналистские очерки открыли Троцкому-Бронштейну дорогу к вершинам партийной – а затем и государственной – власти на территории к тому моменту уже прекратившей своё существование Российской империи [105,106].

По выражению Исаака Дойчера [78], «за несколько предшествующих лет [Троцкий] стал сторонником основных принципов марксистской идеологии и теперь, в Сибири, окончательно и твердо отождествил себя с социал-демократическим движением».

Ссылка и побег завершили первый этап революционной деятельности Льва Бронштейна. После двухлетнего сибирского заключения «на историческую арену выходил Лев Троцкий, которому... доведется стать одной из наиболее ярких и противоречивых фигур в российской социал-демократии, в советско-большевистской тоталитарной системе и в мировом коммунистическом движении» [107].

Примечания

- [1] Шапошников, 1989, с. 66.
- [2] Knei-Paz, 1978, pp. 12–13.
- [3] Knei-Paz, 1978, p. 12.
- [4] Rowney, 1965, p. 63.
- [5] Broué, 1988, pp. 60–75.
- [6] Фельштинский, 2012, с. 22–32.
- [7] Иванов, 2013, с. 120–123.
- [8] Haupt, Marie, 2017, p. [24].
- [9] Pomper, 1998, pp. 6–7.
- [10] Thatcher, 2005, p. 22.
- [11] Broué, 1988, pp. 27, 53, 974–975.
- [12] Haupt, Marie, 2017, p. [25].
- [13] Mavrikis, 2014, p. 6.
- [14] Фельштинский, 2012, с. 32.
- [15] Фельштинский, 2012, с. 33.
- [16] Зив, 1921, с. 35.
- [17] Иванов, 2013, с. 120–124.
- [18] Фельштинский, 2012, с. 34.
- [19] Иванов, 2013, с. 121–126.
- [20] Broué, 1988, pp. 60–61.
- [21] Knei-Paz, 1978, p. 13.
- [22] Siegelbaum, Moch, 2014, pp. 281–282.
- [23] Троцкий, 1930, Т. 1, с. 148.
- [24] Thatcher, 2005, p. 26.
- [25] Троцкий, 1930, Т. 1, с. 148–149.
- [26] Иванов, 2013, с. 122–126.
- [27] Service, 2009, p. 61.
- [28] Фельштинский, 2012, с. 35.
- [29] Троцкий, 1930, Т. 1, с. 149–150.
- [30] Riga, 2006, p. 778.
- [31] Broué, 1988, p. 65.
- [32] Service, 2009, pp. 58, 65.
- [33] Фельштинский, 2012, с. 36.
- [34] Иванов, 2013, с. 122–125.
- [35] Гольдфарб, 1997, с. 2–17.
- [36] Дойчер, 2006, с. 57.
- [37] Фельштинский, 2012, с. 36, 41.
- [38] Иванов, 2013, с. 121–125.
- [39] Shatz, 1989, pp. 21–23.
- [40] Shatz, 1989, p. 22.
- [41] Parry, 1968, p. 13.
- [42] Шапошников, 1989, с. 66–67.
- [43] Фельштинский, 2012, с. 36–37.
- [44] Фельштинский, 2012, с. 37.
- [45] Переломова, 2017.
- [46] Фельштинский, 2012, с. 38.
- [47] Рютин, 1927, с. 82.
- [48] Starkov, 1992, pp. 70–83.
- [49] Knei-Paz, 1978, pp. 13, 454.
- [50] Service, 2009, pp. 62–63.
- [51] Knei-Paz, 1978, p. 446.
- [52] Ranc, 1997, s. 70–71.
- [53] Knei-Paz, 1978, p. 456.
- [54] Ranc, 1997, s. 65.
- [55] Фельштинский, 2012, с. 38–39.
- [56] Thatcher, 2005, pp. 24–25.
- [57] Дойчер, 2006, с. 60, 64.
- [58] Якимова, 1989, с. 55–56.
- [59] Троцкий, Т. XX, 1926, «Герцен и „Молодое поколение“», с. 27.
- [60] Шапошников, 1989, с. 71.
- [61] Knei-Paz, 1978, pp. 456–457.
- [62] Ranc, 1997, s. 33.
- [63] Якимова, 1989, с. 56.
- [64] Knei-Paz, 1978, p. 457.
- [65] Шапошников, 1989, с. 68.
- [66] Knei-Paz, 1978, pp. 457–458.
- [67] Троцкий, Т. XX, 1926, «Н. В. Гоголь (1852–1902)», с. 9–13.
- [68] Ranc, 1997, s. 55–56.
- [69] Фельштинский, 2012, с. 39.
- [70] Broué, 1988, p. 63.
- [71] Кузьмин, 2016, с. [44]–[46].
- [72] Ranc, 1997, s. 38.
- [73] Троцкий, 1930, Т. 1, с. 151.
- [74] Яковлев, Шипкин, 2003, с. 654.
- [75] Service, 2009, pp. 60–61.
- [76] Фельштинский, 2012, с. 40.
- [77] Beer, 2016, p. 356.
- [78] Дойчер, 2006, с. 55.
- [79] Фельштинский, 2012, с. 40–41.
- [80] Knei-Paz, 1978, pp. 13–14.
- [81] Renton, 2004, pp. 28–29.
- [82] Троцкий, 1930, Т. 1, с. 157.
- [83] Фельштинский, 2012, с. 41.
- [84] Service, 2009, p. 67.
- [85] Ackerman, 2016, p. 11.
- [86] Broué, 1988, pp. 66–67.
- [87] Иванов В. М., 1987.
- [88] Turton, 2010, pp. 412–414.
- [89] Баранский, 1923, с. 24.
- [90] Turton, 2010, p. 413.
- [91] Фельштинский, 2012, с. 41–42.
- [92] Дойчер, 2006, с. 67.
- [93] Renton, 2004, pp. 29–30.

- [94] Иванов, 2013, с. 122–127.
[95] Siegelbaum, Moch, 2014, p. 281.
[96] Фельштинский, 2012, с. 42.
[97] Knei-Paz, 1978, p. 14.
[98] Троцкий, 1930, Т. 1, с. 158.
[99] Измозик и др., 2009, с. 82–83.
[100] Фельштинский, 2012, с. 42–43.
[101] Дойчер, 2006, с. 68.
[102] Фельштинский, 2012, с. 44.
[103] Rowney, 1965, p. 79.
[104] Broué, 1988, pp. 62–77.
[105] Иванов, 2013, с. 126–127.
[106] Pomper, 1998, p. 7.
[107] Фельштинский, 2012, с. 43.

Литература

1. Баранский Н. В рядах Сибирского социал-демократического Союза (воспоминания о подпольной работе в 1897–1908 гг.). – Новосибирск: Сиб. обл. госиздат, 1923. – 89 с. – (ИСТ-ПАРТ СИББИОРО ЦКРКП. Краеведческая коллекция.). – 3000 экз.
2. Гольдфарб С. И. Газета «Восточное обозрение» (1882–1906). – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1997. – 216, [2] с. – ISBN 5-7430-0059-X.
3. Дойчер И. Троцкий. Вооруженный пророк. 1879–1921. – М.: Центрполиграф, 2006. – 527 с. – ISBN 5-9524-2147-4.
4. Зив Г. А. Троцкий. Характеристика. (По личным воспоминаниям). – Нью-Йорк: Народоуправство, 1921. – 96 с.
5. Измозик В. С., Старков Б. А., Павлов Б. А., Рудник С. Н. Подлинная история РСДРП–РКП(б)–ВКП(б). Краткий курс. Без умолчаний и фальсификаций. – СПб.: Питер, 2009. – 498 с. – ISBN 978-5-49807-254-8.
6. История русской литературной критики Сибири. Проспект : монография / Л. П. Якимова, Э. А. Балбуров, Е. А. Кукаина [и др.]; отв. ред. Л. П. Якимова; Институт истории, филологии и философии Академии наук СССР. – Новосибирск: Наука, 1989. – 132 с.
7. Кузьмин Д. В. Русский моностих: Очерк истории и теории. – М.: Новое литературное обозрение, 2016. – 432 с. – ISBN 9785444808122. – ISBN 5444808129.
8. Процесс над колячковскими министрами. Май 1920 / ред. А. Н. Яковлев, В. И. Шипшин; Международный фонд «Демократия». – М.: Новый хронограф, 2003. – 672 с. – (Россия. XX век. Документы). – 1000 экз. – ISBN 5-94881-006-2.
9. Фельштинский Ю., Чернявский Г. Первая ссылка и первая эмиграция // Лев Троцкий. Книга 1. Революционер. 1879–1917 гг. – М.: Центрполиграф, 2012. – 448 с. – ISBN 978-5-227-03783-1.
10. Ackerman K. D. Троцкий в Нью-Йорке = Trotsky in New York, 1917: A Radical on the Eve of Revolution. – Oxford: Counterpoint, 2016. – 396 p. – ISBN 9781619028739. – ISBN 1619028735.
11. Beer D. The House of the Dead: Siberian Exile Under the Tsars. – Penguin UK, 2016. – 400 p. – ISBN 9781846145384. – ISBN 1846145384.
12. Broué P. III. L'université de la prison et de l'exil // Троцкий = Trotsky. – Fayard, 1988. – 1105 p. – ISBN 9782213022123.
13. Haupt G., Marie J.-J. Lev Davidovich Trotsky // Makers of the Russian Revolution: Biographies. – Routledge, 2017. – 452 p. – (Routledge Library Editions: The Russian Revolution, Vol. 4). – ISBN 9781315400204. – ISBN 1315400200.
14. Knei-Paz V. Социальная и политическая мысль Льва Троцкого = The Social and Political Thought of Leon Trotsky. – 1st. – Oxford University Press, 1978. – 652 p. – ISBN 9780198272335. – ISBN 0198272340.

15. Mahoney H. T., Mahoney M. L. *The Formative Years // The Saga of Leon Trotsky: His Clandestine Operations and His Assassination.* – Austin & Winfield, 1998. – P. 21–22. – 561 p. – (Norton Critical Editions). – ISBN 9781572921245. – ISBN 1572921242.
16. Mavrakis K. *Biographical Landmarks // On Trotskyism: Problems of theory and history.* – Routledge, 2014. – 272 p. – (Routledge Library Editions: Political Science, Vol. 58). – ISBN 9781135025427. – ISBN 1135025428.
17. Parry A. *Introduction // Умственный рабочий / А. Вольский.* – Нью-Йорк: Международное Литературное Содружество, 1968. – 431 p.
18. Pomper P. *Introduction // Trotsky's Notebooks, 1933–1935: Writings of Lenin, Dialectics and Evolutionism / P. Pomper, Y. Felshtinsky.* – iUniverse, 1998. – 188 p. – ISBN 9781583481158. – ISBN 158348115X.
19. Ranc J. *Sibirien (1900–1902) // Trotzki und die Literaten: Literaturkritik eines Außenseiters / ed. J. B. Metzler, Stuttgart.* – Springer, 1997. – 215 p. – ISBN 978-3-476-45178-1. – ISBN 978-3-476-04273-6.
20. Renton D. *Trotsky.* – Haus Publishing, 2004. – 180 p. – (Life & times). – ISBN 9781904341628. – ISBN 1904341624.
21. Rowney D. K. «The Generation of October». *The Politics of 20th Century social Revolution in the View of L.D. Trotsky.* – Ph.D. dissertation. – Indiana University, 1965. – 253 p.
22. Rowney D. K. *Development of Trotsky's theory of revolution, 1898–1907 (англ.) // Studies in Comparative Communism.* – 1977. – Spring-Summer (vol. 10, iss. 1–2). – P. 18–33. – doi:10.1016/s0039-3592(77)80072-0.
23. Service R. *Siberian Exile // Trotsky: A Biography.* – Cambridge: Belknap Press / Harvard University Press, 2009. – 648 p. – ISBN 978-0674036154.
24. Shatz M. S. *Poland and Siberia // Jan Wacław Machajski: A Radical Critic of the Russian Intelligentsia and Socialism.* – University of Pittsburgh Press, 1989. – 270 p. – (Pitt Russian East European). – ISBN 9780822976585. – ISBN 0822976587.
25. Siegelbaum L. H., Moch L. P. *Deportees // Broad Is My Native Land: Repertoires and Regimes of Migration in Russia's Twentieth Century.* – Cornell University Press, 2014. – 416 p. – ISBN 9780801455131. – ISBN 0801455138.
26. Starkov B. *Trotsky and Ryutin: from the history of the anti-Stalin resistance in the 1930s // The Trotsky Reappraisal / ed. by T. Brotherstone and P. Dukes.* – Edinburgh: Edinburgh University Press, 1992. – 249 p. – ISBN 9780748603176. – ISBN 0748603174.
27. Thatcher I. D. *The Young Revolutionary // Троцкий = Trotsky.* – Routledge, 2005. – 264 p. – (Routledge Historical Biographies). – ISBN 9781134572144. – ISBN 113457214X.
28. Агунов С. *Троцкий в сибирской ссылке (по материалам Государственного архива Иркутской области) // Дипломатический ежегодник.* – М.: Международные отношения, 1992.
29. Иванов А. А. *Первая ссылка Льва Троцкого // Клио.* – 2013. – Вып. 9 (81). – С. 120–127. – ISSN 2070-9773.
30. Иванов А. А. *Лев Бронштейн в сибирской ссылке // Сибирская ссылка. Вып. 1 (13): сборник научных статей / редкол.: Отв.ред. Н. Н. Щербаков; предисл. Б. С. Шостакович.* – Иркутск: Издательство Иркутского университета, 2000. – 246 с. – ISBN 5-932190-08-6.
31. Иванов В. М. *Четырнадцатилетний путь троцкизма: Рецензия на кн.: А. Троцкий. Т. IV, собрание сочинений «Политическая хроника». Госиздат, 1926 г. // Большевик : журнал.* – М., 1927. – 15 января (№ 2). – С. 81–88.
32. Переломова Ю. *Господин «Антид Ото»: Лев Троцкий как корреспондент «Восточного обозрения» // Восточно-Сибирская правда : газета.* – 2017. – 7 марта.
33. Рютин М. *Четырнадцатилетний путь троцкизма: Рецензия на кн.: А. Троцкий. Т. IV, собрание сочинений «Политическая хроника». Госиздат, 1926 г. // Большевик : журнал.* – М., 1927. – 15 января (№ 2). – С. 81–88.

34. Шапошников В. Н. Троцкий – сотрудник «Восточного обозрения» // Известия Сибирского отделения Академии Наук СССР. Серия: истории, филологии и философии. – 1989. – Вып. 3. – С. 65–71. – ISSN 0869-8651.
35. Ярославский Ем. А.Д. Троцкий – Антид Ото. (Литературная деятельность А.Д. Троцкого в Сибирской газете «Восточное Обозрение» в 1900–1902 гг.) // Сибирские огни. – 1923. – № 1–2. – С. 113–126.
36. Daniels R. V. Leon Trotsky (англ.) // Encyclopædia Britannica. – 2016. – 30 June.
37. McCluskey K. J. Trotsky als junger Revolutionär (англ.) // Revolutionary Russia. – 2011. – December (vol. 24, iss. 2). – P. 205–206. – ISSN 0954-6545. – doi:10.1080/09546545.2011.618295.
38. Riga L. Ethnonationalism, Assimilation, and the Social Worlds of the Jewish Bolsheviks in Fin de Siècle Tsarist Russia (англ.) // Comparative Studies in Society and History. – 2006. – Vol. 48, iss. 4. – P. 762–797. – ISSN 1475-2999. – doi:10.1017/S0010417506000296.
39. Turton K. Keeping It in the Family: Surviving Political Exile, 1870–1917 (англ.) // Canadian Slavonic Papers / Revue Canadienne des Slavistes. – 2010. – Vol. 52, iss. 3/4. – P. 391–415.

***Статьи Льва Троцкого под псевдонимом «Антид Ото»
для газеты «Восточное обозрение»***

40. Мало заметный, но весьма важный винтик в государственной машине // Восточное обозрение. – 15 октября 1900. – № 230.
41. Кое-что о земстве // Восточное обозрение. – 23 декабря 1900. – № 285.
42. Об одном старом вопросе // Восточное обозрение. – 14–15 февраля 1901. – № 33–34. Переиздано: Троцкий, А. Д. Сочинения. – М.; Л., 1926. – Т. 4. Перед историческим рубежом. Политическая хроника. – С. 12–16.
43. Обыкновенное деревенское (Недосказанные слова о деревне вообще и т. д.) // Восточное обозрение. – 29 марта 1901. – № 70.
44. Обыкновенное деревенское (Еще об «участковой медицине» и т.д.) // Восточное обозрение. – 30 мая 1901. – № 117.
45. Обыкновенное деревенское (Запоздалое предисловие и т. д.) // Восточное обозрение. – 4–9 августа 1901. – № 173–176.
46. Обыкновенное деревенское // Восточное обозрение. – 26 сентября 1901. – № 212.
47. «Нелиберальный» момент «либеральных» отношений // Восточное обозрение. – 2 сентября 1901. – № 194.

Автобиография и сочинения Льва Троцкого

48. Троцкий Л. Моя жизнь. Опыт автобиографии, в 2 т. – Берлин: Гранит, 1930. – 325, 337 с.
49. Троцкий Л. Сочинения. – М.; Л.: Государственное издательство, 1926. – Т. IV. Политическая хроника. 1900–1914. – xii, 647 с. – (Перед историческим рубежом).
50. Троцкий Л. Сочинения. – М.; Л.: Государственное издательство, 1926. – Т. XX. Культура старого мира (начало XIX в. – 1914 г.). – viii, 579 с. – (Проблемы культуры).

Глава 17. Лев Троцкий в 1905 году

Под условным обозначением «Троцкий в 1905 году» исследователи обычно понимают период в жизни Льва Троцкого, связанный с Революцией 1905–1907 годов в России. В момент начала революционных событий, конкретно в день «Кровавого воскресенья», Троцкий находился в эмиграции в Швейцарии, где он оказался после побега из своей первой ссылки (см. предыдущую главу).

Рис. 43. Совет рабочих депутатов Петербурга (1905).

Троцкий первым из социалистических эмигрантов прибыл на территорию Российской империи: из Киева в конце февраля или начале марта 1905 года он отправился в Санкт-Петербург, где начал отстаивать свой лозунг о «Временном революционном правительстве», являвшийся частью его теории перманентной революции. После провала столичной подпольной социал-демократической организации он был вынужден бежать в Финляндию.

Осенью, ещё до оглашения Октябрьского манифеста, Троцкий вернулся в Санкт-Петербург, где начал принимать активное участие в работе недавно созданного выборного органа – Петербургского совета рабочих депутатов. Кроме того, он занимался журналистикой, сотрудничая одновременно в трёх газетах: «Русская газета», «Начало» и «Известия» Совета. После ареста председателя Совета Г. Хрусталева-

Носаря, Троцкий вошёл в состав нового «трёхчленного» руководства данного органа и фактически возглавил его. После публикации «Финансового манифеста», отредактированного Троцким, члены Совета были арестованы властями Российской империи и преданы суду.

Биографы революционера писали о событиях 1905 года как о «поворотном моменте» в жизни и революционной карьере одного из будущих ключевых организаторов Октябрьской революции.

17.1. Предыстория. Первая эмиграция

В 1902 году Лев Троцкий бежал из Иркутской губернии, из своей первой ссылки (см. выше), и оказался в европейской эмиграции. В Европе он занимался как партийной, так и журналистской деятельностью – а также и публицистикой. В частности, в тот период он опубликовал свою первую крупную самостоятельную работу – брошюру «Наши политические задачи», содержащую острую критику подхода Владимира Ленина к организации социал-демократической партии. См. отдельную главу в следующей книге данной серии.

17.2. Возвращение в Россию

На момент начала Первой русской революции Лев Троцкий являлся «нефракционным» социалистом. Он уже «отошёл» от меньшевиков, но ещё не присоединился к большевикам – см. Лев Троцкий в 1917 году. При этом он видел восстановление единства РСДРП в качестве одной из своих основных непосредственных задач.

В исследовательской литературе иногда встречается мнение, что Троцкий к тому времени «стал типичным центристом, стоявшим на промежуточных между большевизмом и меньшевизмом позициях». В целом, подобный подход в наибольшей мере соответствует реальности того периода – разумеется, при всей условности фракционного деления социалистов как такового [1-3].

Женева и Мюнхен. Брошюра «До 9 января»

Известие о «Кровавом воскресеньи», произошедшем 9 (22) января 1905 года, застало Троцкого в Женеве¹⁹. В город, расположенный на берегах Женевского озера, он вернулся после своей поездки с серией докладов перед российскими эмигрантами в нескольких городах Швейцарии. Утром 23 января в редакции газеты «Искра» Троцкий узнал от меньшевика Юлия Мартова, что перед Зимним дворцом в Санкт-Петербурге «пролилась кровь».

Жена Троцкого – Наталья Седова – позже вспоминала, что, услышав это известие, молодой революционер «побледнел, почувствовал себя плохо и почти потерял сознание». Троцкий, «задохавшийся в затхлом воздухе эмигрантских колоний, где [он] рассорился едва ли не со всеми», воспринял произошедшее событие как начало «долгожданной» революции – русской революции, о которой он говорил и писал все предыдущие годы. Вскоре после начала революционных событий, на собрании всё в той же Женеве, Троцкого впервые увидел будущий нарком просвещения Анатолий Луначарский [4-6]:

«Троцкий был тогда необыкновенно элегантен, в отличие от всех нас, и очень красив. Эта его элегантность и особенно какая-то

¹⁹ События 9 (22) января 1905 года в Санкт-Петербурге, известные также как «Кровавое воскресенье», или «Красное воскресенье» – разгон шествия петербургских рабочих к Зимнему дворцу, имевшего целью вручить императору Николаю II коллективную Петицию о рабочих нуждах. Шествие было подготовлено легальной организацией «Собрание русских фабрично-заводских рабочих г. Санкт-Петербурга» во главе со священником Георгием Гапоном. Поводом для выступления рабочих стала не достигшая своих целей забастовка, начавшаяся 3 января на Путиловском заводе и охватившая все заводы и фабрики Петербурга. 5 января Гапон бросил в массы мысль обратиться за помощью к самому царю, а 7–8 января составил петицию, перечислявшую требования рабочих. См. «Петиция рабочих и жителей Санкт-Петербурга 9 января 1905 года». Наряду с экономическими, петиция включала ряд политических требований, главным из которых был созыв народного представительства в форме Учредительного собрания. В день шествия самого царя не было ни во дворце, ни в самом городе. Политический характер выступления и стремление демонстрантов прорваться сквозь оцепление солдат стали причиной разгона шествия, в ходе которого против рабочих было применено огнестрельное оружие. Разгон шествия, повлёкший гибель более сотни человек, вызвал взрыв возмущения в российском обществе и во всём мире и послужил толчком к началу Первой русской революции.

небрежная свысока манера говорить с кем бы то ни было меня очень неприятно поразили. Я с большим недоброжелательством смотрел на этого франта, который, положив ногу на ногу, записывал карандашом конспект того экспромта, который ему пришлось сказать на митинге. Но говорил Троцкий очень хорошо.»

Не будучи связанным фракционными ограничениями, Троцкий решил немедленно вернуться в Российскую империю. Через русских студентов в Швейцарии ему удалось получить фальшивый паспорт на имя отставного прапорщика Арбузова. С этим документом он и отправился в опасное для него, как для беглого ссыльного, путешествие в Россию. По дороге он остановился в Мюнхене в доме Александра Парвуса, который написал обширное предисловие к уже готовой брошюре Троцкого. Брошюра, составлявшаяся задолго до января, получила в связи с событиями Кровавого воскресенья новое название – «До 9 января» (см. главу о книге «Наша революция»). По версии Парвуса, озвученной им в письме Павлу Аксельроду, Троцкий беспокоился, «как бы не пропала его брошюра». Но вскоре небольшая книга была издана в Женеве меньшевиками [6].

В своём предисловии Парвус полностью одобрял новую концепцию, сформулированную Троцким в пяти статьях брошюры: «Война и либеральная оппозиция», «Чего требуют земцы?», «Демократия», «Демократия и революция» и «Пролетариат и революция». Сущностью выдвинутой Троцким концепции была мысль о том, что в русской, тогда ещё только «надвигавшейся», революции «пролетариату» – а не буржуазии и иным либеральным политическим силам, которых автор обозначал как «политических евнухов» – было суждено сыграть руководящую роль. Задачи социал-демократической партии виделись Троцкому в подготовке всеобщей политической забастовки и вооружённого захвата власти российскими рабочими [6,7].

Само восстание должно было, по версии Троцкого, «принципиально отличаться» от безуспешных рабочих выступлений XIX века. Так революционер советовал отказаться от тактики сооружения уличных баррикад – «бессмысленных и беспомощных» в условиях наличия у правительственных войск новых видов оружия, прежде всего, эффективной мобильной артиллерии – и вести «маневренную партизанскую войну». Кроме того, он предлагал привлекать к революции крестьян и самих солдат – делая их помощниками, действующими под руководством пролетариата и социал-демократической партии. Для этого

следовало «развёртывать» агитацию как в деревне, так и в Русской императорской армии (РИА). Троцкий также требовал прекращения Русско-японской войны и созыва Учредительного собрания, которое должно было обеспечить переход власти к пролетариату.

Лидер большевиков Владимир Ленин оценил брошюру Троцкого, с которым в тот период он находился в конфликте, как «пустозвонство». Ленин обвинял автора в том, что его «новые» взгляды были одобрены Георгием Плехановым, Верой Засулич и другими меньшевиками – поскольку брошюра вышла в издательстве «Искры», не подчинявшемся в те годы Ленину (см. также ниже) [7].

Вена и Киев. «Политические письма»

После остановки в Мюнхене Троцкий, вместе с Седовой, поехал в Вену, где с помощью австрийских социал-демократов завершил подготовку к нелегальному возвращению в Российскую империю. Седова выехала в Киев первой – с целью найти жильё и наладить подпольные связи. Троцкий же, проживая в австро-венгерской столице на квартире у Виктора Адлера, изменил с помощью парикмахера свою «внешность, уже достаточно примелькавшуюся русским охранникам за границей». Точнее, он сбрил усы и бороду [5,7,8].

Переход границы прошёл успешно и в феврале 1905 года Троцкий оказался в Киеве. Здесь он вступил в контакт с местными меньшевиками, а затем – и с большевиком Леонидом Красиным, который, являясь в те годы вторым (после Ленина) человеком в большевистской фракции. При этом Красин стоял на примиренческих позициях и стремился к объединению большевиков и меньшевиков [9].

В то же время Красин являлся главой Боевой технической группы при ЦК РСДРП, ответственной за вооруженную борьбу с царским правительством. Будущий нарком внешней торговли, Красин, в те годы руководил, в частности, нелегальной переправкой в Российскую империю оружия, закупленного за границей. Он также мечтал создать «бомбу величиной с грецкий орех». Так до сих пор в исследовательской литературе существует подозрение о том, что именно Красин был причастен к «самоубийству» крупного фабриканта Саввы Морозова в мае 1905 года – из-за страхового полиса фабриканта [7,10].

В 1905 году Троцкий стал первым из социалистических эмигрантов, вернувшихся в пределы Российской империи в связи с началом

революционных событий. После него, с большим временным отрывом — только в середине октября — в Санкт-Петербург вернулся и Парвус. С последним у Троцкого началось активное сотрудничество уже в столице. Ещё позднее, в конце октября, в столице империи появились Мартов, Засулич и Ленин, а Аксельрод в тот период сильно заболел и от поездки отказался. Плеханов же и «не подумал» о возвращении в Россию. Плеханов был не единственным, кто остался в Европе: «личная осторожность», возможно, была ответственна за невозвращение многих известных деятелей революционных партий [7,9,11].

Так в Киеве Троцкий неоднократно менял место жительства. Он жил на квартире молодого адвоката, в глазной лечебнице — в которой он «притворялся пациентом» и где ему покровительствовал главный врач, — в дом профессора местного технологического института и в «приюте» у «либеральной вдовы». То есть, на практике революционер активно пользовался услугами многочисленных «либералов», о которых весьма презрительно отзывался в своей публицистике [12].

По договоренности с Красиным, Троцкий начал составлять тексты прокламаций, обращенных к населению Российской империи. Из данного цикла в собрание сочинений Троцкого позже вошли только две листовки, сохранившиеся в архиве Киевского губернского жандармского управления. Обе листовки являлись обращениями к российским крестьянам: «Крестьяне, к вам наше слово!» и «Новые царские милости». Обе они были опубликованы за подписью ЦК РСДРП весной 1905 года и напечатаны в большевистской подпольной типографии «Нина», располагавшейся в Баку.

По мнению Фельштинского и Чернявского, как сама подпись ЦК РСДРП, так и использование бакинской типографии свидетельствовала об «определенной степени сближения» будущего наркомвоенмора с «умеренной» частью большевиков. Судя по наблюдениям адвоката Михаила Мандельштама, ещё накануне 1905 года большевики и меньшевики «работали совместно»²⁰. Сталь неожиданное сближение, возможно, было связано с тем, что впервые в истории партии её члены

²⁰ Мандельштам, М. А. 1905 год в политических процессах. Записки защитника. — М.: Изд-во ОБПКиСа, 1931. — С. 172.

имели возможность открыто – не боясь царской охраны – голосовать и выбирать свои руководящие органы [11].

Основным содержанием прокламаций Троцкого был призыв к крестьянству оказать поддержку городским рабочим в их борьбе «с народными врагами». В роли врагов выступали царский двор, помещики, правительство и чиновничество, а также и «либералы». Последнее, по версии будущего наркома, «обманывали» крестьян. В листовках выдвигались требования отказаться от уплаты налогов, вооружиться и даже «предпринимать походы» в соседние города для «прямой поддержки» пролетариата. Одновременно с этим революционер призывал к созыву «всенародного Учредительного собрания» [11].

Троцкий формулировал свои призывы самыми простыми словами, «нараспев, в ритме народного славянского сказания, с характерными припевами и повторами». Биограф Троцкого Исаак Дойчер полагал, что «и слова, и ритмический строй как будто предназначались для чтения вслух деревенским полуагитатором-полусказителем» [13]:

«Все петербургские войска были подняты на ноги. Это русский царь снаряжался разговаривать со своими поданными. Двести тысяч рабочих тянулись ко дворцу. Они нарядились в свои воскресные платья, – и седовласые старцы, и юноши; жены шли рядом со своими мужьями, отцы и матери вели за руки малых детей. Это народ шёл к своему царю. Слушайте, слушайте, крестьяне! Каждое слово должно врезаться в ваши души неизгладимыми чертами.»

По имевшимся в начале XXI века сведениям, всего Троцкий в «киевский период» написал пять прокламаций, обращенных к крестьянам, рабочим, солдатам и представителям интеллигенции. Меньшевик Пётр Гарви, прочитав выпущенные от имени ЦК прокламации, отзывался о них, как о «написанных блестяще», рукой «опытного и яркого партийного литератора». Он также обратил внимание на лозунг «Да здравствует Временное революционное правительство!».

На конспиративной встрече, состоявшейся в квартире киевской социалистки С. М. Заруцкой, Гарви впервые увидел Троцкого, описав его как высокого мужчину «в огромной шубе до пят и с енотовым воротником до плеч, в руках боярская меховая шапка... точно барин: так дисгармонировало одеяние Троцкого с крохотной комнаткой и с нашими косоворотками!» [11,14].

Именно на этой встрече Троцкий изложил собравшимся революционерам свою новую концепцию. Из неё, собственно, и следовал

практический вывод – его свежий лозунг о Временном революционном правительстве. Гарви позже вспоминал, что [11,15]:

«Внешне Троцкий говорил, как всегда, блестяще. Через 2–3 минуты он уже встал со стула и говорил жестикулируя, точно на большом митинге. Это как-то неприятно резануло – все же разговор происходил в тесном кругу партийных товарищей. Ораторские приемы, жестикуляция, отточенные фразы – все это не соответствовало обстановке, отдавало позой, ставшей, кстати, у Троцкого второй натурой. Широкими мазками набрасывал он картину развертывавшейся революции: в одном углу поднималось стомиллионное крестьянство, в другом – армия, в третьем – угнетенные национальности, и казалось, тесна комната для широких обобщений и для не менее широких жестов Троцкого. Он приехал меньшевиком, но меньшевиком собственного покроя, со своими схемами и планами – и это сразу почувствовалось, даже независимо от содержания его речи.»

Ораторское мастерство Троцкого, однако, не помогло ему привлечь на свою сторону киевских меньшевиков. Так все присутствовавшие на конспиративной встрече выступили против мнения докладчика, доказывая Троцкому, что за попытками «утлубить революцию» наступит её неизбежное поражение [11].

В Киеве Троцкий также вновь установил связь с газетой «Искра». Редакция опубликовала его «Письмо из России» («Нечто о квалифицированных демократах») и два «Политических письма» революционера. Эти статьи были подписаны новым для Троцкого псевдонимом «Неофит» (новообращенный), который, по мнению Фельштинского и Чернявского, имел «политический подтекст». Новый псевдоним подчеркивал изменение в политической позиции Троцкого.

«Письмо из России» содержало «жёсткие нападки» на «самый вредный тип демократов» – из числа бывших приверженцев марксизма, собравшихся вокруг редакции журнала «Освобождение». В первую очередь речь шла о Петре Струве, который обвинялся в том, что он, как и участники расстрелянной демонстрации, стремился «донести правду до царя». У «освобожденцем», по мнению Троцкого, отсутствовали «орудия давления» на правительство и «они заботились не о сплочении сил (хотя бы одной интеллигентской демократии!) для давления на земцев, а об развращении (другого слова не подыщешь) политической совести этой интеллигенции безоговорочным следованием за земцами» [16,17].

В «Политических письмах», особенно во втором из них, революционер вступил в полемику с самой редакцией «Искры». Он полемизировал с Плехановым, Мартовым, Аксельродом и Мартыновым за то, что редакторы, поместив в своей газете статью Парвуса «Итоги и перспективы» (см. ниже), выразили «осторожное несогласие» с её содержанием. Троцкий в этих текстах высказывал суждение, что очередным — непосредственным и ближайшим — этапом революции должно стать вооруженное восстание: «...выполнение этой чёрной работы революции, организация восстания, становится в данный момент... высшей политической обязанностью» [17,18].

Кроме того, Троцкий высказывал и ещё одно «крамольное» положение, противоречившее привычным догмам классической социал-демократии. Последняя проводила чёткий «логический и хронологический» рубеж между эпохами буржуазно-демократической и социалистической революций. Троцкий же писал о скором наступлении «политического господства» российского пролетариата [17,19]:

«Победу восстания, как и торжество всей революции, может обеспечить только пролетариат. Другие группы городского населения и крестьянство сыграют в революции свою роль, поскольку будут идти за пролетариатом, поддерживать его, облегчать ему работу. Самостоятельной революционной роли, сколько-нибудь равносильной роли пролетариата, не сыграют ни крестьянство, ни мещанство, ни интеллигенция! Это значит не что иное, как то, что революционное развитие влечет пролетариат, а вместе с ним нашу партию к временному политическому господству.»

17.3. В Санкт-Петербурге

Со второй половины марта сотрудничество Троцкого в «Искре» прекратилось. К этому моменту он уже получил от Красина новый фальшивый паспорт — на имя помещика Викентьева — и покинул Киев. В конце февраля или начале марта 1905 года революционер вместе с женой перебрался в Санкт-Петербург. Явочный адрес революционера в столице «был неожиданным»: Троцкому предлагалось явиться непосредственно в Константиновское артиллерийское училище, в

квартиру старшего врача военного учебного заведения Александра Литкенса на Забалканском проспекте.

Рис. 44. Константиновское артиллерийское училище в начале XX века.

Сам Александр Литкенс помогал российским социалистам, а его сыновья – также Александр и Евграф – принимали непосредственное участие в подпольных организациях революционеров империи. По воспоминаниям Троцкого, в квартиру врача – прямо на глазах у вахтера – приходили «такие фигуры, каких двор военного училища и его лестницы не видали никогда. Но низший служебный персонал относился к старшему врачу с симпатией, доносов не было, и всё сходило с рук благополучно» [17,20].

В столице Российской империи Троцкий установил связь с местными социал-демократами. В основном это были меньшевики, но в круг контактов революционера входили и умеренные большевики, стремившиеся к восстановлению партийного единства. Троцкий в тот период знали под конспиративным именем «Пётр Петрович», а ряд статей он опубликовал под именем «Яновский» [17].

В начале марта в Санкт-Петербурге начала работу Агитационная комиссия при ЦК РСДРП, образованная ещё в конце 1904 года. В её состав входили как меньшевики, так и большевики-примиренцы – включая и Красина, который также переехал из Киева в столицу. На одном из заседаний комиссии Троцкий выступил с докладом, в котором отстаивал свой лозунг о Временном революционном

правительстве. По воспоминаниям Гарви, меньшевики «развернутым строем» выступили против подобной идеи Троцкого [21].

Первоначально контакты со столичными меньшевиками складывались «нормально». Но постепенно их отношение к Троцкому начало изменяться к худшему. Профессора Фельштинский и Чернявский полагали, что это было вызвано, как основными политическими установками Троцкого — которые существенно расходились со взглядами меньшевистской фракции — так и с личными особенностями будущего советского оппозиционера. Его стали подозревать в стремлении создать собственную «третью партию».

Один из лидеров меньшевиков, Фёдор Дан, спустя десятилетия утверждал, что с Троцким имелась «общая почва», которая создавала «для меньшевизма возможность сотрудничества» с ним в 1905 году. Фельштинский и Чернявский считали данный вывод не вполне корректным, поскольку Троцкий сотрудничал с питерской организацией меньшевиков — а не с их партийным центром, продолжавшим находиться в тот момент в эмиграции [21,22].

В то же время отношения Троцкого с частью большевиков начали постепенно улучшаться. Лев «Викентьев» даже составил тезисы о Временном революционном правительстве, которые передал Красину, направлявшемуся на «сепаратный» III-й партийный съезд большевиков. Съезд проходил в Лондоне с 12 по 27 апреля (25 апреля — 10 мая) 1905 года. Во время съезда Ленин также предложил проект резолюции о создании Временного революционного правительстве. Но Красин — решив, что тезисы Троцкого «лучше выражают существо вопроса» — внёс на их основе поправки и дополнения к проекту Ленина.

Поправки, в частности, отвергали положение Ленина, что само Временное правительство должно возникнуть уже после восстания. Ленин согласился со всеми поправками Красина—Троцкого, не зная об их авторстве. Он даже заявил, что некоторые из предложенных формулировок лучше, чем формулировки, написанные им. Исправленная «ленинско-красинско-троцкистская» резолюция о временном революционном правительстве была утверждена съездом [21,23]:

«...осуществление демократической республики в России возможно лишь в результате победоносного народного восстания, органом которого явится Временное революционное правительство, единственно способное обеспечить полную свободу предвыборной агитации и создать, на основе всеобщего, равного и прямого

избирательного права с тайной подачей голосов, Учредительное собрание, действительно выражающее волю народа.»

Как отмечали Фельштинский и Чернявский, с «едва скрываемой иронией» и «совершенно нескрываемым самодовольством» Троцкий уже в конце 1920-х годов писал [24,25]:

«Нелишне будет отметить, что в полемике последних лет резолюция III-го съезда о Временном правительстве сотни раз противопоставлялась „троцкизму“. „Красные профессора“ сталинской формации понятия не имеют о том, что в качестве образца ленинизма они цитируют против меня мною же написанные строки.»

После III-го съезда Ленин в письме Петру Красикову сообщал, что не видит никакой крамолы в печатании «листочков» Троцкого: «Ничего худого тут нет, если листки сносные и выправленные». Кроме того, в письме своему стороннику, выпускнику императорского Московского университета Григорию Алексинскому, Ленин рекомендовал последнему «действовать вместе с Кнунянцем и Троцким» [24,26,27].

17.4. В Финляндии

Вскоре, из-за провала нелегальной петербургской социал-демократической организации, Троцкий был вынужден бежать из столицы в соседнюю Финляндию. См. выше описание аналогичного бегства антибольшевистских лидеров и участников Кронштадтского восстания в марте 1921 года. Организатором провала являлся осведомитель царской охраны по кличке «Николай Золотые Очки» (Доброскок). В результате успешной полицейской операции во время первомайского собрания в лесу под столицей была арестована Наталья Седова. После «сравнительно недолгого» ареста и установления как её личности, так и личности её супруга, Седова была выслана в город Тверь.

Поскольку Иван Доброскок²¹ лично встречался с Троцким и, возможно, мог его узнать, революционер решил покинуть Санкт-

²¹ Иван Васильевич Доброскок («Николай-Золотые Очки») – известный провокатор охраны, работавший в меньшевистском петроградском комитете и дважды, весной и осенью 1905 года, проваливший организацию меньшевиков. Раскрытый, он

Петербург. На некоторое время он планировал переселиться в Великое княжество Финляндское, которое — хотя и формально входило в состав Российской империи — сохраняло определённую автономию. Это позволяло ему быть убежищем для революционеров. Местные, зачастую шведско- и финноязычные, чиновники «упорно» отказывались выдавать их центральным властям империи даже после многочисленных официальных запросов последних. Российские официальные лица старались по возможности не вмешиваться во внутренние дела Великого княжества Финляндского, ибо они руководствовались простой царской инструкцией: «финский вопрос» для самодержавной России есть вопрос, прежде всего, внешнеполитический [24].

Троцкий в Финляндии остановился на постоялом дворе «Рауха» (Покой), расположенном в лесу, возле «глухого» озера — это место стало его укрытием. Здесь он подготавливал к печати перевод одной из речей Фердинанда Лассалья — германского социалиста XIX века — и своё предисловие к ней. Троцкий при этом «обдумывал и совершенствовал» свою революционную концепцию непосредственного завоевания власти рабочим классом — и дальнейшего перехода бывшей империи к социализму [24,28,29]:

«Там для меня наступила передышка, состоявшая из напряженной литературной работы и коротких прогулок. Я пожирал газеты, следил за формированием партий, делал вырезки, группировал факты. В этот период сложилось окончательное мое представление о внутренних силах русского общества и о перспективах русской революции.»

Фельштинский и Чернявский полагали, что Троцкий в последующие годы «несколько преувеличивал» зрелость своих представлений о революционном процессе времён своего «финляндского сидения». Принципиально новыми чертами и аргументами — отличными от идей Парвуса — его взгляды обогатились позже. Это произошло как во время работы в Петербургском Совете, так и в последующий период пребывания будущего наркома в тюрьме [24,30].

перешёл на службу в Охранное отделение, где играл видную роль. После революции 1917 года служил полицеймейстером в Петрозаводске, а потом и в Ораниенбауме.

17.5. Член Петербургского Совета

В это время в Российской империи происходило изменение политической ситуации. Одна за другой «накатывались» волны забастовочного движения. Одновременно происходили волнения в армейских частях по всей стране. Поднималось и «национально-освободительное» (сепаратистское) движение – особенно, в Царстве Польском.

Рис. 45. Здание Технологического института (1903).

Продолжавшиеся волнения и разразившаяся в октябре 1905 года крупная забастовка вынудили царское правительство и лично императора Николая II официально выступить с обширной программой преобразований. Важнейшим элементом программы был созыв законодательной («булыгинской») Государственной Думы. 17 октября 1905 года царь-самодержец подписал манифест «Об усовершенствовании государственного порядка», который провозглашал «незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов». Кроме того, подданным империи был обещан и созыв полноценной законодательной Думы. После этого властями была объявлена масштабная политическая амнистия [24].

Но Манифест 17 октября послужил только «катализатором» революции. Ещё до оглашения царского указа Троцкий вернулся в Санкт-Петербург. Фельштинский и Чернявский считали, что «бурные

события» влекли его, поскольку его ключевые способности — «страстное» ораторское искусство, умение опровергать утверждения оппонентов, находчивость в полемике, умение составлять доступные массе лозунги, самоуверенность и «директивность» манер — являлись как раз тем, что было особенно востребовано в ключевые недели «революционного накала». Троцкий «оказался в нужном месте в правильное время». Он оказался в самой гуще событий, «когда люди типа Троцкого с его неумной энергией, взрывным темпераментом, блестящими ораторскими способностями, решительностью и способностью к молниеносному анализу политической ситуации были поистине незаменимы» [31,32].

Историкам было не вполне понятно, каким образом Троцкий добрался до Санкт-Петербурга всего за один день: с учётом продолжавшейся забастовки железнодорожных работников по всей империи. В момент прибытия революционера в город предприятия столицы не работали, а улицы города были погружены во тьму по причине отсутствия освещения. В то же время, в городе проходили многочисленные митинги и заседания. В частности, такие заседания имели место в аудитории столичного императорского университета и в помещениях Технологического института (сегодня — Санкт-Петербургский государственный технологический институт, «Техноложка»).

Создание Совета рабочих депутатов

Троцкий выступил перед аудиторией Технологического института уже вечером своего первого дня после возвращения из Финляндии. Он составил оригинальный, как он сам считал, план создания выборного беспартийного рабочего органа, который состоял бы из представителей предприятий. По этому плану предполагалось собрать по одному делегату на тысячу столичных рабочих. Но революционер Николай Иорданский сообщил ему, что похожий лозунг выборного органа (по одному делегату от пяти сотен рабочих) уже выдвинут меньшевиками. Орган получил название «Совет рабочих депутатов» [33].

13 октября в одной из аудиторий Технологического института состоялось первое заседание Петербургского Совета. На нём присутствовало около сорока человек. В последующие дни число «депутатов» росло и достигло 562 человек (включая шесть женщин), две трети из которых составляли большевики и меньшевики. В тот момент Совет

представлял 147 столичных заводов (преимущественно, металлургических), 34 мастерские и 16 профсоюзов [3,34].

В Совете были представлены и некоторые общественные организации: включая, железнодорожный профсоюз, почтово-телеграфный профсоюз и крестьянский союз. Всего в выборах в свой первый представительный орган приняли участие около 200 тысяч рабочих – почти половина от их общей численности в столице. Практически одновременно с Петербургским Советом аналогичные выборные органы стали создаваться и в других городах Российской империи. В их рамках происходило вполне успешное сотрудничество между представителями формально враждующих фракций РСДРП. В феврале 1907 года Ленин признавал, что сближение между большевиками и меньшевиками стало фактом [33,35,36]:

«Развитие революции принесло полную победу большевизму, от которого в октябрьско-ноябрьские дни меньшевики отличались только увлечениями Троцкого.»

С момента создания данного представительного органа, Троцкий начал принимать активное участие в работе Совета. Здесь он выступал, как было принято в те годы, под псевдонимом – под фамилией «Яновский». Псевдоним был основан на том, что Троцкий действительно родился в селе Яновка Елисаветградского уезда. Революционер буквально ежедневно произносил речи, часто выступая и несколько раз в день. Его выступления касались как организационных вопросов, связанных с работой самого Совета, так и тактики массовых акций. Случались в тот период и комические инциденты.

Когда Седова, после Октябрьского манифеста и политической амнистии, возвратилась из Твери, супруги сняли комнату у «биржевого спекулянта». Поскольку доходы неназванного «спекулянта» в условиях революционных потрясений резко сократились, он являлся ярким противником революции. Взяв в руки очередной номер газеты и наткнувшись на статью «некоего Яновского» под заголовком «Доброго утра, петербургский дворник», хозяин квартиры выхватил из кармана свой револьвер со словами: «Если бы попался мне этот каторжник, я бы его вот из этого застрелил!»

Но вплоть до ареста революционера, после которого на квартире «даже не сделали обыска», Троцкие продолжали жить у спекулянта под фамилией Викентьевы. То есть хозяин квартиры так и не узнал, что сдавал её тому самому «каторжнику», которого он так хотел застрелить.

При этом, Дойчер назвал именно эту статью Троцкого, адресованную дворнику, «шедевром революционной журналистики» [37,38].

«Русская газета» и «Начало»

В октябре–декабре 1905 года Лев Троцкий работал сразу по трём основным направлениям. Во-первых, он занимался журналистикой, сотрудничая одновременно в трёх газетах. Вместе с Парвусом, он приобрёл маленькую «Русскую газету» и за несколько недель они превратили это малотиражное издание, выходившее под редакцией Николая Дучинского²², в популярный печатный орган. Тираж газеты поднялся сначала с 30 до 100 тысяч экземпляров, а через месяц – до полумиллиона. Биографу Троцкого, Яну Тэтчеру, последняя цифра казалась весьма сомнительной. «Недружелюбно» относившийся к Троцкому Гарви признавал позже, что Троцкий и Парвус смогли превратить данное издание «в бойкую популярную рабочую газету» [39–41].

13 ноября увидела свет организованная Троцким, совместно с группой меньшевиков, большая общеполитическая газета «Начало». В ней, кроме Троцкого и Парвуса, сотрудничали Мартов, Потресов, Дан и Мартынов. Поскольку в редакции преобладали меньшевики, Троцкий и Парвус потребовали, чтобы их статьи публиковались в газете с подписью – что и было сделано редакцией.

При этом, формально ответственным редактором «Начала» – имевшего в качестве прототипа газету Карла Маркса «*Neue Rheinische Zeitung*» – являлся «демократически настроенный» врач и социолог Давид Герценштейн. Он, «не задумываясь, дал свое имя непримиримо революционному изданию» – за что беспартийный врач был позднее арестован и осужден. В царской тюрьме он провёл год. На суде Герценштейн давал показания «со слезами на глазах». Он сообщил судьям, что «редактируя самую популярную газету, [революционеры] пытались между делом сухими пирожками, которые сторож приносил завернутыми в бумагу из ближайшей булочной» [39,42–44].

²² Николай Полиевктович Дучинский (1873–1932) – педагог, издатель и редактор нескольких журналов, включая «Природа и жизнь», «Русская жизнь», «Человек и животные»; автор серии книг о представителях царской династии Романовых.

В газете «Начало» Троцкий вёл дискуссию с рядом меньшевистских деятелей. Мартов, полагая, что ему будет очень трудно «ужиться» с Троцким в одном издании, в конце октября писал Аксельроду, что «в интересах революции» сделает «всё возможное, чтобы ужиться». У Плеханова же участие будущего наркома в меньшевистской газете вызвало «негодование». В феврале 1907 года он апеллировал по этому поводу – и тоже к Аксельроду [45]:

«...Каким это образом меня вынуждают платить за „Начало“, которое было мне так ненавистно.»

Первоначально Троцкий, в отличие от меньшевиков, занял позицию бойкота выборов в Государственную думу. Вскоре, однако, Мартов констатировал, что «Пётр Петрович» (Троцкий) от тактики бойкота отказался. Само «Начало» выходило недолго: 2 декабря 1905 года, после появления шестнадцатого номера, газета была закрыта правительством. Троцкий, объяснял это «гигантским успехом» издания.

Он полагал, что на фоне «Начала» большевистская «Новая жизнь», выходившая в тот период восьмидесятитысячным тиражом и позитивно откликнувшаяся на появление нового революционного издания со статьями Троцкого, выглядела «серовато». Тут стоит отметить, что в указанный период глава РСДРП(б) Ленин вообще ничего не писал для «Новой жизни» [39,46].

Лев Каменев подтверждал мнение Троцкого. Он, так же как и будущий наркомвоенмор, свидетельствовал, что столичные покупатели в период Первой русской революции действительно прежде всего требовали себе газету «Начало» [45,47]. Каменев сообщал, что «я с досадой сказал себе: да, они в „Начале“ пишут лучше, чем мы.»

Ленин позже отмечал, что «Новая жизнь» и «Начало» несколько по-разному видели Петербургский Совет. Если газета Троцкого считала Совет органом рабочего самоуправления, то большевистский печатный орган видел в нём «эмбрион» революционного органа государственной власти. Тут можно отметить, что в списке авторов «Начала» значился и целый ряд ведущих европейских социалистов: Виктор Адлер, Август Бебель, Карл Каутский²³, Роза Люксембург, Франц Меринг и Клара Цеткин [48,49].

²³ См. главу «Терроризм и коммунизм» во второй книге серии.

Газета «Известия»

Кроме «Русской газеты» и «Начала» Троцкий сотрудничал и с собственным печатным органом Петербургского Совета – с газетой «Известия», которая начала выходить 17 октября 1905 года. Первый номер «Известий» вышел небольшим тиражом в частной типографии. А со следующего номера газета стала печататься путём «ночных набегов» представителей Совета на типографии крупных нереволюционных петербургских газет: «Сын отечества», «Наша жизнь», «Биржевые ведомости» и так далее. Для выполнения данной задачи Советом была сформирована специальная «летучая дружина», получавшая задания лично от Троцкого [50,51].

Троцкий писал для «Известий» не только передовые статьи, но и целый ряд информационных материалов, воззваний, манифестов и агитационных текстов. В газете также помещались и официальные документы как самого Совета, так и рабочей партии – РСДРП. Автором этих «особо важных» партийных материалов также был Троцкий [51].

Основное внимание в своих публикациях Троцкий сосредоточил не столько на российском самодержавии, сколько на либеральных партиях и организациях. Последние он подвергал «резкой и язвительной» критике. До того, как «расстановка сил» в политике империи ещё не была вполне определена, главным объектом критики революционера была Партия демократических реформ и её печатный орган, журнал «Вестник Европы». Небольшая по численности партия была основана в январе 1906 группой членов Конституционно-демократической партии, считавших её программу слишком «левой». Если судить по его газетным текстам и устным выступлениям, то Троцкому была буквально «ненавистна» сама установка Партии демократических реформ на мирный путь обновления российского общества.

Как можно было ожидать изначально, он незамедлительно вступил в полемику с общественными деятелями, примыкавшими к Партии демократических реформ. Он полемизировал в письменной форме с юристом Константином Арсеньевым, экономистом Александром Посниковым, социологом Максимом Ковалевским и другими деятелями. «Доставалось» и иным политическим течениям русской интеллигенции – прежде всего, прогрессистам. Их установки на создание в России конституционно-монархического строя, были «решительно чужды» революционеру. При этом, по версии Троцкого, деятельность

в качестве оппозиции царскому режиму создавала среднему классу империи определённый «политический престиж» среди рабочих и крестьян. Что в известной степени было даже опасно для будущей пролетарской революции [51,52].

Главным же объектом критики Троцкого стала свежееобразованная Конституционно-демократическая партия (КД), известная также как Партия народной свободы или «кадетская» партия. Атаки на кадетов, «аккумулировавших в своих рядах цвет российской интеллигенции начала XX в[ека], мечтавшей о радикальном преобразовании страны парламентским путем и на основе общечеловеческих ценностей» и их лидера, Павла Милюкова, были постоянны. См. статьи Троцкого «Интеллигентская „демократия“» и «Открытое письмо профессору П. Н. Милюкову» [51,53,54].

Из всех «обличительных речей» против либерализма, написанных Троцким за многие годы, последний текст в адрес Милюкова казался Дойчеру «самым едким и злым» [55]:

«История ничему не научает своих профессоров. Ошибки и преступления либерализма интернациональны. Вы повторяете то же, что ваши предшественники делали в вашем положении полвека назад...»

Партийная деятельность

Вторым направлением работы Троцкого в конце 1905 года стала партийная деятельность в рамках РСДРП. Его целью было объединение большевистской и меньшевистской фракций в действительно единую социал-демократическую партию.

Сразу же после возвращения в Санкт-Петербург Троцкий стал инициатором образования Федеративного совета РСДРП. В состав совета вошли представители Петербургской группы меньшевиков и Петербургского комитета большевиков, а также – представители большевистского ЦК и меньшевистской Организационной комиссии. В задачи Федеративного совета входило регулирование устной и печатной агитации. Он также отвечал за координацию действий с другими революционными организациями столицы империи. В «Известиях» Совета было опубликовано составленное самим Троцким сообщение об образовании Федеративного совета, в котором революционер «весьма оптимистично» писал [56-58]:

«Великая российская революция близится к победе. Наступающие решительные события требуют особенно сплоченности и единства пролетарской борьбы. От степени сознательности, степени организованности пролетариата и от единообразия его выступлений зависит главным образом исход революции. Полная победа революции может быть тогда и только тогда, если во главе ее будет идти пролетариат, который сумеет повести за собой до конца крестьянство и мелкую городскую буржуазию в борьбе за демократическую республику.»

Троцкий фактически возглавил Федеративный совет: он являлся автором его новых постановлений. Им же была составлена резолюция протеста против приказа столичного генерал-губернатора Дмитрия Трепова о том, что устройство митингов и демонстраций разрешалось только в трёх местах города [59].

Деятельность в Совете

Третьим – и главным – направлением для Троцкого стала сама работа в Совет рабочих депутатов. Она явно доминировала над журналистикой. В Совете внефракционный революционер сотрудничал с разными политическими силами: как с меньшевиками Дмитрием Сверчковым и Петром Злыдневым, так и с большевиками Александром Богдановым, Богданом Кнунянцем и Красиковым. Он также вполне успешно работал с социалистами-революционерами (эсерами) Виктором Черновым и Николаем Авксентьевым.

Поначалу большевики Совета, особенно Богданов, относились ко всей концепции «советов» подозрительно. Они видели в них осуществление идеи о «неоформленных классовых организациях» пролетариата, которую проводили меньшевики. Они также оценивали это как отказ от идеи захвата власти. В результате, первоначально сторонники Ленина заняли «агрессивную» позицию.

Большевистские делегаты составили план о внесении в Совет предложения о немедленном признании и принятии социал-демократической программы. Они также составили документ о передачи большевикам руководства Советом. В случае непринятия своего предложения они намеревались выйти из состава Совета. Через несколько дней Красиков действительно внёс подобное предложение на официальное рассмотрение: оно не было принято. Но выполнить свою угрозу

и выйти из популярного рабочего органа большевики в тот момент «сочли нецелесообразным» [59].

Тот факт, что Советы постепенно превращались в значительную политическую силу, заставлял сторонников Ленина «считаться с реалиями». При этом, ни на заседаниях Исполкома Совета, ни на пленарных заседаниях разногласия между большевиками и меньшевиками отчетливо не проявились. Также, не было существенных расхождений и между социал-демократами и социалистами-революционерами. Историки Фельштинский и Чернявский считали, что в текущей практической работе «догматические споры» отошли на второй план и стало преобладать сотрудничество. В обеспечение подобного сотрудничества Троцкий внёс свой «безусловный» вклад. В частности, он поддерживал умеренные предложения эсеров, выступавших против введения восьмичасового рабочего дня явочным порядком, и выступал против чрезмерного увлечения политическими стачками [59].

В первый день работы Совета его председателем был избран одесский мещанин и меньшевик Саул Зборовский, известный под партийной кличкой «Кузьма». Но он, будучи «лицом случайным» [59], быстро проявил свою «полную неспособность к организационной деятельности». И уже на следующий день Зборовский был заменен присяжным поверенным (адвокатом) Георгием Хрусталевым, который в Совете имел псевдоним «рабочий Носарь». Из-за этого в последующей исторической литературе он стал известен как «Хрусталев-Носарь».

Однако и новый председатель не проявлял плодотворной активности. Его роль сводилась, главным образом, к формальному проведению заседаний при относительном соблюдении порядка дня и регламента. Регламенту, зачастую, ему следовать как раз и не вполне удавалось. В подобных условиях организационного хаоса роль Троцкого все более возрастала. Он выступал со своими многочисленными инициативами, фактически направляя работу Совета.

Прокурор Сергей Завадский – ведший позже судебное дело против членов Совета – высказывал мнение, что Хрусталев был «просто пешкой революции, идя на поводу, как и многие другие, у Троцкого». Ленин, по мнению Фельштинского и Чернявского, завидовал

Троцкому, ставшему в конце 1905 года настоящим «народным трибуном»²⁴. Луначарский вспоминал, как в его присутствии кто-то сказал Ленину: «Звезда Хрусталева закатывается, и сейчас сильный человек в Совете – Троцкий». Лидер большевиков как будто омрачился на мгновение, а потом выдавил: «Что ж, Троцкий завоевал это своей неустанной работой и яркой агитацией» [60-62].

17.6. Демонстрация 18 октября

Уже 18 октября Троцкий стал одним из руководителей демонстрации, организованной Советом. Ночь на 18 октября революционер провел в квартире военного врача Литкенса, от которого и узнал о царском манифесте. Мнение Троцкого в тот момент заключалось в том, что «это чудо совершила всеобщая стачка» и что «дураки испугались». Однако его «эйфория сменилась тревогой», в тот момент когда Троцкий узнал, что ночью войска обстреляли Технологический институт. Он также получил информацию о том, что жандармский патруль разогнал небольшое собрание на Забалканском проспекте [63].

Тогда Троцкий направился в Совет, где уже было принято принципиальное решение о демонстрации. При этом «наиболее рьяные» организаторы требовали, чтобы шествие направлялось к тюрьме Кресты. Целью шествия, таким образом, становилось освобождения политических заключенных. Идея была навеяна штурмом Бастилии во время Великой французской революции, сопоставлением с которой постоянно занималась революционная пресса того времени. Исполком, однако, колебался, опасаясь нового кровопролития. В итоге, массовая демонстрация – во главе которой шли меньшевик Хрусталев-Носарь, большевик Кнунянц и социал-демократ Троцкий – состоялась,

²⁴ Народный трибун (лат. *tribunus plebis*) – одно из важнейших и наиболее своеобразных древнеримских политических учреждений. По римскому преданию, должность народного (дословно – плебейского) трибуна была учреждена после первой сецессии: то есть после ухода плебеев на Священную гору в 494 году до н. э. После этого плебсу было позволено выбирать своих магистратов, пользовавшихся неприкосновенностью и правом оказывать притесняемым плебеем поддержку против властей.

но лидеры увели демонстрантов подальше как от тюрьмы, так и от Дома предварительного заключения. Они вполне разумно опасались засады со стороны правительственных войск [60,64].

Демонстрация сопровождалась рядом «летучих митингов», на которых выступали лидеры шествия. Во время одного из них – возле здания столичного университета – Троцкий с университетского балкона произнес «зажигательную» речь, завершив её «театрально» [60,65]:

«Какое великое торжество! Но не торопитесь праздновать победу: она неполна. Разве обещание уплаты весит столько же, как и чистое золото? Разве обещание свободы то же самое, что сама свобода? Кто среди вас верит царским обещаниям, пусть скажет это вслух: мы все будем рады видеть такого чудака.»

После чего Троцкий поднял над головой листок с текстом царского Манифеста и, разорвав его на мелкие клочки, швырнул в сторону толпы. Это символизировало «бумажный характер» самого документа и мощь народа, который должен был его решительно отвергнуть. Так с балкона здания университета «российская столица впервые услышала оратора революции» [60,66-68].

17.7. Встреча с польскими революционерами

На заседание Совета, прошедшего 1 ноября, прибыли и произнесли приветственные речи представители польских «национально-освободительных» организаций. В своих выступлениях поляки подчеркивали, что к «капиталистическому гнѣту» в Царстве Польском присоединяется ещё и гнет национальный. Они также отмечали, что Октябрьский манифест ничего не дал польскому народу: так в конце октября правительство империи объявило о введении в польских землях чрезвычайного положение. Потому польские революционеры предполагали продолжать «свою решительную борьбу» за социальное и национальное освобождение от «русского царизма». В состав польской делегации входили граф Замойский, граф Красиньский, князь Любомирский, ряд католических священников и польских купцов, а также – один крестьянин и один рабочий [69,70].

Троцкий выступил в Совете с ответной речью, в которой «тепло приветствовал» делегатов, провозгласив [70,71]: «То дело, за которое стоит польский пролетариат, есть наше дело; то дело, за которое

стоим мы, есть его дело, и потому мы готовы протянуть руку польскому пролетариату для нашей общей борьбы.»

Профессора Фельштинский и Чернявский полагали, что «польские аристократы» внутренне негативно отреагировали на подобное заявление «социалистического оратора», хотя внешне и сохранили на своих лицах «самое приветливое выражение». По объективным причинам столичные социал-демократы были их союзниками в борьбе с правительством. Пусть один из лидеров Совета и зывал не к прямо к ним, а – через их головы – к непредставленному в зале польскому пролетариату. Польская тема не исчерпалась на одном заседании: в следующие дни Троцкий вновь обращался к революционным событиям, происходившем в Царстве Польском [70].

17.8. Забастовка и восьмичасовой рабочий день

В связи с польскими событиями и волнениями матросов в военноморской крепости Кронштадт (см. первую часть книги) – до Совета дошли сообщения, что группа моряков крепости предана военно-полевому суду – Троцкий предложил членам Совета объявить в Санкт-Петербурге всеобщую забастовку. Данному решению предшествовал ряд выступлений на заседаниях представителей нескольких столичных предприятий и профсоюзов, в которых высказывался призыв к началу новой политической стачки [70,72].

В итоге уже 1 ноября Совет одобрил резолюцию, подготовленную самим Троцким и содержавшую призыв к прекращению работы всех предприятий города в полдень следующего дня. Стачка должна было проходить под лозунгами: «долой полевые суды, долой смертную казнь, долой военное положение в Польше и во всей России».

Забастовка началась и уже 3 ноября, на второй день протеста, председатель Совета министров Российской империи – граф Сергей Витте – обратился с телеграммой к участникам стачки [70]:

«Братцы-рабочие! Станьте на работу, бросьте смуту, пожалейте ваших жен и детей. Государь приказал нам обратить особое внимание на рабочий вопрос. Для этого Его Императорское Величество образовал министерство торговли и промышленности, которое должно устанавливать справедливые отношения между рабочими и

предпринимателями. Дайте время – все возможное будет для вас сделано. Послушайте совета человека, к вам расположенного и желающего вам добра.»

Троцкий – вместе с другими руководителями Совета – попытался использовать данное «достаточно наивное либеральное» обращение премьера в качестве «искры», способной разжечь ещё больший «пожар». Исполком Совета дал задание Сверчкову написать ответное обращение премьер-министру. Но, поскольку Сверчков «не очень хорошо владел пером», у него возникли значительные трудности с составлением «достойного» ответа главному чиновнику России. Об этом практически непреодолимом своём затруднении он и пожаловался Троцкому. Будущий нарком уже во время вечернего заседания Совета от 3 ноября быстро написал «весьма острый» проект резолюции, который был немедленно «с энтузиазмом» принят Советом.

В тексте «издевательски» констатировалось, что «пролетарии ни в каком родстве с графом Витте не состоят». И потому Совет рабочих депутатов от их имени выражал своё изумление обращением премьера к «братцам-рабочим». После чего резолюция отвергала пункт за пунктом аргументы Витте, завершаясь словами [70,73]:

«Совет рабочих депутатов [Санкт-Петербурга] заявляет, что он не нуждается в расположении царских временщиков. Он требует народного правительства на основе всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права.»

Тогда же Троцкий опубликовал в «Известиях» и свой текст, озаглавленный «Ответ графу Витте». В статье он квалифицировал телеграмму главы правительства империи как «нравоучение, в котором наглость переплетается с заискиванием». Существовала версия, что у самого Витте сделался припадок, когда он прочел «находчивый» ответ, направленный ему членами совета [74-76]. Троцкий же задавался вопросом, «какой в самом деле нужен медный лоб, чтобы осмелиться обратиться к петербургскому пролетариату с такими увещеваниями?»

В начале ноября в Санкт-Петербурге сложилось патовое положение вещей. Власти были вынуждены идти на уступки забастовщикам. Совету же, со своей стороны, приходилось учитывать, что и он не был в состоянии удержать рабочую забастовку в течение длительного времени. Поступившее 5 ноября сообщение – подтвержденное на следующий день официально Петербургским телеграфным агентством – о том, что революционных матросов Кронштадта, будут судить не

полевым, а обычным судом, стало как признание «силы» Совета, так и удобным поводом прекратить забастовку [77].

Выступая от имени Исполкома и говоря об «огромной моральной победе», Троцкий в то же время пытался убедить членов Совета прекратить забастовку. Он предлагал переместить фокус внимания на организацию и вооружение пролетариев. Фельштинский и Чернявский обращали внимание, что речь в выступлении Троцкого одновременно шла как о «самоорганизации» столичных рабочих, так и о дисциплине в их рядах. Это, по их мнению, являлось «глубоким внутренним противоречием». Но именно на дисциплину Троцкий и делал основной упор в своём «страстном» выступлении [78,79]:

«Составляйте на каждом заводе боевые десятки с выборным десятским... Доводите дисциплину в этих ячейках до такой высокой степени, чтобы в каждую данную минуту весь завод мог выступить по первому призыву... Мы заключили договор со смертью!»

В этот же день Совет рабочих депутатов утвердил написанную Троцким резолюцию о прекращении с 7 ноября «стачечной манифестации». Одновременно он призвал «сознательных рабочих удесятить революционную работу в рядах армии и немедленно приступить к боевой организации рабочих масс, планомерно подготавливая... схватку с кровавой монархией...» [80].

Вслед за сворачивание стачки, «буквально стиснув зубы», Троцкий — как и весь Совет — были вынуждены признать невозможность введения восьмичасового рабочего дня явочным порядком. Так краткая резолюция за авторством Троцкого «уклонялась» от обсуждения данного вопроса по существу, констатируя лишь, что восьмичасовой рабочий день является «жгучей потребностью рабочего класса» [78,81].

12 ноября — и вновь по докладу Троцкого — Совет принял резолюцию о приостановлении введения восьмичасового рабочего дня. Члены совета мотивировали это тем, что столь короткий (по меркам своего времени) рабочий день встретил «упорное сопротивление объединенных капиталистов». Действительно работодатели в тот период ответили на «явочный» порядок нового рабочего дня увольнением более ста тысяч столичных рабочих [82].

Члены Совета также призывали использовать съезд рабочих организаций — проведение которого намечалось в те дни в Москве — для того, чтобы придать борьбе за восьмичасовой рабочий день всероссийский характер. При этом, представители Семянниковского и

Александровского заводов – а также ряда других предприятий города – настаивали на продолжении борьбы. Но большинство Совета поддержало Троцкого, «оттеснившего» к тому моменту формального председателя Хрусталева-Носаря и ставшего, по мнению прокурора Завадского, «властителем в совете рабочих депутатов» [83-85].

17.9. Оборонительный период. Роль Ленина

Постепенно резолюции Совета, сохраняя «наступательную» риторику, фактически стали приобретать всё более «оборонительный» характер. Так 14 ноября был принят ещё один текст Троцкого – о борьбе против массового освобождения сотрудников от занимаемых ими должностей (о борьбе против локауты) [78,86].

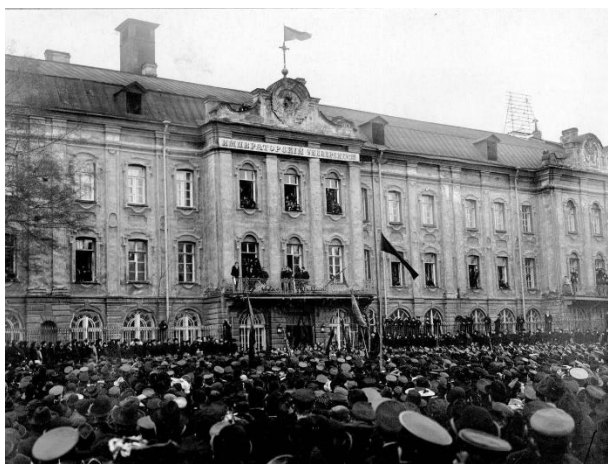

Рис. 46. Митинг у Петербургского университета, 18 октября 1905 года.

Возможно, что 25 и (или) 26 ноября на заседании Исполкома Совета состоялась встреча Ленина и Троцкого. Лидер большевиков незадолго перед этим приехал в Санкт-Петербург, но вёл себя в городе «крайне осторожно». Он не принимал участия в многотысячных митингах и широких столичных демонстрациях.

Собственно, о присутствии Ленина на заседаниях в ноябре рассказывала позже только Мария Эссен. Эмигрантка Эссен в Женеве

жила в доме Ленина и работала в типографии, где печаталась ленинская «Искра». При этом, возможно, что Эссен в послеоктябрьский период «подгоняла свою память» под уже известные ей результаты Октября 1917 года. В частности, маловероятным в глазах историков выглядело утверждение Эссен, что Ленин внёс проект резолюции против локаутов – про который уверенно можно сказать, что проект был в действительности предложен именно Троцким [86].

Сам же Троцкий писал в своих воспоминаниях, что Ленин, находясь в тот период в глубоком подполье. Как следствие, в работе Петербургского Совета лидер РСДРП(б) участия не принимал [87,88].

17.10. Во главе Совета

Правительственные репрессии против деятелей Совета начались с ареста «безликого», но популярного в пролетарской среде, официального председателя Хрусталева-Носаря. Вместе с председателем были арестованы несколько «советских руководителей». На данное событие Совет ответил написанной Троцким «краткой, но выразительной» резолюцией [49,88-91]: «26 ноября царским правительством взят в плен председатель Совета рабочих депутатов т. Хрусталева-Носарь. Совет рабочих депутатов выбирает нового председателя и продолжает готовиться к вооруженному восстанию.»

Вечером того же дня на квартире присяжного поверенного и нефракционного адвоката, социалиста Николая Соколова состоялось заседание Исполкома. На заседании были рассмотрены вопросы как о дальнейшей тактике социалистов в Совете, так и о кандидатуре нового председателя. Тогда к единому мнению прийти не удалось и на следующий день «бурные» прения о будущем разгорелись уже на официальном заседании Исполкома. В частности, представитель эсеров Чернов выступил с предложением отвечать на репрессии «террористическими ударами». При этом силами и средствами для подобных акций Совет в указанный период ещё не располагал [88].

В итоге Исполком избрал «трехчленное председательство». Тремя главами стали Троцкий, Сверчков (под фамилией Введенский он стал также и распорядителем финансов совета) и Злыднев, являвшийся депутатом от Обуховского завода. Новое руководство было затем

утверждено общим собранием всего Совета. Фельштинский и Чернявский считали, что – несмотря на то, что Троцкий и после ареста Носаря формально не стал единоличным руководителем петербургского рабочего органа – его реальная руководящая роль ещё более укрепилась. Характерно, что и в исторической литературе можно встретить неточное утверждение, что после ареста Хрусталева-Носаря Троцкий был избран единоличным председателем Петербургского Совета [92].

«Финансовый манифест»

В тот период официальные власти Российской империи продолжали своё «контрнаступление» на рабочее движение в стране. Их целями были как забастовки, в целом, так и Совет, в частности.

Как ответ на правительственные действия Советом 2 декабря был опубликован «Финансовый манифест» за авторством Парвуса. Идея составления воззвания и его первоначальный текст принадлежали Всероссийскому крестьянскому союзу – его написали члены Главного комитета союза Семён Мазуренко и Фёдор Медведев. Последний ещё в ноябре пригрозил царскому правительству массовым изъятием вкладов из банков и закрытием всех виновных лавок [93,94].

«Финансовый манифест» перед публикацией был отредактирован Троцким, «обогатившим» его как новыми положениями и «яркостью» формы. В ответ на утверждение и публикацию данного документа, правительство издало официальные правила, ужесточившие наказание за участие в забастовках – издало «Временные правила о наказаниях наиболее опасных проявлений участия в забастовках». Она также закрыло все восемь газет, полностью или частично опубликовавших «Финансовый манифест» [88,95]. «Обе стороны увидели в [Манифесте]... прообраз восстания.» [96]

Сам манифест – подписанный Советом рабочих депутатов, Главным комитетом Всероссийского крестьянского союза, Центральным комитетом и Организационной комиссией социал-демократической партии, ЦК партии социалистов-революционеров, ЦК Польской социалистической партии – провозглашал неизбежность финансового краха царизма. Он также предупреждал рабочих и крестьян, что долговые обязательства династии Романовых не будут признаны «победоносным народом» [97,98]:

«Самодержавие никогда не пользовалось доверием народа и не имело от него полномочий. Посему мы решаем не допускать уплаты долгов по всем тем займам, которые царское правительство заключило, когда явно и открыто вело войну со всем народом.»

Авторы манифеста исходили из идеи о том, что реальный путь к свержению царского правительства состоял в отнятии у него источника существования – о лишении его финансовых доходов. В связи с этим манифест содержал призыв к рабочим и другим бедным слоям населения Российской империи изымать свои вклады из сберегательных касс и банков страны. Рабочим также предлагалось требовать выплаты своей заработной платы исключительно наличными деньгами в «звонкой» монете – то есть, не бумажными ассигнациями, а непосредственно драгоценными металлами (золотом).

К крестьянам же империи был обращен отдельный призыв. Их призывали не производить выкупных платежей за землю, полученную ими в результате реформы 1861 года (см. Отмена крепостного права в России). Финансовый документ рассматривался своими составителями как «средство нажима» на царское правительство – с целью ослабления его «финансовой мощи». Он был нацелен на подрыв доверия к российской власти со стороны как зарубежных государственных, так и предпринимательских кругов. При этом историки Фельштинский и Чернявский считали сам «Финансовый манифест» скорее «признаком слабости» столичного Совета, чем попыткой наступления [99].

В конце ноября – начале декабря 1905 года Троцкий стал публиковать в большевистской газете «Новая жизнь», в «Русской газете» и в газете «Начало» все более «дерзкие» статьи и обращения. Хотя и в те дни он воздерживался от прямого призыва к вооруженному восстанию. Непосредственно после ареста Хрусталева-Носаря в «Русской газете» появилась «странная и противоречивая» статья под заголовком «Дерзайте!». В ней содержался «провокационный» призыв Троцкого-Яновского к властям империи [99]:

«Правительство осмелилось захватить Хрусталева. Пусть же оно не теряет времени и захватит весь Совет рабочих депутатов!... Дерзайте, палачи! Революция спокойно ждет вашей последней атаки!»

Далее в тексте объяснялось, что за Советом «стоит пролетариат» и «сила революционного народа». Потому автор полагал, что чиновники не посмеют в действительности исполнить его прямой и открытый призыв. Струве, ознакомившись с текстом статьи, отметил, что

«Совет рабочих депутатов заготовил (на словах) вооруженное восстание и тем приготовил свой собственный арест» [99].

В начале декабря, в редакции газеты «Начало», Троцкий встретился со своим старым знакомым – ещё по Николаеву – врачом Григорием Зивом, который оставил «зарисовку» данной встречи [100]:

«В элегантно одетом, изящном господине с очень важным видом я с трудом узнал Леву Бронштейна с его небрежной косовороткой и прочими атрибутами бывшего опрощения. Хотя он обнялся со мной и расцеловался, в его отношении ко мне явно давал себя чувствовать покровительственный холодок человека, стоящего очень высоко на общественной лестнице и не имеющего возможности тратить время с друзьями того отдаленного времени, когда он еще не был в чинах. Он уделил мне всего 2 – 3 минуты в коридоре, пригласил на завтрашнее заседание Совета и исчез в редакционном лабиринте.»

Арест и «бурлеск» Троцкого

Заседание Совета, на которое был приглашён Зив, состоялось 3 декабря в здании Императорского Вольного экономического общества. Троцкий председательствовал на этом заседании – а также и выступал с обширным докладом о текущей работе Исполкома.

В тот день, на состоявшемся ранее заседании Исполкома, большевики – руководствуясь требованиями Ленина – предложили объявить в Санкт-Петербурге всеобщую политическую стачку в знак протеста против «реакционной» политики правительства. Реакционности, заключавшейся в закрытии газет. Сторонники будущего главы Совнаркома призывали «принять вызов абсолютизма... идти навстречу решительной развязке». Данное предложение поддержали делегаты Железнодорожного и Почтово-телеграфного союзов [101].

Сам Троцкий высказал мнение, что восстание должно начаться не в столице – поскольку в городе присутствовали «отборные» вооруженные силы (гвардия империи). Он полагал, что восстание должно начаться на периферии империи, где правительственных чиновников можно «застать врасплох». Пока на заседании шла оживлённая дискуссия по этому вопросу, её участникам стало известно, что правительство уже отдало приказ об аресте как руководителей Исполкома Совета, так и других активных деятелей данного органа. К зданию Вольного экономического общества стали стягиваться правительственные

войска — солдаты гвардейского Измайловского полка, верховые казаки, жандармы, полицейские. Сюда же прибыли и представители административных властей города [102].

Рис. 47. Восстание в Кронштадте, 8 ноября 1905 года.

В тот момент Помпейский зал Вольного общества был заполнен как членами Совета, так и корреспондентами петербургских газет. В зале присутствовали и простые подданные империи, ожидавшими начала вечернего заседания данного выборного органа. Исполнительный комитет, проводивший своё заседание на втором этаже того же дома, принял решение скрыться — дабы «обеспечить преемственность в работе». Но было уже поздно, поскольку к тому моменту здание было полностью окружено. Буквально через несколько минут первый Петербургский Совет рабочих депутатов, просуществовавший 50 дней, в полном составе был арестован имперскими солдатами. Перед арестом Троцкий велел собравшимся делегатам сломать затворы на имевшихся у некоторых из них револьверах: будущий наркомвоенмор не желал сдачи оружия врагу [102-104].

Когда полицейский чин вошёл в Помпейский зал и начал зачитывать приказ об аресте, Троцкий устроил «спектакль» — «остроумный и дерзкий бурлеск» [105]. Глава Совета прервал офицера и попросил его подождать, пока закончит уже выступавший перед Исполкомом Совета оратор. После окончания его речи Троцкий, согласно регламенту, обратился к делегатам, с вопросом «согласны ли» они заслушать полицейского с «информационным» сообщением. Получив согласие присутствующих, он предоставил офицеру слово — после чего

Исполком постановил, что заявление властей об аресте «принимается к сведению». Троцкий также попросил полицию покинуть зал заседания, поскольку не был готов повторно давать её представителям слово.

«Сбитый с толку» полицейский действительно, «к великому изумлению присутствующих», вышел из зала. Возникшая таким образом пауза была использована членами Исполкома для уничтожения «компрометирующих» документов и оружия. После возвращения полицейского, уже с отрядом солдат, Троцкий не растерялся и официально, опять же согласно регламенту, закрыл заседание [94,103,105].

17.11. Суд над членами Совета

После ареста члены Совета – этого «русского Конвента» – были преданы суду, который был использован Львом Троцким как очередная трибуна для «борьбы с царизмом» (см. ниже). Суд признал членов совета виновными в призывах к вооружённому восстанию и приговорил к ссылке. В случае с Троцким, уже ранее осуждавшимся к высылке в Иркутскую губернию (см. предыдущую главу), ссылка была названа «бессрочной». По пути к месту своего будущего поселения Троцкий бежал, после чего оказался в новой эмиграции [62,106].

Ход процесса

Непосредственно после их задержания в Помпейском зале судьба арестованных членов Петербургского Совета оставалась неопределённой. В трех тюрьмах Санкт-Петербурга содержалось около трёх сотен человек, входивших в состав Совета. При этом о событиях суда и следствия мы вновь, в основном, знаем от самого наркома – наиболее подробно о них рассказано в его статье, написанной в Доме предварительного заключения через год после ареста, 4 ноября 1906 года.

В администрации Российской империи в тот период не было единого мнения по вопросу, следовало ли предавать членов Совета гражданскому суду. Так чиновники министерства юстиции вообще отвергали возможность суда. Они мотивировали это тем, что деятельность Совета была открытой – и власти не только не препятствовали его функционированию, но и вступали с его членами в прямые переговоры. Что

можно было расценить как «пособничество», если признать Совет тайной заговорщицкой организацией.

В период крайней политической нестабильности 1905–1907 годов, когда «либеральные и репрессивные волны следовали... одна за другой», потенциальная судьба арестованных менялась не один раз. Так в период с декабря 1905 по январь 1906 года власти задумывались о передаче на рассмотрение военному суду. Характерно, что, когда в апреле собралась на свою сессию Первая Государственная Дума империи, на горизонте замаячила возможность полной амнистии всех участников. По выражению Фельштинского и Чернявского, «так будущее членов Совета раскачивалось на весах судьбы между смертной казнью и полной безнаказанностью» [113].

В тот период в империи сменилось правительство. 17 апреля император предложил составить новое правительство Ивану Горемыкину, а уже 26 апреля пост министра внутренних дел в новом правительстве было предложено занять Петру Столыпину. Столыпин намеревался остановить надвигающуюся революцию сочетанием либеральных реформ с жестким антиреволюционным террором.

В итоге премьер Горемыкин решил передать дело Совета на рассмотрение Судебной палаты с участием сословных представителей. Представителями от сословий стали: дворянин граф Гудович, октябрист Тройницкий и старшина одной из окрестных волостей. В обвинительном акте, предъявленном 52-ум членам Совета, содержался пункт о подготовке вооруженного восстания. Подобное обвинение подпадало сразу под две статьи Уголовного уложения: одна статья предусматривала каторгу (до восьми лет), а другая – не исключала и возможность смертной казни для осужденного [113].

Получив на руки обвинительное заключение, Троцкий взялся за перо. Он составил документ под заголовком «Совет и прокуратура», в котором детально разобрал все пункты обвинений. Заявление Троцкого было тайно передано фракции социал-демократической партии Первой Думы. Депутаты предполагали выступить с запросом к прокуратуре, но, в связи с краткостью существования думы первого созыва (всего 72 дня), внести его не успели.

В «Совете и прокуратуре» Троцкий стремился показать как необоснованность, так и бессмысленность обвинительного акта. Члены Совета обвинялись в том, что они вступили в сообщество, поставившее своей целью «насильственное посягательство на изменение

установленного в России основными законами образа правления и замену его демократической республикой». Но далее в самом обвинительном акте деятельность Совета была представлена не в качестве «заговорщического сообщества», а как «представительная коллегия, направление работ которой должно было лишь определиться дальнейшим сотрудничеством членов». Троцкий также стремился показать, что прокуратура в реальности совершенно не интересовала юридическая сторона дела. По мнению революционера, юристы знали, что власть запланировала получить несколько десятков жертв — что и ограничило число подсудимых пятью десятками.

По мнению Троцкого, весь обвинительный акт полностью игнорировал выборный характер Совета. Прокуратура рассматривала его как некий «союз революционеров-единомышленников». Так из состава широкого Совета искусственно выделялся его менее многочисленный Исполком. Последнему при этом приписывались решения, которые принимались Советом в полном составе. В качестве «активного участия» в деятельности Совета в акте фигурировали такие пункты как контроль над входными билетами и нахождение в стачечном пикете. Собственное признание делегата в его статусе также рассматривалось как основание для ареста. Троцкий называл «безобразным произволом» и привлечение к суду нескольких случайных лиц, просто оказавшихся в зале в день ареста. Обосновывая законность деятельности Совета, Троцкий высказывал мнение, что новые формы общественной жизни в Российской империи в тот период «слагались и жили вне всякого юридического определения».

Далее в «Совете и прокуратуре» саркастично и детально разбирались конкретные обвинения. Основным был пункт о вооружении рабочих. Но, поскольку в этом вопросе обвинение действительно не смогло собрать убедительных свидетельств, оно стало рассматривать раздачу оружия некоторым депутатам как подготовку к восстанию. В бумагах председателя Хрусталева-Носаря, которые были изъяты при его аресте, были найдены записная книжка и отдельный лист с заметками о выдаче членам Совета револьверов и коробок с патронами. Однако «револьверов всех систем» было роздано только 64 штуки, что было явно недостаточно для свержения власти [113].

Первоначально открытый судебный процесс был назначен на 20 июня 1906 года. Но, в связи с очередным всплеском беспорядков и забастовок в столице, председатель Судебной палаты, ссылаясь на

формальные процедурные нарушения в документах, перенес начало слушаний на три месяца – на 19 сентября. Позднее выяснилось, что данное решение было принято прямо вопреки позиции царского министерства юстиции. 9 июля 1906 года Столыпин был назначен новым председателем правительства Российской империи и в тот же день была распущена Госдума. Одновременно с введением военно-полевых судов, Столыпин начал и серию социально-политических реформ, проходивших вполне в духе царского Манифеста от 17 октября. Это и предопределило относительно либеральный характер всего судебного процесса по делу Петербургского Совета [113].

Оставался нерешённым вопрос о том, какой линии поведения будут придерживаться обвиняемые члены Совета на суде. Партийное руководство не занимало определенной позиции. Так в письмах, переданных от Центрального комитета Троцкому, не было изложено чётких указаний. В свою очередь, сам Троцкий полагал, что решения ЦК вообще не могли иметь для подсудимых социал-демократов обязательной силы. Он мотивировал это тем, что социал-демократам необходимо было действовать солидарно с арестованными по тому же делу эсерами. По делу проходило и несколько беспартийных членов.

«По-видимому, некоторые товарищи на воле недовольны нашим предполагаемым поведением на суде – и ведут против него борьбу. Но я совершенно не понимаю, какое другое поведение можно нам рекомендовать. Мы хотим на суде восстановить деятельность Совета, какой она была в действительности. О себе каждый будет говорить постольку, поскольку это будет необходимо для выяснения деятельности Совета или [конкретной] партии. В этих рамках юридической защите предоставлена полная свобода».

По вопросам поведения на суде подсудимые, и прежде всего Троцкий, «сносились одновременно с большевистским и меньшевистским центрами». Позиция Троцкого и других была в тот период ближе к линии поведения, ожидавшейся большевистским руководством от членов РСДРП(б). Таким образом подсудимые меньшевики «оказались в оппозиции к своему центру».

В своём письме в ЦК РСДРП Троцкий выражался категорически против идеи опираться на суде на Манифест 17 октября. Он также не планировал отрицать проведение политической подготовки к вооружённому рабочему восстанию. В итоге, на совещании подсудимых было единогласно решено, что речи в свою защиту произноситься не

будут. Подсудимые запланировали подчеркивать тот факт, что Совет являлся выборным учреждением. Они стремились донести, что Совет отражал взгляды и настроения масс. Таким образом, идейно-организационная подготовка вооружённого восстания против правительственных чиновников и царедворцев была «неизбежным выводом и результатом из борьбы рабочих масс... во всем её объёме».

По мнению Фельштинского и Чернявского, именно такой линии поведения Троцкий и придерживался на протяжении всего судебного процесса. Он также переходил «от политической защиты к политическому нападению, используя всевозможные логические и фактические аргументы касательно деятельности Совета и в то же время почти совершенно не упоминая о своем собственном поведении на заседаниях и вне их по тому или другому вопросу» [114].

Судебные заседания по делу о Петербургском совете рабочих депутатов начались 19 сентября. Они продолжались в течение месяца — в период «первого междумья». Суд шёл открыто, а его председателем был действительный тайный советник Крашенинников. Суд планировал заслушать около четырёх сотен свидетелей, но явилась только половина: часть потенциальных свидетелей уже была осуждена по другим делам, а часть — находилась в эмиграции или ушла в подполье. В числе свидетелей были рабочие, солдаты и гимназисты. В суд также приходили сенаторы, столичные магнаты, фабриканты и профессора. Показания свидетелей и обвиняемых являлись источником для будущей истории Совета. Троцкий видел в них и материал по истории революции. Он выражал сожаление о том, что стенографический отчет судебных заседаний не был издан — называя его «неоценимым историческим материалом». Троцкий сам восполнил этот пробел, оставив воспоминания о ходе процесса и окружавшей его обстановке:

«Утрированная строгость причудливо переплеталась с полной распушенностью, и обе они с разных сторон характеризовали ту поразительную растерянность, которая все еще царила в правительственных сферах... Здание суда было объявлено на военном положении и фактически превращено в военный лагерь. Несколько рот солдат и сотен казаков во дворе, у ворот, на прилегающих улицах... Но 30 — 40 черных адвокатских фраков поминутно разрывают синюю стену. На скамье подсудимых появляются непрерывно газеты, письма, конфеты и цветы. Цветы без конца! В петлицах, в руках, на коленях, наконец, просто на скамьях. И председатель не решается устранить этот

благоуханный беспорядок. В конце концов, даже жандармские офицеры и судебные приставы, совершенно “деморализованные” общей атмосферой, начали передавать подсудимым цветы» [114].

Глава Петербургского совета вспоминал, что во время суда рабочие делегации передавали судьям свои петиции. Их составители требовали, чтобы подписавших также судили, ибо они полностью разделяли мнение обвиняемых. Председатель суда учитывал в своих действиях настроения горожан: он никогда не отказывал в приеме делегаций и лично брал каждую петицию в руки. Затем, советуясь с другими членами суда, он публично и громогласно заявлял, что «судебная палата, не входя в исчисление подписей, свидетельствует, что их много».

Первый день процесса не прошёл без эксцесса. Из пятидесяти двух списочных подсудимых председатель Крашенинников обнаружил на скамье только пятьдесят одного человека. Сын чиновника из потомственных почетных граждан Арам Тер-Мкртчянц отсутствовал. Адвокат и будущий юрисконсульт социал-демократической фракции в Государственной думе III созыва, Николай Соколов²⁵, задал прямой вопрос председателю о местонахождении Тер-Мкртчянца. «Он казнен», – вынужден был односложно ответить судья.

Выяснилось, что эсер Тер-Мкртчянц, выпущенный из тюрьмы на поруки был арестован по другому делу – о бунте в Кронштадтской военно-морской крепости²⁶. Затем он был осужден и расстрелян по приговору военно-полевого суда. По воспоминаниям революционера, после слов о расстреле, зал поднялся со своих мест, чтобы почтить память Тер-Мкртчянца. Как отметил Троцкий, «вместе со всеми встанут растерянные полицейские и жандармские офицеры» [114].

²⁵ В 1894 году сам Николай Соколов привлекался к дознанию по делу народовольцев; два года спустя он был арестован по обвинению в участии в «Союзе борьбы за освобождение рабочего класса»; в 1898 году Соколов был выслан в Ревель.

²⁶ Временный военный суд в крепости Кронштадт шёл под председательством генерал-майора Владислава Томашевича, автора учебника по законоведению для военных и юнкерских училищ (1905). Суд посчитал, что в ночь на 20 июля 1906 года Тер-Мкртчянц вместе с другими участниками мятежа напал на офицеров в районе лагерного расположения Кронштадтских сапёрной и минной рот; в ходе нападения погибли командир минной роты, полковник Николай Александров (1856–1906) и старший офицер той же роты, капитан Александр Врочинский (1872–1906).

Вопрос о восстании

Основным вопросом, стоявшим перед судом, был вопрос о вооружённом восстании: признание судом данного обвинения могло привести к вынесению всем подсудимым смертных приговоров. Потому именно этот вопрос был в центре всех судебных заседаний.

Свою длинную речь на суде Троцкий, по договоренности с другими подсудимыми, посвятил именно этому вопросу. Революционер выступал 4 октября 1906 года. Как отмечали Фельштинский и Чернявский, «в соответствии с традицией революционеров, представавших перед судьями на открытых процессах, это была речь обвинителя, а не человека, пытавшегося добиться личного оправдания. Правда, начало речи создавало впечатление, что она будет посвящена если не личному самообелению, то, по крайней мере, отрицанию обвинения с оборонительных позиций». Так Троцкий сразу заявил, что вопрос о вооруженном восстании не обсуждался ни на одном из заседаний Исполкома. Не ставился он и перед членами Совета в целом.

Далее Троцкий заявил, что члены совета рассматривали вопрос о власти только в связи со всеобщей стачкой. В создавшихся в тот период условиях Совет фактически стал органом народного самоуправления. По мнению революционера, Совет мог также и применять репрессии – для предотвращения анархии в городе и стране. В изложении Троцкого, будучи по духу республиканским органом власти, Совет на практике защищал именно что демократические свободы и ценности. Речь шла как раз о тех свободах, которые позже были записаны в царском Манифесте от 17 октября.

«В таком логическом порядке – не деятельность на базе Манифеста царя, а деятельность, которая породила сам этот Манифест, – и состояла линия поведения Троцкого перед судебскими чинами».

По мнению Троцкого, новый правовой строй не мог быть воздвигнут путем дарования бумажных манифестов – он мог возникнуть только путем фактической реорганизации всего государственного аппарата. Манифест, по его словам, представлял собой «голый перечень обещаний» и набор «бумажных гарантий», которые никто и никогда не стремился исполнять добровольно. Таким образом по Троцкому получалось, что революционеры призывали народ к открытой борьбе за свою истинную и полную свободу, путём реализации императорского манифеста на деле. Если бы суд признал манифест полноценным

правовым документом — основой некоей новой политико-юридической системы — судить членов Совета было бы неправомерно и бессмысленно. Более того, они представляли бы «людьми закона и права».

Обсудив юридические тонкости манифеста, Троцкий перешёл к основному вопросу — о призывах к вооружённому восстанию. Он попытался переопределить сам термин. Если суд понимал под вооружённым восстанием выступление с оружием в руках для свержения существующего государственного строя, то Троцкий утверждал, что восстанием являлась уже сама политическая стачка. (Разумеется, это был глубоко демагогический ход, ибо и сам Троцкий, и другие революционеры его времени понимали под восстанием именно что свержение действующей власти насильственным путём.)

Иначе говоря, Троцкий стремился представить Совет как центр сосредоточения усилий широкой массы российских подданных — чуть ли не всего народа обширной и многонациональной империи. Он пытался выставить Совет в качестве общенародной организации. Восстание масс не делается кем-то, а совершается самими массами, поучал в своей речи судей Троцкий. Он завершил свою речь утверждением, что Совет рабочих депутатов просто помогал широким массам готовиться к самообороне против агрессивных черносотенных сил, направляемых членами Императорской фамилии из дома Романовыми [113].

После окончания слушаний, 2 ноября, Петербургская Судебная палата вынесла свой приговор. При этом подсудимые на вынесение приговора не явились. Они отказались присутствовать в знак протеста против нарушений юридических норм в ходе предыдущих заседаний. Основным нарушением процедуры сами подсудимые и их поверенные сочли отказ суда от вызова бывшего директора департамента полиции, сенатора Ивана Лопухина. Его предполагалось вызвать в качестве свидетеля со стороны защиты, поскольку осенью 1905 года он обнаружил в подчинённом ему департаменте типографию, в которой активно печаталась черносотенная «погромная» литература.

При этом сам Лопухин, через адвоката Троцкого Оскара (Израиля) Грузенберга, просил вызвать его в суд. Он хотел сообщить, что меры, принятые в конце октября Петербургским Советом, спасли столицу от масштабных погромов. (Проницательный читатель может в этом месте увидеть некоторые параллели с гибелью Карла Либкнехта и Розы Люксембург.) Грузенберг официально возбудил ходатайство о приобщении писем сенатора Лопухина к делу Совета и о вызове

бывшего директора в качестве свидетеля; в удовлетворении ходатайства ему было отказано. Демарш подсудимых с неясной поддержкой как их защитники, так и публика – все они покинули здание. Как позднее писал Троцкий, «судьи остались с глазу на глаз с прокурором».

Согласно приговору, «сын колониста Херсонской губернии, Елисаветградского уезда, колонии Громоклея Лейба, он же Лев Давидов Бронштейн» и Георгий Носарь были объявлены главными обвиняемыми. Они были признаны виновными в том, что «в последней четверти 1905 года в городе С. Петербурге состояли участниками сообщества, которое заведомо для них, подсудимых, поставило целью своей деятельности насильственное, посредством организации вооруженного восстания, изменение установленного в России основными законами образа правления на демократическую республику».

Как отмечали историки Фельштинский и Чернявский в главе «Лидер Совета на суде» своей книги «Лев Троцкий. Революционер», приговор почти дословно повторял текст обвинительного акта. Вместе с Г.С. Носарем, Д.Ф. Сверчковым, П.А. Злыдневым, С.Ш. Зборовским, Б.М. Кнулянцем, Н.Д. Авксентьевым, Н.М. Немцовым, М.А. Киселевичем, А.Ю. Фейтом, С.Л. Вайнштейном, И.Л. Голынским, Э.С. Комаром, Ф.Ф. Шанявским и А.А. Симановским – Лев Бронштейн был лишен прав состояния и сослан на поселение [113,114].

Вторая в жизни Троцкого ссылка на поселение предполагалась бессрочной – то есть вечной. С юридической точки зрения, для отмены подобного решения требовалось «высочайшее», то есть царское (императорское), помилование. При этом осужденные были уведомлены, что попытка побега с поселения каралась в те годы тремя годами каторжных работ. Так закончилось непосредственное участие Льва Троцкого в революционных событиях 1905–1907 годов в Российской империи. Впереди его ждал второй побег и вторая эмиграция [114].

17.12. Оценки и влияние

Биограф Троцкого Тэтчер писал о событиях 1905 года, как о «поворотном моменте» в биографии будущего наркома. Троцкий не только продвинулся в создании своей «теории перманентной революции», но и принял непосредственное участие в реальных революционных событиях. После ареста и суда революционер приобрёл

репутацию «человека действия» (англ. *man of action*). Он стал известен как лицо, обладающее храбростью и отвагой. Кроме того, в последующий период (во второй эмиграции) он впервые смог выступить в роли историка, опубликовав книгу «Наша революция», также известную под численным заголовком «1905». Книга, переведённая позже на множество языков, многократно переиздавалась. Интерес к историческим сочинениям сохранился у Троцкого на всю его оставшуюся жизнь – см. его книгу «История русской революции» [106-108].

Описывая в своей автобиографии период революционного подъёма начала XX века, Троцкий – по мнению Тэтчера – «рисовал себя» (англ. *portray himself*) как реального лидера Петербургского совета. Он писал о себе, как о человеке, стоявшем заметно выше других членов данного представительного органа. С данной оценкой было согласено как большинство современников, так и историки – хотя некоторые приписывали Троцкому также и провокационный радикализм решений Совета, приведший к его разгрому властями. Однако через двадцать лет, во время борьбы за власть с Иосифом Сталиным, Троцкому неожиданно поставят в вину его «сдержанность» в 1905 году [61,82,109].

При этом, достоверно оценить реальное влияние Троцкого на те или иные решения Совета, многие из которых инициировались на уровне санкт-петербургских заводов, достаточно сложно. В частности, в воспоминаниях Сергея Витте о событиях 1905 года фамилия Троцкого-Яновского не фигурирует вообще. Уверенно можно сказать только, что опыт, полученный Троцким в течение нескольких недель конца 1905 года, стал для революционера «финальной репетицией» перед событиями 1917 года. Биограф Тэтчер, в частности, полагал, что сами революционные события начала века больше повлияли на Троцкого, чем он повлиял на них [110-112].

Последующие события в значительной мере вытеснили из биографии Троцкого события 1905 года. Для многих, особенно зарубежных, участников событий начала века революционер появился на исторической сцене только в октябре 1917 года. Так японский автор книги «*トロツキーの挽歌*» (*Элегия Троцкого*) Норико Катаджима уделяет мало внимания событиям 1905 года. При этом мексиканский период в конце жизни Троцкого рассматривается им достаточно подробно.

Примечания

- [1] Полит-кие партии, 2000, с. 229.
- [2] Фельштинский, 2012, с. 68, 231.
- [3] Корелин, Тютюкин, 2005, с. 299.
- [4] Serge, Sedova-Trotsky, 1975, p. 15.
- [5] Дойчер, 2006, с. 128.
- [6] Фельштинский, 2012, с. 68.
- [7] Фельштинский, 2012, с. 69.
- [8] Троцкий, 1930, Т. 1, с. 194.
- [9] Дойчер, 2006, с. 129.
- [10] Фельштинский, 1998, с. 37–41.
- [11] Фельштинский, 2012, с. 70.
- [12] Дойчер, 2006, с. 137.
- [13] Дойчер, 2006, с. 134.
- [14] Гарви, 1946, с. 465.
- [15] Гарви, 1946, с. 466–467.
- [16] Троцкий, 1926, Ч. 1, с. 153, 158.
- [17] Фельштинский, 2012, с. 71.
- [18] Троцкий, 1926, Ч. 1, с. 236.
- [19] Троцкий, 1926, Ч. 1, с. 239.
- [20] Троцкий, 1930, Т. 1, с. 196–197.
- [21] Фельштинский, 2012, с. 72.
- [22] Дан, 1946, с. 342.
- [23] Ленин, ПСС, 1967, Т. 10, с. 145.
- [24] Фельштинский, 2012, с. 73.
- [25] Троцкий, 1930, Т. 1, с. 200.
- [26] Ленин, ПСС, 1967, Т. 47, с. 67.
- [27] Ленин, ПСС, 1967, Т. 47, с. 11.
- [28] Дойчер, 2006, с. 130–131.
- [29] Троцкий, 1930, Т. 1, с. 197.
- [30] Дойчер, 2006, с. 131.
- [31] Тютюкин, 1991, с. 89.
- [32] Фельштинский, 2012, с. 74.
- [33] Фельштинский, 2012, с. 75.
- [34] Thatcher, 2013, p. 242.
- [35] Дойчер, 2006, с. 138.
- [36] Ленин, ПСС, 1967, Т. 15, с. 62.
- [37] Дойчер, 2006, с. 136.
- [38] Фельштинский, 2012, с. 75–76.
- [39] Thatcher, 2013, p. 245.
- [40] Гарви, 1946, с. 386.
- [41] Гарви, 1946, с. 591.
- [42] Троцкий, 1930, Т. 1, с. 205.
- [43] Фельштинский, 2012, с. 76, 233.
- [44] Корелин, Тютюкин, 2005, с. 334.
- [45] Фельштинский, 2012, с. 76.
- [46] Новая жизнь, 1905.
- [47] Троцкий, 1930, Т. 1, с. 204.
- [48] Thatcher, 2013, pp. 245–246.
- [49] Дойчер, 2006, с. 151.
- [50] Троцкий, 1926, Ч. 2, с. 58–62.
- [51] Фельштинский, 2012, с. 77.
- [52] Дойчер, 2006, с. 132.
- [53] Полит-кие партии, 2000, с. 151.
- [54] Троцкий, 1926, Ч. 1, с. 94–152, 196–209.
- [55] Дойчер, 2006, с. 133.
- [56] Дойчер, 2006, с. 143.
- [57] Фельштинский, 2012, с. 77–78.
- [58] Троцкий, 1926, Ч. 1, с. 78.
- [59] Фельштинский, 2012, с. 78.
- [60] Фельштинский, 2012, с. 79.
- [61] Thatcher, 2013, p. 247.
- [62] Дойчер, 2006, с. 148.
- [63] Троцкий, 1926, Ч. 2, с. 25.
- [64] Троцкий, 1926, Ч. 2, с. 24–26, 37–38.
- [65] Троцкий, 1926, Ч. 2, с. 22.
- [66] Тютюкин, 1991, с. 91.
- [67] Троцкий, 1930, Т. 1, с. 206.
- [68] Дойчер, 2006, с. 141.
- [69] Дойчер, 2006, с. 145.
- [70] Фельштинский, 2012, с. 80.
- [71] Троцкий, 1926, Ч. 1, с. 286.
- [72] Троцкий, 1926, Ч. 1, с. 286–287.
- [73] Троцкий, 1926, Ч. 1, с. 287.
- [74] Фельштинский, 2012, с. 80–81.
- [75] Дойчер, 2006, с. 146.
- [76] Троцкий, 1926, Ч. 1, с. 288.
- [77] Фельштинский, 2012, с. 236.
- [78] Фельштинский, 2012, с. 81.
- [79] Троцкий, 1926, Ч. 1, с. 290–293.
- [80] Троцкий, 1926, Ч. 1, с. 293–294.
- [81] Троцкий, 1926, Ч. 1, с. 295.
- [82] Дойчер, 2006, с. 147.
- [83] Троцкий, 1926, Ч. 1, с. 297.
- [84] Фельштинский, 2012, с. 81, 236.
- [85] Thatcher, 2013, p. 248.
- [86] Троцкий, 1926, Ч. 1, с. 298–299.
- [87] Троцкий, 1930, Т. 1, с. 208.
- [88] Фельштинский, 2012, с. 82.
- [89] Корелин, Тютюкин, 2005, с. 354.

- [90] Корелин, Тютюкин, 2005, с. 354–355.
- [91] Троцкий, 1926, Ч. 1, с. 303.
- [92] Фельштинский, 2012, с. 82, 237.
- [93] Garvy, 1975, pp. 16–32.
- [94] Корелин, Тютюкин, 2005, с. 355.
- [95] Корелин, Тютюкин, 2005, с. 356.
- [96] Дойчер, 2006, с. 153.
- [97] Троцкий, 1926, Ч. 2, с. 115–117.
- [98] Фельштинский, 2012, с. 82–83.
- [99] Фельштинский, 2012, с. 83.
- [100] Фельштинский, 2012, с. 83–84.
- [101] Троцкий, 1926, Ч. 1, с. 120–121.
- [102] Фельштинский, 2012, с. 84.
- [103] Дойчер, 2006, с. 155.
- [104] Дойчер, 2006, с. 154.
- [105] Дойчер, 2006, с. 154–155.
- [106] Thatcher, 2013, p. 241.
- [107] Корелин, Тютюкин, 2005, с. 538.
- [108] Davies, 1973, pp. 817–818.
- [109] Thatcher, 2013, p. 246.
- [110] Thatcher, 2013, pp. 249–250.
- [111] Thatcher, 2013, p. 256.
- [112] Дойчер, 2006, с. 138–139.
- [113] Фельштинский, 2012, с. 85–97.
- [114] Фельштинский, 2012, с. 90–101.

Литература

1. Garvy G. The Financial Manifesto of the St Petersburg Soviet, 1905 (англ.) // International Review of Social History. – 1975. – April (vol. 20, iss. 1). – P. 16–32. – ISSN 0020-8590 1469-512X, 0020-8590. – doi:10.1017/S0020859000004818.
2. Гарви П. А. Воспоминания социал-демократа. – Нью-Йорк: Фонд по изданию литературного наследия П. А. Гарви, 1946. – LXXI, 680 с.
3. Дан Ф. И. Происхождение большевизма. К истории демократических и социалистических идей в России после освобождения крестьян. – Нью-Йорк: Новая демократия, 1946. – 491 с.
4. Дойчер И. Троцкий в 1905 году // Троцкий. Вооруженный пророк. 1879–1921. – М.: Центрполиграф, 2006. – 527 с. – ISBN 5-9524-2147-4.
5. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. – 5-е изд. – М.: Издательство политической литературы, 1967.
6. Первая революция в России: взгляд через столетие / отв. ред. А. П. Корелин, С. В. Тютюкин. – М.: Памятники исторической мысли, 2005. – 602 с. – ISBN 9785884511606.
7. Политические партии России. История и современность. – М.: РОССПЭН, 2000. – 631 с. – ISBN 5-8243-0068-2.
8. Троцкий Л. Сочинения. – М.; Л.: Государственное издательство, 1926. – Т. 2. Ч. 1, 2.
9. Троцкий Л. Моя жизнь. Опыт автобиографии, 2 т. – Берлин: Гранит, 1930. – 325 с.
10. Фельштинский Ю., Чернявский Г. Первая Революция. Петербургский Совет // Лев Троцкий. Книга 1. Революционер. 1879–1917 гг. – М.: Центрполиграф, 2012. – 448 с. – ISBN 978-5-227-03783-1.
11. Serge V., Sedova-Trotsky N. The Life and Death of Leon Trotsky. – New York: Basic Books, 1975. – 296 p. – ISBN 9781608464692. – ISBN 1608464695.
12. Thatcher I. D. Leon Trotsky and 1905 // The Russian Revolution of 1905: Centenary Perspectives / ed. A. J. Heywood, J. D. Smele. – Routledge, 2013. – 336 p. – (Routledge Studies in Modern European History, Vol. 9). – ISBN 9781134253302. – ISBN 1134253303.
13. Broué P. 1905 : sur les ailes de la révolution // Троцкий = Trotsky. – Fayard, 1988. – 1105 p. – ISBN 9782213022123.
14. Forge F. Léon Trotsky, un révolutionnaire au coeur de la révolution russe de 1905 // L'actualité de Léon Trotsky : 70 ans après son assassinat / prés.: François Forge, i.e. François de

Massot. – Paris: La Vérité, 2010. – 128 p. – (La Vérité : revue théorique de la IVe Internationale, ISSN 0294-359X).

15. Authier D. La position de Trotsky dans le Parti Ouvrier Social-Démocrate de Russie de son deuxième congrès à la révolution de 1905 / Michel Laran. – Paris: Univ. de Paris VIII (Paris-Vincennes), 1970.

16. Migliardi G. La rivoluzione russa del 1905 : l'analisi e l'azione di Trockij // Pensiero e azione politica di Lev Trockij / a cura di Francesca Gori. – Firenze: Olschki, 1982. – 697 p. – (Il pensiero politico, 10, ISSN 1122-0767). – ISBN 88-222-3110-4.

17. Loureiro I. M. Rosa Luxemburgo e Trotsky: a revolução russa de 1905 // Trotsky hoje / Isabel Maria Loureiro [et al.]. – São Paulo: Ed. Ensaio, 1994. – 334 p. – (Cadernos Ensaio: Série Grande formato, 6). – ISBN 978-85-85669-09-6. – ISBN 85-85669-09-8.

18. Ticktin H. Trotsky, 1905, and the Anticipation of the Concept of Decline (англ.) // 100 Years of Permanent Revolution / Bill Dunn and Hugo Radice. – Pluto Press, 2006. – P. 35–47. – ISBN 9780745325217. – doi:10.2307/j.ctt18fs98g.6. – JSTOR j.ctt18fs98g.6.

19. Старцев В. И. В. И. Ленин и Л. Д. Троцкий в трех российских революциях // Россия в XX веке. Историки мира спорят. – 1994. – 752 с. – 3000 экз. – ISBN 5-02-009724-1.

20. Тютюкин С. В. Л. Д. Троцкий в годы первой российской революции // История СССР. – 1991. – № 3. – С. 83–99.

21. Фельштинский Ю. Г. Как добывались деньги для революции // Вопросы истории : журнал. – 1998. – № 9. – С. 37–41.

22. // Новая жизнь. – 1905. – 15 ноября.

23. Davies D. A. 1905. By Trotsky Leon. Translated by Bostock Anya (англ.) // Slavic Review. – 1973. – December (vol. 32, iss. 4). – P. 817–818. – ISSN 2325-7784. – doi:10.2307/2495516.

24. Winsbury R. Trotsky in 1905 (англ.) // History Today. – 1976. – April (iss. 26, no. 4). – P. 213–222.

25. Marot J. A Maverick in European Social Democracy: Trotsky's Political Trajectory Between 1905 and 1917 (англ.) // Science & Society. – 2013. – June (vol. 77, iss. 3). – P. 412–415. – ISSN 0036-8237. – doi:10.1521/siso.2013.77.3.412.

Глава 18. «Наша революция»

«Наша революция» — книга Льва Троцкого, вышедшая в 1906 году под авторским псевдонимом «Н. Троцкий» и представляющая собой сборник статей, написанных революционером в 1904–1906 годах.

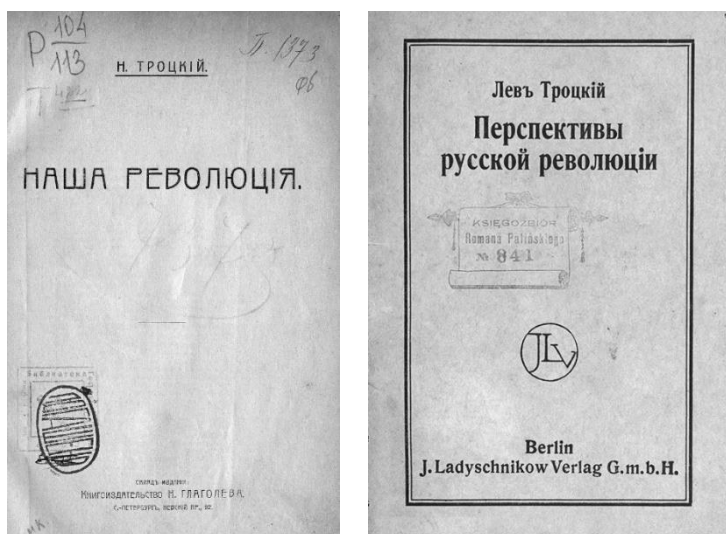

Рис. 48. Титульный лист книги «Наша революция» (СПб., 1906) и обложка брошюры «Перспективы русской революции» (Берлин, 1917).

Наиболее важной и известной стала заключительная статья «Итоги и перспективы», вызвавшая резонанс в среде революционеров начала XX века. В финальной статье автор утверждал, что Российская империя является отсталой страной «второго эшелона» капитализма. Здесь же делался вывод о слабости российской буржуазии, всесторонне зависимой от абсолютистского государства и лично от самодержца. В книге Троцкий в целом завершил формирование своей концепции «перманентной революции» и «закона неравномерного и комбинированного развития», основанных на работах Александра Парвуса, Карла Каутского и Павла Милюкова.

Согласно представлениям Троцкого, именно пролетариату – способному, в отличие от торгово-промышленного сословия, парализовать экономику Российской империи – было суждено сыграть ключевую роль в будущей революции. Новая революция должна была начаться на национальной почве, развернуться на интернациональной и завершиться на общемировой арене. Российскому государству, таким образом, отводилась роль «детонатора» революционного подъёма на Западе – подъёма, способного объединить Россию и Европу.

Взгляды Троцкого, которые в те годы были немного левее политической позиции Владимира Ленина, оказались существенно искажены позднейшими советскими критиками. В результате мысли революционера, изложенные в «Нашей революции», стали восприниматься в Советской России 1920–1930-х годов как главная «ересь» Троцкого против ленинского наследия – ленинизма. Книга Троцкого и, в особенности, её заключительная статья были переведены на многие языки и неоднократно переиздавались. Так в 1922 году в РСФСР/СССР вышла книга Троцкого «1905», содержащая фрагменты «Нашей революции».

18.1. Описание и история

Основой для новой книги Льва Троцкого стали события Первой Русской революции. Находясь после ареста, произошедшего 3 декабря 1905 года, в тюремной камере в Крестах, бывший глава Петербургского совета рабочих депутатов Троцкий-Яновский (см. предыдущую главу) был под «большим впечатлением» от той «удивительно важной» роли, которую рабочие Российской империи сыграли во время Революции 1905 года. В результате осмысления этой роли он, в основном, завершил формирование своей концепции «перманентной революции» [1-5]. У арестованного революционера было время для изложения своих мыслей на бумаге. Так за время работы над новой теорией камера Троцкого, по мнению его сокамерников, «превратилась в какую-то библиотеку» [6,7].

После суда в Петербурге (см. выше) и побега из ссылки Троцкий публично изложил свои новые взгляды в ряде статей и выступлений. Из работ того периода только его «исследование о земельной ренте» было полностью потеряно и так и не увидело свет. В 1906 году данные

уже опубликованные в разных местах работы были собраны автором в одну книгу, получившую заголовок «Наша революция». Основные статьи, вошедшие в сборник, включали в себя: «До 9 января», «Капитал в оппозиции», «Как делали Государственную Думу», «Открытое письмо проф. Милюкову» и «Господин П. Струве в политике». Последняя была опубликована ранее под псевдонимом «Н. Тахоцкий» [8].

Особенно важной, в смысле окончательного формирования авторской концепции перманентной революции, была заключительная статья книги, имевшая заголовок «Итоги и перспективы» [9,10]. Название этой части не было полностью авторским – оно являлось отсылкой к аналогично озаглавленной статье Александра Парвуса [11,12]. Именно эта заключительная статья Троцкого позже стала предметом «ожесточённых споров» (англ. *bitter controversy*) сторонников и противников Троцкого и троцкизма [13,14].

После выхода книги в свет полиция царской России конфисковала практически весь тираж. До читателей в Российской империи дошли только несколько копий произведения революционера [15,16]. При этом эволюция взглядов наркома не была «взрывной». Так ещё в брошюре «До 9 января», написанной до событий Кровавого воскресенья 1905 года, Троцкий приходил к выводу, что «спасти Россию может только пролетариат». Он также предсказывал в ближайшие месяцы или даже недели начало «всероссийского вооруженного восстания» – см. также историю революция 1905–1907 годов [17].

18.2. Основные положения и их критика

Отсталость Российской империи

Авторы четырёхтомной биографии Троцкого Юрий Фельштинский и Георгий Чернявский считали, что одним из важнейших исходных положений новой концепции революционного процесса, разработанной Троцким и ставшей составной частью «Нашей революции», была констатация того факта, что Российская империя являлась в конце XIX – начале XX века страной «второго эшелона» капитализма. При этом она постоянно стремилась догнать более развитые (прежде всего, западноевропейские) страны [9,18,19].

Самодержавная Россия, по мнению Троцкого, не была в состоянии «совершить инновационный прорыв». Так автор пытался в самых общих чертах проследить российскую тенденцию к отставанию: от Киевской Руси до «великих реформ» и отмены крепостного права в середине XIX века. Последняя реформа имела своей целью лишь облегчить формирование вооружённых сил империи и увеличить сбор налогов в царскую казну — не создавая при этом реальных жизненных и экономических перспектив для самих освобождённых крестьян [20].

Троцкий, по мнению историков Фельштинского и Чернявского, показывал, что заимствование зарубежных технических, хозяйственных и иных достижений не вело к интенсивному экономическому развитию в Российской империи. Иначе говоря, вошедшее в русскую традицию стремление «догнать» не приводило к реальному достижению западноевропейского уровня жизни и технического развития. Но и само отставание Российской империи не было тотальным. Это заметно отличало её от традиционных азиатских обществ — подобных Индии и Китаю начала XX века — не имевших с Европой ни единой истории, ни общей границы [9,21].

«Догоняющая тенденция» являлась, по Троцкому, результатом «навязывания сверху» — со стороны российских государей-правителей — а не «снизу». Она не формировалась по инициативе общественных организаций, стремившихся в те годы преимущественно к простой хозяйственной и управленческой самостоятельности — независимости от воли местного начальства. Таким образом данная тенденция не была в состоянии привести к созданию такого «фундаментального института противостояния Средневековью», каковым являлись европейские города. Города западной Европы отличались в процессе своего развития всё более интенсивной и самостоятельной экономической и политической жизнью. В то время как города России являлись лишь административными, военными и налоговыми центрами. Они по большей части продолжали оставаться тем, чем являлись при их основании — царскими крепостями и форпостами на дальних рубежах [9,22-24].

«Когда во второй половине XIX века началось у нас широкое развитие капиталистической индустрии, оно застало не городское ремесло, а главным образом деревенское кустарничество [24].»

Троцкий, в понимании историков Фельштинского и Чернявского, обращал внимание на то, что Российская империя и её предшественники развивались — в согласии с марксистскими идеями того

времени — как надстройка над медленно эволюционировавшим примитивным обществом. При этом российское государство совершенствовалось и укреплялось, подчиняясь простому инстинкту самосохранения. При этом оно превращалось во всё более самостоятельную (относительно общества) и мощную структуру. По Троцкому, этот процесс происходил под внешним давлением: в своих рассуждениях он выделял, прежде всего, многочисленные татаро-монгольские, польско-литовские и шведские нашествия [25,26].

Выживание государства под подобным давлением требовало «величайшего напряжения сил». Поэтому государство поглощало непропорционально большую долю материальных благ и ресурсов, производимых обществом. Она также при первой возможности активно занимало деньги на Западе. Российское государство также одновременно нуждалось и в мощном аппарате насилия и контроля. Оно не могло довольствоваться обычным западноевропейским устройством — ему требовалась жёсткая иерархическая (военная) структура [9,27,28].

Подобная структура, согласно подсчётам самого Троцкого, поглощала более половины государственного бюджета империи и значительно бюрократизировала жизнь страны. Основное финансовое бремя при этом ложилось на русских крестьян, экономическая жизнь которых — и без того осложнённая «суровым климатом и огромными пространствами» — таким образом окончательно подрывалась [24,29].

«[Российское] государство сформировалось не под влиянием импульсов, исходящих от самого русского общества, но под враждебным давлением сильных европейских держав [30].»

В понимании Троцкого, в отличие от стран Запада, в Российской империи само государство породило сословия — при этом данную мысль в несколько иной форме ранее уже высказывал вполне либеральный политический деятель, историк и публицист, профессор Павел Миллюков. Кроме того, в Российской империи само государство заложило и фундамент современной промышленности — прежде всего, разумеется, промышленности военной [23,24,26].

Отсюда Троцкий делал вывод, что российский буржуазный класс, ведущий практически паразитическое существование, являлся объективно слабым. Он целиком зависел от самодержавной власти и был органически неспособен стать самостоятельным социальным субъектом. Иначе говоря, российская буржуазия не могла стать носителем

хозяйственной и политической альтернативы самодержавию – как это произошло в странах Западной Европы в Новое время [31,32].

Исходя из этой логики, торгово-промышленное сословие в Российской империи было обречено на всестороннюю зависимость от абсолютистского государства – то есть, в конечном счёте, от воли самодержца. Из всего этого следовал вывод Троцкого, что в российских условиях чисто буржуазная революция – способная свергнуть царизм и «очистить страну от полуфеодалских пережитков» – была попросту невозможна. Российский царизм, согласно анализу будущего наркома, являлся некой промежуточной формой между европейским абсолютизмом и азиатским деспотизмом [9,30,33,34].

Именно эти особенности как российской истории, так и классовой структуры российского общества в начале XX века, означали, что пролетариату Российской империи было суждено, по версии Троцкого, сыграть ключевую роль в будущей революции. Среди дополнительных особенностей российского пролетариата Троцкий, прежде всего, выделял его высокую сконцентрированность на небольшом числе крупных передовых предприятиях, имплантированных в Россию зарубежными предпринимателями [35-37].

«Даже русская мысль и наука кажутся продуктом государства [24].»

В книге также давался ответ и на вопрос о причинах неизбежности революционного взрыва в России. Неизбежность эта была обусловлена внутренними конфликтами в искусственной государственной системе, в которой практически полностью отсутствовал средний класс как таковой. При этом видимая мощь империи – состоявшая из набора атрибутов, свойственных западным Великим державам, и позволявшая русским царям регулярно вмешиваться военным путём в европейскую политику – была лишь иллюзией безопасности. Этот фасад создавал лишь видимость защиты как от внешних, так и от внутренних угроз самодержавию дома Романовых [28,38].

Малочисленность российского пролетариата не являлась, по мысли Троцкого, существенным препятствием для революционного захвата рабочими власти. В частности потому, что именно рабочие обеспечивали функционирование железнодорожной сети страны – сети, без которой не могла функционировать и её экономика в целом. Троцкий констатировал, что «тысяча бастующих железнодорожников политически более эффективна, чем миллион рассеянных по стране крестьян» [39,40]. Иначе говоря, российским пролетариям было даже

проще прийти к власти, чем их западноевропейским коллегам. В качестве исторического примера для подтверждения своей правоты, Троцкий использовал знакомую ему политическую систему: «эмбрионом» подобного рабочего правительства являлся сам Петербургский совет, который он возглавлял годом ранее [1,41,42].

В книге «Наша революция» будущий наркомвоенмор затрагивал и практические (военные) аспекты надвигающейся восстания. Уже в 1906 году Троцкий выступал против партизанской тактики военной борьбы. Он являясь сторонником массового вооружения населения – особенно рабочих, разделявших идеи социализма – и построения регулярной армии. Только подобная армия, по его словам, была способна разбить буржуазного противника в открытом сражении [43] (см. главу «Царицынский конфликт» в следующем томе данной серии):

Так Троцкий писал, что «вооружить революцию, значит у нас прежде всего вооружить рабочих».

Профессор Дэвид Дэвис, в своём обзоре английского перевода книги «1905», писал о четырёх «чётко проработанных идеях» (англ. *clear elaboration of ideas*) Троцкого. Все они вытекали из его опыта 1905 года и в совокупности создали революционеру его «отличительную позицию» (англ. *distinctive position*) в истории русской революционной мысли. К этим идеям будущего наркома Дэвис относил [44]:

- (i) проницательное понимание особенностей России как государства и того факта, что революция в Российской империи не пойдёт в соответствии с западноевропейскими прецедентами;
- (ii) признание того факта, что ход истории определяется не столько рациональным расчётом людей, сколько их готовностью к активным (и зачастую рискованным) действиям;
- (iii) осознание важности военной силы в революции – и решающей роли армии в подведении окончательного итога предстоящей борьбы за власть;
- (iv) понимание значения Совета рабочих депутатов как революционного института.

При этом недостатком ключевого тезиса Троцкого о возможности «перманентной революции» в конечном счёте было нежелание автора отвечать на известные ему вопросы – на проблемы, беспокоившие других участников событий 1905 года. Среди вопросов был и вопрос о связи между социал-демократической партией и Советами, и вопрос о взаимоотношениях пролетариата с крестьянством, и вопрос

о связи между русской революцией и европейским пролетариатом. Сюда же также можно было отнести и вопрос о связи между инстинктом масс и реалистичной мудростью отдельных людей. Все эти пункты оказались, в реалиях октября 1917 года, «не столь гладкими», как теоретически предполагал десятью годами ранее сам Троцкий [45].

Закон неравномерного и комбинированного развития

Историки Фельштинский и Чернявский отмечали, что уже значительно позже – в конце 1920-х и начале 1930-х годов – Троцкий более чётко сформулировал те общие положения, которые лежали в основе его рассуждений о предпосылках перманентной революции. Тогда, в годы НЭПа, он назвал их законченную версию «законом неравномерного и комбинированного развития» [10,46-49].

Однако, говоря по существу, положения данного закона к тому моменту уже содержались в публикациях Троцкого, увидевших свет ещё в начале века в рамках книги «Наша революция» [9,50]. С данным утверждением российско-американских исследователей был согласен и историк Георг Лихтхейм. Он также отмечал, что более зрелые формулировки наркома из книги «Перманентная революция» и «Сталин» по существу не расходились с его исходным тезисом периода «Нашей революции» [51-54]. Новые формулировки лишь являлись защитой Троцким своей позиции от последующей критики [55].

Закон неравномерного и комбинированного развития, в формулировке Троцкого, отрицал наличие обязательной прямой связи между развитием производительных сил и политической ролью пролетариата в той или иной стране, на том или ином этапе её развития (см. Марксистская политическая экономия). В частности, несмотря на десятикратное превосходство США над Российской империей по уровню промышленного производства в начале XX века, политическая роль российского пролетариата была, по мысли Троцкого, несравнимо выше таковой у американского [56-58].

По мнению профессоров Ховарда и Кинга, идеи Троцкого из «Нашей революции» – этого «самого радикального из произведений русского революционного социализма» – отрицали мысль, высказанную ранее Карлом Марксом и развитую в сочинениях Георгия Плеханова и Владимира Ленина. Их тезис заключался в том, что «страна,

промышленно более развитая, показывает менее развитой стране лишь картину её собственного будущего» [59].

Троцкий не соглашался с подобной позицией – и, таким образом, революционные идеи будущего наркома меняли само представление о пути вестернизации России. В книге Троцкий сформулировал свои принципы политической экономии, благодаря которым он глубже, чем любой другой теоретик, приблизился к пониманию как структуры, так и противоречий царской модернизации Российской империи. А, следовательно, он глубже проник и в природу русского революционного процесса. Проще говоря, Троцкий – в понимании Ховарда и Кинга – утверждал, что как в прошлом Россия не шла по следам развитого Запада, так и её будущий путь являлся совершенно иным. В частности, демократический путь построения социализма на территории Российской империи полностью и бесповоротно исключался революционером [60,61].

Россия и Европа

Составной частью рассуждений Троцкого стал вывод как о необходимости, так и о неизбежности общемировой революции. Раздел «Европа и революция» был заключительным в статье «Итоги и перспективы» и, по мнению Фельштинского и Чернявского, рассматривался самим автором как наиболее весомый. В разделе утверждалось, что российский пролетариат – даже если бы ему удалось прийти к власти вследствие временной конъюнктуры буржуазной революции – неизбежно встретился бы с враждебностью со стороны мировой реакции. Эта враждебность была бы, помимо прочего, вызвана как заинтересованностью держателей российских облигаций в выплате царских долгов, так и в желании инвесторов обезопасить свои капиталы, вложенные в Россию при царе [9,35,62,63].

В то же время, по мысли Троцкого, российские рабочие после начала революции могли рассчитывать на поддержку мирового пролетариата. Революционер предполагал, что если пролетарская власть в России окажется «предоставленной самой себе», то она – как и в любой другой отсталой стране – неизбежно будет уничтожена контрреволюцией. Таким образом, пролетариату «ничего другого не останется, как связать судьбу своего политического господства и,

следовательно, судьбу всей российской революции с судьбой социалистической революции в Европе» [64-66].

Троцкий полагал, что западноевропейские рабочие примут сторону российских товарищей при попытке международной буржуазии сокрушить русскую революцию [35,67]. Он также считал пролетариат европейских стран более надёжным союзником для российского пролетариата, чем российскую буржуазию или крестьянство обширной империи. Таким образом аграрная проблема Российской империи способствовала подготовке революции, однако после осуществления революционных преобразований становилась препятствием – см. также предисловие редактора [68,69].

Фельштинский и Чернявский отмечали, что создатель концепции не вдавался в детали – он полагал, что конкретные пути превращения российской революции в международную предсказать было невозможно. Также невозможно было и назвать конкретные сроки. Читателям лишь давалось понять, что перманентная революция – это вопрос не столетий, а сравнительно близкой перспективы. Для того чтобы «оградить себя от упреков в маниловщине», Троцкий многократно подчёркивал условность приведённых им схем. Он неоднократно говорил о зависимости реализации его теоретических воззрений от конкретных исторических событий эпохи [70-72].

Сущность же концепции перманентной революции, по мнению Фельштинского и Чернявского, состояла в том, что социалистическая революция начнётся на национальной почве, «развернётся» на интернациональной и завершится на общемировой [35,73-75]. Последствия же революции только в России, без распространения на развитые страны, были предсказаны Троцким как «уничтожение» или «эрозия». Это произошло бы по причине примитивности экономики, культуры и всего устройства социума [67,76,77]. Профессор Николай Васецкий в 1990 году кратко сформулировал данный принцип Троцкого как «либо всё, либо ничего» – см. также главу «Лев Троцкий и политика экономической изоляции» во второй книге данной серии [78,79].

«Восточная революция заражает западный пролетариат революционным идеализмом и рождает в нём желание заговорить с врагом “по-русски”» [80]

Израильский историк Шмуэль Галай – анализируя проблемы, с которыми столкнулась марксистская теория в начале XX века – отмечал, что Троцкий (в отличие от Ленина) сумел дать более

теоретический ответ на события 1905 года. В противоречии с марксистской мыслью своего времени глава Санкт-Петербургского совета пришёл к выводу, что революционный потенциал пролетариата определяется не его бедностью или численностью, а способностью «парализовать капиталистическую экономику». Из данного положения Троцкий, собственно, и сделал вывод о возможности социалистической революции в отсталых государствах с малочисленным рабочим классом [81].

Профессор русской истории и директор Института Восточноевропейских исследований Университета Амстердама Бруно Наарден отмечал, что Троцкий говорил о перманентной революции как о явлении, способном именно объединить Россию и Европу. Даже в начале XX века данный тезис не был нов — поскольку восходил своими корнями к подобной идее, высказанной ещё Карлом Марксом и Фридрихом Энгельсом. С аналогичной идеей к тому моменту уже «забавлялись» (англ. *toyed*) и некоторые западноевропейские социалисты [82].

Российский экономист, доктор экономических наук Егор Гайдар считал, что в книге Троцкого была наиболее ярко выражена линия, получившая широкое распространение в российском обществе тех лет. Она заключалась в возможности для русской революции стать «детонатором» для революционного подъёма на Западе. После чего «социалистическая Европа», в свою очередь, помогла бы построить социализм и на территории Российской империи. Возможно даже в рамках единых «Соединённых Штатов Европы». По версии Гайдара, данная цепочка рассуждений позволяла «затолкать» российский социально-экономический кризис в «узкую логику действий радикальной партии». Критически относясь ко всему интеллектуальному наследию наркома, Гайдар обращал внимание своих читателей на то, что именно эта логика давала возможность совместить «светскую религию и политическую практику» [41,83-85].

«Нельзя сомневаться и в том, что социалистическая революция на Западе позволит нам непосредственно и прямо превратить временное господство рабочего класса в социалистическую диктатуру [86].»

В свою очередь профессор Ивер Нейман обращал внимание на то, что в «Нашей революции» Троцкий наделял некоторые части света «эксклюзивной исторической миссией». Так прогрессивная Европа для Троцкого является синонимом цивилизации, в то время как весь остальной мир представляет собой разные степени дикости и

варварства. Иначе говоря, зависимость России от западного развития — как в прошлом и настоящем, так и в будущем — виделась Троцкому в общем-то «непреодолимой» (англ. *adamant*).

Это видение Неймана переключалось с позицией профессора Ричарда Стайтса, который писал, что «высокоинтеллектуальное партнёрство» Троцкого с Парвусом породило теорию, которая российскими рабочими того времени воспринималась, скорее всего, наподобие карго-культа. Того самого карго-культа²⁷, который уже в те годы фиксировался среди жителей островов Тихого океана. Сутью культа была идея о том, что некая внешняя (божественная) сила придёт из-за границы, чтобы «дать» островитянам и пролетариям как еду и землю, так и другие блага цивилизации [87,88].

Оригинальность взгляда

Профессор Орест Мартышин — говоря о статье «Итоги и перспективы» как о первом источнике, в котором Троцкий чётко изложил свои представления о перманентной революции — отмечал, что автор «охотно» поддержал суждение Александра Парвуса о том, что если социал-демократия возглавит будущую российскую революцию, то было бы резонно, если она же и сформирует новое правительство. В результате такого перехода власти буржуазная революция, по Троцкому, почти сразу превратится в революцию социалистическую. Мартышин утверждал, что именно эта идея и получила известность как теория перманентной революции — и что данная концепция представляет собой попытку «форсировать события». Она позволяла избежать двух революций, разнесённых во времени, с этапом капитализма

²⁷ Карго-культ, или культ карго (от англ. *cargo cult* — буквально, «поклонение грузу»), также известен как «религия самолётопоклонников» или «культ Даров небесных» — термин, которым исследователи называют группу религиозных движений жителей Меланезии. В рамках карго-культ островитяне верят, что западные товары созданы духами их великих предков и предназначены именно для современных представителей меланезийского народа. Сторонники культа считают, что «белые люди» нечестным путём получили контроль над этими предметами. В культах карго проводятся специальные ритуалы, внешне похожие на реальные действия «белых людей», чтобы предметов цивилизации на островах стало больше.

между ними. Иначе говоря, на территории экономически отсталой России само длительное существование подобия буржуазной республики была попросту невозможно [69,89,90].

Профессор Ян Тэтчер, обсуждая в своей биографии Троцкого его работы «Наша революция» и «1905», утверждал, что – несмотря на то, что ряд элементов концепции революционера был уже известен к 1906 году из работ Парвуса, Каутского, Милюкова [91], а также и целого ряда социалистов-революционеров [92,93], включая Михаила Гоца [94,95] – их синтез был всё же оригинальным [96-98].

Другими словами, используя те же предпосылки, что и Парвус, Троцкому удалось создать теорию перманентной революции, отличную от концепций других авторов начала XX века. Так профессор Перри Андерсон вообще считал «Итоги и перспективы» (Результаты и перспективы) первым стратегическим политическим анализом научного характера в истории марксизма [99-102].

Биограф Троцкого Исаак Дойчер – считавший, что события в России 1917 года подтверждали прогнозы Троцкого [103,104] – в своей трилогии, посвящённой жизни революционера, говорил о статье «Итоги и перспективы» как о работе, в которой автор дал «полное, почти математически сжатое изложение теории „перманентной революции“». В этой главе он «достиг пика своего развития» [105]. Здесь Троцкий проанализировал недавние ключевые события в перспективе «извечных течений» истории России и определил место российской революции в мире. Дойчер также считал, что Троцкий недвусмысленно противопоставил своё видение будущей революции общепринятым взглядам марксистов своего времени – марксистам, считавшим, что в «старых капиталистических странах» почва для революции уже подготовлена. Данные классические марксисты ожидали победы социализма сначала на Западе, в то время как в странах Востока зарождавшая буржуазия только будет приходить к власти.

Работа Троцкого по-новому сформулировала или даже радикально пересмотрела перспективы социалистической революции как таковой – чего не делалось со времен «Коммунистического манифеста» 1847 года. При этом только «отвращение» Троцкого, по версии Дойчера, к анализу чужих текстов мешало революционеру «забить» свою книгу полезными цитатами из трудов основателей марксизма [40,106]. В той же книге Дойчер добавлял, что «Троцкий ни на минуту не мог себе представить, что русская революция будет десятилетиями

выживать в изоляции». Революционеру «не приходило в голову», что пролетарская партия сможет длительное время управлять огромной страной против воли крестьянского большинства [71,107].

Профессор Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе и бывший президент Венгерской академии наук Иван Беренд обращал внимание на сходство взглядов Троцкого и основателей марксизма. Утверждая в книге о необходимости общемировой революции, Троцкий, по сути, переформулировал тезис Маркса и Энгельса из их работы «Немецкая идеология», написанной ещё в 1847 году – но изданной только в 1932 году, уже в Советском Союзе.

Идея основоположников марксизма заключалась как раз в том, что при отсутствии высокоразвитого общества пролетарская революция приведёт «только к распространению бедности, и борьба за самое необходимое начнётся снова» (англ. *only poverty would be distributed and the struggle for the necessities would start again*) [76,109].

«Троцкий никогда не отрицал, что материальные условия в России недостаточно развиты, чтобы позволить совершить [социалистическую] революцию. Но он утверждал, что это не подрывало самой возможности начать её.» [110]

18.3. Влияние

После публикации «Нашей революции» Троцкий «стяжал себе известность» в кругах как социалистических теоретиков, так и революционеров-практиков. Но большинство из них, согласно Фельштинскому и Чернявскому, отнеслись к его концепции резко отрицательно или, как минимум, с большим подозрением. Был среди выводов Троцкого и привлекательный для революционеров начала прошлого века элемент: так вывод о возможности избежать длительного капиталистического (буржуазного) этапа существенно отличал позицию Троцкого от мнения Парвуса по тому же вопросу [73,111].

Взгляды Льва Троцкого также были немного «левее» политической позиции Владимира Ленина в те годы. В частности, это было заметно в вопросе о роли крестьянства в будущей революции [112-115], которому Троцкий отводил роль «младшего партнёра» при полноценной диктатуре пролетариата [116-119]. Позже Иосиф Сталин «чрезмерно преувеличил» (англ. *magnified out of all proportion*) [120] или, по

мнению целого ряда исследователей, «фальсифицировал» [121], данное расхождение. Тем самым он сделал перманентную революцию главной «ересью» Троцкого против ленинизма – см. также Внутрипартийная борьба в ВКП(б) в 1920-е годы [122-128].

При этом в самом 1905 году Роза Люксембург, Карл Каутский и Владимир Ленин ссылались на «перманентную революцию» в своих работах. Ленин вновь вернулся к идеям перманентной революции позднее – уже в годы Первой мировой войны [129-131]. Меншевики Александр Мартынов, Юлий Мартов, Павел Аксельрод и Фёдор Дан также обсуждали концепцию Троцкого, хотя постепенно и охладели к ней. В своём недоверии они ссылались на невозможность самого захвата власти российскими рабочими – «посчитали очередной краткий очерк „троцкизма“ пустым мечтанием» [15,132-134].

В частности, ещё в марте 1905 года Мартынов опубликовал в «Искре» серию статей под общим названием «Революционные перспективы», нацеленную на опровержение теории Троцкого. В этой серии работ Мартынов отстаивал тезис о существовании в России городской буржуазной демократии. Он всё же признавал, что у идей будущего наркома были «определённые революционные потенции» [135-138].

Практически одновременно, в последней декаде апреля 1905 года, на конференции в Женеве, меньшевистская фракция приняла резолюцию, которая допускала саму возможность социалистической революции в Российской империи. Условием такого исхода было то, что русская революция затем сможет перенестись и в развитые страны Западной Европы. Через год, в марте 1906, меньшевики как фракция опубликовали свою официальную платформу, в которой содержались некоторые отголоски теории Парвуса–Троцкого [68,139,140].

В результате книга «Наша революция» – в которой автор, по мнению многих последователей, предвидел пролетарскую революцию в России – не только стала новым этапом в политической мысли Троцкого, но и привела к его изоляции в социал-демократическом движении начала XX века. Он стал «чужим среди своих» [15,101,141-143]. При этом исторические и экономические данные – собранные значительно позже, уже в конце XX и начале XXI века – подтверждали верность, в целом, проведённого Троцким анализа экономики Российской империи в последние годы её существования [144-146].

Теория перманентной революции продолжила жить и после гибели автора. Так один из разработчиков теории, лидер бельгийской

секции Четвёртого интернационала Эрнест Мандель продолжал использовать её для описания событий, происходивших в мире в 1960-е годы. В конце Холодной войны он писал, что «в течение восьмидесяти лет теория перманентной революции была предметом постоянных дебатов внутри международного рабочего и революционного движения. Большое количество статей и книг было посвящено обсуждению. Значительное количество революций и контрреволюций произошло в менее развитых странах мира, в которых эта теория могла быть проведена в свете реального исторического развития...».

18.4. Издания

Книга Льва Троцкого «Наша Революция» была впервые легально издана в книгоиздательстве Н. М. Глаголева. Данное издательство выпускало книги по теории и практике рабочего движения, по социал-демократической интерпретации проблем государственного устройства, а также – сборники документов и исследования по истории освободительного движения в России. Издателем выступил Н. М. Глаголев – редактора газеты «День» и редактора журнала «Вестник воздухоплавания», выходившего в начале XX века в Санкт-Петербурге²⁸ [16,147].

К середине XX века оригинальное издание стало «библиографической редкостью». В частности, в 1990 году профессору Николаю Васецкому, при подготовке первого с конца 1920-х годов переиздания в СССР работ Троцкого, «не удалось разыскать» дореволюционное издание [14,148]:

- Троцкий Н. Наша революция. – СПб.: книгоиздательство Н. Глаголева, тип. «Север», 1906. – 286 с.

²⁸ Возможно, по данным РГБ, издателем являлся Николай Матвеевич Глаголев (род. 1880) – журналист, книгоиздатель и авиатор, который летал под фамилией Волков; с 1912 года он являлся петербургским представителем издательства И. Д. Сытина.

Поскольку книга, по сути, представляла собой сборник, часть из собранных в ней работ (статей) выходили в виде отдельных брошюр и ранее 1906 года:

- Троцкий Н. Конституция «Освобожденцев». – СПб.: Тип. Тов-ва «Общественная польза», РСДРП, 1906. – 19 с.
- Троцкий Н. До девятого января / Н. Троцкий; с предисл. Парвуса; РСДРП. – Женева: Тип. РСДРП, 1905. – xiv, 64 с.
- Троцкий Н. Предисловие (Роль пролетариата и буржуазии в 1848 году в Германии) // Речь перед судом присяжных / Ф. Лассаль. – СПб.: «Молот», 1905. – 95 с.

После октября 1917 года статья «Итоги и перспективы», которую иногда ошибочно считают вышедшей раньше самой книги, была «до-стоверно» перепечатана в виде отдельной брошюры, а также – к концу года – вышла на русском языке в Берлине под заголовком «Перспективы русской революции» [14,51,149]. Последняя глава и два последних предложения предшествующей главы – предсказывавшие европейскую социалистическую революцию как результат войны – были позднее исключены из немецкого издания книги «из уважения» (англ. *out of respect*) к цензуре времён Первой мировой войны [150].

- Троцкий Л. Перспективы русской революции. – Берлин: Изд. т-ва И. П. Ладыжникова, 1917. – 84 с. – (Социально-политическая библиотека, 3).

Уже после Октябрьской революции, в 1919 году, статья Троцкого «Итоги и перспективы» вышла в Советской России отдельным изданием, получив широкую известность у массового читателя [148,151]:

- Троцкий Л. Д. Итоги и перспективы. Движущие силы революции. – М.: «Советский мир», 1919. – 86 с.

В предисловии к данной брошюре сам Троцкий отмечал, что:

«В отношении оценки внутренних сил революции и её перспектив автор не примыкал [в 1906 году] ни к тому ни к другому из главных течений в русском рабочем движении. Защищавшаяся автором точка

зрения может быть схематически формулирована так. Начавшись как буржуазная по своим ближайшим задачам, революция скоро развернёт могущественные классовые противоречия и приведёт к победе, лишь передав власть единственному классу, способному встать во главе угнетённых масс, то есть пролетариату. Встав у власти, пролетариат не только не захочет, но и не сможет ограничиться буржуазно-демократической программой. Он сможет довести революцию до конца только в том случае, если русская революция перейдёт в революцию европейского пролетариата.» [70,152]

Ещё через три года, в 1922, в Москве вышла книга Троцкого «1905», составленная из двух ранее издававшихся текстов автора о событиях 1905 года: «Нашей революции» и немецкоязычной книги «*Rußland in der Revolution*», изданной в Дрездене в 1909 году – см. также ниже [36,153,154]. Вследствие этого книгу «1905» иногда датируют 1909 годом, а московский тираж 1922 года считают переизданием [155-158]:

- Троцкий Л. Д. 1905. – М.: Госиздат, 1922. – 427 с.

18.5. Переводы

В 1918 году в Нью-Йорке был опубликован сокращённый английский перевод всей книги Троцкого «Наша революция» от 1906 года. Англоязычная книга в две сотни страниц получила название «*Our Revolution*». Перевод был выполнен Моисеем Ольгиным (псевдоним, также Иосеф Нейман, имя при рождении – Мойше Иосеф Новомисский, 1878–1939) – американско-еврейский писателем, редактором, драматургом и переводчиком. Ольгин также являлся политиком и общественным деятелем как еврейского рабочего движения России, так и коммунистического движения США [51]:

- Trotsky L. Our Revolution: Essays on Working-Class and International Revolution, 1904–1917 / transl. by M. J. Olgin. – New York: Henry Holt and Co., 1918. – 220 p.

В данной версии книги, включавшей в себя ряд биографий и пояснений, статья «Итоги и перспективы» – «*Prospects of a Labor Dictatorship*

(*results and prospects*)» — появилась практически целиком. Так предложения из предпоследней главы и большая часть последней главы, опущенной в берлинском издании, стали доступны англоязычным читателям практически в то же время [13,150,159]. По состоянию на начало XXI века, в англоязычных источниках используется несколько вариантов перевода названия ключевой статьи Троцкого. Она может называться «*Itogi i perspektivy*», «*Results and prospects*», а также — как версия, изданная в Москве в 1921 году, — «*A review and some perspectives*» [160,161].

В 1909 году в Германии вышла немецкоязычная книга Троцкого «*Rußland in der Revolution*», являвшаяся отчасти переводом «Нашей революции». Книга вышла в ключевом издательстве саксонских социал-демократов «Kaden & Comp.», основанном в октябре 1898 года Вильгельмом Августом Каденом (1850–1913) по поручению СДПГ по адресу Цвингерштрассе, дом 22 и Ветгинерплац, дом 10 в Дрездене. Издательская программа Кадена включала в себя не только политические труды, но и художественную литературу. Так здесь вышла «Всемирная история в одном томе» Германа Хефкера. Само издательство, выпускавшее известную газету «*Dresdner Volkszeitung*» (DVZ), располагало отдельной типографией и собственным книжным магазином. Кроме того, примерно с 1909 года, издательство имело отдельный филиал в городе Циттау — на крайнем юго-востоке Саксонии в пограничном треугольнике Германии, Польши и Чехии ²⁹.

Текст многих статей при переводе «Нашей революции» был существенно адаптирован самим автором для не русскоязычных читателей. Для них требовались дополнительные пояснения [51,162]:

- Trotzki L. *Rußland in der Revolution*. – Dresden: Buch Druck und Verlag von Kaden & Comp., 1909. – 318 p.

Уже в 1919 году книга Троцкого «Наша революция» была переведена на идиш. По информации Луиса (Луи) Синклера (Louis Sinclair, 1909–1990) — автора библиографического сборника «*Trotsky. A*

²⁹ Manfred Altner: Im Dienste der “geeigneten sozialistischen Buchliteratur”. Der Verlag Kaden Comp // Börsenblatt für der deu. Buchhandel (Leipzig), Jahrgang 1983, S. 811 f. 260

Bibliography», впервые напечатанного в 1972 году³⁰ – глава «Итоги и перспективы» к 1989 году была издана на арабском (1965), китайском (1966, переиздана в 1984), французском (1968, переиздана в 1969 и 1974), нидерландском (1971), фарси (1976), итальянском (1976). На японском языке она вышла в 1961 году (переиздана в 1967; см. п. 21.3).

Популярная у социалистов и историков книга также выходила в 1970-е годы на сербскохорватском (1971), португальском (1973), испанском (1971), шведском (1972) и турецком (1976) языках [163].

Примечания

[1] Schurer, 1961, p. 466.	[29] Knei-Paz, 1978, p. 67.
[2] Knei-Paz, 1978, pp. 28–29, 176.	[30] Дойчер, 2006, с. 162.
[3] Тютюкин, 2002, с. 140.	[31] Knei-Paz, 1978, pp. 68–69, 82.
[4] Howard, King, 1989, p. 230.	[32] Brahm, 1963, s. 537.
[5] Фельштинский, 2012, с. 87–88.	[33] Treadgold, 1973, p. 233.
[6] Емельянов, 2003, с. [132]–[133].	[34] Knei-Paz, 1978, p. 70.
[7] Дойчер, 2006, с. 158.	[35] Thatcher, 2005, p. 37.
[8] Дойчер, 2006, с. 160.	[36] Löwy, 2010, p. 51.
[9] Фельштинский, 2012, с. [88].	[37] Thatcher, 2005, p. 36.
[10] Daniels, 2016.	[38] Knei-Paz, 1978, pp. 70, 83.
[11] Carr, 1951, pp. 58, 61.	[39] Knei-Paz, 1978, pp. 85–86.
[12] Парвус, 1905.	[40] Дойчер, 2006, с. 168.
[13] Skilling, 1961, p. 10.	[41] Berend, 2016, p. 130.
[14] Дойчер, 2006, с. 161.	[42] Wistrich, 1982, pp. 51, 58.
[15] Дойчер, 2006, с. 174.	[43] Nelson, 1988, pp. 49–51.
[16] Тютюкин, Шелохаев, 1996, с. 73.	[44] Davies, 1973, p. 817.
[17] Тютюкин, 2002, с. 112.	[45] Davies, 1973, p. 818.
[18] Mendel, 1961, pp. 104–117.	[46] Thatcher, 1991, pp. 244–245.
[19] Straus, 1998, pp. 11–12.	[47] Dunford, Liu, 2017, pp. 3–4, 14.
[20] Knei-Paz, 1978, pp. 67–68.	[48] Glenn, 2012, pp. 75, 79.
[21] Knei-Paz, 1978, pp. 65–66.	[49] Андерсон, 1991, с. 128.
[22] Knei-Paz, 1978, p. 78.	[50] Schultz, 2014, s. 252.
[23] Neumann, 2016, p. 75.	[51] Lichtheim, 2015, p. 333.
[24] Дойчер, 2006, с. 163.	[52] Skilling, 1961, p. 11.
[25] Thatcher, 1991, p. 235.	[53] Anweiler, 1975, p. 279.
[26] Knei-Paz, 1978, p. 66.	[54] Howard, King, 1989, p. 232.
[27] Thatcher, 2005, pp. 36–37.	[55] Skilling, 1961, p. 23.
[28] Knei-Paz, 1978, p. 72.	[56] Saccarelli, 2008, pp. 99–101, 247–248.

³⁰ Wang F. Louis Sinclair (1909–1990) // Against the Current, No. 30, January/February 1991. О библиографе Л. Синклере и его работе см. также Приложение №3.

- [57] Löwy, 2010, pp. 51–57.
- [58] Brossat, 1974, pp. 16–20.
- [59] Howard, King, 1989, p. 223.
- [60] Howard, King, 1989, p. 222.
- [61] Howard, King, 1989, p. 224.
- [62] Кпсi-Paz, 1978, p. 82.
- [63] Дойчер, 2006, с. 164.
- [64] Троцкий, 1906, с. 286.
- [65] Фельштинский, 2012, с. 88–89.
- [66] Münster, 1973, s. 12, 40.
- [67] Berend, 2016, p. 131.
- [68] Kingston-Mann, 1979, p. 439.
- [69] Howard, King, 1989, p. 225.
- [70] Фельштинский, 2012, с. [89].
- [71] Дойчер, 2006, с. 171.
- [72] Howard, King, 1989, pp. 237–238.
- [73] Фельштинский, 2012, с. [90].
- [74] Berend, 1998, pp. 203–204.
- [75] Pantsov, 2013, pp. 12–13.
- [76] Berend, 1998, p. 204.
- [77] Wistrich, 1982, p. 62.
- [78] Васецкий, 1990, с. 40.
- [79] Tetsch, 1973, s. 86–87.
- [80] Дойчер, 2006, с. 170.
- [81] Galai, 2002, pp. 73–74, 265.
- [82] Naarden, 2002, pp. 198–199.
- [83] Neumann, 2016, p. 76.
- [84] Гайдар, 2005, с. 286–287.
- [85] Skilling, 1961, p. 12.
- [86] Троцкий, 1906, с. 278.
- [87] Neumann, 2016, pp. 75–77.
- [88] Stites, 1988, p. 40.
- [89] Парвус, 1906.
- [90] Мартышин, 2016, с. [703].
- [91] Милюков, 1896–1898.
- [92] Berlin, 1960, pp. xv–xviii.
- [93] Rowney, 1977, p. 30.
- [94] Perrie, 1973, pp. 411, 413.
- [95] Billington, 2011, p. 640.
- [96] Thatcher, 2005, pp. 37–38.
- [97] Howard, King, 1989, pp. 225, 229–230.
- [98] Slavin, 1980, p. 73.
- [99] Larsson, 1970, p. 286.
- [100] Neumann, 2016, p. 74.
- [101] Saccarelli, 2008, p. 99.
- [102] Андерсон, 1991, с. 22.
- [103] Дойчер, 2006, с. 169.
- [104] Андерсон, 1991, с. 146, 128.
- [105] Дойчер, 2006, с. 173.
- [106] Дойчер, 2006, с. 161–162.
- [107] Дойчер, 2006, с. 172.
- [108] Маркс, 1955, с. 13.
- [109] Багатурия, 1983, с. 420–421.
- [110] Howard, King, 1989, p. 227.
- [111] Земан, Шарлау, 2007, с. [251].
- [112] Anweiler, 1975, p. 87.
- [113] Pantsov, 2013, p. 13.
- [114] Kingston-Mann, 1979, pp. 449–452.
- [115] Billington, 2011, pp. 468, 598.
- [116] Дойчер, 2006, с. 166.
- [117] Rowney, 1977, p. 31.
- [118] Васецкий, 1990, с. 439.
- [119] Twiss, 2015, p. 34.
- [120] Skilling, 1961, pp. 12, 29–30.
- [121] Pantsov, 2013, pp. 12–16.
- [122] Зародов, 1981, с. 233.
- [123] Meyer, 1957, pp. 140–144, 266–267.
- [124] Carr, 1951, pp. 53–63.
- [125] Plamenatz, 1954, pp. 283–287.
- [126] Фельштинский, 2012, с. 85–87.
- [127] Deutscher, 1973, p. 18.
- [128] Дэй, 2013, с. 229–234.
- [129] Thatcher, 2005, pp. 38–39.
- [130] Schurer, 1961, pp. 466–467, 471.
- [131] Тютюкин, Шелохаев, 1996, с. 75.
- [132] Тютюкин, 2002, с. 227.
- [133] Мартов, 1905.
- [134] Тютюкин, 2002, с. 228.
- [135] Мартынов, №90, 1905.
- [136] Мартынов, №93, 1905.
- [137] Мартынов, №95, 1905.
- [138] Тютюкин, 2002, с. 113.
- [139] Тютюкин, 2002, с. 116.
- [140] Тютюкин, 2002, с. 157–158.
- [141] Rowney, 1977, p. 33.
- [142] Schurer, 1961, pp. 470–471.
- [143] Thatcher, 2005, pp. 39–40.
- [144] Thatcher, 2005, pp. 40–42.
- [145] Рейман, 1994, с. 195–201.
- [146] Степанов, 1993, с. 160–163.
- [147] Орлова, 2017.
- [148] Васецкий, 1990, с. 414.
- [149] Straus, 1998, p. 295.
- [150] Carr, 1951, p. 58.

[151] Тютюкин, Шелохаев, 1996, с. 73–74.

[152] Троцкий, 1919, с. 4–5.

[153] Trotzki, 1909.

[154] Шерпер, 2005.

[155] Thatcher, 2005, pp. 36, 102.

[156] Тютюкин, Шелохаев, 1996, с. 74.

[157] Howard, King, 1989, p. 239.

[158] Heyman, 1976, p. 96.

[159] Sinclair, 1989, pp. 1245–1246.

[160] Nelson, 1988, p. 135.

[161] Trotsky, 1969, p. 25.

[162] Троцкий, 1922, предисловие, с. 8–9.

[163] Sinclair, 1989, pp. 22–23.

Литература

1. Андерсон П. Размышления о западном марксизме; На путях исторического материализма. – М.: Интер-Версо, 1991. – 271 с. – 10 000 экз. – ISBN 5-85217-009-7.

2. Багатурян Г. А. «Немецкая идеология» // Философский энциклопедический словарь / Гл. редакция: Л. Ф. Ильичёв, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалёв, В. Г. Панов. – М.: Советская энциклопедия, 1983. – 840 с. – 150 000 экз.

3. Васецкий Н. А. Л. Д. Троцкий: Политический портрет // К истории русской революции / Л. Д. Троцкий; Сост., авт. биограф. очерка и примеч. Н. А. Васецкий. – М.: Политиздат, 1990. – 447 с. – 150 000 экз. – ISBN 5-250-01372-4.

4. Гайдар Е. Т. Марксизм и подготовка идеологических основ социалистического эксперимента // Долгое время. Россия в мире: очерки экономической истории. – М.: Дело, 2005. – 656 с. – ISBN 5-7749-0389-3.

5. Р. Б. Дэи. Лев Троцкий и политика экономической изоляции = Leon Trotsky and the Politics of Economic Isolation / науч. ред. А. А. Бельх; пер. с англ. А. В. Бельх. – М.: Дело, 2013. – 469, [1] с. – (Экономическая история в прошлом и настоящем / Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации). – 1000 экз. – ISBN 978-5-7749-0766-3.

6. Дойчер И. «Перманентная революция» // Троцкий. Вооруженный пророк. 1879–1921. – М.: Центрполиграф, 2006. – 527 с. – ISBN 5-9524-2147-4.

7. Емельянов Ю. В. Среди волн революционной бури // Троцкий. Мифы и личность. – М.: Вече, 2003. – 477 с. – (Досье без ретуши). – ISBN 5-94538-345-7.

8. Зародов К. И. Ленинизм и современные проблемы перехода от капитализма к социализму. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Мысль, 1981. – 469 с.

9. Земан З., Шарлау У. Санкт-Петербург, 1905 // Кредит на революцию. План Парвуса. – М.: Центрполиграф, 2007. – 436 с. – ISBN 978-5-9524-2941-3.

10. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Собрание сочинений. – 2-е изд. – М.: Политиздат, 1955. – Т. 3. – 689 с.

11. Марксистская политическая и правовая мысль // История политических и правовых учений. Учебник / под общ. ред. О. В. Мартышина. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: «Прспект», 2016. – 800 с. – ISBN 9785392205615. – ISBN 978-5-392-20817-3.

12. Милоков П. Н. Очерки по истории русской культуры. 3 части = Очерки по истории русской культуры. – СПб.: Издание журнала «Мир Божий», 1896–1898. – 984 с.

13. Милоков П. Н. Очерки по истории русской культуры. – М.: Директмедиа Паблишинг, 2007. – 722 с. – ISBN 978-5-94865-218-4.

14. Парвус. Россия и революция. – СПб.: кн-во Н. Глаголева, 1906. – 264 с.

15. Тютюкин С. В. Меньшевики в начале революции // Меньшевизм: страницы истории. – М.: РОССПЭН, 2002. – 560 с. – 1500 экз. – ISBN 5-8243-0310-X.

16. Тютюкин С. В., Шелохаев В. В. Теория «перманентной» революции // Марксисты и русская революция (1905 – февраль 1917 г.). – М.: РОССПЭН, 1996. – 240 с. – 2000 экз. – ISBN 5-86004-041-5.
17. Фельштинский Ю., Чернявский Г. Концепция перманентной революции // Лев Троцкий. Книга 1. Революционер. 1879–1917 гг. – М.: Центрполиграф, 2012. – 448 с. – ISBN 978-5-227-03783-1.
18. Anweiler O. Rätebewegung in Russland, 1905–1921. – Knopf Doubleday Publishing Group, 1975. – 337 p. – ISBN 9780394471051. – ISBN 0394471059.
19. Berend I. T. The centrally planned economic system // An Economic History of Twentieth-Century Europe: Economic Regimes from Laissez-Faire to Globalization. – Cambridge University Press, 2016. – 368 p. – ISBN 9781107136427. – ISBN 1107136423.
20. Berend I. T. Decades of Crisis: Central and Eastern Europe Before World War II. – University of California Press, 1998. – 437 p. – ISBN 9780520206175. – ISBN 0520206177.
21. Berlin I. Introduction // Roots of revolution: a history of the populist and socialist movements in nineteenth century Russia = Il populismo Russo / Fr. Venturi. – Knopf, 1960. – 850 p. – ISBN 9781842122532. – ISBN 1842122533.
22. Billington J. H. Пожар в умах человеческих: происхождение Революционной веры = Fire in the Minds of Men: Origins of the Revolutionary Faith. – Transaction Publishers, 2011. – 677 p. – ISBN 9781412814010. – ISBN 1412814014. – ISBN 0-465-02405-X.
23. Brossat A. Aux origines de la révolution permanente: la pensée politique du jeune Trotsky. – F. Maspero, 1974. – 319 p. – (Les Textes à l'appui. Histoire contemporaine).
24. Carr E. H. The Man and the Instrument: 1905 and After // A History of Soviet Russia: The Bolshevik Revolution, 1917–1923. – Macmillan, 1951. – 557 p.
25. Deutscher I. Introduction // The Age of Permanent Revolution: A Trotsky Anthology. – New York: Dell Publishing, 1973. – 384 p.
26. Galai S. The birth of the democratic intelligentsia // The Liberation Movement in Russia 1900–1905. – Cambridge University Press, 2002. – 336 p. – (Cambridge Russian, Soviet and Post-Soviet Studies, Vol. 10). – ISBN 9780521526470. – ISBN 0521526477.
27. Howard M. C., King J. E. Trotsky on Uneven and Combined Development // A History of Marxian Economics. – Princeton University Press, 1989. – 374 p. – (Princeton Legacy Library, 1). – ISBN 9781400860524. – ISBN 1400860520.
28. Knei-Paz B. The Social and Political Thought of Leon Trotsky. – 1st. – Oxford University Press, 1978. – 652 p. – ISBN 9780198272335. – ISBN 0198272340.
29. Larsson R. Theories of Revolution: From Marx to the First Russian Revolution. – Stockholm: Almqvist och Wiksell, 1970. – 381 p. – (Acta Universitatis Upsaliensis: Skrifter utgivna av Statsvetenskapliga föreningen i Uppsala, Issues 51–53).
30. Lichtheim G. Marxian Socialism 1871–1918 // Marxism (RLE Marxism): An Historical and Critical Study. – Routledge, 2015. – 434 p. – (Routledge Library Editions: Marxism). – ISBN 9781317497004. – ISBN 1317497007.
31. Löwy M. Permanent revolution in Russia // The Politics of Combined and Uneven Development: The Theory of Permanent Revolution. – Haymarket Books, 2010. – 162 p. – ISBN 9781608460687. – ISBN 1608460681.
32. Mendel A. P. The Birth and Triumph of Russian Marxism // Dilemmas of progress in tsarist Russia: legal Marxism and legal Populism. – Harvard University Press, 1961. – 310 p. – (Russian Research Center studies, Vol. 43). – ISBN 978-0-674-42076-2.
33. Meyer A. G. Leninism. – 3rd. – Harvard University Press, 1957. – 324 p. – (Praeger university series; Russian Research Center studies, Vol. 26).
34. Münster A. Trotzki's Theorie der permanenten Revolution. – Luchterhand, 1973. – 119 p. – (Luchterhand Typoskript). – ISBN 9783472770183. – ISBN 347277018X.

35. Naarden B. 1905 a failed revolution in Russia // *Socialist Europe and Revolutionary Russia: Perception and Prejudice 1848–1923*. – Cambridge University Press, 2002. – 604 p. – (Perception and Prejudice 1848). – ISBN 9780521892834. – ISBN 052189283X.
36. Nelson H. W. Leon Trotsky and the Art of Insurrection, 1905–1917. – Routledge, Psychology Press, 1988. – 158 p. – (Cass Series on Politics and Military Affairs, Book 1). – ISBN 9780714632728. – ISBN 0714632724.
37. Neumann I. B. From the assassination of Tsar Alexander II to the First World War // *Russia and the Idea of Europe: A Study in Identity and International Relations*. – Taylor & Francis, 2016. – 232 p. – (New International Relations). – ISBN 9781317294702. – ISBN 131729470X.
38. Pantsov A. The Bolsheviks and the Chinese Revolution 1919–1927. – Routledge, 2013. – 352 p. – (Chinese Worlds). – ISBN 9781136828935. – ISBN 1136828931.
39. Plamenatz J. P. German Marxism and Russian Communism. – Longmans, Green & Co., 1954. – 356 p. – (Harper torchbooks).
40. Saccarelli E. Gramsci and Trotsky in the Shadow of Stalinism: The Political Theory and Practice of Opposition. – Routledge, 2008. – 320 p. – ISBN 9781135899806. – ISBN 1135899800.
41. Schultz H. Leo Trotzki, 1879–1940. Luzifer der Revolution // *Europäischer Sozialismus immer anders*. – Berliner Wissenschafts-Verlag (BWV), 2014. – 566 p. – ISBN 9783830533108.
42. Sinclair L. Trotsky. A Bibliography. 2 vol. – Camelot Press Ltd. – Brookfield: Gover Publishing Company, 1989. – 1350 p. – ISBN 0-85967-820-2.
43. Stites R. T. Revolution: Utopias in the Air and on the Ground. A new World // *Revolutionary Dreams: Utopian Vision and Experimental Life in the Russian Revolution*. – Oxford University Press, 1988. – 324 p. – ISBN 9780195363678. – ISBN 0195363671.
44. Straus K. M. Factory and Community in Stalin's Russia: The Making of an Industrial Working Class. – University of Pittsburgh Press, 1998. – 378 p. – (Pitt Russian East European). – ISBN 9780822977254. – ISBN 0822977257.
45. Tetsch H. Trozski: «Ergebnisse und Perspektiven» // *Die Permanente Revolution: Ein Beitrag zur Soziologie der Revolution und zur Ideologiekritik*. – Westdeutscher Verlag; Springer, 1973. – 256 p. – (Beiträge zur sozialwissenschaftlichen Forschung, 11). – ISBN 9783531111933. – ISBN 3531111930. – ISBN 978-3-663-01710-3.
46. Thatcher I. D. The Young Revolutionary // *Троцкий = Trotsky*. – Routledge, 2005. – 264 p. – (Routledge Historical Biographies). – ISBN 9781134572144. – ISBN 113457214X.
47. Thatcher I. D. Leon Trotsky and 1905 // *The Russian Revolution of 1905: Centenary Perspectives* / ed. A. J. Heywood, J. D. Smele. – Routledge, 2013. – 336 p. – (Routledge Studies in Modern European History, Vol. 9). – ISBN 9781134253302. – ISBN 1134253303.
48. Treadgold D. W. The West in Russia and China: Religious and Secular Thought in Modern Times. – Cambridge University Press, 1973. – 324 p. – ISBN 9780521097253. – ISBN 0521097258.
49. Trotsky L. The permanent revolution and Results and prospects. – 3rd. – Merit Publishers, 1969. – 281 p. – ISBN 0932323294. – ISBN 9780932323293.
50. Twiss T. M. The Socialist Movement and Post-Revolutionary Bureaucracy // *Trotsky and the Problem of Soviet Bureaucracy*. – Haymarket Books, 2015. – 502 p. – (Historical Materialism Book Series, Vol. 67). – ISBN 9781608464784. – ISBN 9789004269538.
51. Wistrich R. S. Trotsky : fate of a revolutionary. – New York: Stein and Day, 1982. – 235 p. – ISBN 9780812827743. – ISBN 0812827740.
52. Мартов Ю. О. На очереди. Рабочая партия и «захват власти», как наша ближайшая задача // *Искра* : газета. – 1905. – 17 марта (№ 93).
53. Мартынов А. Революционные перспективы // *Искра*. – 1905. – 3 марта (№ 90).
54. Мартынов А. Революционные перспективы // *Искра*. – 1905. – 17 марта (№ 93).
55. Мартынов А. Революционные перспективы // *Искра*. – 1905. – 31 марта (№ 95).
56. Орлова М. Еще раз вокруг гибели поэтессы Надежды Львовоы // *Октябрь : независимый литературно-художественный журнал*. – 2017. – № 4. – С. 171–179.

57. Парвус А. Итоги и перспективы // Искра. – 1905. – 27 января (№ 85). – С. 2–4.
58. Рейман М. Заметки по интерпретации 1917 года // Отечественная история : журнал / Институт российской истории РАН. – 1994. – № 4–5. – С. 195–204.
59. Степанов А. И. Место России в мире накануне Первой мировой войны // Вопросы истории : журнал / РАН. – 1993. – № 2. – С. 156–163.
60. Шеррер Ю. Революция без революционеров. 1905 год в современных российских школьных учебниках // Неприкосновенный запас : журнал. – 2005. – Т. 6, вып. 44. – ISSN 0869-6365.
61. Brahm H. Trockijs Aufrufe gegen Hitler 1930–1933 (нем.) // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. – 1963. – Bd. 11, H. 4. – S. 521–542. – ISSN 0021-4019.
62. Daniels R. V. Leon Trotsky (англ.) // Encyclopædia Britannica. – 2016. – 30 June.
63. Davies D. A. 1905. By Trotsky Leon. Translated by Bostock Anya. Studies in the Third World Books. New York: Random House, 1971. xxi, 488 pp. \$15.00. (англ.) // Slavic Review. – 1973. – December (vol. 32, iss. 4). – P. 817–818. – ISSN 0037-6779. – doi:10.2307/2495516.
64. Dunford M., Liu W. Uneven and combined development (англ.) // Regional Studies / Regional Studies Association. – 2017. – January (vol. 51, iss. 1). – P. 69–85. – ISSN 0034-3404. – doi:10.1080/00343404.2016.1262946.
65. Glenn J. Uneven and combined development: a fusion of Marxism and structural realism (англ.) // Cambridge Review of International Affairs. – 2012. – March (vol. 25, iss. 1). – P. 75–95. – ISSN 0955-7571. – doi:10.1080/09557571.2011.649245.
66. Heyman N. M. Leon Trotsky's Military Education: From the Russo-Japanese War to 1917 (англ.) // The Journal of Modern History. – 1976. – June (vol. 48, iss. S2). – P. 71–98. – ISSN 0022-2801. – doi:10.1086/241524.
67. Kingston-Mann E. Lenin and the Challenge of Peasant Militance: From Bloody Sunday, 1905 to the Dissolution of the First Duma (англ.) // The Russian Review. – 1979. – Vol. 38, iss. 4. – P. 434–455. – doi:10.2307/129123.
68. Perrie M. The Socialist Revolutionaries on «Permanent Revolution» (англ.) // Soviet Studies. – 1973. – Vol. 24, iss. 3. – P. 411–413. – ISSN 0038-5859.
69. Rowney D. K. Development of Trotsky's theory of revolution, 1898–1907 (англ.) // Studies in Comparative Communism. – 1977. – March (vol. 10, iss. 1). – P. 18–33. – ISSN 0039-3592. – doi:10.1016/S0039-3592(77)80072-0.
70. Schurer H. The Russian Revolution of 1905 and the Origins of German Communism (англ.) // The Slavonic and East European Review. – 1961. – Vol. 39, iss. 93. – P. 459–471.
71. Skilling H. G. Permanent or Uninterrupted Revolution: Lenin, Trotsky, and their Successors on the Transition to Socialism (англ.) // Canadian Slavonic Papers / Revue Canadienne des Slavistes. – 1961. – Vol. 5. – P. 3–30. – ISSN 0008-5006.
72. Slavin M. Review of Leon Trotsky; The Social and Political Thought of Leon Trotsky; With Trotsky in Exile: From Prinkipo to Coyoacán (англ.) // International Labor and Working-Class History. – 1980. – Spring (iss. 17). – P. 71–76. – doi:10.2307/27671315. – JSTOR 27671315.
73. Thatcher I. D. Uneven and combined development (англ.) // Revolutionary Russia. – 1991. – December (vol. 4, iss. 2). – P. 235–258. – doi:10.1080/09546549108575572.

Глава 19. «Новый курс»

Статья «Новый курс» была написана Львом Троцким и опубликована в советской газете «Правда» 11 декабря 1923 года. Впоследствии статья была дополнена новыми материалами и, под тем же названием, издана в СССР отдельной брошюрой.

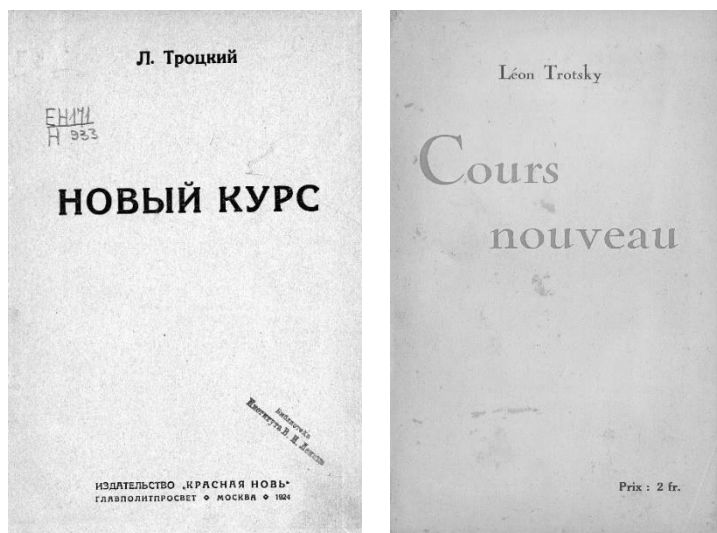

Рис. 49. Титульный лист брошюры «Новый курс» (М., 1924) и обложка французского перевода «Cours nouveau» (Б. Суварин, Париж, 1924).

В данной работе Троцкий излагал свои наблюдения на тему постепенной бюрократизации большевистской партии и предлагал, в качестве средства борьбы, демократизацию партийной жизни – с условием сохранения однопартийного строя в СССР в целом. Статья стала важным агитационным материалом и её идеи получили значительную поддержку в рядах большевиков, особенно в Москве. Мысли Троцкого оказались также популярны среди советской молодёжи.

Курс на «перераспределении власти внутри РКП(б)» вызвал ответную критику со стороны крупных советских руководителей. Они

увидели причиной появления данной работы личные конфликты Троцкого с «товарищами по партии». «Новый курс» был отвергнут на XIII-й партийной конференции, проходившей в январе 1924 года. Сторонники Троцкого были охарактеризованы участниками конференции как «мелко-буржуазное» течение в партии.

В последующие годы многие историки и политологи высказывали мнение, что отказ от «Нового курса» стал поворотной точкой в истории всего Советского Союза. Несмотря на политическое поражение наркома внутри СССР, его брошюра была впоследствии переведена на многие языки мира и неоднократно переиздавалась.

19.1. История и описание

Резолюция «О партстроительстве»

В 1923 году, с целью подготовки резолюции для XIII съезда РКП(б) о внутрипартийном положении, Политбюро коммунистической партии образовало комиссию в составе Льва Троцкого, Льва Каменева и Иосифа Сталина. Как позже писал сам Каменев, в кабинете Троцкого – к которому в те дни собирались все члены комиссии – «шла грубая торговля из-за каждой поправки» в текст важного документа. Троцкий стоял на позиции демократизации партийного режима, тогда как Каменев и Сталин считали, что «перестраховываться словесными заявлениями не следует» [1,2].

В результате работы данной трёхчленной комиссии была выработана резолюция «О партстроительстве». Она была утверждена 5 декабря на совместном заседании Политбюро и Президиума ЦКК, а затем и опубликована, с рядом сокращений, в советской печати. По мнению авторов четырёхтомной биографии Троцкого Юрия Фельштинского и Георгия Чернявского, резолюция состояла из набора общих фраз, которые «декларировали добрую волю по отношению к „сверхдемократическим“ претензиям Троцкого» [1,3]:

«Только постоянная, живая идейная жизнь может сохранить партию такой, какой она сложилась до и во время революции, с постоянным критическим изучением своего прошлого, исправлением своих ошибок и коллективным обсуждением важнейших вопросов.»

«Прекраснодушные лозунги» документа были почти полностью заимствованы из текстов Троцкого и он – по предположению Фельштинского и Чернявского – полагал, что одержал заметную политическую победу. В то же время, одновременно с принятием компромиссной резолюции, «высшие партаппаратчики» продолжили свои нападки на политические взгляды Троцкого и на него лично. В частности, в те дни член ЦК Григорий Зиновьев предложил сталинскому большинству сплотиться для дальнейшей борьбы с Троцким. Подписи Сталина, Томского, Каменева и Рыкова засвидетельствовали их согласие с предложением Зиновьева [1,4].

Газетная статья

В данных обстоятельствах 8 декабря 1923 года Троцкий написал статью под заголовком «Новый курс. (Письмо к партийным совещаниям)». В этом тексте он потребовал замены «оказавшейся и обюрократившейся части партаппарата свежими силами, тесно связанными с жизнью коллектива или способными обеспечить такую связь». Он говорил о силах, способных, по его выражению, на «критическую самодеятельность». Текст был зачитан в тот же день в Москве – на нескольких районных собраниях партийного актива [5,6].

Большевик Тимофей Сапронов, один из лидеров легальной группы (фракции) «демократического централизма» и левой оппозиция в РКП(б) и ВКП(б), утверждал, что вначале письмо было отправлено в Краснопресненский район – как наиболее крупный пролетарский район столицы. Причиной этого было то, что публикация в советских и партийных газетах задерживалась. Кроме того, сам Троцкий отправил письмо с текстом статьи в два пролетарских района: Рогожско-Симоновский и Замоскворецкий [7].

С задержкой в три дня, 11 декабря, Николай Бухарин – являвшийся главным редактором газеты «Правда» – решился, предположительно после консультации со Сталиным, опубликовать текст Троцкого в ключевом издании СССР. Профессор Николай Васецкий в 1990 году утверждал, что сам Троцкий настоял на публикации своей статьи. Газета «Петроградская правда», выходившая в Северной столице, опубликовала письмо на день позже, 12 декабря. Статья вышла на первой странице номера – но рядом с передовой статьёй, многозначительно озаглавленной «Под знаком единства» [8-11].

День публикации статьи-письма Троцкого пришёлся на день первого крупного поражения только формировавшейся оппозиции на собрании бюро ячеек и активных работников московской партийной организации. Уже 13 декабря в «Правде» появилась передовая статья «Наша партия и оппортунизм», написанная Бухариным, в которой Троцкий был представлен в образе оппортуниста. Нарком также обвинялся в том, что его текст противоречил резолюции Политбюро и является «антипартийной платформой» [6,8].

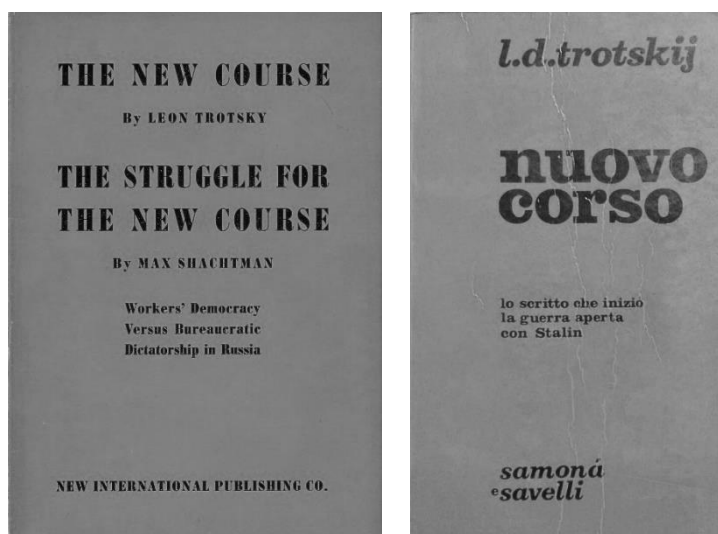

Рис. 50. Обложка английского перевода книги и работы «The Struggle for the New Course» (Борьба за новый курс); обложка итальянского перевода от издательства «Savonà e Savelli» под заглавием «Nuovo corso: lo scritto che iniziò la guerra aperta con Stalin» (Новый курс: произведение, которое положило начало открытой войне со Сталиным, 1967).

Сам Бухарин позднее объяснил появление своей ответной передовицы тем, что статья Троцкого вызвала у него «чувство глубочайшего изумления». Она была понята им как «объявление войны» со стороны наркома Троцкого и его сторонников [6,8].

Ещё через два дня, 15 декабря, всё в той же «Правде» появилась и статья Сталина под длинным заголовком «О дискуссии, о тов. Рафаиле, о статьях гг. Преображенского и Сапронова и о письме тов.

Троцкого». В своём тексте генеральный секретарь «пытался связать выступления Троцкого с позицией других оппозиционеров».

Также Троцкому припоминалось и его революционное прошлое: что он «бывший меньшевик» и «состоит в блоке с демократическими централистами». В тот же период Каменев прокомментировал публикацию «Нового курса» как возможность для его партийных оппонентов прикрыть свое наступление на партийную верхушку, используя для этого авторитет и известность Троцкого [1,7,12,13].

В результате дискуссия о демократизации партийной жизни вышла на поверхность. В советской печати следовали всё новые выступления Троцкого, Бухарина и других высших партийных руководителей – а на многочисленных партсобраниях по всему СССР велись дискуссии. 17 декабря было принято постановление Политбюро, опубликованное на следующий день, в котором впервые в отношении сторонников Троцкого употреблялся термин «оппозиция». Одновременно в том же постановлении говорилось, что работа Политбюро, партийных и государственных учреждений невозможна «без активнейшего участия тов[арища] Троцкого» [1,12].

Отдельная брошюра

Ещё 15 декабря 1923 года председатель редколлегии издательства «Красная новь» Борис Эльцин обратился к Троцкому с предложением опубликовать его текст в виде брошюры. Нарком согласился не сразу. Так 18 декабря Троцкий написал письмо в редакцию «Правды», в котором утверждал, что не отвечал «на некоторые специфические статьи, появившиеся за последнее время», в интересах партии [7,14].

Затем, в декабре 1923 года, он всё же опубликовал в «Правде» несколько статей, подвергавших критике «бюрократическое перерождение партийных и государственных органов». Среди его статей того периода были «Группировки и фракционные образования», «Вопрос о партийных поколениях», «Общественный состав партии», «Традиция и революционная политика» и ряд других текстов.

Данные статьи – вместе с некоторыми новыми материалами – Троцкий и включил в брошюру «Новый курс», вышедшую в январе 1924 года. Публикация отдельного издания произошла накануне сообщения о смерти главы Совнаркома Владимира Ленина [15,16].

19.2. Критика

Советские отзывы. «Литературная дискуссия»

После внутрипартийной дискуссии осени-зимы 1923 года статья Троцкого стала частью так называемой «литературной дискуссии» 1924 года. Поводом (толчком) к общесоветской дискуссии стала другая работа наркома – статья «Уроки Октября», написанная им как предисловие к третьему тому своего собрания сочинений, получившему название «Историческое подготовка Октября» [17].

Дискуссия постепенно охватывала всё больше советских лидеров. В частности, в неё вступил и Алексей Рыков, ставший председателем Совета народных комиссаров СССР после смерти Ленина. В своей вводной статье к сборнику «За ленинизм», напечатанной также в газетах «Правда» и «Известия» под заголовком «Новая дискуссия», Рыков писал о персональной мотивации Троцкого. Новый глава Совнаркома утверждал, что множество личных конфликтов Троцкого с товарищами по партии – описанные, по мнению Рыкова, в самом «Новом курсе» – произошли из-за попытки наркома подменить ленинизм своими собственными идеями, то есть – троцкизмом [18,19].

Критика печатных работ Троцкого в тот период постепенно набирала обороты: она была крайне острой и закончилась его отставкой с поста наркомвоенмора.

Анализ. Название и мотивы

По мнению профессора Баруха Кней-Паца, Троцкий выбрал заголовок «Новый курс» как отсылку к решению о «новом курсе», уже принятому партийным руководством ранее. Он сделал это, хотя полностью понимал, что в реальности провозглашение данного курса было лишь тактической уловкой в борьбе с ним лично. Кней-Пац также отмечал, что хотя позднее основной «атакой [со стороны Троцкого] на пост-ленинское руководство страны» считали историческую статью «Уроки Октября», именно «Новый курс» содержал более фундаментальный анализ текущих социальных проблем. Таким образом, «Новый курс» был более серьёзной критикой в адрес Сталина и

Зиновьева, нежели воспоминания о былых дореволюционных разногласиях в большевистском руководстве [20,21].

Возможность того, что озабоченность Троцкого вопросами демократии была продиктована личными политическими интересами (англ. *inspired by self-interest*), как это утверждали Иосиф Сталин и Александр Шляпников, не исключалась историком Томасом Твиссом. В то же время, наличие подписей Каменева и Сталина под резолюцией «О партстроительстве» показывало, по мнению Твисса, что проблема, о которой говорил Троцкий, существовала в реальности. Кроме того, свою роль могла сыграть и гордость наркома, уязвлённая в связи с серией его политических поражений последних лет [22-26].

Анализ «сталинизма»

Профессор Кней-Пац видел в данной работе Троцкого – написанной, когда Ленин ещё был жив, но борьба за роль его наследника уже началась – первую попытку привлечь внимание к советским проблемам. К тем явлениям в советской жизни, которые станут основными для критики СССР со стороны Троцкого в последующие за НЭПом, 1930-е, годы. Иначе говоря, книгу можно было рассматривать как введение в анализ Троцким такого понятия как «сталинизм» – см. его последующие книги «Преданная революция» и «Сталин» [20,21,27].

Профессор экономики Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе Нил Гарстон считал, что в своём призыве обратить внимание на бюрократизацию советской политической системы Троцкий «продолжал дело Ленина» (англ. *Trotsky starts where Lenin left off*). Различие между бывшими революционерами состояло в том, что Ленин воспринимал бюрократизм как пережиток старого (царского или имперского) режима. В то время как Троцкий считал бюрократизацию РКП(б) новым явлением – явлением, связанным с новыми задачами, вставшими перед большевиками уже после октября 1917 года [28-31].

Профессор Кней-Пац отмечал также, что сама тема соотношения между необходимостью сильного, избранного руководства революционной партии, с одной стороны, и одновременной необходимостью в массовом, демократическом движении, с другой, занимала Троцкого задолго до написания «Нового курса». Борьба Троцкого против большевиков, и Ленина лично, в начале 1900-х годов базировалась как раз на понимании того, что в рамках однопартийной системы власть

пролетариата может легко обернуться властью над пролетариатом — см. отдельную главу в следующей книге данной серии.

Но в 1917 году подобные опасения были забыты — или отброшены — будущим наркомом, оказавшимся рядом с Лениным в момент перехода власти к большевистской партии. При этом проблема авторитаризма дала о себе знать ещё при жизни и способности к активной работе Владимира Ильича — см. ленинскую статью «Как нам реорганизовать Рабкрин», написанную в январе 1923 года, накануне XII съезда партии. Проблема с бюрократизмом резко усилилась с ростом влияния Сталина и партийного аппарата, начавшихся после осложнения болезни и смерти Ленина [32].

Кней-Пац особо останавливался на определении демократизации, о которой много говорил Троцкий в «Новом курсе». Так демократизация по Троцкому ни в коем случае не включала в себя отказ от однопартийной системы. «Сам по себе этот факт [однопартийности] был для Троцкого незыблем». Он также не был готов отказаться от принципов централизма, с помощью которых партия фактически управляла огромной страной. Речь в «Новом курсе», таким образом, шла не о проблеме диктатуры одной партии, а о проблеме диктатуры внутри самой партии. Троцкий писал лишь о (пере)распределении власти внутри структур РКП(б) [33-35]:

«Ничто не может быть дальше от истины, чем представление о Троцком, в последовавших [за выходом статьи] спорах, как о голосе свободы и демократии, бьющемся против сил тьмы³¹.»

Более подробный анализ самого явления «советской бюрократии» был дан Троцким уже в 1930-е годы, когда он находился в вынужденной эмиграции. В «Новом курсе» давались лишь первые наброски этой новой сущности, под которой наркомвоенмор понимал власть административного аппарата как над страной, так и над партией. Он протестовал против явления, при котором из структуры, исполняющей решения, партаппарат становился центром их принятия.

³¹ Оригинальный текст на английском языке: «*Nothing could be further from the truth than to present Trotsky in the subsequent controversy as the voice of freedom and democracy striking out against the forces of darkness.*» [36]

Нарком не отрицал способность бюрократического режима, в рамках которого подчинённые бездумно исполняют указания вышестоящих, обеспечить удовлетворения некоторых потребностей общества: потребности в общественном порядке, стабильности, безопасности и так далее. При этом Троцкий считал, что подобный политический режим абсолютно исключал саму возможность достижения тех революционных идеалов, ради которых — по его мнению — и свершалась Великая Октябрьская социалистическая революция [37,38].

По Троцкому, бюрократизм — со свойственным ему по природе консерватизмом — «лелеет прошлое и настоящее, делая это за счет будущего» (англ. *It enshrined the past and present at the expense of the future*). Причём, постепенно наблюдавшаяся в СССР бюрократизация касалась как новых членов партии, пришедших в неё после 1917 года, так и «старой гвардии». Члены последней, несмотря на яркое прошлое, также постепенно превращались в «клику оппортунистов» [39,40].

Правда, данное неприятное и тревожное явление не считалось Троцким абсолютно необратимым [41,42]: «Только постоянное взаимодействие старшего поколения с младшим в рамках партийной демократии может сохранить “старую гвардию” как революционный фактор. Иначе старики могут окостенеть и незаметно для себя стать наиболее законченным выражением аппаратного бюрократизма».

Многочисленные критики работ наркома позже отмечали, что в «Новом курсе» Троцкий говорил лишь о бюрократизации, «инфицировавшей» большевистскую партию. В 1923–1924 годах он не говорил и не писал о бюрократии, правящей советской страной в целом. О ней революционер стал активно говорить много позднее, уже будучи изгнан из СССР и находясь в эмиграции [43].

Троцкий в «Новом курсе» обращал внимание на важные детали новой советской действительности, сформировавшиеся в годы НЭПа. Так он отмечал, что всё более распространённой становилась практика назначения губернских секретарей из Москвы — а не избрание их местными партийцами. После своего назначения из центра, аппаратчики начинали принимать решения по вопросам, лежавшим либо вне, либо на границе их компетенции. Характерно, что данная тенденция была отмечена наркомом ещё на XI съезде, проходившем в Москве в марте-апреле 1922 года. Тогда, в заключительном слове на XI съезде, Ленин подверг резкой критике выступления Преображенского, Осинского-Оболенского и Шляпникова, пытавшихся «ревизовать» линию

партии в проведении НЭПа – и вернуться к первоначальной политике времён «военного коммунизма» [29,44,45].

Меры борьбы с бюрократизацией

Среди мер, которые предлагал Троцкий для достижения внутрипартийной демократизации, были:

- (i) расширение массового базиса партии,
- (ii) увеличение доли рабочих среди членов РКП(б) и
- (iii) возможность критики «снизу» – критики руководства и ответственных партийных работников со стороны рядовых большевиков.

Троцкий хотел привлечь в партию больше молодёжи и допустить молодых коммунистов, с их новыми идеями и инициативами, до руководящих постов. Он признавал, что руководящие посты в те годы преимущественно занимали члены «старой гвардии» – то есть, большевики с дореволюционным стажем партийной деятельности [37,46].

Таким образом, именно партийная молодёжь признавалась Троцким как «вернейший барометр партии». Так советский профессор Николай Васецкий – который в 1987 году защитил диссертацию на соискание учёной степени доктора исторических наук по теме «Исторический опыт борьбы КПСС против троцкизма по проблемам строительства социализма и современность» – даже в 1990 году считал, что Троцкий в своей печатной работе «в некорректной форме затронул проблему поколений в партии» [10,33,47].

При этом использование любых внепартийных социальных сил для борьбы с бюрократизмом категорически отрицалось наркомом. Данное положение из «Нового курса» позже активно критиковалось исследователями мыслей и идей Троцкого. Особенно острой критикой данного положения занимались те, кто считал большевистскую партию – или как минимум её «сталинскую группу» – выразителем интересов исключительно советской бюрократии [48,49].

Профессор Кней-Пац полагал, что – сколь бы ярко ни звучали призывы Троцкого к демократизации – его основная цель была несколько иной. Основным мотивом, «пронизывающим „Новый курс“», была идея сохранения революционного духа в рядах большевиков. В то время как мировая революция – прежде всего в странах Западной Европы – всё никак не начиналась, Троцкому – по версии Кней-Паца

— начало казаться, что сама партия стала превращаться в «консервативную, институционализированную силу». В силу, стремящуюся сохранить то, что уже имелось (было достигнуто) в те годы. В силу, не готовую преследовать более амбициозные политические цели.

Демократизация партийной жизни, таким образом, становилась лишь инструментом для сохранения революционности среди самих большевиков. Под революционностью Троцкий понимал готовность своих однопартийцев не только сохранять власть, но и менять человеческое общество. Противоположностью подобной революционности наркомвоенмор как раз и считал бюрократизм [50].

В политической брошюре обсуждались и более приземлённые, конкретные цели, стоявшие в те годы перед советским руководством. Так выполнение плана по индустриализации в СССР и создание плановой экономики как таковой также требовали, по версии Троцкого, изменения всего наличествовавшего партийного режима [51].

Причины бюрократизации и фракционность

Причины начавшейся в СССР бюрократизации были слабо освещены на страницах «Нового курса», в котором больше говорилось об опасностях данного явления. Троцкий всё же отметил, что наблюдаемые факты не являлись наследием царского режима, Гражданской войны или военного коммунизма. В дополнение к этому он заявлял, что важнейшим источником бюрократизма в партии являлся государственный (советский) аппарат. Согласно Троцкому, централизм, авторитаризм и иерархия приносились в ряды большевиков партийцами, занятыми на государственной службе. На госслужбе же подобные явления существовали в связи с классовыми противоречиями в советском обществе периода НЭПа. Иначе говоря, именно на советской работе большевики обучались методам администрирования, которые позже выражались в бюрократизации и партийной жизни [52,53].

В «Новом курсе» Троцкий, по мнению профессоров Кней-Паца и Саккарелли, не отрицал партийную дисциплину и единство партии — в чём его позже неоднократно обвиняли политические оппоненты. Нарком лишь доказывал, что предпосылкой к настоящему единству и дисциплине является возможность свободного выражения своего мнения. Другой предпосылкой реального, а не формального единства являлась коллективность в принятии решений. Фракционность — или

возможность для меньшинства организованно отстаивать свою позицию – отрицалась Троцким на страницах книги неоднократно. Поскольку в этом случае, по его словам, классовая борьба была способна начаться уже в рамках самой партии [54-56].

Идея Троцкого в тот период заключалась в воссоздании «должной диалектики» между партией и массами. Как уже отмечалось выше, он совершенно не планировал создание фракций внутри правящей партии. И в этом своём видении нарком был близок к руководителю Итальянской коммунистической партии Антонио Грамши. Идея о возвращении многопартийности придёт бывшему наркому только в эмиграции – см. следующую главу [8,57-59].

При этом сама фракционность приписывалась наркомом как раз бюрократизму. Причиной подобной логики было то, что бюрократы, по Троцкому, образовывали отдельную касту внутри большевистской партии. Фракционность и бюрократизация были крайне опасными явлениями. За бюрократизацией, по версии наркома, могла последовать и реставрация капитализма в Советской России [60,61].

Именно о средствах борьбы с подобной фракционностью и писал нарком. Он полагал, что фракционностью нельзя было преодолеть формальными запретами – мотивируя это тем, что фракции попросту будут существовать подпольно (скрытно). Как средство преодоления распада партии на фракции, им предлагалось перейти от «бюрократического централизма» к «более стабильному режиму демократии» во внутрипартийной жизни [33]:

«Центр тяжести, неправильно передвинутый при старом курсе в сторону аппарата, ныне, при новом курсе, должен быть передвинут в сторону активности, критической самодеятельности, самоуправления партии... Кратко задачу можно сформулировать так: партия должна подчинить себе свой аппарат.»

Историк Фредерик Корни отмечал, что в «Новом курсе» Троцкий вновь вернулся к идеям, которые он ранее высказывал в своей теории перманентной революции (см. предыдущую главу). Нарком вынужден был сделать это отступление от основного повествования в ответ на обвинения в недооценке им роли крестьянства в революции. На страницах своей брошюры Троцкий пытался доказать, что его представления о роли крестьян всегда соответствовали «фундаментальной линии» большевистской партии в данном вопросе [62,63].

Критика Коминтерна

Профессор Саккарелли считал, что Троцкий в «Новом курсе», не сообщая об этом напрямую, критиковал и международное коммунистическое движение. Наркома не устраивала как внешняя политика Советской России того времени, в целом, так и роль Коммунистического интернационала (Коминтерна) в ней, в частности. В основе критики Троцкого лежала всё та же бюрократизации, только теперь на международном уровне. Критика была особенно чувствительной, поскольку именно Троцкий являлся автором «Манифеста Коммунистического Интернационала к пролетариям всего мира» — документа, принятого делегатами самого первого конгресса Коммунистического интернационала в марте 1919 года и являвшегося его программой.

По мнению Троцкого, администрирование национальных коммунистических партий из центра, располагавшегося в далёкой от места событий Москве, приводило к одной политической неудаче за другой. Прежде всего он имел в виду, разумеется, разгромленное Коммунистическое восстание в Германии в октябре 1923 года.

Тогда план исполнительного комитета Коминтерна предполагал осуществить вооружённое восстание с целью захвата власти немецкими коммунистами в Веймарской республике. Революция (или переворот) была запланирована на октябрь-ноябрь, но была предотвращена как в результате слабой организационной работы советских и германских коммунистов, так и в результате успешных превентивных оперативно-тактических действий военных частей из состава Рейхсвера. Так в Саксонии, где коммунисты вошли в правительство, с 21 по 27 октября в различных городах происходили вооружённые столкновения армии с членами компартии. При этом Рейхсвер, в отличие от коммунистов, действовал сам: без каких-либо прямых официальных распоряжений от правительства в Берлине³².

Кроме того, Троцкий отмечал, что подобное прямое администрирование из далёкой зарубежной столицы позволяло «буржуазным»

³² Данная проблема в советской внешней политике останется нерешённой и более чем два десятилетия спустя. См. об аналогичных проблемах советской делегации на Нюрнбергском процессе (1945–1946) в соответствующей книге этой серии.

правительствам выставлять местных коммунистов в качестве проводников интересов Кремля – «национал-предателей». См., например, приход национал-социалистов во главе с Адольфом Гитлером к власти в Германии в январе 1933 года [58,64].

19.3. Влияние

В период НЭПа в СССР, в 1920-х годах, группы партийных оппозиционеров использовали «Новый курс» Троцкого как важный агитационный материал. Сразу после публикации газетной статьи, «Новый курс» стал причиной дебатов среди большевиков. Основным оплотом оппозиционеров, поддерживавших идеи Троцкого, стала советская столица – Москва. Здесь во множестве партийных ячеек сторонники наркома получали почти половину, а часто – и простое большинство голосов членов ВКП(б). Детальные исследования, проведённые уже в начале XXI века, показывали, что как минимум четверть московских партийных ячеек встала на сторону Троцкого [65-70].

Дошла дискуссия и до советских заводских цехов. Так рабочие завода «Серп и молот», крупнейшего металлообрабатывающего завода столицы, во многом согласились с мнением наркома о текущей ситуации. Постепенная деградация связи между партией и пролетариатом, продолжавшая весь период НЭПа, была особенно хорошо видна на столь значимом промышленном объекте [65-70].

В провинции, включая такие ключевые города как столица УССР, Киев, «Новый курс» получил поддержку в тех партийных организациях, где были сконцентрированы большевистские диссиденты – оппозиционеры, переведённые в регионы из Москвы в качестве наказания. Кроме того, Троцкого поддерживали армейские и студенческие партийные организации по всему Союзу [71,72].

Сколь бы ни удивительным на первый взгляд было подобное явление, но значительной оказалась и поддержка Троцкого среди работников самого советского госаппарата. Историк Твисс и другие исследователи предполагали, что бюрократам импонировали не идеи о де-бюрократизации, а иные идеи, также изложенные в «Новом курсе». Перспективы масштабной индустриализации и организации

полноценного центрального планирования, изложенные революционером, могли понравиться многим ответственным работникам [73-76].

Ограниченность влияния «Нового курса», проявившаяся позднее, объяснялась исследователями тем, что Троцкий не сумел предложить быстродействующих мер для решению социальных вопросов в СССР. Прежде всего, в брошюре не было сказано о мерах против безработицы и низких зарплат советских заводских рабочих. Кроме того, позиция Льва Давидовича по вопросу о профсоюзах не были ещё забыты трудящимися. Трудовые армии, созданные им как во время, так и после Гражданской войны, также далеко не изгладились из памяти советских людей. В итоге его неожиданный поворот в сторону демократии вызывал понятное недоверие [29,77,78].

Контроль над центральными печатными органами также давал преимущества противникам наркома. Они сумели ограничить возможности оппозиционеров для выражения своего мнения и «утопили» их в потоке контробвинений. В результате, на XIII-й партийной конференции в январе 1924 года оппозиционеры получили только три места из 128-ми возможных. А их предложения были полностью отвергнуты. Сами они, часто действительно являвшимися оппозиционерами и в прошлом, были охарактеризованы как сторонники «мелко-буржуазного» течения в большевистской партии. Постепенно оппозиция начала терять свой вес и «для большинства в Политбюро Троцкий стал являться частью проблемы, а не её решения» [26,63,79-84].

Для ряда коммунистов отказ большевистской партии принять план Троцкого стал поворотной точкой в истории СССР. Они воспринимали разгром «Нового курса» как разделительную черту, отделявшей «эпохальные завоевания 1917 года» от эпохи «агонии упадка» Советской России, начавшейся за этим [85,86].

Многие из тех, кто поддержал Троцкого в конце 1923 года, лишились своих постов или даже партбилета. В частности, французский политический деятель Борис Суварин был исключён как из Французской коммунистической партии, так и из Коминтерна – где он являлся членом исполнительного комитета – как раз за попытку защитить взгляды Троцкого перед французскими коллегами по партии [69,87].

Владимир Антонов-Овсеенко потерял пост начальника Политуправления Реввоенсовета за выпуск циркуляра ПУР № 200 о «применении принципов внутрипартийной демократии в Красной армии». Циркуляр был составлен в духе «Нового курса». Пятнадцать

руководителей Российского коммунистического союза молодёжи (будущего Всесоюзного ленинского коммунистического союза молодёжи, ВЛКСМ) были переведены на работу в далёкую провинцию. Это позволило Политбюро вернуть себе большинство в данной основополагающей молодёжной организации [69,88,89].

Как ёмко написал автор книги «Крестьянский Брест, или предыстория большевистского НЭПа» российский историк, доктор наук Сергей Павлюченков в своей книге «Орден меченосцев», вышедшей в 2008 году, «сталинский аппарат сумел почти идеально организовать кампанию против оппозиции» [90].

19.4. Издания и переводы

После появления брошюры в советском издательстве «Красная новь», напечатавшем её совместно с Главполитпросветом в январе 1924 года, она была издана в том же году во Франции (в переводе Бориса Суварина), в Германии и в Чехословакии. Затем, в 1928 году, брошюра вышла в Испании. Уже после смерти Троцкого «Новый курс» издали в США: в Новом свете он вышел в сентябре 1943 года, в переводе Макса Шахтмана и совместно с работой самого Шахтмана «*The Struggle for the New Course*» (Борьба за новый курс). В Соединенном Королевстве английский перевод брошюры «Новый курс» был напечатан уже после смерти Сталина, в октябре 1956 года.

В итоге, по подсчётам автора библиографического сборника «*Trotsky. A Bibliography*» Синклера, к 1989 году увидели свет переводы «Нового курса», изданные в Японии (ноябрь 1963; см. п. 21.3), в Китае (1965), в Италии (март 1967). Автором предисловия к итальянскому изданию стал Сирио Ди Джулиомарии. Также книга Троцкого вышла в Швеции (май 1972) и в Югославии (СФРЮ/ФНРЮ, 1972) [91].

На сегодняшний день нет никаких свидетельств того, что «Новый курс» был переведён или опубликован на корейском языке. При этом история переводов произведений Троцкого на корейский началась в конце 1980-х годов. Так книга «Перманентная революция. Итоги и перспективы» (ёngu хёнмёнгва чонман, 영구 혁명과 전망) стала первой, появившейся в Южной Корее благодаря издательству «Синпхённон» (Sinp'yŏngnon, 신평론) в 1988 году. Издательство известно своей ролью

в распространении социалистической литературы, включая работы классиков марксистской мысли, таких как Ленин и Энгельс. Другие работы бывшего наркома, такие как «Преданная революция» (см. далее), были переведены Ким Сонхуном в середине 1990-х годов.

Примечания

- [1] Фельштинский, 2013, с. 13.
- [2] Thatcher, 2005, pp. 125–126.
- [3] Schröder, 1982, S. 270–272.
- [4] Broué, 1988, pp. 373–374.
- [5] Corney, 2015, p. 49.
- [6] Роговин, 1992, с. 128.
- [7] Резник, 2017, с. 288.
- [8] Роговин, 1992, с. 129.
- [9] Фельштинский, 2013, с. 14.
- [10] Васецкий, 1990, с. 41.
- [11] Резник, 2014, с. 151.
- [12] Роговин, 1992, с. 131.
- [13] Broué, 1988, p. 377.
- [14] Фельштинский, 2013, с. 13–14.
- [15] Corney, 2015, p. 50–51.
- [16] Фельштинский, 2013, с. 14–16.
- [17] Васецкий, 1990, с. 42.
- [18] Corney, 2015, pp. 31–32, 570.
- [19] Broué, 1988, p. 372.
- [20] Knei-Paz, 1978, p. 370.
- [21] Pethybridge, 1974, pp. 126, 297.
- [22] Carr, 1954, pp. 336–337.
- [23] Daniels, 1960, p. 231.
- [24] Daniels, 1960, p. 228.
- [25] Twiss, 2015, p. 121.
- [26] Thatcher, 2005, p. 126.
- [27] Knei-Paz, 1978, p. 369.
- [28] Garston, 2012, pp. 49–50.
- [29] Thatcher, 2005, p. 125.
- [30] Berlin, 1960, p. xviii.
- [31] Saccarelli, 2008, pp. 138–139, 266.
- [32] Knei-Paz, 1978, pp. 370–371.
- [33] Кружников, 2013, с. 114.
- [34] Knei-Paz, 1978, pp. 371–372.
- [35] Marot, 2012, p. 93.
- [36] Knei-Paz, 1978, p. 371.
- [37] Thatcher, 2005, p. 124.
- [38] Knei-Paz, 1978, pp. 373–374.
- [39] Knei-Paz, 1978, p. 375.
- [40] Twiss, 2015, pp. 123–124.
- [41] Кружников, 2013, с. 114–115.
- [42] Broué, 1988, p. 375.
- [43] Twiss, 2015, p. 123.
- [44] Twiss, 2015, pp. 122, 124.
- [45] Broué, 1988, p. 371.
- [46] Knei-Paz, 1978, p. 372.
- [47] Saccarelli, 2008, p. 264.
- [48] Cliff, 1991, pp. 11, 33, 35, 38.
- [49] Marot, 2012, pp. 93–96.
- [50] Knei-Paz, 1978, p. 373.
- [51] Twiss, 2015, pp. 122, 130.
- [52] Twiss, 2015, pp. 126–127.
- [53] Abensour, 2012, S. [23].
- [54] Knei-Paz, 1978, pp. 376–378.
- [55] Saccarelli, 2008, pp. 140–142, 266.
- [56] Twiss, 2015, p. 129.
- [57] Saccarelli, 2008, p. 266.
- [58] Twiss, 2015, p. 125.
- [59] Broué, 1988, pp. 376–377.
- [60] Knei-Paz, 1978, p. 378.
- [61] Twiss, 2015, p. 126.
- [62] Corney, 2015, pp. 12, 28.
- [63] Broué, 1988, p. 381.
- [64] Saccarelli, 2008, pp. 142–143.
- [65] Резник, 2014b, с. 179–180, 183.
- [66] Murphy, 2005, p. 165.
- [67] Murphy, 2001, pp. 332.
- [68] Pirani, 2008, p. 219.
- [69] Broué, 1988, p. 382.
- [70] Murphy, 2001, pp. 332–333, 346.
- [71] Павлюченков, 2008, с. 309.
- [72] Павлюченков, 2008, с. 318.
- [73] Twiss, 2015, pp. 130–131.
- [74] Carr, 1954, p. 324.
- [75] Daniels, 1960, pp. 227–228.
- [76] Cliff, 1991, pp. 44–45.
- [77] Carr, 1954, pp. 327–328.
- [78] Pirani, 2008, pp. 222–223.
- [79] Twiss, 2015, p. 131.
- [80] Carr, 1954, pp. 326–328.

- [81] Daniels, 1960, pp. 229–230.
 [82] Twiss, 2015, p. 132.
 [83] Carr, 1954, pp. 125–130, 333–341.
 [84] Daniels, 1960, pp. 223–224.
 [85] Corney, 2015, p. 82.
 [86] Broué, 1988, p. 383.
 [87] Corney, 2015, pp. 784–785.
 [88] Thatcher, 2005, p. 127.
 [89] Павлюченков, 2008, с. 320.
 [90] Павлюченков, 2008, с. 322.
 [91] Sinclair, 1989, p. 367.

Литература

1. Васецкий Н. А. Л. Д. Троцкий: Политический портрет // К истории русской революции / Л. Д. Троцкий; Сост., авт. биограф. очерка и примеч. Н. А. Васецкий. – М.: Политиздат, 1990. – 447 с. – 150 000 экз. – ISBN 5-250-01372-4.
2. Волюгонов Д. А. «Новый курс» // Троцкий. Политический портрет. – М.: АСТ, 1998. – Т. 2. – 416 с. – (Всемирная история в лицах). – ISBN 5-237-00974-3.
3. Павлюченков С. А. «Орден меченосцев». Партия и власть после революции. 1917–1929. – М.: «Собрание», 2008. – 463 с. – 500 экз. – ISBN 978-5-9606-0053-8.
4. Резник А. В. Троцкий и товарищи: левая оппозиция и политическая культура РКП(б). – СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2017. – 382 с. – (Эпоха войн и революций). – ISBN 978-5-94380-224-9.
5. Роговин В. З. Глава XVIII. «Новый курс» // «Троцкизм»: взгляд через годы. – М.: Терра, 1992. – 400 с. – (Была ли альтернатива?). – ISBN 5-85255-128-7.
6. Фельштинский Ю., Чернявский Г. «Новый курс» // Лев Троцкий. Книга 3. Оппозиционер. 1923–1929 гг. – М.: Центрполиграф, 2013. – 464 с. – ISBN 978-5-227-04064-0.
7. Abensour M. Vorwort zur zweiten Auflage // Demokratie gegen den Staat: Marx und das machiavellische Moment / пер. Andrea Hemminger. – Suhrkamp Verlag, 2012. – 269 p. – ISBN 9783518780107. – ISBN 3518780107.
8. Berlin I. Introduction // Roots of revolution: a history of the populist and socialist movements in nineteenth century Russia = Il populismo Russo / Fr. Venturi. – Knopf, 1960. – 850 p. – ISBN 9781842122532. – ISBN 1842122533.
9. Broué P. Débat sans Lénine // Trotsky. – Fayard, 1988. – 1105 p. – ISBN 9782213022123.
10. Carr E. H. A History of Soviet Russia: The interregnum. – Macmillan, 1954. – 392 p.
11. Cliff T. Trotsky. – New York: Bookmarks, 1991. – 306 p. – ISBN 9789004228658.
12. Corney F. C. Anatomy of a Polemic // Trotsky's Challenge: The 'Literary Discussion' of 1924 and the Fight for the Bolshevik Revolution. – Brill, 2015. – 856 p. – ISBN 9004306668.
13. Corney F. Telling October: Memory and the Making of the Bolshevik Revolution. – Cornell University Press, 2004. – 301 p. – ISBN 9780801489310. – ISBN 0801489318.
14. Daniels R. V. The Conscience of the Revolution: Communist opposition in Soviet Russia. – Harvard University Press, 1960. – 526 p. – ISBN 9781258149888. – ISBN 1258149885.
15. Di Biagio A. Democrazia e centralismo: la discussione sul «nuovo corso» nel Partito Comunista Sovietico. – Milano: il Saggiatore, 1978. – 254 p. – (Lo spazio politico, 7).
16. Garston N. Bureaucracy and Class Marxism // Bureaucracy: Three Paradigms. – Springer, 2012. – 245 p. – (Recent Economic Thought, Vol. 34). – ISBN 9789401113960. – ISBN 9401113963.
17. Knei-Paz B. Stalinism: The «New Course» // The Social and Political Thought of Leon Trotsky. – 1st. – Oxford University Press, 1978. – 652 p. – ISBN 9780198272335.
18. Marot J. E. Trotsky, the Left Opposition, and the Rise of Stalinism // The October Revolution in Prospect and Retrospect: Interventions in Russian and Soviet History. – Brill, 2012. – 274 p. – (Historical Materialism Book Series, Vol. 37). – ISBN 9789004228658. – ISBN 9004228659.

19. Murphy K. *Revolution and Counterrevolution: Class Struggle in a Moscow Metal Factory*. – Berghahn Books, 2005. – 234 p. – (International Studies in Social History, Vol. 6). – ISBN 9781571814296. – ISBN 1571814299.
20. Pethybridge R. *The Social Prelude to Stalinism*. – Springer, 1974. – 343 p. – ISBN 9781349019922. – ISBN 1349019925.
21. Pirani S. *The Russian Revolution in Retreat, 1920–24: Soviet Workers and the New Communist Elite*. – Routledge, 2008. – 312 p. – (BASEES/Routledge Series on Russian and East European Studies). – ISBN 9781134075492. – ISBN 1134075499.
22. Saccarelli E. *Gramsci and Trotsky in the Shadow of Stalinism: The Political Theory and Practice of Opposition*. – Routledge, 2008. – 320 p. – ISBN 9781135899806. – ISBN 1135899800.
23. Das «Leninaufgebot» von 1924 // *Arbeitschaft, Wirtschaftsführung und Parteibürokratie während der Neuen Ökonomischen Politik: Eine Sozialgeschichte der bolschewistischen Partei 1920–1928* / H.-H. Schröder. – Harrassowitz Verlag, 1982. – 412 p. – (Historische Veröffentlichungen: Forschungen zur osteuropäischen Geschichte, Bd. 31, ISSN 0067-5903). – ISBN 9783447022330. – ISBN 3447022337.
24. Sinclair L. *Trotsky. A Bibliography*. 2 vol. – Camelot Press Ltd. – Brookfield: Gover Publishing Company, 1989. – 1350 p. – ISBN 0-85967-820-2.
25. Thatcher I. D. *Trotsky on Trotsky* // Троцкий = Trotsky. – Routledge, 2005. – 264 p. – (Routledge Historical Biographies). – ISBN 9781134572144.
26. Twiss T. M. *Trotsky and the New Course* // *Trotsky and the Problem of Soviet Bureaucracy*. – Haymarket Books, 2015. – 502 p. – (Historical Materialism Book Series, Vol. 67). – ISBN 9781608464784. – ISBN 9789004269538.
27. Кружинов В. М. «Новый курс» Л. Д. Троцкого и большевистская элита Урала // *Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования*. – 2013. – Вып. 2. – С. 113–120. – ISSN 1562-2983.
28. Резник А. В. К истории троцкистской оппозиции низов // *Власть: общенациональный научно-политический журнал*. – 2014. – Вып. 5. – С. 149–152. – ISSN 2071-5358.
29. Резник А. В. Конфликтовать и контролировать: к изучению практик политической борьбы оппозиции в РКП(б) в 1923–1924 годах // *Вестник Пермского университета. Серия: История*. – 2014b. – Вып. 1 (24). – С. 175–185. – ISSN 2219-3111.
30. Daniels R. V. *Leon Trotsky* (англ.) // *Encyclopædia Britannica*. – 2016. – 30 June.
31. Murphy K. *Opposition at the Local Level: A Case Study of the Hammer and Sickle Factory* (англ.) // *Europe-Asia Studies*. – 2001. – March (vol. 53, iss. 2). – P. 329–350. – ISSN 0966-8136. – doi:10.1080/09668130020032325.

Глава 20. «Сталинская школа фальсификаций»

«Сталинская школа фальсификаций» (полное название «Сталинская школа фальсификаций: Поправки и дополнения к литературе эпигонов») является книгой Льва Троцкого, написанной бывшим советским наркомом в 1931 году. Работа представляет собой, в основном, сборник аутентичных документов за период с 1917 по 1927 год.

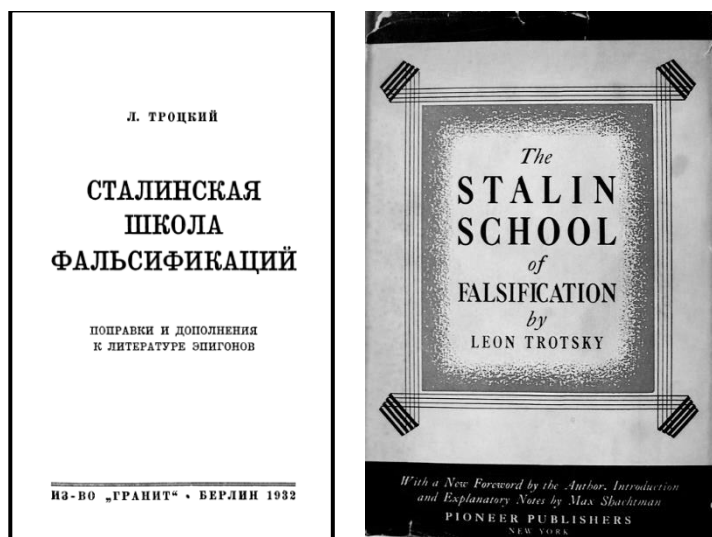

Рис. 51. Обложка первого берлинского издания книги «Сталинская школа фальсификаций» (1932) и (супер)обложка английского издания 1937 года.

Сборник был составлен автором в его попытке противостоять переписыванию исторических событий – прежде всего, связанных с Октябрьской революцией – активно начавшемуся в Советском Союзе в 1920-е годы. Искажения и прямые фальсификации происходили на фоне формирования в СССР культа личности Иосифа Сталина.

Книга была переведена на несколько языков. Она была впервые издана в Советском Союзе в 1990 году – хотя высказанные в ней положения использовались советскими авторами и ранее, но без какой-

либо ссылки на источник. Заголовок книги использовался многими историками для обозначения состояния советской историографии как в 1930-е, так и в последующие годы.

20.1. Описание и история

Книга Льва Троцкого «Сталинская школа фальсификаций» состоит из ряда подлинных исторических документов, а также – трёх неопубликованных речей самого Троцкого. Автор также включил в сборник его, так называемое, «письмо в Истпарт»: которое само по себе является весьма объёмным документом. Работа под сбором и подготовкой к публикации была закончена бывшим народным комиссаром (наркомом) в 1931 году. Составление проходило во время его вынужденной эмиграции в Турцию. Авторское предисловие было датировано тринадцатым сентября [1-3].

Работа Троцкого вышла в русскоязычном издательстве «Гранит», расположенном в Берлине, в 1932 году. В том же году появился и её немецкий перевод. Незадолго до этого бывший нарком опубликовал автобиографию «Моя жизнь», ставшую бестселлером, и продолжал усиленно работать над книгой «История русской революции». Но «бурные события», происходившие в те годы в СССР и связанные с концом НЭПа, заставили его отвлечься от своего исторического труда и переключиться на публикацию оригинальных документов периода революционных событий 1917 года [4-6].

К тому моменту советская власть успела изъять у граждан и централизовать основной массив документов, связанных с Октябрьской революцией. Этим лидеры СССР открыли для самих себя самые «безграничные возможности» для фальсификации революционной истории. В результате данной «операции», в Советском Союзе в период свёртывание НЭПа стали одна за одной появляться публикации, в которых искажалась как хронология революционных событий, так и состав их участников. При этом, многие действующие лица – в их числе был, разумеется, и сам Троцкий – получали «тенденциозные характеристики», а их суждения и действия дискредитировались [7,8].

Сам Троцкий на первых страницах писал о своей мотивации к составлению сборника как о вынужденной мере: «Меня не раз уже спрашивали десятки и сотни товарищей, почему я молчу и молчу в ответ

на совершенно вопиющие подделки истории Октябрьской революции и истории нашей партии, направленные против меня. Я совершенно не собираюсь здесь исчерпать вопрос об этих подделках: для этого пришлось бы написать несколько томов. Но позвольте в ответ на ваши анкетные запросы указать с десятков примеров того сознательного и злостного искажения вчерашнего дня, которое сейчас производится в самом широком масштабе, освящается авторитетом всяческих учреждений и даже вводится в учебники».

Эти «примитивизм и упрощенчество» и стали основной причиной подготовки Троцким своего опровержения. Общий план нового сборника был составлен им ещё на территории советского консульства в Константинополе, где он проживал сразу после изгнания из СССР. Непосредственным же поводом для публикации стал 50-летний юбилей Иосифа Сталина, вылившийся в «шумную политическую кампанию» прославления его роли в 1917 году [9-11].

В частности, тогда были опубликованы статья «Политическая биография Сталина» и текст Ворошилова «Сталин и Красная Армия». Документы были полностью выдержаны в духе только зарождавшейся, новой эпохи. Самому Троцкому в этой истории отводилась роль врага революции – он описывался как вечный оппозиционер и вольнодумец. Собственно, ответные статьи Троцкого и его сына – Льва Седова – и стали началом попытки разоблачить складывающийся вокруг Сталина культ личности (возвеличивания) [9,11]:

«Товарищ Сталин, как никто другой из больших людей, умел глубоко ценить работников, отдавших свою жизнь пролетарской революции, и это знали командиры, знали все те, кому приходилось под его руководством вести борьбу за наше дело. Таков товарищ Сталин в гражданской войне. Таким он остается и на протяжении последующих лет борьбы за социализм.

В гражданской войне товарищ Сталин в разнообразных и сложнейших условиях, обладая огромным талантом революционного стратега, всегда верно определял основные направления главного удара и, искусно применяя соответствующие обстановке тактические приемы, добивался желательных результатов. Это качество пролетарского стратега и тактика осталось за ним и после гражданской войны. Это его качество хорошо известно всей партии. Лучше всех об этом могли бы порассказать Троцкие и иже с ними, расплатившиеся своими боками за попытку подменить своей мелкобуржуазной идеологией великое

учение Маркса – Ленина. Не менее хорошо знают об этом и правые оппортунисты, только недавно потерпевшие полный разгром. Товарищ Сталин непрестанно ведет беспощадную войну со всеми врагами партии и строительства социализма в нашей стране».

Кроме того, Троцкий хотел внести вклад в начавшееся в тот период обсуждение его персональной роли в событиях октября 1917 года. Для этого он проводил прямое сравнение слов большевистских лидеров. Он сравнивал их заявления – самого Сталина, в частности – сказанных или написанных ими в 1918 году, с тем, что они же стали говорить и писать позднее [12].

20.2. Критика

Первоисточники

Историки Валентина Вилкова и Альберт Ненароков, участвовавшие в подготовке первого в СССР репринтного издания книги, в своём «Послесловии» 1990 года обращали внимание на близость данной работы к традиционным академическим сборникам документальных материалов – на её «документальную насыщенность». Причём часть ключевых первоисточников о событиях 1917 года не была к тому моменту введена в советский научный оборот. Это в особенности относилось к «Протоколу Всероссийского (мартовского) совещания партийных работников» и «Протоколу Петроградского комитета большевиков от 1 (14) ноября», освещавшим политические позиции Сталина, Ленина и Троцкого в непривычном для СССР свете. По мнению доктора наук, профессора кафедры истории СССР АГПИ, члена-корреспондента РАО Виталия Старцева, ключевые документы и их анализ «скрывались от советского читателя» многие десятилетия [13-15].

Отмечая «источниковедческую ценность» книги, Вилкова и Ненароков видели на её страницах и «личные переживания» бывшего наркома – «горечь [его] поражения» – которые приносили в суждения автора жёсткость и резкость. Не осталось ими незамеченным и частое апеллирование Льва Давидовича к ленинским документам начала 1920-х годов. Они интерпретировали это как попытку Троцкого подчеркнуть общность взглядов двух организаторов Октябрьской революции. Историки также отмечали «щепетильность» Троцкого в

отношении всех документов и использование им работ Ленина, не вошедших в официальные советские собрания сочинений. Речь шла о работах Ленина зачастую, попросту «выброшенных» при подготовке к печати многочисленных юбилейных сборников. Так в 1990 году предполагалось включить их в будущие ленинские сборники [13,16-18].

При этом Вилкова и Ненароков обнаружили в книге «недостаточную самокритичность» Троцкого в оценке ряда собственных взглядов и действий. Они обращали внимание позднесоветских читателей на «односторонность и тенденциозность» некоторых из его трактовок революционных и постреволюционных событий первого десятилетия 1917–1927 годов, включая и его позицию о НЭПе [18].

Американский журналист и писатель Юджин Лайонс, назвавший в 1937 году свой обзор двух книг Троцкого по истории революции «Не место для коммунистов», утверждал, что СССР стал зоной, смертельно опасной для коммунистов и разделяющих их идеи. Лайонс писал, что, возможно, СССР стал более опасной зоной для коммунистических деятелей, чем фашистская Италия или национал-социалистическая Германия. Несмотря на сохранение ленинских «ярлыков», Советский Союз превратился – по его мнению, основанному, в частности, на первоисточниках из работы Троцкого – во «враждебно антикоммунистическое» государство. Автор книги *«Foreign affairs bibliography: A selected and annotated list of books on international relations»* (1945), журналист и историк Роберт Гейл Вулберт (Robert Gale Woolbert) также писал на страницах американского политологического журнала «Форин афферс» (*Foreign Affairs*) о книге революционера. В октябре 1937 года он говорил о ней, как о новом произведении бывшего наркома, нацеленном на «опровержение лжи и искажений, распространённых сталинской диктатурой, о революционных достижениях Троцкого, которое автор подтверждает множеством документов» [19,20].

Троцкий, Ленин и Сталин в 1917 году

По мнению авторов четырёхтомной биографии Троцкого Юрия Фельштинского и Георгия Чернявского, книга позволяла «получить более сбалансированное представление» о важнейших вопросах, связанных с октябрьскими событиями 1917 года. В частности, из опубликованных материалов становились ясны разногласия, существовавшие в большевистском руководстве. Разногласия существовали между

вернувшимся из многолетней эмиграции Лениным, с одной стороны, и частью внутрироссийской партийной элиты – Сталиным, Каменевым и другими. Кроме того, из приведённых материалов становилось понятно, что уже в день своего первого после Февральской революции появления в Петрограде, Троцкий произносил речи «в основном в духе позиции Ленина». Биографы также добавляли, что Троцкому не удалось полностью завершить свою «обширную издательскую программу», частью которой являлась данная книга [21,22].

Философ Вадим Роговин обращал внимание на ту часть книги, в который приводится письменное свидетельство Карла Радека о сговоре Каменева, Зиновьева и Сталина с целью отстранение Троцкого от руководства партией – с этой целью ими было «изобретено» такое понятие как «троцкизм». Биограф Троцкого Исаак Дойчер был весьма краток. Он отзывался о книге просто как о «коллекции документов, запрещённых в Советском Союзе», подготовленной бывшим наркомом в первые месяцы своей заграничной ссылки [23,24].

Советско-российский биограф Троцкого, генерал Дмитрий Волкогонов считал данную работу «весьма убедительной» иллюстрацией «переделки» недавней истории, происходившей в СССР в 1920–1930-е годы. Обвинения со стороны Троцкого, которые он выдвигал в адрес сталинского руководства СССР, были основаны на множестве документов и аутентичных материалов. Бывший нарком напрямую называл имена «терелицовщиков»: это Сталин, Зиновьев, Бухарин, Ярославский, Ольминский и Луначарский. Генерал Волкогонов также отмечал попытку Троцкого разъяснить свою позицию по поводу Брест-Литовских переговоров и последовавшего за ними мира с Германией. См. следующую книгу данной серии.

Брестский мир стал одним из основных аргументов в кампании по дискредитации бывшего главы Красной Армии, а целью всей кампании было возвышение исторической роли Сталина в 1918 году. Многочисленные советские исследователи, критиковавшие позицию Троцкого в вопросе о «похабном мире», зачастую не имели доступа к критикуемым ими документам – вплоть до 1990 года [8,25].

Автор биографии Троцкого Ян Тэтчер ставил «Сталинскую школу» в один ряд с автобиографией наркома и его «Историей русской революции». Тэтчер утверждал, что все три произведения фокусируют внимание читателя на постепенном «схождении» взглядов Ленина и Троцкого в период Первой мировой войны [26].

Исследователь советской историографии из Королевского колледжа Кембриджского университета Джон Барбер отмечал в 1976 году, что данной работой Троцкий «атаковал» также и советский Институт Ленина, а кроме того – и Комиссию по истории Октябрьской революции и РКП(б). Американский историк Клейтон Блэк, исследовавший историю Путиловского завода в первые годы советской власти, утверждал, что в книге Лев Давидович также защищал себя и от обвинений со стороны главы Совнаркома Алексея Рыкова, выдвинутых в 1927 году. Обвинения заключались в том, что Троцкому, согласно Рыкову, принадлежала идея закрытия Путиловского завода. Документы, однако, показывали, что сам Рыков вынес этот вопрос на заседание Политбюро большевистской партии [27-29].

20.3. Влияние на другие работы

Историки Вилкова и Ненароков отмечали, что многие факты и документы – наряду с некоторыми «оценочными положениями», содержащимися в книге Троцкого – к 1990 году уже широко использовались как специалистами и учёными, так и публицистами в СССР. При этом, как правило, без ссылки на первоисточник и без указания имени автора – являвшегося, согласно официальной советской историографии, «злейшим врагом социализма» [30].

Академик Павел Волобуев использовал название книги Троцкого для обозначения совокупности причин, по которым – несмотря на многие десятилетия исследований и огромное количество написанных работ – история Октябрьской революции не являлась, по состоянию на 1992 год, ни «научной», ни «правдивой». В то же время, в ведущих западных исторических журналах ссылки на работу Троцкого к тому моменту стали массовым явлением. Так заголовок книги использовался многими авторами для обозначения состояния советской историографии как в 1930-е, так и в последующие годы [31-36]. То же заголовок использовался и для описания тех «атак», которым подвергался сам бывший нарком со стороны Сталина и его сторонников. Причём, даже некоторые современные биографии Льва Давидовича «удостаиваются» подобной оценки [37-40].

Название книги постепенно вышло далеко за пределы политических дискуссий конца НЭПа. Оно стало применяться далеко не только к соратникам Сталина. Так российский историк Александр Панцов использовал аналогичный заголовок для своей статьи, содержавшей критику исторических работ генерала Дмитрия Волкогонова и своего коллеги Николая Васецкого. В итоге термин «сталинские эпигоны» начал жить своей собственной жизнью – в отрыве от имени Троцкого [41].

С практической точки зрения, сборник Троцкого был весьма полезен всем тем, кто интересовался историей Октября и НЭПа. В частности, почти сразу после издания в СССР книги «Сталинская школа фальсификаций» в печати стали появляться статьи советских – а затем и российских – историков, цитировавших документы, представленные революционером в своём сборнике [42].

20.4. Переиздания и переводы

К 1989 году книга была переведена на английский язык под заголовком «*The Stalin school of falsification*» (1937) и на немецкий язык под заголовком «*Die Fälschung der Geschichte der Russischen Revolution*». Она также вышла и на японском языке. В тому же году «Сталинская школа фальсификаций» была опубликована на английском в Индии. Здесь она вышла в составе юбилейной серии из восьми работ Троцкого, составленной индийскими социалистами в связи с пятидесятилетием образования Четвёртого интернационала [4,43].

В 1989–1990 году книга Троцкого легально вышла в СССР в издательстве «Наука». Тираж составил двести тысяч экземпляров. Публикации отдельного тома предшествовал выход журнальной версии данной работы, состоявшийся на страницах журналов «Вопросы истории»: номера с седьмого по девятый [44], по другим данным – номера с седьмого по десятый, а также, двенадцатый [15,45]. Журнальная версия выходила и в журнале «Коммунист» [46].

При этом, наряду с «Новым курсом», именно «острейшая» «Сталинская школа...» стала первой за более чем полвека (62 года) официально изданной в СССР работой бывшего наркома. И в XXI веке новым переизданиям книги Льва Троцкого уделяет внимание мировая социалистическая пресса [47-49].

Примечания

- [1] Волкогонов, 1998, с. 281.
- [2] Фельштинский, 2013, с. 501.
- [3] Вилакова, 1990, с. 293.
- [4] Sinclair, 1989, pp. 605, 1292.
- [5] Черняев, 2014, с. 179.
- [6] Вилакова, 1990, с. 293–294.
- [7] Вилакова, 1990, с. 294.
- [8] Волкогонов, 1998, с. 281–282.
- [9] Вилакова, 1990, с. 295–296.
- [10] Фельштинский, 2013, с. 7.
- [11] Twiss, 2015, pp. 292, 297–298.
- [12] White, 1985, с. 331.
- [13] Вилакова, 1990, с. 301.
- [14] Вилакова, 1990, с. 293, 296–297.
- [15] Старцев, 1991, с. 337.
- [16] Вилакова, 1990, с. 297.
- [17] Роговин, 1992, с. [123], [267].
- [18] Вилакова, 1990, с. 302.
- [19] Lyons, 1937, с. 6.
- [20] Woolbert, 1937, с. 186.
- [21] Чернявский, 2010, с. 177.
- [22] Фельштинский, 2013, с. 8.
- [23] Роговин, 1992, с. [126].
- [24] Дойчер, 1991, с. 98.
- [25] Наумов, Рябов, Филиппов, 1989, с. 53.
- [26] Thatcher, 2000, p. 75.
- [27] Barber, 1976, с. 40.
- [28] Большакова, 2004, с. 70–73.
- [29] Black, 2000, p. 411.
- [30] Вилакова, 1990, с. 293, 298.
- [31] Volobuev, Schultz, 1992, p. 566.
- [32] Johnstone, 1992, p. 3.
- [33] Loughran, 2017, p. 221.
- [34] Rappaport, 1999, p. 127.
- [35] Suny, 1985, p. 349.
- [36] Bailey, 1955, pp. 24–26.
- [37] Smith, Worley, 2014, p. 25.
- [38] Slusser, 1977, p. 410–411.
- [39] Cox, 1992, p. 95.
- [40] North, 2007.
- [41] Broué, 2002, p. 9, 20–21.
- [42] Орлов, 1991, с. 413, 422.
- [43] Antar Rashtriya Prakashan, 1989, p. 350.
- [44] Danilov, Porter, 1990, с. 146.
- [45] Вопросы истории, 1989, с. 184.
- [46] Вилакова, Ненароков, 1990, с. 300–301.
- [47] Danilov, Porter, 1990, p. 137.
- [48] Cox, 1992, p. 96.
- [49] Lamont, 2004.

Литература

1. Вилкова В. П., Ненароков А. П. Послесловие // Сталинская школа фальсификаций. Поправки и дополнения к литературе эпитонов / А. Троцкий, Академия наук СССР. – М.: Наука, 1990. – 336 с. – 200 000 экз. – ISBN 5-02-008598-7.
2. Волюгонов Д. А. Троцкий. Политический портрет. – М.: АСТ, 1998. – Т. 2. – 416 с. – (Всемирная история в лицах). – ISBN 5-237-00974-3.
3. Дойчер И. Троцкий в изгнании: пер. с англ. – М.: Политиздат, 1991. – 590 с. – 150 000 экз. – ISBN 5-250-01472-0.
4. Наумов В., Рябов В., Филиппов Ю. Об историческом пути КПСС в свете нового мышления // Страницы истории КПСС: Факты. Проблемы. Уроки / ред. В. И. Купцов. – М.: Высшая школа, 1989. – Т. 2. – 704 с. – ISBN 5-06-001971-3.
5. Роговин В. З. Глава XXVIII. Рождение мифа о «троцкизме» // «Троцкизм»: взгляд через годы. – М.: Терра, 1992. – 400 с. – (Была ли альтернатива?). – ISBN 5-85255-128-7.
6. Старцев В. И. Второй раунд смертельной схватки // Уроки Октября (с приложением критических материалов 1924 года) / А. Д. Троцкий; сост. Ю. А. Прохвятилов. – СПб.: Лен-издат, 1991. – 366 с. – (История КПСС и российской социал-демократии: обращаясь к истокам). – 25 000 экз. – ISBN 5-289-01025-4.
7. Фельштинский Ю., Черняев Г. Начало литературной деятельности в эмиграции // Лев Троцкий. Книга 4. Враг № 1. 1929–1940 гг. – М.: Центрполиграф, 2013. – 544 с. – 2500 экз. – ISBN 978-5-227-04154-8.
8. Черняев Г. Троцкий. – М.: Молодая гвардия, 2010. – 665 с. – (Жизнь замечательных людей). – 5000 экз. – ISBN 978-5-235-03369-6.
9. Черняев В. Троцкий // Критический словарь русской революции. 1914–1921 = Critical companion to the Russian revolution: 1914–1921 / Э. Акстон, V. Г. Розенберг, В. Ю. Черняев (сост.). – 2-е изд., испр. и доп. – СПб.: Нестор-История, 2014. – 768 с. – 1000 экз. – ISBN 978-5-4469-0360-3.
10. Against the Grain: The British Far Left from 1956 (англ.) / ed. E. Smith, M. Worley. – Oxford University Press, 2014. – 269 p. – (Manchester University Press Series). – ISBN 978-0-7190-9590-0.
11. Broué P. Gorbachev and history // New Directions in Soviet History (англ.) / ed. Stephen White. – New York: Cambridge University Press, 2002. – 228 p. – (International Council for Central and East European Studies). – ISBN 9780521893435.
12. Gilbert F., Large D. C. The End of the European Era: 1890 to the Present (англ.). – 6th. – New York: W. W. Norton & Company, 2008. – 666 p. – (The Norton History of Modern Europe). – ISBN 978-0-393-93040-5.
13. Johnstone M. Trotsky Reassessed (англ.). – Socialist History Society, 1992. – Vol. 87. – 36 p. – (Our history).
14. Loughran T. A Practical Guide to Studying History: Skills and Approaches (англ.). – Bloomsbury Publishing, 2017. – 352 p. – ISBN 978-1-4725-3009-7.
15. North D. Leon Trotsky & the Post-Soviet School of Historical Falsification (англ.). – Mehrging Books, 2007. – 96 p. – ISBN 978-1-893638-02-0.
16. Rappaport H. Joseph Stalin: A Biographical Companion (англ.). – Bloomsbury Publishing, 1999. – 372 p. – (Biographical Companions Series). – ISBN 978-1-57607-084-0.
17. Sinclair L. Trotsky. A Bibliography. 2 vol (англ.). – Camelot Press Ltd. – Brookfield: Gover Publishing Company, 1989. – Vol. 1, 2. – 1350 p. – ISBN 0-85967-820-2.
18. Thatcher I. Leon Trotsky and World War One: August 1914 – February 1917 (англ.). – Springer, 2000. – 262 p. – ISBN 978-1-4039-1396-8.

19. Twiss T. M. Trotsky and the Problem of Soviet Bureaucracy (англ.). – Haymarket Books, 2015. – 502 p. – (Historical Materialism Book Series, ISSN 1570-1522, Vol. 67). – ISBN 978-1-60846-478-4. – ISBN 1-60846-478-4.
20. Алфавитный указатель материалов, опубликованных в журнале в 1989 году // Вопросы истории. – 1989. – С. 183–189. – ISSN 0042-8779.
21. Большакова О. В. Блэк К. Ответить за вакханалию: управление, власть и Путиловская тракторная программа, 1928–1930 // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 5: История. Реферативный журнал. – 2004. – Вып. 4. – С. 70–76. – ISSN 2219-875X.
22. Орлов Б. Накануне большого террора: Армия и оппозиция // Cahiers du Monde russe et soviétique. – 1991. – Июль (т. 32, вып. 3). – С. 409–423. – JSTOR 20170783.
23. Bailey S. D. Stalin's Falsification of History: The Case of the Brest-Litovsk Treaty (англ.) // The Russian Review. – 1955. – January (vol. 14, iss. 1). – P. 24–35. – doi:10.2307/126074.
24. Barber J. Stalin's Letter to the Editors of Proletarskaya Revolyutsiya (англ.) // Soviet Studies. – 1976. – January (vol. 28, iss. 1). – P. 21–41.
25. Black Cl. Legitimacy, Succession, and the Concentration of Industry: Trotsky and the Crises of 1923 Re-Examined (англ.) // Russian History / Histoire Russe. – 2000. – Winter (vol. 27, iss. 1). – P. 397–416. – ISSN 1876-3316. – doi:10.1163/187633100X00137.
26. Cox M. Trotsky and His Interpreters; or, Will the Real Leon Trotsky Please Stand up? (англ.) // The Russian Review. – 1992. – January (vol. 51, iss. 1). – P. 84–102. – doi:10.2307/131248.
27. Danilov V., Porter C. We Are Starting to Learn about Trotsky (англ.) // History Workshop. – 1990. – Spring (iss. 29). – P. 136–146.
28. Jones J. The fake photographs that predate Photoshop (англ.) // The Guardian. – 2012. – 29 August.
29. Lamont S. How Stalin falsified history of Russian Revolution (англ.) // The Militant. – 2004. – 23 November (iss. 68, no. 43).
30. Lyons E. No Place for Communists (англ.) // The Saturday Review. – 1937. – 14 August (vol. 16). – P. 6. – ISSN 0036-4983.
31. Slusser R. M. On the Question of Stalin's Role in the Bolshevik Revolution (англ.) // Canadian Slavonic Papers / Revue Canadienne des Slavistes. – 1977. – December (vol. 19, iss. 4). – P. 405–416.
32. Suny R. G. History From the Outside in: Local and Non-Russian Perspectives – the Case of Georgia (англ.) // Russian History. – 1985. – Vol. 12, iss. 1. – P. 349–354. – ISSN 1876-3316. – doi:10.1163/187633185X00170.
33. To commemorate 50 years... (англ.) // Economic and Political Weekly / Antar Rashtriya Prakashan. – 1989. – 18 February (vol. 24, iss. 7). – P. 346–350. – JSTOR 4394399.
34. Volobuev P. V., Schultz K. S. Perestroika and the October Revolution in Soviet Historiography (англ.) // The Russian Review. – 1992. – October (vol. 51, iss. 4). – P. 566–576. – doi:10.2307/131046.
35. White J. D. Early Soviet Historical Interpretations of the Russian Revolution 1918–24 (англ.) // Soviet Studies. – 1985. – July (vol. 37, iss. 3). – P. 330–352.
36. Woolbert R. G. Recent Books on International Relations (англ.) // Foreign Affairs. – 1937. – October (vol. 16, iss. 1). – P. 176–192. – doi:10.2307/20028837.

Глава 21. «Преданная революция»

«Преданная революция: Что такое СССР и куда он идёт?» — книга о состоянии СССР в 1930-е годы, написанная Львом Троцким в 1936 году. Является одним из наиболее значительных и влиятельных произведений революционера.

Рис. 52. Обложка первого советского издания книги «Преданная революция» (1991) и обложка тринадцатого издания французского перевода под заглавием «La Révolution trahie» (Грассе, 2004).

В работе проводится анализ советского политического режима — он определяется как «деформированное рабочее государство» и «бюрократический абсолютизм» — а также прогнозируется его дальнейшее развитие. Здесь же Троцким проводятся параллели между сталинским СССР и нацистской Германией, а также — делается прогноз о грядущей войне между этими двумя политическими режимами. Книга активнейше критиковала «сталинизм» как политическое и экономическое

явление, отличая его от предшествующих советских периодов — как от военного коммунизма, так и от НЭПа.

С момента первого издания работа Троцкого была переведена на многие языки. Она была впервые издана в Советском Союзе в самом конце его существования, в 1991 году.

21.1. Описание и история

Данная работа была написана Львом Троцким при содействии его сына — Льва Седова — в период «норвежского затворничества» революционера. Речь идёт о периоде после высылки бывшего наркома из СССР — о периоде его вынужденной эмиграции в Норвегии. Полноценной книге предшествовала масса статей и серия писем на тему Советской России, составленных автором [1-3].

Исходное название книги, изданной впервые в 1936 году, было «Преданная революция». В первом же русскоязычном издании в Париже она называлась «более академично» — «Что такое СССР и куда он идёт?» [4,5]. Текст русского и иностранных изданий несколько отличается — прежде всего за счёт дополнений автора, сделанных весной 1937 года. Это часто приводит к путанице: зачастую работу Троцкого, выпущенную под разными заголовками, считают двумя разными произведениями бывшего наркома [6-8].

Книга была подготовлена к печати всего за несколько недель до начала Первого московского процесса над «троцкистами». Задачу данной книги Троцкий ставил так: «правильно оценить то, что есть, чтобы лучше понять то, что становится». Сам автор оценил данную работу как «главное дело своей жизни» [9,10].

Едва рукопись книги была представлена во Франции — в издательстве «Грассе» (Грасси)³³ — она оказалась в поле зрения седьмого отдела

³³ Издательство «Грассе» (фр. *Éditions Grasset*) — французское издательство, основанное в 1907 году Бернаром Грассе. В 1911–1912 годах молодое издательство становится успешным благодаря публикации сразу нескольких книг, получивших впоследствии престижную Гонкуровскую премию. В 1913 году Бернар Грассе издал за счёт автора первую часть романного цикла Марселя Пруста, «По направлению к

298

ГУГБ СССР. По информации советско-российского биографа Троцкого, генерала Дмитрия Волкогонова, подробные сведения о предполагаемой публикации – и переводе сразу на несколько европейских языков – были доложены советскому руководству. Фрагменты рукописи, а возможно и полный текст книги, оказались в Москве ещё до её официального издания [11].

21.2. Критика

О сталинизме

Профессор Барух Кней-Пац охарактеризовал работу Льва Троцкого как «основное произведение о сталинизме». Он также обращал внимание на «подзаголовок» книги, ставший её вторым названием: предполагается, что это и есть главный вопрос, интересовавший знаменитого революционера в тот исторический период. Авторы четырёхтомной биографии Троцкого Юрий Фельштинский и Георгий Чернявский называли книгу «Преданная революция» «одной из наиболее значительных работ» бывшего наркома, посвящённых положению дел в СССР в 1930-е годы [4,12,13].

С этим мнением в 1990 году соглашался и историк Юрий Емельянов, называя данную книгу наиболее полным и значительным произведением Льва Давидовича, в котором суммируется как оценка СССР, так и мирового развития в общем. Книгу можно было назвать «политическим завещанием» революционера, в котором «проявляются как слабость, так и сила мышления Троцкого» [14,15].

Несколько иного мнения придерживался историк и генерал Волкогонов: он, ссылаясь на суждение Виктора Сержа, называл книгу

Свану», после того как данную рукопись отвергли другие издательства. Начиная с 1920 года Грассе публиковал «четверых М»: Моруа, Мориака, Монтерлана и Морана. Затем к этим авторам добавились Кокто, Радиге, Сандар, Гесенно, Жионо, Супо, Рамю и Мальро. В 1921 году издательство начало публиковать свою серию под названием «Зелёные тетради» (фр. *les Cahiers verts*), которая имеет огромный успех у читателей. В 1929 году газета «Нью-Йорк Таймс» писала о самом господине Грассе как о «крупнейшем издателе» Франции.

яростной, но громоздкой и написанной наспех. Он также говорил о ней, как о произведении, наполненном многочисленными пророчествами, жёсткими оценками и категорическими – но зачастую противоречивыми – выводами. В то же время Волкогонов считал, что именно «Преданная революция» – название которой он иногда передавал как «Революция предана» – окончательно убедила Иосифа Сталина в особой опасности Троцкого. Даже в далёкой эмиграции «силой своего пера... Троцкий был способен постоянно наносить идеологические, литературные удары...» [16-18].

Советский и российский писатель, историк, кандидат исторических наук Юрий Емельянов также утверждал, что «книга представляла собой ответ [Троцкого] на многочисленные произведения видных писателей и общественных деятелей Запада с позиции симпатии к СССР». Троцкий, по Емельянову, верно подметил поверхностный характер подобных оценок. При этом «образ Советского Союза, создаваемый Троцким... отражал не столько объективную реальность, сколько представления о [Советском союзе] вождя IV Интернационала в рамках его концепции мировой революции». В частности, как уже отмечалось выше (см. главу «Наша революция»), «по Л. Д. Троцкому, социалистическая революция в СССР имела смысл лишь поскольку она способствовала успеху мировой революции» [19,20].

Историки Фельштинский и Чернявский обращали внимание на готовность автора использовать новые фактические данные о состоянии дел в СССР. К примеру, «многочисленные свидетельства неравномерности успехов советского производства». Подобные данные использовались революционером для пересмотра, исправления и дополнения своих сугубо теоретических схем [21].

В то же время Фельштинский и Чернявский отмечали неготовность Троцкого «отбросить» или пересмотреть марксистские догмы. Биографы замечали «коммунистический утопизм» и «фанатизм» Троцкого, проигнорировавшего «природу людей» и продолжавшего считать – вслед за Карлом Марксом – что развитие производственных сил является ключом к построению коммунизма. Историки также фокусировались на качественном отличии между сталинским «обострением классовой борьбы» по мере продвижения к социализму и взглядом Троцкого на «постепенное отмирание мер административного принуждения». Последнее Троцкий предполагал возможным в связи с

постепенным наступлением во всём мире принципиально новой «экономике изобилия» [9,22,23].

Основные вопросы и ответы на них

По мнению Фельштинского и Чернявского, Троцкий в книге пытался ответить на два «коренных вопроса»: существует ли социалистическое общество в СССР и есть ли риск «капиталистической реставрации» в Советской России? Реставрация капитализма могла иметь разные источники. Так сам бывший наркомвоенмор писал, что «военная интервенция опасна. Но и интервенция дешёвых товаров, в обзоре капиталистических армий, была бы несравненно опаснее» [24].

Для обозначения текущего состояния дел в Советском Союзе Лев Давыдович использовал формулировку о «(деформированном) рабочем государстве». При этом он резко и категорически отвергал популярный уже в те годы термин «государственный капитализм». Однако отдельная глава книги Троцкого была всё же посвящена усиливающейся роли бюрократии – этого «буржуазного», по мнению самого революционера, государственного органа [24,25]: «Свинцовый зад бюрократии перевесил голову революции.»

В книге, ставшей «обвинительным актом против бюрократии», бывший нарком «резко осуждал» ошибки и просчеты в экономической политике СССР. Он объяснял общее хозяйственное отставание России от «передовых капиталистических стран» прежде всего «отсталой исходной базой социалистического строительства» – см. выше о его теории перманентной революции [21,26].

При этом, говоря о будущем Советского Союза, Троцкий предрекал возможность перерождения советской бюрократии в новый имущий класс. В рамках такого перерождения бывшие управленцы, экспроприировав государство, станут новым «владельцами-акционерами трестов и концернов». Троцкий делал свой прогноз дальнейшего развития ситуации: либо рабочий класс одолеет бюрократию, либо чиновник «съест рабочее государство» [27,28].

Доктор экономических наук Солтан Дзарасов называл данную книгу, наряду с «Историей русской революции», «заслуживающей особого внимания». Он охарактеризовал её как «пророческий труд..., объясняющий перерождение советской системы и содержащий предсказание её будущей судьбы, оправдавшееся на наших глазах». Многие

последующие исследователи обращали внимание на то, что Троцкий подробно описал такое явление как «красные директора» – выходцы из советской промышленной и управленческой элиты, директора предприятий, занявшие руководящие должности в советскую эпоху и оставшиеся на них после перехода России и стран СНГ к рыночной экономике – за полвека до их фактического появления [29,30].

Претензии Троцкого к бюрократическому аппарату в СССР не исчерпывались исключительно экономическими вопросами. Так советская бюрократия «сурово осуждалась» за меры по укреплению института семьи – который сам Лев Давидович считал устаревшим. По его собственному выражению, данный институт был «архаическим, затхлым и прогнившим». Революционер также писал и о своём несогласии с пропагандистской кампанией в СССР, фокусировавшейся в те годы на «заботе об авторитете старшего поколения» [31].

Фельштинский и Чернявский отмечали непоследовательность Троцкого в попытке найти социальные корни усиления партийного аппарата – этого «советского термидора», не описанного ранее в рамках марксизма [32,33]. Диктатура Сталина являла собой, по мнению бывшего наркома, не что иное, как политическое выражение интересов бюрократии, совершенно оторванной от масс – «руководящая» роль партии на самом деле никуда общество не направляла, а лишь маскировала собой усиление государственной бюрократии [34,35].

«В [книге] прослеживается мысль о том, что революция выродилась в тоталитарную диктатуру, которая поддерживается, как полагал Троцкий, благодаря усилиям нового класса советской бюрократии. Причиной этого вырождения, по его мнению, стало противоречие между низким уровнем развития производительных сил и насильственно навязанными им передовыми социалистическими формами. В условиях нищеты и дефицита продуктов бюрократия превратилась в верховного арбитра.» [36]

При этом попытка сравнения СССР с недавно появившимся Третьим Рейхом была названа Фельштинским и Чернявским «смелой»: особенно в авторской формулировке «сталинизм и фашизм... представляют собою симметрические явления. Многими чертами своими они убийственно похожи...». В тот период сама концепция «тоталитаризма» как нового явления XX века только формировалась в мировой политологии – см. детальнее в будущей книге данной серии о Нюрнбергском процессе. Из важных положений работы Троцкого историки

также отмечали призыв наркома к новой революции в СССР. На этот раз революция должна была состояться против «бюрократического абсолютизма» — абсолютизма «жадной, лживой и циничной касты правителей». Также весьма необычной для марксиста Троцкого была идея о необходимости созданию в советской стране многопартийной политической системы [37-40].

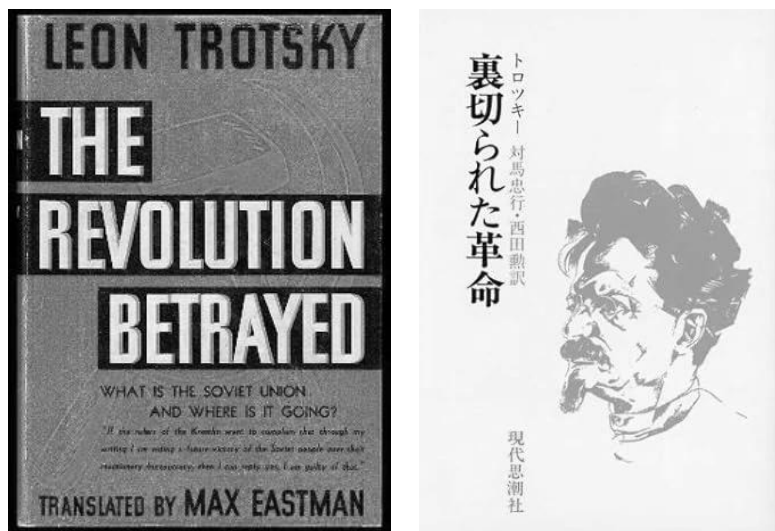

Рис. 53. Суперобложка первого американского издания книги Троцкого «The Revolution Betrayed» (Нью-Йорк, «Doubleday, Doran & Co», 1937); обложка японского издания под заглавием «裏切られた革命», выпущенного в переводе Тадаюки Цусимы и Исао Нисиды в рамках собрания сочинений революционера (Токио, Гендай Ситио Синша, 1968).

В целом же, «по аналитическому уровню, по степени обобщений» данная книга одного из «вершителей судеб» XX столетия «стояла намного выше [его] публицистических произведений о Сталине». Книга «Преданная революция: Что такое СССР и куда он идёт?» являлась работой «программного характера». Так развёрнутые дискуссии о многих тезисах, озвученных впервые в данной книге — в этом манифесте «нового троцкизма», в «одной из выдающихся книг столетия» и в «библии троцкистских сект», — не утихают и в XXI веке. В итоге эта

работа Троцкого оказывала «существенное влияние на часть интеллигенции и студенчества в капиталистических странах» [15,41-44].

Профессор Николай Васецкий в 1991 году утверждал, что именно в книге «Преданная революция» Троцкий дал «законченную трактовку» тезиса, «чрезвычайно важного» для всего последующего развития троцкизма. Речь шла о тезисе о необходимости осуществления новой политической революции в СССР. В то же время Васецкий выражал сомнения в серьёзности призыва Льва Давидовича – имевшего самое непосредственное отношение к формированию советской однопартийной системы – к «восстановлению советских партий». Васецкий отмечал отсутствие деталей в данном тезисе, озвученном Троцким в книге: не было ясно, какие конкретно партии (меньшевистскую, эсеровскую?) планировал возвратить из небытия бывший нарком и непосредственный участник их уничтожения [45,46].

При этом профессор Владимир Мамонов в том же 1991 году обращал внимание, что сам Васецкий не включил ни одного отрывка из «Преданной революции» в первое за полвека, точнее – за 61 год, издание произведений Троцкого в СССР. Васецкий не стал использовать никакую часть из этой книги бывшего наркома в масштабном сборнике «К истории русской революции» [47,48].

Пессимизм, авантюризм и самообман

Определяя книгу как «пронизанную пессимизмом», другой биограф Троцкого – Исаак Дойчер – обращал внимание на общую точность прогноза автора о наступающей войне. Речь шла о войне СССР с Гитлеровской Германией. По мнению Троцкого, подобную войну «у Гитлера гораздо меньше шансов, чем у Вильгельма II, довести до победы». По мнению Дойчера, в этой «концентрации трагических факторов» Троцкий «порывал» с Советским Союзом как с политической системой – с системой, с которой он был теснейшим образом связан с самого момента её зарождения [49,50].

С подобной оценкой соглашался и профессор Емельянов (см. о нём выше). Он, никогда не стоявший на троцкистских позициях, также считал, что это «классическое произведение марксистской литературы», созданное Львом Давидовичем, являлось «ярким свидетельством идейного тупика политического авантюризма» [42,51].

Польские исследователи Ежи Вятр и Анджей Валицкий положительно относились к выводам, содержащимся в книге Троцкого. Они ценили теоретическое наследие Троцкого, независимо от оценки его «практической политической деятельности». В то же время философ Лешек Колаковский и теоретик марксизма Тони Клифф вместе со своими сторонниками видели в «Преданной революции» и других антисталинских работах бывшего наркома только «отчаянный самообман». Троцкий, по их мнению, попытался в данной книге внушить миру – и самому себе – мысль о том, что «сталинский деспотизм» не имел ничего общего с самой Октябрьской революцией. Те же исследователи также отмечали и чрезмерный «оптимизм» автора относительно всей дальнейшей судьбы СССР [52].

21.3. Влияние. Издания и переводы

Исаак Дойчер утверждал, что идеи и аргументы, высказанные Троцким в своей «самой трудной» работе – в «Преданной революции», – оказали влияние на многие более поздние произведения других авторов. В этот список он включал и авторов художественной литературы, к которым Дойчер относил [53]:

- (i) книгу «Революция управляющих» Джеймса Бернхема,
- (ii) работы Игнацио Силона и Артура Кёстлера,
- (iii) роман «1984» Джорджа Оруэлла,
- (iv) а также, статьи многих советологов и «пропагандистов Холодной войны».

К анализу книги обращались многие профессиональные исследователи, не связанный партийными ограничениями. Так в одной из статей западных экономистов, опубликованной в журнале «Comparative Economic Studies», была даже предпринята попытка формализовать и изучить подход Троцкого из «Преданной революции», используя математический аппарат из теории катастроф [54,55].

Троцкий замысливал «Преданную революцию» как масштабный проект. Книгу с самого начала предполагалось издать на нескольких языках. Её французский перевод осуществил Виктор Серж, а на немецкий язык рукопись переводила жена немецкого троцкиста Пфюмферта. Одновременно в Чехословакии изданием книги занимался В. Бурян. Кроме того, Троцкий получил предложение от польского

издательства «Выдавництво Польске», располагавшегося в Варшаве. Уже в 1938 году «Преданная революция» появилась в Китае [56].

На японском книга вышла на три десятилетия позже. Японским издателем стала токийская фирма «株式会社現代思潮新社» (*Новая компания с современным мышлением*; Gendai Shichō Shinsha Co.), которая была основана в районе Бункё в 1957 году Кёдзи Исии под названием «現代思潮社» (Gendai Shichosha). Девизом нового издательства стал слоган «публикация плохих книг, которые противоречат хорошим нравам и прогрессивным людям (таким как послевоенные демократы и прогрессивные интеллектуалы)». Издатели назначили своим «интеллектуальным центром» двух специалистов: Кадзуо Моримото из Токийского университета, друга основателя, и исследователя Тацухико Сибусаву. Последнего в тот период «избегали» в академических кругах после того, как он написал работу о маркизе де Саде – как выпускную работу на факультете литературы Токийского университета.

После основания группа начала публиковать книги, которые были бы неприемлемы как для «левого истеблишмента», так и для «художественной общественности». В частности, в 1961 году издательство опубликовало полное собрание сочинений Троцкого, который в то время был «табу» для левых интеллектуалов. В этой серии из 22 томов в 1968 году и вышла «Преданная революция» в переводе Тадаюки Цусимы и Исао Нисиды. Кроме того, были изданы книги Николая Бухарина и Розы Люксембург, а также – целый ряд трудов по европейской, прежде всего немецкой и французской, философии. Издательство стало известно и в связи с запуском им в 1967 году серии «Классическая библиотека», основанном на списке книг, составленном Тацухико Сибусавой. В 1970 году компания пригласила Госукэ Учимуру на должность главного редактора. Тогда же она начала издавать журнал «Сёгэн» о русской литературе и серию «Русская коллекция».

К 1989 году только в США книга Троцкого «Преданная революция» была переиздана девять раз. В 1990 году в СССР фрагмент книги – раздел «Социальные корни термидора» – вышел в Вестнике Ленинградского государственного университета (ЛГУ) [57-59].

Примечания

- [1] Троцкий, 1938, с. 4.
- [2] Фельштинский, 2013, с. 178.
- [3] Фельштинский, 2013, с. 185.
- [4] Фельштинский, 2013, с. 190.
- [5] Волкогонов, 1998, с. 246.
- [6] Емельянов, 1990, с. 56.
- [7] Trotsky, 1937, с. 4.
- [8] Фельштинский, 2013, с. 191.
- [9] Фельштинский, 2013, с. 192.
- [10] Фельштинский, 2013, с. 196.
- [11] Волкогонов, 1998, с. 182–185, 306.
- [12] Knei-Paz, 1978, p. 381.
- [13] Knei-Paz, 1978, p. 385.
- [14] Емельянов, 1990, с. 56, 71.
- [15] Васецкий, Дойчер, 1991, с. 346.
- [16] Волкогонов, 1998, с. 176, 182, 281, 373.
- [17] Волкогонов, 1998, с. 213.
- [18] Волкогонов, 1998, с. 186, 306.
- [19] Емельянов, 1990, с. 56–57.
- [20] Емельянов, 1990, с. 60.
- [21] Емельянов, 1990, с. 58.
- [22] Фельштинский, 2013, с. 193.
- [23] Васецкий, Дойчер, 1991, с. 348.
- [24] Фельштинский, 2013, с. 194–195.
- [25] Васецкий, Дойчер, 1991, с. 351.
- [26] Васецкий, Дойчер, 1991, с. 349.
- [27] Васецкий, Дойчер, 1991, с. 352.
- [28] Черняев, 2014, с. 179.
- [29] Дзарасов, Троцкий, 2017.
- [30] McCauley, 2002, p. 211.
- [31] Емельянов, 1990, с. 62.
- [32] Васецкий, Дойчер, 1991, с. 360–363.
- [33] Knei-Paz, 1978, p. 386.
- [34] Хейвуд, 2005, с. 442–443.
- [35] Хейвуд, 2005, с. 323.
- [36] Бельх, Дэй, 2013, с. 367.
- [37] Васецкий, Дойчер, 1991, с. 355.
- [38] Волкогонов, 1998, с. 182.
- [39] Фельштинский, 2013, с. 195–196.
- [40] Heywood, 2013, p. 368–371.
- [41] Хейвуд, 2005, с. х.
- [42] Васецкий, Дойчер, 1991, с. 367.
- [43] Фельштинский, 2013, с. 196–197.
- [44] Емельянов, 1990, с. 55.
- [45] Васецкий, Дойчер, 1991, с. 563.
- [46] Васецкий, Дойчер, 1991, с. 565.
- [47] Васецкий, Троцкий, 1990.
- [48] Мамонов, 1991, с. 77.
- [49] Васецкий, Дойчер, 1991, с. 364–365.
- [50] Васецкий, Дойчер, 1991, с. 366.
- [51] Емельянов, 1990, с. 71.
- [52] Ługowska, Grabski, 2003, pp. 53–75.
- [53] Васецкий, Дойчер, 1991, с. 366–367.
- [54] Burkett, 1987, pp. 70–93.
- [55] Бельх, Дэй, 2013, с. 13.
- [56] Волкогонов, 1998, с. 184–185.
- [57] Sinclair, 1989, pp. 1280–1283.
- [58] Lamont, 2004.
- [59] Бельх, Дэй, 2013, с. 8.

Литература

1. Фельштинский Ю., Чернявский Г. Начало литературной деятельности в эмиграции // Лев Троцкий. Книга 4. Врз №1. 1929–1940 гг. – М.: Центрполиграф, 2013. – 544 с. – 2500 экз. – ISBN 978-5-227-04154-8.
2. Sinclair L. Trotsky. A Bibliography. 2 vol. – Camelot Press Ltd. – Brookfield: Gover Publishing Company, 1989. – 1350 p. – ISBN 0-85967-820-2.
3. Волкогонов Д. А. Троцкий. Политический портрет. – М.: АСТ, 1998. – Т. 2. – 416 с. – (Всемирная история в лицах). – ISBN 5-237-00974-3.
4. Чернявский Г. Троцкий. – М.: Молодая гвардия, 2010. – 665 с. – (Жизнь замечательных людей). – 5000 экз. – ISBN 978-5-235-03369-6.

5. Васецкий Н. А. Возвращающийся пророк (послесловие) // Троцкий в изгнании: пер. с англ. / И. Дойчер. – М.: Политиздат, 1991. – 590 с. – 150 000 экз. – ISBN 5-250-01472-0.
6. Knei-Paz B. The Social and Political Thought of Leon Trotsky. – 1st. – New York: Oxford University Press, 1978. – 652 p. – ISBN 9780198272335.
7. Trotsky L. Introduction // The Revolution Betrayed. – New York: Doubleday, Doran & Co., 1937. – 316 p.
8. Черняев В. Троцкий // Критический словарь русской революции. 1914–1921 = Critical companion to the Russian revolution: 1914–1921 / Э. Акстон, У. Г. Розенберг, В. Ю. Черняев (сост.). – 2-е изд., испр. и доп. – СПб.: Нестор-История, 2014. – 768 с. – 1000 экз. – ISBN 978-5-4469-0360-3.
9. Ługowska U., Grabski A. Анализ сталинизма в политической мысли Льва Троцкого (пол. Analiza stalinizmu w myśli politycznej Lwa Trockiego) // Троцкизм. Доктрина и политическое движение = Trockizm. Doktryna i ruch polityczny. – Варшава: Trio, 2003. – 222 S. – ISBN 978-83-88542-51-6.
10. Дзарасов С. С. Из вступительной статьи. О чем говорит контрпроцесс Троцкого? Жить не по лжи, а по правде! // Контрпроцесс Троцкого: Стенограмма слушаний по обвинениям, выдвинутым на московских процессах 1930-х гг. Пер. с англ. = The case of Leon Trotsky. Report of Hearings on the Charges Made Against Him in the Moscow Trials / Л. Д. Троцкий, Дж. Дьюи. – М.: URSS, 2017. – 608 с. – ISBN 978-5-9710-2568-9.
11. Gilbert F., Large D. C. The End of the European Era: 1890 to the Present. – 6th. – New York: W. W. Norton & Company, 2008. – 666 p. – (The Norton History of Modern Europe). – ISBN 978-0393930405.
12. Heywood A. Bureaucratic power: out of control? // Politics. – 4th. – New York: Palgrave Macmillan, 2013. – 520 p. – (Palgrave Foundations Series). – ISBN 9781137272447.
13. Хейвуд Э. Политология: Учебник для студентов вузов / Пер. с англ. под ред. Г. Г. Водолазова, В. Ю. Вельского. – М.: Юнити-Дана, 2005. – 544 с. – (Серия «Зарубежный учебник»). – ISBN 5-238-00814-7.
14. Васецкий Н. А. Л. Д. Троцкий: Политический портрет // К истории русской революции / Л. Д. Троцкий; Сост., авт. биограф. очерка и примеч. Н. А. Васецкий. – М.: Политиздат, 1990. – 447 с. – 150 000 экз. – ISBN 5-250-01372-4.
15. McCauley M. Trotsky // Who's Who in Russia Since 1900. – London & New York: Routledge, 2002. – 296 p. – ISBN 9781134772148. – ISBN 1134772149.
16. Бельх А. А. Введение; Л.Д.Троцкий и возможность построения социализма // Лев Троцкий и политика экономической изоляции = Leon Trotsky and the politics of economic isolation / Р. Б. Дэй; науч. ред. А. А. Бельх; пер. с англ. А. В. Бельх. – М.: Дело, 2013. – 469, [1] с. – (Экономическая история в прошлом и настоящем / Российская акад. народного хозяйства и гос. службы при Президенте Российской Федерации). – 1000 экз. – ISBN 978-5-7749-0766-3.
17. Троцкий Л. Лев Седов: сын, друг, борец. Посвящается пролетарской молодежи // Бюллетень оппозиции. – 1938. – Март (№ 64).
18. Емельянов Ю. В. Последние политические программы и прогнозы Троцкого // Социологические исследования. – 1990. – № 5. – С. 53–71.
19. Lamont S. How Stalin falsified history of Russian Revolution // The Militant. – 2004. – 23 ноября (вып. 68, № 43).
20. Jones J. The fake photographs that predate Photoshop // The Guardian. – 2012. – 29 августа.
21. Мамонов В. Ф. Возвращение Троцкого // Вестник Челябинского государственного университета. – 1991. – Т. 1, вып. 1. – С. 76–81. – ISSN 1994-2796.
22. Burkett J. P. Soviet Economic Development: A Fold Catastrophe? // Comparative Economic Studies. – 1987. – Т. XXIX, № 3. – С. 70–93.
23. Бударйтскис И. Б. «Преданная революция» Льва Троцкого // syg.ma. – 07.11.2017.

Вместо заключения

Новая экономическая политика (НЭП) являлась динамическим эпизодом в истории Советского Союза. Период НЭПа был ярким и кратким. НЭП порождает и низвергает лидеров в считанные дни. В первые месяцы 1921 года сигналы об опасности, такие как Кронштадтское восстание, дали достаточно доказательств того, что режим «военного коммунизма» больше не будет терпеть ни широкими слоями населения, ни – что особенно важно – военными. В итоге НЭП был спешно введен чередой резких и вынужденных законодательных шагов, вопреки мнению значительной части большевиков.

Но уже в 1927 году появились первые признаки новых радикальных изменений, которые вскоре материализовались введением жестких пятилетних планов и принудительной коллективизацией в сельском хозяйстве. А первые сфабрикованные публичные процессы, такие как «Шахтинское дело» и дело Промпартии, стали вехой, отделивший период относительного гражданского мира от новой волны репрессий, достигшей своего апогея в годы Большого террора.

Попытка представить себе столь быстро меняющуюся экономику как стабильную экономическую систему создавало и продолжает создавать заметные методологические трудности. Введение НЭПа показалось многим наблюдателям капитуляцией коммунистического эксперимента перед единственной «рациональной» системой, основанной на частной инициативе и рынке. Отчасти по этой причине западные исследователи мало интересовались советской экономикой в 1920-х годах. При этом определенные аспекты НЭПа – сколь бы далеки они ни были от практики «военного коммунизма» – всё же не были и простой копией традиционных капиталистических институтов. Одновременно другим наблюдателям НЭП показался не более чем быстротечной прелюдией перед настоящей социалистической перестройкой всей экономической системы в СССР.

Как и в любой хозяйственной системе, изменения во время НЭПа отражали поиск большей экономической эффективности в рамках заданной базовой структуры – структуры, которая не могла быть радикально изменена по желанию одной из сторон. При этом реальная

экономическая история периода НЭПа все ещё ждет своей беспристрастной интерпретации. При всей масштабности проекта он кажется сегодня возможным. В этой книге мы только лишь попытались задать рамки такого исследования.

Начало его уже было положено в годы Холодной войны, когда было проведено значительное теоретическое обсуждение экономических последствий «смешанных» экономических систем. Особенно интересные дискуссии были связаны с дихотомией государственного и частного предпринимательства в слаборазвитых странах, а также – в связи с польскими и югославскими экономическими экспериментами.

Поэтому изучение экономики эпохи НЭПа может быть полезным не только для историков, но и для тех, кто оценивает аналогичные современные эксперименты. Китайский эксперимент, начавшийся в 1980-е годы, за счёт своего масштаба и влияния стоит здесь на первом месте. Новая экономическая политика Советского Союза 1920-х годов и экономические реформы Китая 1980-х годов имеют сходство именно как переходные стратегии в рамках социалистических систем. Реформы включали в себя деколлективизацию в сфере сельского хозяйства, разрешение многих форм частного предпринимательства и открытие страны для прямых иностранных инвестиций.

НЭП сыграл решающую роль в стабилизации Советской России после Гражданской войны. Он также продемонстрировал на практике, что ограниченные рыночные механизмы могут временно сосуществовать в рамках социалистического хозяйства. Хотя в конечном итоге НЭП просуществовал неполное десятилетие, его наследие заметно повлияло как на будущие дебаты о балансе государственного контроля с рыночными механизмами в социалистических экономиках, так и практические решения политического руководства стран соцлагеря. НЭП также подчеркнул множество проблем, возникающих при переходе от капитализма к социализму – без подрыва экономической стабильности или политической власти действующей элиты.

Таким образом история НЭПа ни в коей мере не закончилась в далёкие 30-е годы. Практические результаты ряда последующих «нэпообразных» экспериментов нам ещё только предстоит узнать.

Об авторе и редакторе

БАЛАБИН Роман Михайлович – российский и швейцарский химик-аналитик и журналист, кандидат технических наук. Медалист московского Лицея №1533 (ЛИТ); в 2008 году окончил РГУНГ, обладатель стипендии имени Губкина (2006, 2007) и стипендии имени Топчиева (2004, 2005), стипендиат Правительства РФ (2007), был номинирован университетом на медаль РАН (2004). Работал в Гейдельбергском и Гёттингенском университетах в Германии, являлся научным сотрудником в Базельском университете и Швейцарской высшей технической школе Цюриха (ETH Zurich). Автор более 60 научных работ по физической и аналитической химии, в том числе статей в журналах «Angewandte Chemie», РССР и «Analytical Chemistry». Специализируется в вибрационной спектроскопии, масс-спектрометрии и квантовой химии. В 2012 году основал и стал первым директором IT-компании «Brainware Analytics» в технопарке Цюриха. Сотрудничает с рядом российских и зарубежных изданий, включая «Наша Газета.ch» и портал «Деловая Швейцария», пишет научно-популярные статьи по российской и зарубежной истории первой половины XX века.

ГРИГОРЬЕВ Олег Вадимович – советский и российский экономист, государственный советник 1-го класса, руководитель «Научно-исследовательского центра Олега Григорьева „Неоэкономика“». В 1982 году окончил экономический факультет МГУ по специальности экономическая кибернетика, до 1989 года являлся научным сотрудником ЦЭМИ АН СССР. Советник в Верховном совете России и сотрудник экспертного института РСПП. С 1994 по 1997 год работал заместителем руководителя аппарата комитета по экономической политике Государственной Думы, откуда перешел на пост начальника отдела в экономическом управлении Президента РФ; замдиректора РИРВа. Выступает экспертом для целого ряда российских компаний и СМИ, включая газету «Бизнес Online», агентство ТАСС, газеты «Московский комсомолец», «Вечерняя Москва», «Известия» и журнал «Эксперт». Автор монографии «Эпоха роста» (2014).

з.д.н., д.х.н., проф. И. М. Колесников
РГУНГ, Москва, 2018

Библиография

1. Григорьев О. В. Эпоха роста. Лекции по неоконимике. Расцвет и упадок мировой эконоимической системы. – М.: Карьера Пресс, 2014. – 436 с. – ISBN 978-5-00074-026-2.
2. Григорьев О. Елюха на растежа. Лекции по неоконимика : [болг.] / перевод от руски: Митко Хитов. – София : Изток-Запад, 2016. – 480 с. – ISBN 978-619-152-834-9.
3. Политик и общество : [сборник] / Независимый институт социально-исторических проблем на базе исторического факультета МГУ им. М. Ломоносова ; редакционная коллегия: Корецкий В. А. – М.: Независимый ин-т социально-исторических проблем, 1995. – 259 с.
4. Набатов А. Олег Григорьев: «Пора понять, что эконоимический рост никому не гарантирован» // Деловой Омск : газета / ред. Ст. Жоглик. – 2015. – 17 марта (№ 10 (063)).
5. Черных Е. Экономист Олег Григорьев: «Власти должны честно и прямо объяснить: наступают тяжелые времена!» // Комсомольская правда : газета. – 2008. – 19 декабря.
6. Григорьев О. В. Хрупкая экономика России // Ростовское информационное агентство «ДонИнформБюро» / ред. Елена Романова. – 2014. – 18 декабря.
7. Байдавлетова А. Евро топнит французов // Газета.ru. – 2013. – 11 ноября.
8. Береснев В. Олег Григорьев: «Неизбежна политическая борьба – какую норму для „тощих лет“ принять» // Бизнес Online. – 2016. – 11 января.
9. Колебакина-Усманова Е. Олег Григорьев: «Во власти паника... Меня потрясает, как у них развязались языки!» // Бизнес Online. – 2018. – 24 августа.
10. Представяне на книгата „Епоха на растежа. Лекции по неоконимика“ на руския икономист Олег Григорьев (болг.) // Университет национального и мирового хозяйства. – София, 2016. – 11 май.
11. Балабин Р. М. Миграционный кризис как прелюдия к «Хрустальной ночи» // Наша Газета. – Женева, 2016. – 10 марта.
12. Балабин Р. М. Академико естественных наук Швейцарии возглавит Марсель Таннер // Деловая Швейцария. – Аргау, 2016. – 13 февраля.
13. Балабин Р. М. Что такое «социальный банкинг»? // Деловая Швейцария. – Аргау, 2016. – 2 февраля.
14. Балабин Р. М. Высшая технологическая школа Цюриха выпустила рекордное количество спин-оффов // Деловая Швейцария. – Аргау, 2016. – 16 января.
15. Балабин Р. М. Сочи обогнал Цюрих в «гонке аэропортов» // Деловая Швейцария. – Аргау, 2016. – 10 марта.
16. Балабин Р. М. Непогода в Швейцарии нанесла рекордные убытки // Деловая Швейцария. – Аргау, 2016. – 23 марта.
17. Балабин Р. М. Швейцарские университеты «заклинают» Реджепа Эрдогана // Наша Газета. – Женева, 2016. – 4 марта.
18. Балабин Р. М. Коррупция в армии и военно-промышленном комплексе Швейцарии: мнение Transparency International // Наша Газета. – Женева, 2016. – 19 января.
19. Балабин Р. М. Две компании из Швейцарии и одиннадцать из России – в сотне крупнейших производителей оружия в мире // Наша Газета. – Женева, 2016. – 11 января.
20. Балабин Р. М. Торренты в Швейцарии // Наша Газета. – Женева, 2016. – 6 мая.
21. Царев А. В., Балабин Р. М., Карпов С. А., Сюняев Р. З. Оптимизация эксплуатационных и экологических свойств спирто-бензиновых топлив под действием микроволновой обработки. // Альтернативная энергетика и экология. – 2007. – № 8(52). – С. 69–74.
22. Балабин Р. М. Возможности современных математических методов при обработке спектральных данных: бензиновые фракции. // Современные информационные технологии. – 2005. – № 1. – С. 139–144.

23. Балабин Р. М. Возможности современных математических методов при обработке спектральных данных: линейные алкилбензолсульфокислоты. // Современные информационные технологии. – 2005. – № 1. – С. 147–151.
24. Балабин Р. М., Сюняев Р. З. Построение кривой стеклования нефти по данным диэлектрической спектроскопии // XIII Всероссийская конференция «Структура и динамика молекулярных систем. Яльчик 2006». – Уфа: ИФМК УНЦ РАН, 2006. – С. 57–60.
25. Балабин Р. М., Сюняев Р. З. Анализ влияния термодинамических параметров на проницаемость и вязкость нефти // XIII Всероссийская конференция «Структура и динамика молекулярных систем. Яльчик 2006». – Уфа: ИФМК УНЦ РАН, 2006. – С. 61–63.
26. Балабин Р. М. Создание экспресс-метода анализа показателей качества индустриального масла на основе многомерного анализа спектральных данных // Достижения ученых XXI века: Тезисы докладов международной конференции, Тамбов, 2005. – С. 192–194.
27. Балабин Р. М. Применение многомерного анализа данных для определения показателей качества бензиновых фракций. // Химия и химическая технология в XXI веке. – Томск: Изд. ТПУ, 2005. – С. 152.
28. Балабин Р. М. Применение многомерного анализа данных для определения показателей качества продуктов нефтехимии. // Химия и химическая технология в XXI веке. – Томск: Изд. ТПУ, 2005. – С. 101.
29. Сафиева Р. З., Сюняев Р. З., Абанина Е. Н., Филатов В. М., Балабин Р. М. Экспресс-анализ состава и физико-химических свойств нефтяных систем методом БИК-спектроскопии. // Наука и технологии в промышленности. – 2011. – № 3. – С. 101–104.
30. Балабин Р. М. Создание экспресс-методов анализа продуктов нефтепереработки и нефтехимии на основе колебательной спектроскопии: диссертация. – М.: РГУНГ, 2013.
31. Balabin R. M., Syunyaev R. Z., Karpov S. A. Molar enthalpy of vaporization of ethanol–gasoline mixtures and their colloid state. // Fuel. – 2007. – Vol. 86, iss. 3. – P. 323–327.
32. Syunyaev R. Z., Balabin R. M. Frequency Dependence of Oil Conductivity at High Pressure. // Journal of Dispersion Science and Technology. – 2007. – Vol. 28, iss. 3. – P. 419–424.
33. Balabin R. M., Syunyaev R. Z., Karpov S. A. Quantitative Measurement of Ethanol Distribution over Fractions of Ethanol–Gasoline Fuel. // Energy Fuels. – 2007. – Vol. 21. – P. 2460.
34. Balabin R. M., Safieva R. Z., Lomakina E. I. Comparison of linear and nonlinear calibration models based on near infrared (NIR) spectroscopy data for gasoline properties prediction. // Chemometrics and Intelligent Laboratory Systems. – 2007. – Vol. 88, iss. 2. – P. 183–188.
35. Balabin R. M., Safieva R. Z. Capabilities of near Infrared Spectroscopy for the Determination of Petroleum Macromolecule Content in Aromatic Solutions. // Journal of Near Infrared Spectroscopy. – 2007. – Vol. 15, iss. 6. – P. 343–349. – doi:10.1255/jnirs.749.
36. Balabin R. M. Dispersed Structure of Ethanol-Gasoline Fuel According to Dynamic Light Scattering Method. // Journal Dispersion Science Technology. – 2008. – Vol. 29, iss. 3. – P. 457.
37. Balabin R. M., Syunyaev R. Z. Petroleum resins adsorption onto quartz sand: Near infrared (NIR) spectroscopy study. // Journal Colloid Interface Science. – 2008. – Vol. 318, iss. 2. – P. 167.
38. Balabin R. M., Safieva R. Z. Gasoline classification by source and type based on near infrared (NIR) spectroscopy data. // Fuel. – 2008. – Vol. 87, iss. 7. – P. 1096–1101.
39. Balabin R. M., Safieva R. Z., Lomakina E. I. Wavelet neural network (WNN) approach for calibration model building based on gasoline near infrared (NIR) spectra. // Chemometrics and Intelligent Laboratory Systems. – 2008. – Vol. 93, iss. 1. – P. 58–62.
40. Balabin R. M., Safieva R. Z. Motor oil classification by base stock and viscosity based on near infrared (NIR) spectroscopy data. // Fuel. – 2008. – Vol. 87, iss. 12. – P. 2745–2752.
41. Balabin R. M. Intermolecular dispersion interactions of normal alkanes with rare gas atoms: van der Waals complexes of n-pentane with helium, neon, and argon. // Chemical Physics. – 2008. – Vol. 352, iss. 1. – P. 267–275. – doi:10.1016/j.chemphys.2008.06.015.

42. Syunyaev R. Z., Balabin R. M. Polarization of Fluorescence of Asphaltene Containing Systems. // *Journal of Dispersion Science and Technology*. – 2008. – Vol. 29, iss. 10.
43. Balabin R. M. Enthalpy difference between conformations of normal alkanes: Intramolecular basis set superposition error (BSSE) in the case of n-butane and n-hexane. // *The Journal of Chemical Physics*. – 2008. – Vol. 129, iss. 16. – P. 164101. – doi:10.1063/1.2997349.
44. Balabin R. M. Enthalpy Difference between Conformations of Normal Alkanes: Raman Spectroscopy Study of n-Pentane and n-Butane. // *The Journal of Physical Chemistry A*. – 2009. – Vol. 113, iss. 6. – P. 1012–1019. – doi:10.1021/jp809639s.
45. Syunyaev R. Z., Balabin R. M., Akhatov I. S., Safieva J. O. Adsorption of Petroleum Asphaltenes onto Reservoir Rock Sands Studied by Near-Infrared (NIR) Spectroscopy. // *Energy & Fuels*. – 2009. – Vol. 23, iss. 3. – P. 1230–1236. – doi:10.1021/ef8006068.
46. Balabin R. M. Polar (Acyclic) Isomer of Formic Acid Dimer: Gas-Phase Raman Spectroscopy Study and Thermodynamic Parameters. // *The Journal of Physical Chemistry A*. – 2009. – Vol. 113, iss. 17. – P. 4910–4918. – doi:10.1021/jp9002643.
47. Balabin R. M., Lomakina E. I. Neural network approach to quantum-chemistry data: Accurate prediction of density functional theory energies. // *The Journal of Chemical Physics*. – 2009. – Vol. 131, iss. 7. – P. 074104. – doi:10.1063/1.3206326.
48. Balabin R. M., Safieva R. Z., Lomakina E. I. Universal technique for optimization of neural network training parameters: gasoline near infrared data example. // *Neural Computing and Applications*. – 2009. – Vol. 18, iss. 6. – P. 557–565. – doi:10.1007/s00521-008-0213-3.
49. Balabin R. M. Conformational equilibrium in glycine: Focal-point analysis and ab initio limit. // *Chemical Physics Letters*. – 2009. – Vol. 479. – P. 195. – doi:10.1016/j.cplett.2009.08.038.
50. Balabin R. M. Tautomeric equilibrium and hydrogen shifts in tetrazole and triazoles: Focal-point analysis and ab initio limit. // *J Chem Phys*. – 2009. – Vol. 131. – P. 154307. – doi:10.1063/1.3249968.
51. Law W. S., Chen H. W., Balabin R., Berchtold C., Meier L., Zenobi R. Rapid fingerprinting and classification of extra virgin olive oil by microjet sampling and extractive electrospray ionization mass spectrometry. // *Analyst*. – 2010. – Vol. 135, iss. 4. – P. 773–778. – doi:10.1039/B924156F.
52. Chingin K., Balabin R. M., Barylyuk K., Chen H., Frankevich V., Zenobi R. Rhodamines in the gas phase: cations, neutrals, anions, and adducts with metal cations. // *Physical Chemistry Chemical Physics*. – 2010. – Vol. 12, iss. 37. – P. 11710–11714. – doi:10.1039/C000807A.
53. Balabin R. M. The identification of the two missing conformers of gas-phase alanine: a jet-cooled Raman spectroscopy study. // *PCCP*. – 2010. – Vol. 12. – P. 5980. – doi:10.1039/B924029B.
54. Chingin K., et al. Optical properties of protonated Rhodamine 19 isomers in solution and in the gas phase. // *PCCP*. – 2010. – Vol. 12, iss. 42. – P. 14121–14127. – doi:10.1039/C0CP00482K.
55. Barylyuk K. V., Chingin K., Balabin R. M., Zenobi R. Fragmentation of benzyropyridinium “thermometer” ions and its effect on the accuracy of internal energy calibration. // *J American Society Mass Spectrometry*. – 2010. – Vol. 21, iss. 1. – P. 172–177. – doi:10.1016/j.jasms.2009.09.023.
56. Balabin R. M. Conformational Equilibrium in Glycine: Experimental Jet-Cooled Raman Spectrum. // *J Physical Chemistry Letters*. – 2010. – Vol. 1, iss. 1. – P. 20. – doi:10.1021/jz900068n.
57. Schmid T., Sebesta A., Stadler J., et al. Tip-enhanced Raman spectroscopy and related techniques in studies of biological materials. // *Proc. SPIE 7586, Synthesis and Photonics of Nanoscale Materials VII*. – 2010. – Vol. 7586. – P. 758603. – doi:10.1117/12.845471.
58. Chingin K., Frankevich V., Balabin R. M., Barylyuk K., Chen H., Wang R., Zenobi R. Direct Access to Isolated Biomolecules under Ambient Conditions. // *Angewandte Chemie International Edition*. – 2010. – Vol. 49, iss. 13. – P. 2358–2361. – doi:10.1002/anie.200906213.
59. Balabin R. M. Boryl Substitution of Acetaldehyde Makes It an Enol: Inconsistency between Gn/CBS and Ab Initio/DFT Data. // *The Journal of Physical Chemistry A*. – 2010. – Vol. 114, iss. 10. – P. 3698–3702. – doi:10.1021/jp911802v.

60. Balabin R. M. Communications: Intramolecular basis set superposition error as a measure of basis set incompleteness: Can one reach the basis set limit without extrapolation?. // *The Journal of Chemical Physics*. – 2010. – Vol. 132, iss. 21. – P. 211103. – doi:10.1063/1.3430647.
61. Balabin R. M. Communications: Is quantum chemical treatment of biopolymers accurate? Intramolecular basis set superposition error (BSSE). // *The Journal of Chemical Physics*. – 2010. – Vol. 132, iss. 23. – P. 231101. – doi:10.1063/1.3442466.
62. Balabin R. M. Reply to “Comment on ‘Enthalpy Difference between Conformations of Normal Alkanes: Raman Spectroscopy Study of n-Pentane and n-Butane’”. // *The Journal of Physical Chemistry A*. – 2010. – Vol. 114, iss. 24. – P. 6729–6730. – doi:10.1021/jp103852d.
63. Balabin R. M., Safieva R. Z., Lomakina E. I. Gasoline classification using near infrared (NIR) spectroscopy data: Comparison of multivariate techniques. // *Analytica Chimica Acta*. – 2010. – Vol. 671, iss. 1. – P. 27–35. – doi:10.1016/j.aca.2010.05.013.
64. Opilik L., Schmid T., Stadler J., Balabin R. M., Zenobi R. Nanoscale Chemical Analysis of Cell Membrane Constituents Using Tip-Enhanced Raman Spectroscopy. // *AIP Conference Proceedings*. – 2010. – Vol. 1267, iss. 1. – P. 1271–1272. – doi:10.1063/1.3482420.
65. Amantonico A., Urban P. L., Fagerer S. R., Balabin R. M., Zenobi R. Single-Cell MALDI-MS as an Analytical Tool for Studying Intrapopulation Metabolic Heterogeneity of Unicellular Organisms. // *Analytical Chemistry*. – 2010. – Vol. 82, iss. 17. – P. 7394. – doi:10.1021/ac1015326.
66. Zhu L., Hu Z., Gamez G., Law W. S., Chen H., Yang S. P., Chingin K., Balabin R. M., Wang R., Zhang T. T., Zenobi R. Simultaneous sampling of volatile and non-volatile analytes in beer for fast fingerprinting by extractive electrospray ionization mass spectrometry. // *Analytical and Bioanalytical Chemistry*. – 2010. – Vol. 398, iss. 1. – P. 405–413. – doi:10.1007/s00216-010-3945-8.
67. Balabin R. M. The First Step in Glycine Solvation: The Glycine–Water Complex. // *The Journal of Physical Chemistry B*. – 2010. – Vol. 114, iss. 46. – P. 15075. – doi:10.1021/jp107539z.
68. Balabin R. M., Lomakina E. I. Support vector machine regression (LS-SVM) – an alternative to artificial neural networks (ANNs) for the analysis of quantum chemistry data?. // *Physical Chemistry Chemical Physics*. – 2011. – Vol. 13, iss. 24. – P. 11710. – doi:10.1039/C1CP00051A.
69. Balabin R. M., Lomakina E. I. Support vector machine regression (SVR/LS-SVM) – an alternative to neural networks (ANN) for analytical chemistry? Comparison of nonlinear methods on near infrared (NIR) spectroscopy data. // *Analyst*. – 2011. – Vol. 136, iss. 8. – P. 1703–1712.
70. Balabin R. M., Syunyaev R. Z., Schmid T., et al. Asphaltene Adsorption onto an Iron Surface: Combined Near-Infrared (NIR), Raman, and AFM Study of the Kinetics, Thermodynamics, and Layer Structure. // *Energy Fuels*. – 2011. – Vol. 25, iss. 1. – P. 189–196.
71. Balabin R. M., Safieva R. Z. Biodiesel classification by base stock type (vegetable oil) using near infrared spectroscopy data. // *Analytica Chimica Acta*. – 2011. – Vol. 689, iss. 2. – P. 190–197.
72. Balabin R. M. Enthalpy difference between conformations of normal alkanes: effects of basis set and chain length on intramolecular basis set superposition error. // *Molecular Physics*. – 2011. – Vol. 109, iss. 6. – P. 943–953. – doi:10.1080/00268976.2011.558858.
73. Balabin R. M. Conformational equilibrium in alanine: Focal-point analysis and ab initio limit. // *Comp Theor Chem*. – 2011. – Vol. 965, iss. 1. – P. 15. – doi:10.1016/j.comptc.2011.01.008.
74. Baryluk K., et al. What Happens to Hydrophobic Interactions during Transfer from the Solution to the Gas Phase? The Case of Electrospray-Based Soft Ionization Methods. // *J American Society Mass Spectrometry*. – 2011. – Vol. 22. – P. 1167. – doi:10.1007/s13361-011-0118-8.
75. Balabin R. M., Smirnov S. V. Variable selection in near-infrared spectroscopy: Benchmarking of feature selection methods on biodiesel data. // *Analytica Chimica Acta*. – 2011. – Vol. 692, iss. 1. – P. 63–72. – doi:10.1016/j.aca.2011.03.006.
76. Balabin R. M., Lomakina E. I., Safieva R. Z. Neural network (ANN) approach to biodiesel analysis: Analysis of biodiesel density, kinematic viscosity, methanol and water contents using near infrared (NIR) spectroscopy. // *Fuel*. – 2011. – Vol. 90. – P. 2007. – doi:10.1016/j.fuel.2010.11.038.

77. Balabin R. M., Safieva R. Z., Lomakina E. I. Near-infrared (NIR) spectroscopy for motor oil classification: From discriminant analysis to support vector machines. // *Microchemical Journal*. – 2011. – Vol. 98, iss. 1. – P. 121–128. – doi:10.1016/j.microc.2010.12.007.
78. Balabin R. M., Safieva R. Z. Near-Infrared (NIR) Spectroscopy for Biodiesel Analysis: Fractional Composition, Iodine Value, and Cold Filter Plugging Point from One Vibrational Spectrum. // *Energy & Fuels*. – 2011. – Vol. 25, iss. 5. – P. 2373–2382. – doi:10.1021/ef200356h.
79. Balabin R. M., Smirnov S. V. Melamine detection by mid- and near-infrared (MIR/NIR) spectroscopy: A quick and sensitive method for dairy products analysis including liquid milk, infant formula, and milk powder. // *Talanta*. – 2011. – Vol. 85. – P. 562.
80. Chingin K., Balabin R. M., Frankevich V., Barylyuk K., Nieckarz R., Sagulenko P., Zenobi R. Absorption of the green fluorescent protein chromophore anion in the gas phase studied by a combination of FTICR mass spectrometry with laser-induced photodissociation spectroscopy. // *International Journal Mass Spectrometry*. – 2011. – Vol. 306. – P. 241. – doi:10.1016/j.ijms.2011.01.014.
81. Likhatsky V. V., Balabin R. M., Syunyaev R. Z. Calculation of Dipole Moment of Fractal Asphaltene Cluster. // *Journal of Dispersion Science and Technology*. – 2011. – Vol. 32, iss. 10. – P. 1502–1508. – doi:10.1080/01932691.2010.516129.
82. Balabin R. M. On the relation between basis set convergence and electron correlation: a critical test for modern ab initio quantum chemistry on a “mindless” data set. // *Structural Chemistry*. – 2011. – Vol. 22, iss. 5. – P. 1047–1051. – doi:10.1007/s11224-011-9793-0.
83. Balabin R. M. The keto-enol equilibrium in substituted acetaldehydes: focal-point analysis and ab initio limit. // *Mol Phys*. – 2011. – Vol. 109. – P. 2341. – doi:10.1080/00268976.2011.587457.
84. Balabin R. M., Smirnov S. V. Interpolation and extrapolation problems of multivariate regression in analytical chemistry: benchmarking the robustness on near-infrared (NIR) spectroscopy data. // *Analyst*. – 2012. – Vol. 137, iss. 7. – P. 1604–1610. – doi:10.1039/C2AN15972D.
85. Barylyuk K., Fritsche L., Balabin R. M., Nieckarz R., Zenobi R. Gas-phase basicity of several common MALDI matrices measured by a simple experimental approach. // *RSC Advances*. – 2012. – Vol. 2, iss. 5. – P. 1962–1969. – doi:10.1039/C1RA01117K.
86. Balabin R. M. Experimental thermodynamics of free glycine conformations: the first Raman experiment after twenty years of calculations. // *Physical Chemistry Chemical Physics*. – 2011. – Vol. 14, iss. 1. – P. 99–103. – doi:10.1039/C1CP20805E.
87. Balabin R., et al. Georadar sensing from terrestrial surface and shafts: Approaches to evaluation of rock fracturing. // *Physics Wave Phenomena*. – 2015. – Vol. 23, iss. 2. – P. 143–153.
88. Opilik L., Schmid T., Stadler J., Balabin R. M., Zenobi R. Using tip-enhanced Raman spectroscopy for the nanoscale chemical analysis of cell membrane-like structures. // *European Cells and Materials*. – 2010. – Vol. 20, no. SUPPL.3. – P. 193. – EID:2-s2.0-84860913420.
89. Балабин Р. М. Брест-Литовский мирный договор: история переговоров и экономические последствия. / Роман Балабин; под ред. О. В. Григорьева = The Peace Treaty of Brest-Litovsk: History of negotiations and economic consequences. – М.: Неоэкономика, 2019. – 313 с. – (Серия «Экономика и политика в начале XX века»; кн. 2). – ISBN 978-5-00202-770-5.

Список иллюстрация и лицензия

Иллюстрации

Обложка. (*центр*) И. К. Томковида-Икар «Нэпман», из серии в шесть открыток «Типы нэпа», Петроград: литография В.Д. Горюнова, начало 1920-х годов. Лицензия: добросовестное использование (fair use). (*справа*) Обстрел кронштадтских фортов курсовой батареей. Кронштадт, март 1921. Карл Карлович Булла (1853–1929), ресурс «Военная история в фотографиях и книгах» (feldgrau.info). Лицензия: общественное достояние (Public domain). (*слева*) Доставка папок с документами по Шахтинскому делу на процесс (6 июля 1928). «Операции ВЧК: Шахтинское дело», diary.ru, 18 марта 2015. Лицензия: общественное достояние (Public domain). (*коллаж*) Р. М. Балабин, 2019, собственная работа. Лицензия: CC-BY-SA 3.0.

Рисунок 1. Пара «нэпманов», изображенных советским графиком А. Н. Кардовским (1866–1943) в виде богато одетых «буржуа» (1920-е). Источник: Fine Art Images (Wiesbaden), Number 018812. Лицензия: общественное достояние (Public domain).

Рисунок 2. Советская купюра (банковый билет) в 25 червонцев. Самая крупная банкнота периода НЭПа: была эквивалентна 215 граммам золота (аверс, 1922). Источник: Ликционный дом «Знак», Денисов № Б-5. Лицензия: произведение не охраняется авторским правом.

Рисунок 3. Подавление Кронштадтского «мятежа» (или «восстания»): части Красной армии (РККА) атакуют островную крепость Кронштадт по льду Финского залива (март 1921). Источник: РИА Новости. Лицензия: общественное достояние (Public domain).

Рисунок 4. Картина «Русское духовенство на принудительных работах», художник И. А. Владимиров (1918/1919). Иван Алексеевич Владимиров (1870–1947) – живописец, баталист, жанрист, пейзажист; получил художественное образование в Виленской рисовальной школе Ивана Трутнева. В 1891–1893 годах учился в Петербургской Академии художеств, где специализировался у Богдана Виллевальде, Алексея Кившенко и Франца Рубо; автор циклов картин, посвящённых русско-японской войне и работ на темы революционных событий 1905 года; до 1918 года состоял художником-корреспондентом английского журнала «The Graphic». Источник: картина. Лицензия: общественное достояние (Public domain).

Рисунок 5. План крепости Кронштадт (Э. Кейл, 1854). Источник: Die Gartenlaube: Illustriertes Familienblatt («Беседка. Иллюстрированный семейный журнал», Ernst Keil, 1854), с. 200. Лицензия: общественное достояние (Public domain).

Рисунок 6. Картина «Агитатор» художника И. А. Владимирова (1920); на столе присутствует изображение К. Марка, а в руке у пропагандиста узнаваем портрет Л. Д. Троцкого. Источник: картина. Лицензия: общественное достояние (Public domain).

Рисунок 7. Моряки с линкора «Петропавловск» (март 1917). Источник: группа «Yeryüzü Postası» (yeryuzupostasi.org, Турция). Лицензия: общественное достояние (Public domain).

Рисунок 8. Предположительно генерал-майор императорской армии А. Н. Козловский (Киев, 1915). Источник: сайт «БелГазета» (Белоруссия). Альтернативная идентификация персоналии: офицер, командир 125-го пехотного Курского полка полковник Андрей Николаевич Кривошеев (1854–1911) в 1908 году; в этом случае подпись «Козловский Н.» относится к

фотографу: вероятно, к Николаю Феофановичу Козловскому (1887–1939), работавшему в киевском фотоателье. Источник: из архива Игоря Люгасва. Лицензия: общественное достояние.

Рисунок 9. Капитан 1-го ранга, барон П. Н. фон Вилькен (1920). Источник: Русская Эстония (проект Нарвского музея). Лицензия: общественное достояние (Public domain).

Рисунок 10. Нарком А. Д. Троцкий на Красной площади (1920-е). Источник: «Историк» (журнал об актуальном прошлом, В. Рудаков, ИСЭПИ). Лицензия: общественное достояние.

Рисунок 11. Разрушение на линкоре «Петропавловск» (март 1921). Источник: Архив фотографий кораблей ВМФ, № 01035022. Лицензия: общественное достояние.

Рисунок 12. Подавление выступления: Красная армия атакует Кронштадт по льду Финского залива (март 1921). Источник: PastVu, #8f5572032b03508dd9e62504366fff8f. Лицензия: общественное достояние (Public domain).

Рисунок 13. Фотография из дела С. М. Петриченко после его экстрадиции из Финляндии в Советский Союз (НКВД, апрель 1945). Источник: Кронштадтская трагедия 1921 года. Документы. В 2-х кн. Кн. 1, Москва, 1999. Лицензия: общественное достояние (Public domain).

Рисунок 14. Глава ВРК С. М. Петриченко (третий слева) среди оппозиционеров и эмигрантов в Финляндии (1921). Источник: Викисклад. Лицензия: общественное достояние.

Рисунок 15. Трупы расстрелянных участников восстания (март 1921). Источник: «Кронштадт. Март 1921», РГАКФД. Лицензия: общественное достояние (Public domain).

Рисунок 16. Линкоры «Петропавловск» и «Севастополь» (1921). Источник: PastVu, #d6af8481ab7bc595e9ed4253b3d49449. Лицензия: общественное достояние (Public domain).

Рисунок 17. Начальник ГУТБ НКВД СССР Я. С. Агранов, являвшийся в 1921 году следователем по Кронштадтскому делу; был расстрелян в 1938 году. Источник: nashkraj.info; Викисклад. Лицензия: общественное достояние (Public domain).

Рисунок 18. Будущий маршал М. Н. Тухачевский, являвшийся непосредственным руководителем подавления восстания; был расстрелян в 1937 году. Источник: газета «Известия», 21 ноября 1935 года; ГМПИР. Лицензия: общественное достояние (Public domain).

Рисунок 19. В. И. Ленин, К. Е. Ворошилов и А. Д. Троцкий среди делегатов 10-го партсъезда РКП(б), вернувшихся после подавления Кронштадтского восстания. Источник: автор Лев Яковлевич Леонидов (1889–1952); РГАКФД, Шифр Д-67 ч/б; ГМПИР F.III-38054. Лицензия: общественное достояние (Public domain).

Рисунок 20. Обложки книг П. Эврича «Восстание в Кронштадте» (1970) и С. Семанова «Ликвидация антисоветского Кронштадтского мятежа» (1973). Источник: книги. Лицензия: обложка не охраняется авторским правом (not eligible for copyright).

Рисунок 21. Плакат В. Маяковского «Эй, не верь ему...» (март 1921). Источник: плакат «Эй, не верь ему», Главполитпросвет, № 67, март 1921; Маяковский В. В. Полное собрание сочинений: В 13 т., М.: ГИХЛ, 1955–1961. Т. 3. «Окна» Роста, 1919–1922, 1957, с. 332. Лицензия: общественное достояние (Public domain).

Рисунок 22. Ход «Шахтинского процесса» в зале московского Дома Союзов (май-июль 1928). Источник: «Новая газета», № 34, 14 мая 2003. Лицензия: общественное достояние.

Рисунок 23. Группа советских рабочих в годы НЭПа. Источник: сайт фотохостинга Pinterest, 474285404527053059. Лицензия: общественное достояние (Public domain).

Рисунок 24. Плакат «Победа революции в сотрудничестве рабочих и крестьян. В ряды плечо к плечу, труженики городов и деревень, против железной цепи помещиков и фабрикантов мира!» (М. М. Черемных, 1925). Михаил Михайлович Черемных (1890–1962) – советский график, карикатурист, книжный иллюстратор и мастер плаката; академик АХ СССР (1958) и народный художник РСФСР (1952); лауреат Сталинской премии второй степени (1942); в 1949–1962 годах он преподавал в МГАХИ имени В. И. Сурикова; сотрудничал с такими журналами как «Безбожник у станка» и «Смехач». Источник: Архив (Arthive, Плакаты.Ру), №507186. Лицензия: общественное достояние (Public domain).

Рисунок 25. Демонстрация в городе Шахты: фотография с самолета Н. Астафьева (1923–1927). Источник: журнал «Дилетант» (diletant), Сергей Алумов «Шахтинское дело», 29 июня 2017; Администрация города Шахты. Лицензия: общественное достояние (Public domain).

Рисунок 26. Строительство новой шахты на Донбассе в годы НЭПа (УССР). Источник: Георгий Зельма (Зельманович), РИА Новости. Лицензия: общественное достояние.

Рисунок 27. Посол Германии в СССР граф Ульрих фон Брокдорф-Ранцау (нем. Ulrich von Brockdorff-Rantzau; 1869–1928). Источник: Kaiserreich, Legacy of the Weltkrieg. Лицензия: общественное достояние (Public domain).

Рисунок 28. Полностраничная реклама ламп «Nitalampen» от компании AEG в журнале «Bauwelt» (октябрь 1913). Источник: Bauwelt, 4. Jg., Nr. 44 (30. Okt. 1913), S. 18. Лицензия: общественное достояние (Public domain).

Рисунок 29. Приём для представителей иностранной прессы у министра Густава Штреземана (нем. Gustav Ernst Stresemann, 1878–1929) в 1923 году. Источник: Bundesarchiv, Aktuelle-Bilder-Centrale, Georg Pahl (Bild 102), Bild 102-00169. Лицензия: CC-BY-SA 3.0.

Рисунок 30. Публикации в советской прессе о Шахтинском деле: статья «Шахтинские вредители». Источник: РИА Новости. Лицензия: добросовестное использование (fair use).

Рисунок 31. Публикации в советской прессе о Шахтинском деле: статья «Шахтинское дело» в газете «Трудовая правда». Источник: РИА Новости. Лицензия: добросовестное использование (fair use).

Рисунок 32. Доставка обвиняемы по делу о вредительстве в суд. Источник: History And Art Collection. Лицензия: добросовестное использование (fair use).

Рисунок 33. Подсудимый по Шахтинском делу, будущий член-корреспондент АН СССР, герой Социалистического Труда и лауреат Ленинской премии Н. А. Чинакал (Новосибирск, 1969). Источник: фотография «Академик Н. Чинакал», Государственный центральный музей современной истории России (ГЦМСИР) ГИК 38112/40; Государственный каталог Музейного фонда РФ (Госкаталог) №8950646. Лицензия: добросовестное использование (fair use).

Рисунок 34. Портрет П. Э. Каланина за авторством Н. Кравченко, опубликованный в газете «Известия», № 132 (1928). Источник: электронный архив (DA-IZV) газеты «Известия», 1928, № 132. Лицензия: общественное достояние (Public domain).

Рисунок 35. Защитники знакомятся с документами обвинения (май 1928). Источник: портал «Архивы России». Лицензия: общественное достояние (Public domain).

Рисунок 36. Фотография Е. Халдея «Враг народа» (Приморский край, 1939). Источник: Евгений Халдей, фотография из цикла «Враг народа» (1938–1939), из коллекции МАММ, МДФ. Лицензия: добросовестное использование (fair use).

Рисунок 37. Карикатура из советской газеты «Бурят-Монгольская правда» (Улан-Удэ, 1928). Источник: Бурят-Монгольская правда. Лицензия: общественное достояние (Public domain).

Рисунок 38. Фотография А. Д. Бронштейна (Троцкого) из его полицейского дела (1900). Источник: Первый канал (1tv.ru). Лицензия: общественное достояние (Public domain).

Рисунок 39. Село Нижне-Илимское (Нижеилимск): справа (на переднем плане) дом купца Я. А. Черных, слева (у фонаря) его магазин, на заднем плане церковь Покрова Пресвятой Богородицы (около 1905). Источник: сайт Нижнеилимской центральной межпоселенческой библиотеки имени А. Н. Радищева в городе Железногорск-Илимский (Иркутская область); Викисклад. Лицензия: общественное достояние.

Рисунок 40. Село Усть-Кут, вид на пристань (ранее 1917). Источник: «Лев Троцкий в сибирской ссылке» на сайте «Иркипедия», энциклопедия и новости Приангарья (2012); Викисклад. Лицензия: общественное достояние (Public domain).

Рисунок 41. Здание типографии и редакции газеты «Восточное обозрение» (Иркутск, ранее 1906). Источник: «Лев Троцкий в сибирской ссылке» на сайте «Иркипедия», энциклопедия и новости Приангарья (2012); Викисклад. Лицензия: общественное достояние (Public domain).

Рисунок 42. Город Каменец-Подольский в начале XX века с высоты птичьего полёта. Источник: Викисклад. Лицензия: общественное достояние (Public domain).

Рисунок 43. Совет рабочих депутатов Петербурга (1905). Источник: журнал «Нива»; Bruckmann (Munich). Лицензия: общественное достояние (Public domain).

Рисунок 44. Константиновское артиллерийское училище в начале XX века. Источник: Вестник архивиста, 2016, №3; PastVu, #ae92d590a6b1e79f4e7771d9856e47b0. Лицензия: общественное достояние (Public domain).

Рисунок 45. Здание Технологического института (1903). Источник: фотография «Остановки конки рядом с Технологическим институтом», Карл Карлович Булла (1853–1929). Лицензия: общественное достояние (Public domain).

Рисунок 46. Митинг у Петербургского университета, 18 октября 1905 года. Источник: Викисклад. Лицензия: общественное достояние (Public domain).

Рисунок 47. Восстание в Кронштадте, 8 ноября 1905 года. Источник: К. К. Булла; РИА Новости, № 1315039132. Лицензия: общественное достояние (Public domain).

Рисунок 48. Титульный лист книги «Наша революция» (СПб., 1906) и обложка брошюры «Перспективы русской революции» (Берлин, 1917). Источник: печатные работы; Викисклад. Лицензия: общественное достояние и/или произведение не охраняется авторским правом.

Рисунок 49. Титульный лист брошюры «Новый курс» (М., 1924) и обложка французского перевода «Cours nouveau» (Б. Суварин, Париж, 1924). Источник: печатные работы; Викисклад. Лицензия: общественное достояние и/или произведение не охраняется авторским правом.

Рисунок 50. Обложка английского перевода книги и работы «The Struggle for the New Course» (Борьба за новый курс); обложка итальянского перевода от издательства «Savona e Savelli» под заглавием «Nuovo corso: lo scritto che iniziò la guerra aperta con Stalin» (Новый курс: произведение, которое положило начало открытой войне со Сталиным, 1967). Источник: печатные работы; Викисклад. Лицензия: общественное достояние и/или произведение не охраняется авторским правом.

Рисунок 51. Обложка первого берлинского издания книги «Сталинская школа фальсификаций» (1932) и обложка английского издания той же книги под названием «The Stalin school of falsification» от 1937 года. Источник: печатные работы; Викисклад. Лицензия: общественное достояние и/или произведение не охраняется авторским правом.

Рисунок 52. Обложка первого советского издания книги «Преданная революция» (1991) и обложка тринадцатого издания французского перевода под заглавием «La Révolution trahie» (Грассе, 2004). Источник: печатные работы; Викисклад. Лицензия: общественное достояние и/или произведение не охраняется авторским правом.

Рисунок 53. Супербложка первого американского издания книги Троцкого «The Revolution Betrayed» (Нью-Йорк, «Doubleday, Doran & Co», 1937); обложка японского издания под заглавием «裏切られた革命», вышедшего в переводе Тадаюки Цусимы и Исао Нисиды в рамках собрания сочинений революционера (Токио, Гендай Ситио Синши, 1968). Источник: печатные работы; Викисклад. Лицензия: добросовестное использование (fair use).

ISBN 5-00202-817-9
ISBN 5002028179

Лицензия

Текст данной книги доступен под свободной лицензией Creative Commons «Атрибуция-СохранениеУсловий» (CC-BY-SA 3.0, англ. *Attribution ShareAlike*). Вы можете свободно делиться (обмениваться) данным текстом – копировать и распространять материал на любом носителе и в любом формате в любых целях, включая коммерческие. Вы также можете свободно адаптировать (создавать производные материалы) – делать ремиксы, видоизменять, и создавать новое, опираясь на этот материал в любых целях, включая коммерческие.

Лицензиар не вправе отозвать эти разрешения, пока вы выполняете условия лицензии. Обязательными для соблюдения являются два следующих условия. Первое из них это «Атрибуция» (англ. *Attribution*) – вы должны обеспечить соответствующее указание авторства, предоставить ссылку на лицензию, и обозначить изменения, если таковые были сделаны.

Вы можете это делать любым разумным способом, но не таким, который подразумевал бы, что лицензиар одобряет вас или ваш способ использования произведения. Второе условие называется «СохранениеУсловий» (англ. *ShareAlike*) – если вы перерабатываете, преобразовываете материал или берёте его за основу для производного произведения, вы должны распространять переделанные вами части материала на условиях той же лицензии, в соответствии с которой распространяется оригинал. То есть, вы должны лицензировать ваши изменения также CC-BY-SA 3.0.

Кроме того, в лицензии действует принцип «Без дополнительных ограничений». Согласно ему, Вы не вправе применять юридические ограничения или технологические меры, создающие другим юридические препятствия в выполнении чего-либо из того, что разрешено лицензией.

Вы не обязаны действовать согласно условиям лицензии, если конкретная часть материала (например, иллюстрации или цитаты) находится в общественном достоянии – или если такое использование вами материала разрешено применимому исключению или ограничению авторских прав.

Вам не даётся никаких гарантий. Лицензия может не включать все разрешения, необходимые вам для использования произведения (материала) по вашему замыслу. Например, иные права, такие как право на обнаружение, неприкосновенность частной жизни или неимущественные права могут ограничить вашу возможность использовать данный материал.

Более подробное описание на русском языке доступно по ссылке: <https://creativecommons.org/licenses/by-sa/3.0/deed.ru>. Юридический текст («*Legal Code*») доступен на английском языке по ссылке: <https://creativecommons.org/licenses/by-sa/3.0/legalcode.en>.

В 2014 году Гражданский кодекс РФ был дополнен статьёй 1286.1 об открытых лицензиях на произведения науки, литературы и искусства, чтобы разрешить споры по поводу легальности лицензий Creative Commons в российском праве.

Таким образом, в России лицензии Creative Commons на законодательном уровне приравнивали к «открытым лицензиям». Лицензию Creative Commons на территории РФ считается аналогом лицензионного договора, поскольку в обоих случаях обладатели авторских прав предоставляют заинтересованным лицам возможности использования результата интеллектуальной деятельности при условии соблюдения ряда правил и ограничений.

История текста. Черновик данного текста был впервые опубликован Р. М. Балабиным (Balabinrm) в 2016–2017 годах под заголовком «Кронштадтское восстание (1921)» в рамках проекта Wikimedia Foundation «Русская Википедия». Он доступен под свободной лицензией Creative Commons «Атрибуция-СохранениеУсловий» (CC-BY-SA 3.0, англ. *Attribution ShareAlike*) по ссылке: <https://w.wiki/DZL6>. В конце лета, 29 августа, 2017 года текст был вынесен на рассмотрение сообщества в рамках подпроекта «Хорошие статьи». Статус был присвоен 3 ноября того же года. После этого статья «Кронштадтское восстание» стала кандидатом на конкурс статьи года в номинации «Статьи: Общество. Политика. Военная история. Юриспруденция». По итогам голосования статья заняла в данной номинации 3-е место. Аналогично и для других частей текста данной книги.

Предметный указатель

1

1905 (книга). *См.* Наша революция
1984 (роман), 305

A

Allgemeine Elektrizitäts-Gesellschaft. *См.*
АЕГ

B

Berliner Tageblatt. *См.* Берлинер тагеблатт

C

Comparative Economic Studies, 305

D

Dresdner Volkszeitung. *См.* Дресднер
Фольксцайтунг

F

Foreign Affairs. *См.* Форин афферс

G

Gendai Shichō Shinsha. *См.* Гендай Ситшо
Синша
Grasset. *См.* Грассе (издательство)

L

Le Matin. *См.* Матен

N

Neue Rheinische Zeitung. *См.* Новая
Рейнская газета

S

Sinp'yōngnon. *См.* Синпхённон

A

Абакумов, Виктор Семёнович, 55
абсолютизм, 227, 297
Авксентьев, Николай Дмитриевич, 216
Аврих, Пол. *См.* Эврич, Пол
Аврора (крейсер), 349
Австро-Венгрия, 190, 200
Авторханов, Абдурахман Геназович, 152
Адлер, Виктор, 200, 213
АЕГ, 122, 124, 140, 146
Аксельрод, Павел Борисович, 191, 199,
201, 204, 213, 256
Александровский завод. *См.*
Пролетарский завод
Алексинский, Григорий Алексеевич, 207
анархизм, 173
анархисты, 28, 50
Англия. *См.* Великобритания
Андерсон, Перри, 254
Андреев, Леонид Николаевич, 183
Антанта, 38
Антида Ото. *См.* Троцкий, Лев Давидович
антисталинизм, 87
Антонов, Пётр Ильич, 129
Антонович, Владимир Иванович, 114
Антонов-Овсеенко, Владимир
Александрович, 281
Антонов-Саратовский, Владимир
Павлович, 136
Аргентина, 13, 14, 83
Арканников, Борис Андреевич, 41
Арров-Тандетницкий, Лазарь
Соломонович, 114
Арсеньев, Константин Константинович,
214
Архипелаг ГУЛАГ, 349
аутентичный текст, 286

Б

Бабенко, Сергей Александрович, 130
 Багрицкий, Эдуард Георгиевич, 89
 Бадштибер, Вильгельм Иоганнович, 130
 Балацкий, Всеволод Аполлонович, 103
 Балтийский флот, 21, 26, 27, 28, 29, 30, 49, 56, 58, 77, 80, 81, 338
 Бальмонт, Константин Дмитриевич, 183, 184
 Баранский, Николай Николаевич, 187, 193
 Барбер, Джон, 292
 баррикада, 199
 Бастилия, 349
 Батис, Эрнест Иванович, 30
 Башкин, Абрам Борисович, 110, 111, 112, 118, 119, 129, 140
 Бебель, Август, 213
 Белая эмиграция, 22, 52, 55, 56
 Беленко, Венедикт Иванович, 107, 108, 109, 110, 130, 137
 Белинский, Виссарион Григорьевич, 183
 Белое движение, 24, 40, 41, 43, 46, 51, 56, 80, 109
 Бельгия, 151, 256
 Беляков, Лев Петрович, 130
 Бенуа, Александр Николаевич, 349
 Бердяев, Николай Александрович, 184
 Березовский, Николай Николаевич, 129
 Беренд, Иван, 255
 Беркман, Александр, 44, 90
 Берлин, 111, 120, 122, 123, 124, 131, 146, 242, 258, 260, 279, 286, 287
 Берлинер тагеблатт, 141
 Берман-Цикиновский, Михаил Александрович, 90, 91
 Бернхем, Джеймс, 305
 бестселлер, 287
 библиография, 257, 260, 282, 312, 351
 Биржевые ведомости, 214
 Блат, Иосиф Михайлович (Иось-Герш Михелевич), 113
 Блэк, Клейтон, 292
 Боборыкин, Пётр Дмитриевич, 182
 Богданов, Александр Александрович, 216
 Боевая техническая группа при ЦК РСДРП, 200
 Болл, Алан М., 18
 большевики-примиренцы, 205

Большой террор, 52, 136, 145, 309
 Бонч-Бруевич, Владимир Дмитриевич, 157
 Бостон, 349
 Бояринов, Николай Антонович, 129
 Бояришинов, Николай Прокофьевич, 130, 159
 Братановский, Сергей Павлович, 129
 Брестский мир, 8, 19, 49, 85, 282, 291, 316
 Брешко-Брешковская, Екатерина Константиновна, 173
 Брокдорф-Ранцау, Ульрих фон, 105, 117, 120, 121, 122, 141
 Бронштейн, Давид Леонтьевич, 169
 Брюсов, Валерий Яковлевич, 184
 Будный, Семён Захарович, 130
 Бунд, 189
 Бурят-Монгольская правда, 159
 Бухарин, Николай Иванович, 12, 13, 14, 102, 121, 123, 269, 270, 271, 291, 306
 бюрократия, 302
 Бюхнер, Герман, 146

В

Валиковский, Андрей Константинович, 129
 Валицкий, Анджей, 305
 Варшава, 306
 Васецкий, Николай Александрович, 251, 257, 269, 276, 293, 304
 Васильев, Павел Дмитриевич, 34
 Васильев, Фёдор Тимофеевич, 130
 Вегер, Евгений Ильич, 46
 Веймарская республика, 19, 104, 116, 121, 123, 124, 125, 133, 279
 Великая депрессия, 14
 Великая французская революция, 218
 Великий перелом, 148
 Великобритания, 118, 133
 Великое княжество Финляндское. См. Финляндия
 Вена, 190, 200
 Венгерская академия наук, 255
 Венгрия, 18
 Верхоленск, 166, 171, 173, 181, 184, 188
 Верхоленская ссылка, 172
 Вестник воздухоплавания, 257
 Вестник Европы, 214

- Вестник Ленинградского государственного университета, 306
 Ветошкин, Михаил Кузьмич, 173
 Взятие Бастилии, 218
 Виктор Серж, 73, 87, 299, 305
 Вилюкова, Валентина Петровна, 289
 Вильгельм II (император Германии), 304
 Вилькен, Павел Викторович, 39, 65
 Витте, Сергей Юльевич, 220, 221, 238
 Владимирский, Владимир Васильевич, 129
 Водовозова, Мария Ивановна, 168
 Военный коммунизм, 18, 21, 24, 74, 76, 88, 276, 277, 298, 309
 Волгоград, 349
 Волкова, Зинаида Львовна, 171
 Волкоготов, Дмитрий Антонович, 291, 293
 Волобуев, Павел Васильевич, 292
 Вопросы истории (журнал), 72, 155, 293
 Вормс, Альфонс Эрнестович, 137, 140
 Ворошилов, Климент Ефремович, 45, 46, 69, 71, 73, 112, 115, 122, 143, 288
 Восточная Сибирь, 166, 168, 169, 173, 191
 Восточное обозрение, 166, 173, 180, 182, 185, 189
 Восточно-Сибирская правда, 194
 вотум, 349
 Враг народа (пьеса), 183
 Вредитель (стихотворение), 158
 Временное правительство, 350
 Всероссийский крестьянский союз, 225
 Вторая мировая война, 54, 150, 351
 Вулберт, Роберт Гейл, 290
 Высочайший манифест Об усовершенствовании государственного порядка. См. Манифест 17 октября 1905 года
 Вышинский, Андрей Януарьевич, 136, 140
 Вятр, Ежи Йозеф, 305
- Г**
- Гавришченко, Николай Андреевич, 109, 110, 112
 Гайдар, Егор Тимурович, 252
 Гарви, Пётр Абрамович, 202, 206, 212
 Гауптман, Герхарт, 183
 Гельсингфорс. См. Хельсинки
 Гендай Ситио Синша, 303, 306
 Генпрокуратура РФ, 157
 Германия, 140, 279, 291, 297, 302
 Герцен, Александр Иванович, 183
 Герценштейн, Давид Маркович, 212
 Гильфердинг, Рудольф, 124
 Гинденбург, Пауль фон, 140
 Гитлер, Адольф, 52, 87, 141, 280, 304
 Глаголев, Николай Матвеевич, 257
 Глазго, 351
 Гнедич, Николай Иванович, 189
 Гоголь, Николай Васильевич, 183
 Голенищев-Кутузов, Дмитрий Иванович, 173
 Голая труда, 135
 Гомер, 189
 Гонкур, Эдмон Луи Антуан де, 182
 Горемыкин, Александр Дмитриевич, 169
 Горемыкин, Иван Логгинович, 230
 Горлецкий, Николай Николаевич, 129
 Горлов, Иван Григорьевич, 130
 Господин П. Струве в политике, 244
 Государственная дума Российской империи I созыва, 230
 Государственная публичная научно-техническая библиотека, 78
 Голд, Михаил Рафаилович, 254
 ГПНТБ. См. Государственная публичная научно-техническая библиотека
 Гражданская война, 12, 17, 23, 29, 39, 80, 85, 87, 90, 109, 133, 277, 281, 288, 310, 337, 350
 Гранит (издательство), 287
 Грассе (издательство), 298
 Громов, Василий Прохорович, 77
 Грум-Гржимайло, Владимир Ефимович, 145
 Гурвич, Евгения Адольфовна, 189
- Д**
- Дан, Фёдор Ильич, 206, 212, 256
 Дворянчик, Иосиф Михайлович, 157
 декабристы, 172
 Дело Промпартии, 65, 133, 156
 Деловая Швейцария, 312
 Дзасаров, Солтан Сафарбиевич, 301
 Дзержинский, Феликс Эдмундович, 73, 122, 167, 172
 Дмитриев, Степан Николаевич, 41

До 9 января, 244
Доброго утра, петербургский дворник, 211
Добролюбов, Николай Александрович, 183
Доброскок, Иван Васильевич, 207
догма, 204, 217
Доде, Альфонс, 182
Дойчер, Исаак, 182, 191, 202, 212, 215, 254
Долматовский, Арон Моисеевич, 137
Дом предварительного заключения (Санкт-Петербург), 219
Донбасс, 19, 110, 145
Донуголь, 107, 111
Драбкина, Елизавета Яковлевна, 78
Дрезден, 259
Дресднер Фольксцайтунг, 260
Дыбенко, Павел Ефимович, 29, 44, 61, 94
Дьюи, Джон, 87

Е

Евгеньев-Шептицкий, Евгений Адольфович, 114
Евдокимов, Ефим Георгиевич, 150
Евразия, 167
Европа и революция (раздел), 250
Еленевич, Евгений Петрович, 109, 114
Ельцин, Борис Николаевич, 22, 57, 74, 96
Емелянов, Юрий Васильевич, 299
Есиневич, Алексей Анатольевич, 153
Ефремов, Василий Степанович, 173

Ж

Жданов, Андрей Александрович, 54
Жданов, Владимир Анатольевич, 140
Железногорск-Илимский, 166
Женева, 179, 186, 198, 199, 223, 256
Жуковский, Василий Андреевич, 183
журналистика, 184

З

Завадский, Сергей Владиславович, 217, 223
Завод имени М. И. Калинина, 26, 65, 345
Занчевский, Пётр Григорьевич, 173

закон неравномерного и
комбинированного развития, 242
Западная Европа, 256
Западная Сибирь, 24, 68
Засулич, Вера Ивановна, 200, 201
Зборовский, Саул (Никитин, Кузьма, Костич), 217
Зверев, Юлиан Львович, 114
Зив, Григорий Абрамович, 167
Зимний дворец, 28, 198
Зиновьев, Григорий Евсеевич, 12, 30, 32, 41, 66, 80, 86, 269, 273, 291, 338, 347
Зыбнев, Пётр Александрович, 216
Знаменка (Иркутская область), 171
Золя, Эмиль, 182
Зонов, Константин Ильич, 112, 150

И

Ибсен, Генрик, 183
идиш, 260
Известия, 148, 196, 214, 215
Известия ВРК, 36, 45, 55
Илиада, 189
Иллitch-Свитыч, Владислав Станиславович, 173
Именистов, Соломон Григорьевич, 129
Императорское Вольное экономическое общество, 227
Индия, 245
Инсаров, Александр Борисович, 115
Институт марксизма-ленинизма (Москва), 292
интеллигенция, 143, 203
Иньяцио Силоне, 305
Ионов, Илья Ионович, 41
Иорданский (Негорев), Николай Иванович, 210
Иркутск, 166, 167, 171, 173, 185, 186, 187, 189, 191, 197, 229
Искра (газета), 187, 189, 200, 256
Испания, 282
Истмен, Макс, 87, 168, 187
исторнография, 19, 78
История русской революции (Троцкий), 181, 238, 287, 291, 301
Истпарт. См. Комиссия по истории Октябрьской революции и РКП(б)
Италия, 351
Итоги и перспективы, 242, 244, 258

Итоги и перспективы (Парвус), 204

К

Каден, Вильгельм Август, 260

кадеты, 215

Казанский, Евгений Сергеевич

Казанский, Евгений Сергеевич, 46

Казаринов, Алексей Иванович, 129

Казахстан, 11

Как делали Государственную Думу, 244

Как нам реорганизовать Рабкрин, 274

Калганов, Николай Ефимович, 130

Калинин, Михаил Иванович, 32, 34, 41, 52, 124, 147

Калифорнийский университет в Лос-Анджелесе, 255

Калинин, Пётр Эрнестович, 130, 135, 136

Каменев, Лев Борисович, 12, 66, 213, 268, 269, 271, 273, 291

Каменев, Сергей Сергеевич, 38, 45

Каменец-Подольский, 130, 190

Капитал (Маркс), 186

Капитал в оппозиции, 244

Капитан Дикинштейн, 89

Караганда, 136

карго-культ, 253

Каутский, Карл, 213, 242, 256

Кембриджский университет, 292

Керенский, Александр Фёдорович, 28

Кёстлер, Артур, 305

Кибальчич (Серж), Виктор Львович, 41

Киев, 189, 205

Киевская Русь, 245

Киевский политехнический институт, 201

Ким Сонхун, 283

Киренск, 169, 171

Кировский завод, 292

Кислицын, Михаил Кондратьевич, 58

Кислицын, Сергей Алексеевич, 153

Китай, 18, 119, 245, 306

Клеменц, Дмитрий Александрович, 173

Клифф, Тони, 305

Кней-Пац, Барух, 183, 272, 274, 299

Кнуниш, Богдан Мирзаджанович, 216, 218

Ковалевский, Максим Максимович, 214

Ковалик, Сергей Филиппович, 173

Козлинский, Владимир Иванович, 91

Козловский, Александр Николаевич (генерал), 34, 35, 38, 41

Колаковский, Лешек, 305

Колодуб, Андрей Кириллович, 130

Колодуб, Емельян Кириллович, 110, 130

Коминтерна. См. Коммунистический интернационал

Комиссия по истории Октябрьской революции и РКП(б), 287, 292

Коммодов, Николай Васильевич, 137

Коммунист (журнал), 293

Коммунистический интернационал, 279

Коммунистическое восстание в Германии в октябре 1923 года, 279

Комсомольская правда, 158

Кон, Феликс Яковлевич, 173

Константиновское артиллерийское училище, 204

Конституционно-демократическая партия, 214

Конституция РСФСР (1918), 186

концессия, 105, 147, 157

Копейск, 136

Корни, Фредерик К., 278

Корнилов, Лавр Георгиевич, 28

Корниловское выступление, 28

Короленко, Владимир Юлианович (1881–1937), 137

Котлин, 19, 27, 45, 81, 350

Кох-Везер, Эрих, 124

Кравцов, Иван Александрович, 107

Кравченко, Николай Иванович (художник, 1867), 134

Красиков, Пётр Ананьевич, 207, 216

Красильников, Сергей Александрович, 103, 106, 107, 109, 110, 112, 114, 115, 116, 119, 121, 127, 144, 146, 152, 153, 154, 162

Красин, Леонид Борисович, 107, 173, 200, 201, 204, 205

Красная новь, 271

красные директора, 302

Кресты, 243

Кржижановский, Глеб

Максимилианович, 189

Кржижановский, Николай

Константинович, 130

Кровавое воскресенье, 196, 198

Кронштадт, 21, 22, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 36, 220, 234, 350

Кронштадтская крепость, 27, 44, 220, 234
 Крупская, Надежда Константиновна, 191
 Крыленко, Николай Васильевич, 123,
 128, 136, 137, 139, 141
 Крым, 23
 Кувалдин, Владимир Михайлович, 130
 Кузьма, Леонард Бернардович, 130
 Кузьмин, Николай Николаевич
 (комиссар), 26, 34, 60
 Куйбышев, Валериан Владимирович, 115,
 121
 культ личности Сталина, 286
 Кураев, Михаил Николаевич, 89
 Курский, Владимир Михайлович, 115
 кустарное производство, 245

Л

Лабриола, Антонио, 167
 Лайонс, Юджин (Евгений), 290
 Лассаль, Фердинанд, 208
 Лаферм (табачная фабрика), 26, 65, 345
 Лев Троцкий. Библиография, 351
 Левенберг, Эдуард Александрович, 137
 Левентон, Эммануил Эммануилович, 115,
 123, 126, 128
 Лейно, Юрьё, 54
 Лена (река), 170
 Ленин, Владимир Ильич, 17, 24, 25, 30,
 32, 37, 38, 44, 45, 73, 79, 80, 83, 85, 91,
 157, 167, 168, 174, 187, 190, 191, 197,
 200, 201, 206, 207, 211, 213, 216, 217,
 223, 227, 243, 249, 251, 255, 271, 273,
 275, 283, 289, 290, 291, 292, 349
 Ленинград. См. Санкт-Петербург
 ленинизм, 243, 272
 Ленфильм, 77, 89
 Леонидов, Лев Яковлевич, 318
 Литература и революция (книга), 181
 литературоведение, 182
 Литкенс, Александр Александрович, 205,
 218
 лозунг, 24, 196, 210
 локаут, 223, 224
 Лондон, 167, 191, 206, 339
 Лос-Анджелес, 255
 Луганск, 143
 Луначарский, Анатолий Васильевич, 198,
 218, 291

Луцки (Борисевич), Василий
 Иосифович, 109
 Люксембург, Роза, 213, 236, 256, 306
 Люри, Владимир Владимирович, 130

М

Мазуренко, Семён Петрович, 225
 Майер, Макс Карлович, 130
 Майнов, Иван Иванович, 173
 Макаренко, Павел Васильевич, 125, 149,
 155
 Малевич, Казимир Северинович, 349
 Маянгович, Владимир Николаевич
 (1871), 137
 Маянгович, Павел Николаевич, 137
 Мамонов, Владимир Фёдорович, 304
 Мандель, Эрнест, 257
 Мандельберг (Панин), Виктор Евсеевич
 (Вигдор Овшивевич), 173
 Мандельштам, Михаил Львович, 201
 Манифест 17 октября 1905 года, 219
 Манифест Коммунистического
 Интернационала к пролетариям всего
 мира, 279
 Манифест Коммунистической партии,
 254
 Маркиз де Сад, 306
 Маркс, Карл, 186, 189, 212, 249, 252
 марксизм, 300
 Мартов, Юлий Осипович, 198, 201, 204,
 212, 213, 256, 265
 Мартынов, Александр Самойлович, 204,
 212, 256, 265
 Мартышин, Орест Владимирович, 253
 массовые репрессии, 148
 Матен, 79, 340
 Матов, Юрий Николаевич, 113, 114, 130,
 137, 138, 139
 махависты, 173
 Махайский, Ян-Вацлав Константинович,
 173
 Махно, Нестор Иванович, 23, 37
 махновцы. См. Повстанческое движение
 под руководством Нестора Махно
 Маяковский, Владимир Владимирович,
 91, 158
 Мексика, 238
 Менделевич (Меч), Родион Абрамович,
 13

Менделеев, Дмитрий Иванович, 8
Меранвиль-Десентклер, Леонид Александрович, 137
Меринг, Франц, 213
Мешков, Леонид Николаевич, 130
Милкоков, Павел Николаевич, 215, 242, 246
Минаев, Владислав Николаевич, 150
Министерство внешней торговли СССР, 200
Михайловский, Николай Константинович, 184
Мицкевич, Сергей Иванович, 173
Мозохин, Олег Борисович, 153
Молотов, Вячеслав Михайлович, 115, 121, 122, 123, 141
монархия, 350
Монгольское нашествие на Русь, 246
монокультурная модель, 9
Морозов, Константин Николаевич, 76
Морозов, Савва Тимофеевич, 200
Морской сборник, 28
Москва, 13, 38, 54, 57, 58, 72, 86, 98, 100, 106, 113, 118, 122, 125, 133, 138, 140, 141, 143, 144, 146, 151, 168, 169, 222, 259, 260, 267, 269, 270, 275, 279, 280, 299, 311, 339, 345
Московская сага, 89
Московский проспект (Санкт-Петербург), 205
Моя жизнь (Троцкий), 168, 195, 238, 287
Муравьев, Николай Константинович, 139
Мюнхен, 187, 199, 200, 349

Н

Наарден, Бруно, 252
Наполеон I, 350
нарком. См. Совнарком
наркомвоенмор. См. Народный комиссариат по военным и морским делам СССР
народничество, 172, 179
Народное хозяйство Казахстана (журнал), 136
народный трибун, 218
Натансон, Марк Андреевич, 173
Наука (издательство), 293
национал-социализм, 54
Национальный конвент, 229

Нацистская Германия. См. Германия
Начало (газета), 196
Наша газета (Швейцария), 312
Наша жизнь (газета), 214
Наши политические задачи, 197
Нашивочников, Василий Николаевич, 130
Нева, 27
Невский завод, 222
Нейман, Ивер Бриинильд, 252
Некрасов, Александр Евдокимович, 130
Некрасов, Иван Иванович, 130
Немецкая идеология (работа Маркса и Энгельса), 255
Немигц, Александр Васильевич, 338
Ненароков, Альберт Павлович, 289
Неоэкономика, 16
Никишин, Михаил Ефимович, 130
Николаев, 167, 227
Ницше, Фридрих, 184
Новая экономическая политика, 12, 13, 14, 15, 16, 18, 19, 30, 52, 74, 78, 85, 102, 103, 105, 113, 133, 144, 275, 276, 277, 280, 282, 287, 290, 293, 298, 309, 310, 349, 350
Новосибирск, 134
Новый курс (Троцкий), 293
Новый курс Рузвельта, 18
Норвегия, 298
Норно Катаджима, 238
Нью-Йорк, 259, 303

О

Обуховский завод, 224
Овчарек, Мечислав Антонович, 130
Одесса, 82, 166, 167, 169, 186, 189, 217
Одров, Владимир Клавдианович, 130
Октябрьская революция, 8, 15, 17, 28, 29, 36, 49, 61, 74, 81, 84, 85, 86, 197, 238, 249, 258, 273, 275, 286, 287, 288, 289, 290, 292, 293, 305
Октябрьский манифест. См. Манифест 17 октября 1905 года
Ольгин, Моисей Иосиф, 259
Ольминский, Михаил Степанович, 291
Оранненбаум, 36
Оражоникидзе, Серго, 115
Ордынский, Сергей Павлович, 137
Орешин, Иван Ефремович, 35

Оруэлл, Джордж, 305
Освобождение (журнал), 203
особняк Румянцев, 350
Открытое письмо проф. Милокову, 244
отмена крепостного права в России, 245
Отто, Эрнст Эмильевич, 130
Оцен, Матвей Александрович, 137

П

Пакт Молотова-Риббентропа, 52, 141
Пальчинский, Пётр Иоакимович, 130
Панцов, Александр Вадимович, 293
Парвус, Александр Львович, 242, 253
Париж, 51, 83, 100, 138, 139, 267, 298, 337, 339, 349
Партия демократических реформ, 214
Пастернак, Борис Леонидович, 349
Патек, Станислав, 105
Первая мировая война, 258, 291
Первый московский процесс, 298
переход к рыночной экономике, 302
Перкон, Пётр Юрьевич (Густавович), 173
Петербургский совет рабочих депутатов, 196, 243
Пётр III, 350
Петриченко, Степан Максимович, 31, 34, 35, 36, 43, 49, 53, 58, 60
Петроград. См. Санкт-Петербург
Петроградская правда, 269
Петропавловск (линкор), 22, 28, 31, 34, 36, 41, 43, 45, 48, 49, 60, 61, 62, 64, 65, 339
Петропавловская крепость, 350
Плеханов, Георгий Валентинович, 179, 200, 201, 204, 213, 249
Плятт, Иван Иосифович, 137
Плятт, Ростислав Янович, 137
Повстанческое движение под руководством Нестора Махно, 50
погром, 236
Политбюро, 271, 281, 292
Полтава, 189
Польша, 260, 305
Поляков, Юрий Александрович (историк), 79
Попов, Иван Иванович (журналист, 1862), 173
Порошин (Белозерский), Иван Александрович, 183

Посников, Александр Сергеевич, 214
Потёмкин, Григорий Петрович, 130
Потресов, Александр Николаевич, 212
Правда (газета), 124, 148, 267, 270
Преданная революция, 283
Преображенский, Евгений Алексеевич, 12
Прибылёв, Александр Васильевич, 173
Приморский край, 144
Прогрессивная партия (Россия), 214
продразвёрстка, 21, 24, 76
Пролетарский завод, 223
Протокол Всероссийского (мартовского) совещания партийных работников, 289
Протокол Петроградского комитета большевиков от 1 (14) ноября, 289
психастения, 112
Путиловский завод. См. Кировский завод
Пушкин, Александр Сергеевич, 183, 349
Пятаков, Георгий Леонидович, 12
Пятецкий-Шапиро, Лев Григорьевич, 137

Р

Рабинович, Лазарь Григорьевич, 130, 132
Радек, Карл Бернгардович, 291
Развитие капитализма в России (Ленин), 168
Рапальский договор (1922), 155
Рауха (постоялый двор), 208
Революционные перспективы (Мартынов), 256
Результаты и перспективы. См. Итоги и перспективы
Репин, Илья Ефимович, 349
репринт, 289
реформы Александра II, 245
Ржепецкий, Владислав Станиславович, 130
РИА. См. Русская императорская армия
Робеспьер, Максимилиан, 350
РОВС. См. Русский общевоинский союз
Рогинский, Григорий Константинович, 136, 139
Роговин, Вадим Захарович, 291
Розанов, Александр Борисович, 115
Розенблюм, Лидия Израилевна, 137
Российская академия наук, 182

Российская империя, 8, 15, 17, 31, 39, 62, 82, 84, 130, 172, 180, 242
Российская политическая энциклопедия, 154
Российский императорский флот, 39, 49
РОССПЭН. См. Российская политическая энциклопедия
Ростов-на-Дону, 149
РСФСР, 13
Рузвельт, Франклин, 18
Русская газета, 196
Русская императорская армия, 180, 200, 245
Русский общевойсковой союз, 55
Русско-польская война (1609–1618), 246
Русско-японская война, 200
Рыков, Алексей Иванович, 115, 121, 124, 143, 269, 272, 292
Рютин, Мартемьян Никитич, 194

С

Саккарелли, Эмануэль, 277, 279
Саксония, 260
Салтыков-Щедрин, Михаил Евграфович, 183
Самойлов, Василий Никифорович, 130
Санкт-Петербург, 13, 25, 26, 28, 30, 31, 32, 36, 37, 41, 42, 46, 49, 51, 59, 67, 77, 80, 86, 135, 167, 210, 220, 257, 269, 291, 337, 339
Сапронов, Тимофей Владимирович, 269
Саттон, Энтони Сирил, 145
Сверчков, Дмитрий Фёдорович, 216
СДПГ. См. Социал-демократическая партия Германии
Севастополь (линкор), 22, 31, 35, 39, 41, 43, 44, 48, 58, 60, 61, 62, 63, 64, 65, 89
Северная война, 246
Северо-Кавказский край, 106
Седов, Лев Львович, 288, 298
Седова, Наталья Ивановна, 198, 200, 207, 211
Седякин, Александр Игнатьевич, 46
Семенченко, Платон Иванович, 130
Сен-Жюст, Луи Антуан, 350
Сибирский союз РСДРП, 173
Сибирь, 10, 11, 78, 134, 167, 171, 172, 173, 174, 176, 177, 180, 181, 185, 188, 189, 191
Синклер, Луис, 260, 282, 351
Сингхённон, 282
Скорутто, Николай Иосифович, 130
Смерщ, 55
Смольный институт благородных девиц, 349
СНК. См. Совнарком
Совет и прокуратура, 231
советология, 305
Совкино, 158
Совнарком, 24, 38, 74, 80, 115, 227, 271, 272, 292
Соколов, Валерий Олимпиевич, 130
Соколов, Николай Дмитриевич (адвокат), 224
Соколовская, Александра Львовна, 167, 169, 181, 188
Солженицын, Александр Исаевич, 8, 152, 153
сомнамбулизм, 182
Социал-демократическая партия Германии, 260
социализм, 143
Сочинения (Гроцкий), 182
Средние века, 245
Стайтс, Ричард, 253
Сталин, Иосиф Виссарионович, 12, 13, 67, 69, 76, 80, 103, 115, 120, 121, 122, 124, 125, 143, 144, 147, 148, 150, 151, 152, 153, 156, 207, 238, 255, 268, 269, 270, 272, 274, 282, 286, 288, 289, 291, 293, 300, 302, 303, 305, 350
сталинизм, 77, 154, 273, 297, 299, 302
Старцев, Виталий Иванович, 289
Стеклов, Юрий Михайлович, 186
Столыпин, Пётр Аркадьевич, 10, 230
Столыпинская аграрная реформа, 11
Стояновский, Иван Кириллович, 130
Струве, Пётр Бернгардович, 184, 203, 244
Стюарты, 349
Суварин, Борис, 87, 281
Сушеский, Дмитрий Михайлович, 113, 130
США, 87
Сын отечества (газета), 214

Т

Тагер, Александр Семёнович (юрист, 1888), 140

Тамбов, 17, 24, 76, 313
 Тамбовское восстание, 17, 47, 76, 86
 Тахоцкий Н. С. М. Троцкий, Лев Давидович
 Твисс, Томас, 273, 280
 Теодорович, Иван Адольфович, 173
 теория перманентной революции, 196, 242, 256
 Термидорианский переворот, 302, 350
 Тер-Мкртчянц, Арам, 234
 Тихий океан, 253
 Токийский университет, 306
 Токио, 303, 306
 Томас, Вендлин, 87
 Томск, 134, 187
 Томский, Михаил Павлович, 112, 269
 тоталитаризм, 191, 302
 Трепов, Дмитрий Фёдорович, 216
 Трешпер, Леопольд, 142, 163
 Третий рейх. См. Германия
 Третий съезд РСДРП, 206
 Трефолов, Владимир Дмитриевич, 77, 98
 трилогия Дойчера, 254
 троцкизм, 244, 272, 291, 351
 Троцкий, Лев Давидович, 12, 13, 17, 19, 21, 22, 24, 25, 28, 29, 30, 37, 38, 42, 45, 66, 73, 79, 80, 87, 88, 91, 144, 166
 Трубочный завод. См. Завод имени М. И. Калинина
 трудовая армия, 281
 Трудовая правда, 127
 Турция, 287
 Тутура (село), 181
 Тухачевский, Михаил Николаевич, 44, 47, 71, 345
 Тэтчер, Ян, 212, 237, 238, 254, 291

У

узники Лейно, 54
 Украина, 349
 ультиматум, 42
 Умственный рабочий (книга), 173
 Университет Глазго, 351
 Урицкий, Монсей Соломонович, 167, 172
 Уроки Октября, 272
 Успенский, Глеб Иванович, 175, 179, 183
 Усть-Кут, 166, 169, 171, 178, 180
 Учредительное собрание, 200

Ушаков-Ушмировский, Зиновий Маркович, 115

Ф

Файгерман (Файерман), Павел Маркович, 130
 фальсификация, 174
 фальсификация истории, 287
 фараон, 25
 Фашистская Италия. См. Италия
 Февральская революция, 28, 36, 291
 Федорович, Иосиф Иосифович (горный инженер, 1875–1937), 130
 Федотов, Пётр Васильевич, 115
 Фельштинский, Юрий Георгиевич, 235, 244
 феминизм, 181
 филателия, 182
 филиппика, 304
 Филонов, Павел Николаевич, 349
 Финаков, Павел Емельянович, 115
 Финансовый манифест (1905), 197, 225
 Финляндия, 22, 23, 39, 48, 49, 50, 51, 54, 63, 65, 73, 196, 207, 208, 210, 341, 346
 Флеровский, Иван Петрович, 28, 97
 Фондаминский (Фундаминский), Матвей Исидорович, 173
 Форин афферс, 290
 Франция, 298
 Фрейлих, Николай Николаевич, 172
 Френц, Рудольф Рудольфович, 91

Х

Халдей, Евгений Ананьевич, 144
 Харьков, 130, 131, 189
 Хельсинки, 53
 Хефкер, Герман Вильгельм, 260
 химическое оружие, 47
 Ховард, Майкл Чарльз, 249, 250
 Холодная война, 18, 257, 305, 310
 Христофоров, Василий Степанович, 28
 Хрусталёв-Носарь, Георгий Степанович, 197, 217, 223, 224, 225

Ц

Царство Польское. См. Польша

цензура, 182, 183
Цеткин, Клара, 213
Цилига, Анте, 87
Циттау, 260
Цукасова, Мария Абромовна, 187

Ч

Чарушин, Николай Аполлонович, 173
Челябинская область, 136
Черемных, Михаил Михайлович, 104
Чернов, Виктор Михайлович, 40, 64, 216, 224
Чернокнижников, Степан Ефимович, 130
Черных, Яков Андреевич, 170, 171
Чернявский, Георгий Иосифович, 235, 244
Черрути, Витторио, 105
Черчилль, Уинстон, 188
Четвёртый интернационал, 257, 293
Чехия, 260
Чехословакия, 282, 305
Чинакал, Николай Андреевич, 130, 132, 133
Чичерин, Георгий Васильевич, 116, 117, 120, 121, 123, 125, 141
Что делать? (Ленин), 167, 187

Ш

Шадаун, Георгий Акимович, 130
Шаламов, Варлам Тихонович, 159
шахтинцы, 143
Шахтман (Шехтман), Макс, 282
Шахты (город), 150
Швейцария, 186, 196, 198, 199, 311, 312
Швеция, 282
Шеффер, Пауль, 141
Шляпников, Александр Гаврилович, 273

Шницлер, Артур, 183
Штельбринк (Штельбринг), Виктор Эдуардович, 130
штурм Зимнего дворца, 28
Шульц, Дмитрий Иванович (Генрихович), 134

Э

Эврич, Пол, 24, 25, 28, 32, 34, 39, 41, 47, 81, 82, 83, 84, 85, 87
экономика Российской империи, 8, 256
электроинструмент, 119
Элиадзе, Александр Яковлевич, 130
Эльцин, Борис Михайлович, 271
Эманин, Павел Иосифович, 112
Энгельс, Фридрих, 252, 283
эпигон, 286
Эрбетт, Жан, 105
Эссен, Мария Моисеевна, 223

Ю

Югославия, 18, 282
Южная Корея, 282
Юсевич, Авраам Яковлевич, 114, 130, 142

Я

Ягода, Генрих Григорьевич, 65, 68, 69, 70, 71, 72, 103, 120, 143, 344
Якорная площадь (пьеса Бергмана), 90
Япония, 66, 83, 238, 261, 282, 293, 303, 306
Яров, Сергей Викторович, 26
Ярославский, Емельян Михайлович, 172, 291
Яхонтов-Томицкий, Михаил Дмитриевич, 109, 115

Приложения

Приложение №1.

«Кто спровоцировал Кронштадтский мятеж»

«ЧК было получено предписание организовать Кронштадтский мятеж»

90 лет назад, 10 февраля 1921 года, за две недели до появления первых признаков начала антибольшевистского выступления краснофлотцев в Кронштадте русская эмигрантская пресса в Париже сообщила о том, что оно идет полным ходом. Лев Троцкий назвал этот факт прямым доказательством участия в заговоре французской контрразведки. Корреспондент «Власти» Светлана Кузнецова разбиралась в том, кто и зачем спровоцировал знаменитый мятеж.

«Ему полагалось всего 50 осведомителей». Начало первого послевоенного 1921 года выдалось настолько тяжелым, что время Первой мировой и Гражданской войн могло показаться гражданам советской республики отнюдь не самым трудным испытанием в их нелегкой жизни. С началом холодов страна осталась без топлива, встали железные дороги, прекращали работу заводы и фабрики. Но главное состояло в том, что во многих частях страны начались вооруженные выступления измученных принудительными изъятиями зерна крестьян и ко всему прочему разразился продовольственный кризис.

Положение в крупных городах, особенно в Петрограде, усугублялось тем, что в рамках борьбы с мешочничеством и спекуляцией еще во время Гражданской войны города резко ограничили привоз продовольствия любыми частными торговцами, на их пути к колыбели революции стояли заградотряды. В результате цены на продукты, которые всеми правдами и неправдами попадали в Петроград, взлетели до небес. К примеру, если в июне 1920 года фунт хлеба стоил 370 руб., то в феврале 1921 года – 1515. За фунт картошки вместо 220 руб. стали

просить 900. Сахар подорожал с 5625 руб. за фунт до 19 500. Похожая картина наблюдалась и с остальными продуктами.

При этом рабочие жаловались на то, что месячной нормы продовольствия, выдававшейся на предприятиях, хватало только на неделю, и даже этот скудный паек неуклонно уменьшался. Класс-гегемон пытался бороться за свои права, направляя в советские и партийные органы многочисленные просьбы и жалобы, но рабоче-крестьянское правительство оставалось непреклонным.

«Комиссия по снабжению рабочих при Наркомпроде, – сообщали “Известия” в январе 1921 года, – разрешила в отрицательном смысле вопрос о довыдаче разницы в пайках переведенным на бронированное снабжение рабочим, которые ранее состояли на довольствии по повышенным нормам (красноармейские – тыловой, фронтовой и другие – пайки)».

Недовольство масс нарастало, и это, естественно, сказывалось на авторитете власти, который и без того подрывался развернувшейся в конце 1920 года дискуссией о роли профсоюзов. Вопрос заключался не столько в профсоюзах, сколько во власти в партии и стране, и потому, стараясь привлечь на свою сторону как можно больше сторонников, каждая из группировок старательно обличала противников, что способствовало еще большей дискредитации партийных вождей.

Командующий морскими силами республики Александр Немитц докладывал об участии в такой дискуссии моряков Балтийского флота:

«1. На широких собраниях моряков страстно обсуждались вопросы, сами по себе очень тонкие и сложные экономически, но преломившиеся в сознании массы примерно так: “за Троцкого – или за Зиновьева?”, “за подтяжку нас – или за поблажки нам?”».

2. На широких собраниях моряков была допущена и страстная критика командующего Балтфлотом, которою руководила часть комиссаров, и даже – в печати. Это преломилось в сознании массы как: “мы выгнали Комфлота”. В итоге масса оказалась и раздражена, и сбита с толку, она почувствовала возможность не считаться с громадным авторитетом партии, власти...».

Во время дискуссии, казалось, ничто не предвещало никаких мятежей. Проверявший Балтийский флот в декабре 1920 года начальник 1-го спецотдела ВЧК Владимир Фельдман докладывал:

«Усталость массы Балтфлота, вызванная интенсивностью политической жизни и экономическими неурядицами, усугубленная

необходимостью выкачивания из этой массы наиболее стойкого, закаленного в революционной борьбе элемента, с одной стороны, и разбавлением остатков этих элементов новым аморальным, политически отсталым добавлением, а порой и прямо политически неблагонадежным — с другой, изменила до некоторой степени в сторону ухудшения политическую физиономию Балтфлота. Лейтмотивом является жажда отдыха, надежда на демобилизацию в связи с окончанием войны и на улучшение материального и морального состояния, с достижением этих желаний по линии наименьшего сопротивления. Все, что мешает достижению этих желаний масс или удлиняет путь к ним, вызывает недовольство».

Фельдман предлагал ряд мер для улучшения ситуации на флоте, но особого беспокойства не высказывал и весьма похвально отзывался о начальнике особого отдела Кронштадтской крепости:

«Нач. тов. Грибов поставил работу его на должную высоту: информационная часть вполне удовлетворяет своему назначению; весь информматериал без предварительной проверки не идет в сводку. Грибов сам моряк, имеет самую тесную связь с комиссарами и массой. Вот пример этой тесной связи с ним. По штату ему полагалось всего 50 осведомителей, он имеет их до 150, и почти все бесплатные. Как только комиссар “Петропавловска” перехватил письмо (с листовками анархистов. — “Власть”), через 10 минут он уже был у Грибова».

«Отправлены в Москву, по-видимому, для расстрела». Именно поэтому опубликованное в Париже 10 февраля 1921 года сообщение русских «Последних новостей» было, по сути, совершенно обычной для того времени и эмигрантской прессы газетной уткой:

«Лондон, 9 февраля. (Собкор). Советские газеты сообщают о том, что экипаж кронштадтского флота взбунтовался на прошлой неделе. Он захватил весь порт и арестовал главного морского комиссара. Советская власть, не доверяя местному гарнизону, отправила из Москвы четыре красных полка. По слухам, взбунтовавшиеся моряки намерены начать операции против Петрограда, и в этом городе объявлено осадное положение. Бунтовщики заявляют, что они не сдадутся и будут бороться против советских войск».

Ничего подобного в тот момент в Кронштадте не наблюдалось, а советские газеты, конечно, ни о каком бунте не сообщали. Но три дня спустя парижская газета *Le Matin* («Утро») опубликовала похожее сообщение:

«Гельсингфорс, 11 февраля. Из Петрограда сообщают, что ввиду последних волнений кронштадтских матросов военные большевистские власти принимают целый ряд мер, чтобы изолировать Кронштадт и не дать просочиться в Петроград красным солдатам и морякам кронштадтского гарнизона. Доставка продовольствия в Кронштадт приостановлена впредь до новых приказаний. Сотни матросов арестованы и отправлены в Москву, по-видимому, для расстрела».

Возмущению большевистского руководства, казалось, не было предела. Нарком по военным и морским делам и председатель реввоенсовета республики Лев Троцкий уже во время мятежа рассказывал иностранным журналистам:

«Всем, вероятно, известно, что в ряде иностранных газет, в том числе и в “Матен”, сообщение о восстании в Кронштадте появилось еще в середине февраля, то есть в то время, когда Кронштадт был совершенно спокоен. Чем это объясняется? Очень просто. Центры контрреволюционных заговоров находятся за границей. Между этими русскими эмигрантскими центрами и известными группировками европейского империализма и европейской прессы имеется самая тесная связь, разумеется, отнюдь не платонического характера. Русские контрреволюционные организации обещают своевременно устроить мятеж, а нетерпеливая бульварная и биржевая печать уже пишет об этом как о факте.

На основании сообщения “Матен” я послал предупреждение в Петроград своим морским сотрудникам, причем сослался на то, что в прошлом году в заграничной печати появилось совершенно неожиданно для нас сообщение о перевороте в Нижнем Новгороде и действительно приблизительно через месяц после появления этого известия в Нижнем произошла попытка переворота. Таким образом, империалистическая печать не только сообщает о России, и притом вполне сознательно, огромное количество небылиц, но и время от времени с известной точностью предсказывает заранее попытки переворота в определенных пунктах Советской России. Газетные агенты империализма “предсказывают” то, что другим агентам того же империализма поручено выполнять».

Самое любопытное, однако, заключалось в том, что в начале 1921 года у недругов советской власти действительно существовали планы по организации восстания в Кронштадте. В докладе, который, как

считается, подготовил представитель русского отделения Красного Креста в Финляндии профессор Герман Цейдлер, говорилось:

«Сведения, поступающие из Кронштадта, заставляют думать, что ближайшей весной в Кронштадте вспыхнет восстание. При оказании извне некоторой поддержки его подготовлению можно вполне рассчитывать на успех восстания, чему благоприятствуют следующие обстоятельства. В настоящее время на Кронштадтском рейде сосредоточены все суда Балтийского флота, сохраняющие еще боевое значение. В связи с этим преобладающей силой в Кронштадте являются матросы действующего флота, а равно матросы, несущие службу на берегу в Кронштадтской крепости. Вся власть сосредоточена в руках немногочисленной группы матросов-коммунистов (местный Совдеп, Чрезвычайка, революционный трибунал, комиссары и коллективы кораблей и т. д.). Остальной гарнизон и рабочие Кронштадта не играют никакой заметной роли. Между тем в среде матросов замечаются многочисленные и несомненные признаки массового недовольства существующим строем. Матросы единодушно примкнули к рядам восставших, как только немногочисленная мощь решительными и быстрыми действиями захватит в свои руки власть в Кронштадте. В среде самих матросов уже образовалась такая группа, способная и готовая к самым энергичным действиям».

«Большевики не в состоянии взять Кронштадт». Возможность военной победы восставших у автора доклада сомнений не вызвала:

«Советское правительство хорошо осведомлено о враждебном ему настроении матросов. В связи с этим Советское правительство приняло меры к тому, чтобы в Кронштадте одновременно не хранилось более недельного запаса продовольствия, тогда как ранее в кронштадтские склады отпускаясь запас продовольствия на целый месяц вперед. Недоверие советской власти к матросам настолько велико, что наружная охрана путей к Кронштадту, ведущих по льду, покрывающему в настоящее время Финский залив, поручена пехотному полку Красной Армии. В случае восстания этот полк не сможет оказать матросам сколько-нибудь значительного сопротивления как по причине своей малочисленности, так и по причине того, что при надлежащей подготовке восстания полк будет захвачен матросами врасплох. Захват власти над флотом и над крепостными сооружениями самого Кронштадта обеспечивает господство восставших над всеми прочими

338

фортами, не расположенными непосредственно на острове Котлин. Артиллерия названных фортов имеет угол обстрела, не позволяющий ей вести огонь по Кронштадту, тогда как батареи Кронштадта могут держать указанные форты под своим огнем (форт “Обручев”, поднявший восстание в мае 1919 г., сдался через полчаса после открытия по нему огня с кронштадтских батарей). Боевое сопротивление восстанию средствами, допускающими немедленное после начала восстания использование, сводится к открытию большевиками огня по Кронштадту с батарей “Красной Горки” (форт, расположенный на материке, на южном берегу Финского залива). Но артиллерия “Красной Горки” совершенно бессильна перед артиллерией судов и батарей Кронштадта... Следует добавить, что весь запас снарядов для артиллерии Кронштадта, “Красной Горки” и Балтийского флота хранится в пороховых складах Кронштадта и окажется, таким образом, в руках восставших... В случае успеха восстания большевики, не располагающие вне Кронштадта боеспособными кораблями и не имеющие возможности сосредоточить сухопутную артиллерию достаточной мощности для подавления огня кронштадтских батарей (особенно вследствие бессилия “Красной Горки” перед ними), не в состоянии взять Кронштадт ни посредством обстрела с берега, ни посредством соединенного с ним десанта... Ввиду изложенного положение Кронштадта после восстания можно считать в военном отношении совершенно обеспеченным и можно рассчитывать продержаться в нем столько времени, сколько будет угодно».

В докладе говорилось и об особых преимуществах Кронштадта как места организации антибольшевистского мятежа:

«Для успеха Кронштадтского восстания имеются налицо чрезвычайно благоприятные обстоятельства: 1) наличность сплоченной группы энергичных организаторов восстания; 2) сочувственное настроение восстанию в среде матросов; 3) ограниченность района действий узкими пределами Кронштадта, осуществление переворота в каких-либо пределах обеспечивает успех всего восстания и 4) возможность подготовить восстание в полной тайне, что осуществимо вследствие изолированности Кронштадта от России и вследствие однородности и сплоченности матросской среды».

При этом в докладе говорилось и о возможности провала мятежа:

«Внутренние условия жизни после восстания могут оказаться для Кронштадта роковыми. Продовольствия хватит на несколько первых

лишь дней после восстания. Если оно не будет доставлено в Кронштадт немедленно после переворота и если дальнейшее снабжение Кронштадта не будет надлежащим образом обеспечено, то неизбежный голод заставит Кронштадт вернуться под власть большевиков. Русские антибольшевистские организации не в силах самостоятельно разрешить указанную продовольственную задачу и принуждены обратиться в этом отношении за помощью к французскому правительству. Во избежание задержки в немедленной после восстания доставке продовольствия в Кронштадт необходимо, чтобы к заранее условленному времени надлежащие продовольственные грузы находились на транспорте, которые в портах Балтийского моря ожидали бы приказаний идти в Кронштадт. Кроме сдачи Кронштадта большевикам по причине его продовольственной необеспеченности представляется осторожным предвидеть случай перелома настроения в среде самих восставших, следствием чего также могло бы явиться восстановление власти большевиков в Кронштадте».

Для предотвращения подобного исхода, как говорилось в докладе, требовалась сравнительно небольшая помощь французского правительства – 200 тыс. франков, подготовленные суда с продовольствием для восставших и возможность прохода в Кронштадт на поддержку восставшим остатков русского Черноморского флота, ушедшего из Крыма после поражения войск барона Врангеля.

Но после начала восстания никаких судов с продовольствием и вообще значительных запасов провизии для восставших подготовлено не было, и эмигрантская газета «Руль» уже во время восстания сообщала:

«Вследствие нового обращения русских организаций к французскому министру иностранных дел представителям Франции в прибалтийских государствах дана инструкция оказать содействие всяким мероприятиям для ускорения снабжения Кронштадта продовольствием».

Возможно, на позицию французского правительства повлиял тот же самый доклад. Точнее, описание главной опасности предлагавшегося мятежа:

«Необходимо, однако, иметь в виду, что если после первоначального успеха восстания в Кронштадте таковое будет сломлено по причине недостаточного снабжения Кронштадта продовольствием или по причине разложения в среде оставленных без нравственной и военной поддержки балтийских матросов и кронштадтского гарнизона,

то сложится такая обстановка, которая не только не ослабит, но, наоборот, укрепит советскую власть, дискредитировав ее противников».

«Агенты Чека подстрекали эсеров к восстанию». В том, что большевикам следовало что-то предпринять для выхода из непростого положения, в котором они оказались, не сомневались ни их враги, ни они сами. 11 февраля 1921 года группа видных большевистских руководителей, в которую вошли члены коллегии ВЧК Вячеслав Менжинский и Генрих Ягода, направила в ЦК РКП(б) письмо, где говорилось:

«Положение внутри самой партии, с особенной яркостью выявившееся в последней дискуссии о профсоюзах, и небывалое еще понижение влияния ее на пролетариат, особенно за последнее время благодаря систематическому сокрытию от масс действительного состояния республики, требует самых спешных и решительных мер по укреплению партии и приведению ее в боевой и революционный порядок».

Менжинский с товарищами предлагали главным образом организационные меры. Но маленькое победоносное подавление мятежа куда быстрее облегчило бы жизнь руководству партии, поскольку наличие общего и притом весьма реального врага могло положить конец затянувшимся столкновениям внутрипартийных группировок, а также напугать рядовых коммунистов и заставить их сомкнуться вокруг ЦК. А разгром мятежников поднял бы авторитет власти и напугал ее врагов. Но даже для большевиков-ленинцев, прославившихся своей оголтелой беспринципностью еще до революции, подобный ход выглядел очень смелым.

Однако факты свидетельствуют о том, что подобная версия имеет право на жизнь. Поводом для восстания в Кронштадте послужила ситуация в Петрограде, где с конца января 1921 года остановили подавляющее большинство заводов и фабрик. На многих из них начались митинги с требованием увеличить паяк, разрешить свободную торговлю и запретить заградотрядам отбирать продукты у возвращающихся из деревень рабочих-отпускников. Только на отдельных заводах экономические требования сочетались с политическими – перевыборов советов, а также свободы слова и печати, без которых невозможно бороться с разного рода злоупотреблениями руководства. В ответ власти города ввели военное положение. Когда же рабочие вышли на улицы, началось то, что один из участников событий – Василевский описывал так:

«Первым начал воынить (бастовать) Трубочный завод, который бастовал 23-го февраля и, поддерживаемый некоторыми предприятиями Василеостровского района, устроил антисоветскую демонстрацию. 25-го февраля к Трубочному заводу примкнули: Механический, Лаферм, Печаткина, Брусницына. 25 февраля была объявлена перерегистрация рабочих, чтобы выявить виновных и прекратить воынку, т. е. забастовку. Тут, товарищи, когда рабочие Василеостровского района выступили, дело гладко не обошлось, тут, поскольку город был на военном положении... до некоторой степени имели место столкновения с воинскими частями, в особенности с отрядом особого назначения...»

Вот только петроградское руководство уже 24 февраля пошло на попятную и объявило о выдаче небывалых по размерам пайков. В Кронштадте же начали солидаризироваться с рабочими только 25 февраля. Так что получалось несколько поздновато.

Станным образом происходило и распространение мятежных настроений по Кронштадту и кораблям флота. Казалось бы, комиссары и чекисты должны были если не арестовать недовольных, то изолировать их от остальных матросов. Вместо этого комиссары сами приводили зачинщиков митингов на отказывавшиеся принимать их корабли. Еще одним примечательным моментом оказалось то, что 28 февраля, когда требования кронштадтцев еще только начали обсуждать на кораблях и не было никакой ясности в том, руководит ли кто-либо недовольными матросами, в Петрограде приступили к арестам членов всех оппозиционных большевикам партий и движений.

Но самым странным оказалось другое обстоятельство, на которое обращали внимание многие исследователи. В Москве в эти же дни должен был открыться X съезд РКП(б), где собирались обсуждать вопрос о свободной торговле и изменениях в экономической политике. Если бы съезд открылся в намеченные сроки, повод для восстания в Кронштадте исчез бы сам собой. Но открытие съезда почему-то отложили.

Безусловно, все это может быть лишь совпадениями или ошибками отдельных людей. Так или иначе, маленького победоносного подавления мятежа не получилось. Радиостанция Кронштадта передавала на весь мир воззвания восставших, и большевики никак не могли заглушить ее своими радиопередачами и шумами.

«Радиоприемник моего поезда, — телеграфировал Троцкий командарму Тухачевскому 6 марта 1921 года, — принял сегодня почти

целиком воззвание Кронштадтского ревкома. Помеха со стороны Новой Голландии была минимальной. Необходимо принять строжайшие меры к более бдительной работе Новой Голландии и к контролю над радио на судах в Неве».

Первая попытка штурма Кронштадта окончилась полным провалом.

«Ночное наступление, — докладывали военные 8 марта, — успеха не имело, и части связи отведены в исходное положение. На неудачный исход повлияли недостаточность с нашей стороны тяжартиллерии, превосходство артогня, сил противника и главным образом крайняя нерешительность действий 561 полка и переход одного батальона этого полка на сторону противника. Части Особого сводного полка ворвались было в Кронштадт, где подверглись сильному перекрестному пулеметному огню и отчаянной контратаке противника и принуждены были отойти, потеряв две роты с комбатом, отходящие части были преследуемы сильным артогнем противника».

Ко всему прочему переброшенные для подавления мятежа надежные красноармейские части оказались совершенно ненадежными. Уполномоченный, направленный 12 марта в 27-ю дивизию, докладывал:

«Мне удалось выяснить, что эти части считаются вполне благонадежными и боевыми, в свое время отличившимися при взятии Омска. Я пошел на митинг 234-го Оршанского полка, где установил прямо противоположное настроение, резко антисемитское, с отказом идти на фронт. На призыв агитатора (кстати сказать, очень плохо осветившего Петроградскую волынку) раздались возгласы “бей жидов”, “на фронт не пойдем”, “довольно войны — давай хлеба”. Из беседы с командиром полка выяснил, что он (по его словам) не узнает своей части и совершенно не знает, чему это приписать».

В итоге, чтобы заставить штурмующих идти на восставших, пришлось применять репрессии вплоть до расстрелов. Взять же крепость удалось только после того, как руководители восставших вместе с почти 4 тыс. моряков по льду ушли в Финляндию. Причем штурм обошелся весьма и весьма дорого.

«Наши части, — говорилось в итоговом докладе полевого штаба реввоенсовета республики о подавлении мятежа, — понесли значительные потери: именно — комсостава 130 и красноармейцев 3013 человек.

На фортах мятежниками оставлено много орудий и снарядов, орудия большей частью испорчены».

Погибло и несколько делегатов X съезда, отправленных на борьбу с кронштадтской контрреволюцией. После чего арестовали и частью расстреляли множество участников мятежа. А дальше все произошло именно так, как и предсказывалось в докладе профессора Цейдлера. На съезде приняли резолюцию «О единстве партии», запрещающую фракционные расколы, оппозиционеров посадили и, можно сказать, почти добила, одновременно всерьез испугав тех, до кого руки ЧК не дотянулись. Так что кризис власти был преодолен.

Вот только вопрос о том, чем же занималась обширная агентурная сеть ЧК в Кронштадте, остался открытым. Как и вопрос о том, кто же спровоцировал Кронштадтский мятеж.

Возможно, восстание вызвали русские эмигранты. Ведь это они запустили утку о мятеже в Кронштадте, справедливо полагая, что большевики предпримут какие-то репрессивные действия и восстание непременно начнется. Можно было бы предположить, что они рассчитывали на то, что великие державы все-таки оценят открывающиеся возможности и поддержат восставших.

Все это выглядит вполне логичным, если бы не одно «но». В ноябре того же 1921 года из финского представительства РСФСР в Москву поступило агентурное сообщение, где говорилось о весьма интересном разговоре, который вел комендант представительства (а назначались они, как правило, из числа чекистов) с сотрудником финской полиции:

«Комендант дома здешнего представительства Советской России рассказал одному представителю Центральной Сыскной Полиции, что когда положение Советского Правительства до Кронштадтского мятежа стало казаться шатким, то Чрезвычайной Комиссией Петроградской губ. (Печека) при внесении Реввоенсовету и Всерос. Чрезвычай. Комиссии предложения об улучшении положения было получено от Зиновьева предписание организовать Кронштадтский мятеж, дабы, подавив его, можно было упрочить положение Советского правительства. Восстание было спланировано до подробностей, и о планах сообщили Петриченко, который являлся тайным агентом Чрезвычайной Комиссии Петроградской губ. и которому было дано предписание вступить в Кронштадтский Революционный Комитет, чтобы он мог активно участвовать в подготовке восстания. Во все находящиеся в

Кронштадте войсковые части были откомандированы агенты Чeka, которые подстрекали эсеров к восстанию. В ряды повстанцев было приказано вербовать возможно большее число офицеров и знати, чтобы восстание носило белый характер. Когда Московский и Петроградский гарнизоны были подкреплены верными советскому правительству войсками, Петриченко получил приказание начать мятеж».

Естественно, этот доклад не может быть окончательным аргументом в пользу излагающейся в нем версии³⁴. Важнее другое. От правительства, которое пытается руководить, полагая, что пропагандой можно добиться чего угодно, в тяжелые моменты, когда ложь уже не помогает, можно ждать каких угодно провокаций.

© Светлана Кузнецова, «Коммерсантъ – Власть», 2011

Печатается по:

Кузнецова С. «ЧК было получено предписание организовать Кронштадтский мятеж» // Коммерсантъ Власть: журнал. – Москва, 2011. – №5. – 7 февраля. – С. 56–61.

³⁴ О важности для спецслужб объяснять все события исключительно своими действиями см. Fenster M. *Conspiracy Theories: Secrecy and Power in American Culture*. University of Minnesota Press, 1999. О психологической точке зрения на теории заговора, в рамках которой люди склонны переоценивать преднамеренность и координацию событий, что приводит их к приписыванию значительных событий тайным группам или организациям, см. Prooijen J.-V., Vugt M. *Conspiracy Theories: Evolved Functions and Psychological Mechanisms* // *Perspectives on Psychological Science*. – 2018. – Vol. 13, iss. 6. – P. 770–788. – doi:10.1177/1745691618774270. (Б.Р.М.)

Приложение №2. «Неиспользованный ресурс»

Среди событий прошедшей недели (возлияния в честь женщин, кризис на Украине, возможный вотум недоверия правительству, ничья «Зенита» в Волгограде) отметим почти незамеченные годовщины – 80-летие Крошштадтского мятежа и введения нэпа.

Близящийся юбилей Петербурга поневоле заставляет заново инвентаризировать историю города. Внимание большинства сосредотачивается на императорском периоде: долгие годы все, что касалось двора, гвардии, повседневной жизни столицы империи, находилось под полузапретом, и потому мы все еще не можем утолить естественное любопытство. Последнее десятилетие было как ни одно другое богато отличными книгами и выставками, посвященными «блистательному Санкт-Петербургу». Именно эта часть городского мифа была востребована и актуализирована. Два других периода истории – петроградский и ленинградский – забыты и как будто неинтересны. Совсем по Пастернаку: «Время наших отцов – будто повесть из века Стюартов, отдаленней, чем Пушкин, и видится словно во сне».

Меж тем, для мира особенно интересен именно Петроград, где большевики начали всемирную революцию. И то, что Малевича и Филонова на Западе знают, а Репина и Бенуа – нет, связано и с тем, что Россия для иностранных интеллектуалов XX века – страна величественного и кровавого исторического эксперимента, который так или иначе определял историю всего человечества. И как в Париже туриста влекут Гревская площадь и надпись «здесь танцуют» на месте Бастилии, в Бостоне вам покажут место знаменитого «чаепития», а в Мюнхене пивную, где начался знаменитый путч, так и в Петербурге «Аврора» и кабинет Ленина в Смольном будут интересовать туристов, хочется нам того или нет.

Смена тысячелетий уравнила всю историю прошлого века – сделала его еще одним из прошедших столетий. Спокойный пересмотр итогов еще впереди; рост внутреннего спроса на информацию о страшных годах России ожидаем. Для поколений, не мучимых ложью «Истории КПСС», не зачитывавшихся «Архипелагом ГУЛАГ», Октябрь и то, что за ним последовало – просто история, just story. Отсюда и успех последних выставок, посвященных советскому периоду

– «Память тела» в Петропавловской крепости, «За наше счастливое детство» в Музее-квартире Кирова и, наконец, той, что посвящена нэпу и экспонируется сейчас в особняке Румянцева.

Поворот к нэпу – следствие последней, четвертой революции, произошедшей в Петербурге. Те самые рабочие и «братишки»-матросы, которые бунтовали в 1905-м, свергли монархию и Временное правительство, на этот раз выступили против большевиков. Обычная ирония истории – так санкюлоты-эбертисты в свое время разочаровались в Робеспьере и Сен-Жюсте, а потом под руководством Бабефа пытались свергнуть термидорианцев, а к власти тем временем на всех парах двигался Бонапарт. Забастовки на Васильевском острове, приведшие к восстанию на Котлине – первая попытка борьбы за «социализм с человеческим лицом». Инициаторов стачек ждали концлагеря, кронштадтцев – расстрелы. Именно благодаря петроградским рабочим и кронштадтским краснофлотцам страна от романтического ужаса Гражданской войны перешла к короткой передышке нэпа. Но в ходе кронштадтских событий идеалистический авангард пролетарской революции был уничтожен Лениным и Троцким, из-за спины которых уже выглядывали сталинские аппаратчики. Большевики уничтожили тех, на кого опирались, расчистив путь для своих будущих палачей.

Можно злорадствовать над участниками восстания: за что боролись, на то и напоролись. Можно считать их провозвестниками молодежной революции 1960-х, как полагали многие западные левые. Но все это не отменяет того факта, что в 1921 году Петроград снова остановил на себе зрачок мира. И с точки зрения простой прагматики было бы глупо не иметь в Кронштадте ни музея, ни памятника, посвященного событиям 1921 года.

Предъюбилейная инвентаризация святынь и достопримечательностей Петербурга должна включать и те из них, которые связаны с мрачным и героическим петроградским периодом. В конце концов, убийства царевича Алексея, Петра III, Павла тоже достаточно страшны, но это не мешает показывать где и рассказывать как это произошло. История – не тротуар Невского проспекта.

© «Коммерсантъ С-Петербург», 2001

Печатается по:

Неиспользованный ресурс // Коммерсантъ. – СПб, 2001. – №42. – 12 марта. – С. 4.

Приложение №3.

Льюис Синклер (англ. *Louis Sinclair*, 28 июля 1909, Глазго – 7 июля 1990, там же) – библиограф Льва Троцкого, посвятивший большую часть своей жизни сбору и каталогизации работ революционера. Родившийся в еврейской рабочей семье в городе Глазго, Льюис (Луи) Синклер в 1930-х годах занялся политикой. Он стал троцкистом, вступив в 1937 году в группу «*Militant*», являвшуюся троцкистской фракцией в Лейбористской партии Великобритании. Синклер оставался приверженцем троцкизма на протяжении всей своей жизни, хотя и дистанцировался от фракционных споров внутри движения, начавшихся после распада британской Революционной коммунистической партии (англ. *Revolutionary Communist Party*, РКП) в 1949/1950 году.

Синклер внёс значительный, если не решающий, вклад в научное изучение и сохранение наследия Троцкого. Он наиболее известен своей монументальной работой «Лев Троцкий: Библиография» (1972), в которой систематически документировались труды Троцкого на более чем сорока языках мира. Эта библиография, переизданная в 1989 году, стала ценным источником как для учёных, изучавших троцкизм, так и для политических активистов 70-х годов XX века. Синклер также передал в дар университету Глазго свою обширную коллекцию работ Троцкого, насчитывающую около 1800 изданий. Его коллекция оставалась важнейшим ресурсом для исследователей и в начале XXI века.

Помимо своей библиографической работы, Синклер играл активную роль в организации троцкистов во время Второй мировой войны. Во время своей службы в британской армии он вербовал членов в британскую Революционную социалистическую лигу (РСЛ, 1938–1944). В тот же период он работал с рабочими в Италии, содействуя созданию итальянской секции Четвёртого Интернационала.

Несмотря на некоторую изоляцию от основных академических кругов и ряда сегментов троцкистского движения, Синклера постепенно был признан как исследователь. Среди его коллег были такие учёные, как Пьер Бруэ (*Pierre Broué*) и Джордж Брайтман (*George Breitman*). Скрупулезные усилия Синклера как библиографа обеспечили будущим поколениям доступ к трудам и идеям Троцкого.

Роман Балабин, 2019, CC-BY-SA 3.0

“The Beginning and the End of the New Economic Policy: The Kronstadt Rebellion and the Shakhty Trial”

Abstract

The New Economic Policy (NEP) was implemented in Soviet Russia from 1921 to 1928, thus replacing the policy of war communism during the Russian Civil War. During the NEP, the use of market principles and the attraction of foreign capital in the form of concessions were combined with state regulation of a mixed economy using planning instruments. The principles and ideas of the early Soviet NEP had a noticeable influence on the policy of Hungary, Yugoslavia and communist China in the 1980s.

This monograph is devoted to two events that marked the beginning and end of the NEP era. The first part of the book is about the Kronstadt armed uprising, during which the crews of warships and residents of the city in 1921 fought against the dictatorship of the Bolsheviks and the policy of war communism. Brief biographies of the leaders of the revolutionary committee: Stepan Petrichenko, Sergey Vershinin, Pyotr Perepyolkin – and the special investigator of the All-Russian Extraordinary Commission (Cheka) Yakov Agranov are presented. The complex historiography of the «mutiny or uprising» problem is examined in detail with references to sources.

The second part is about the Shakhty Trial of 1928. This staged political trial of the technical intelligentsia and German specialists became a significant event as it marked the transition from the NEP to the “socialist offensive” in the economy. It also caused a major crisis in Soviet-German relations. The third part of the book is devoted to episodes from the biography and works of one of the leading participants in the events, the revolutionary Leon Trotsky. For the first time in Russian, the history of the revolutionary’s inaugural Japanese and Korean publishers is discussed. The historiographic sections analyze more than three hundred sources on the topics.

The book is the first volume in the series “Economics and Politics at the Beginning of the 20th Century”. It will be useful both for specialists and for a wide range of readers interested in economic, legal, diplomatic and military history. It will also be useful for those fascinated by the history of the USSR and the Russian Empire at the beginning of the XXth century.

Contents

From the Editor. “What would Russia be like if the Bolsheviks had not won?” 8 – Author’s Foreword. “The October Revolution and the New Economic Policy: There and back again” 17.

Part I. The Kronstadt Uprising (1921) – Brief information 21 – Ch. 1. Preceding events 23 – 1.1. The Russian Civil War. The prodrazverstka and peasant uprisings 23 – 1.2. Political disagreements 24 – 1.3. In Petrograd 25 – 1.4. The Kronstadt fortress 27 – Ch. 2. History of the uprising 31 – 2.1. The Beginning of the uprising 31 – The Resolution 31 – Provisional Revolutionary Committee (VRK) 34 – 2.2. Reaction among the emigrants. The press 39 – 2.3. Events of March 2-6 41 – 2.4. The first assault 44 – 2.5. Events of March 8-18. The second assault 46 – 2.6. The fate of the uprising leaders 49 – Head of the VRK Stepan Petrichenko 49 – Member of the VRK Sergey Vershinin 58 – Member of the VRK Pyotr Perepyolkin 62 – Investigator of the VChK Yakov Agranov 65 – Ch. 3. Results and influence. The New Economic Policy (NEP) 73 – Ch. 4. Memory of the uprising 77 – Ch. 5. Assessment of events. Historiography 79 – 5.1. Soviet historiography: “The Kronstadt Mutiny” 79 – Book “Kronshtadtskiy myatezh” (*The Kronstadt Mutiny*) by Nikolai Kornatovsky 80 – 5.2. Western and emigrant versions: “The Kronstadt Uprising” 81 – Book “Kronstadt, 1921” by Paul Avrich 82 – 5.3. New version by Trotsky (1938) 87 – March Action of 1921: *März kämpfe in Mitteldeutschland (Märzaktion)* 88 – Ch. 6. Reflection in culture 89 – Notes 92 – Literature 94 – List of electronic resources 98.

Part II. The Shakhty Trial (1928) – Brief information 100 – Ch. 7. Historical context 102 – Ch. 8. Origins of the case. Investigation 106 – 8.1. The Shakhty stage 107 – 8.2. The regional stage 109 – 8.3. The republican stage 113 – 8.4. Results of the investigation 114 – Ch. 9. The international aspect of the case. Soviet-German relations 116 – 9.1. The crisis in Soviet-German relations 116 – 9.2. The hat and the raincoat as signals for sabotage 118 – 9.3. The “lost” arrestant 120 – Position of Gustav Stresemann 124 – Ch. 10. Preliminary investigation by the prosecutor’s office 126 – Ch. 11. The trial 129 – 11.1. The final list of accused 129 – Lazar Germanovich (Grigorievich) Rabinovich 130 – Nikolay Andreevich Chinakal 133 – Pyotr Ernestovich Kalnin 135 – 11.2. The course of the trial 136 – 11.3. The verdict 142 – Ch. 12. Assessments and influence 143 – Ch. 13. Historiography 148 – 13.1. The Soviet version 148 – 13.2. Version by Efim Evdokimov

(1937). Role of Joseph Stalin 150 – 13.3. Modern historiography 152 – Ch. 14. Rehabilitation 157 – Ch. 15. In art 158 – Notes 160 – Literature 162.

Part III. Leon Trotsky: Episodes of Early Biography and Printed Works – Ch 16. Trotsky's first exile 166 – 16.1. Prehistory 167 – 16.2. History 168 – 16.3. Newspaper "Vostochnoye obozreniye" (*Eastern Review*) 174 – 16.4. Escape 187 – 16.5. Influence 191 – Ch. 17. Leon Trotsky in 1905 196 – 17.1. Prehistory. First emigration 197 – 17.2. Return to the Russian Empire 197 – 17.3. In Saint Petersburg 204 – 17.4. In Finland 207 – 17.5. Member of the Petersburg Soviet of Workers' Delegates (Saint Petersburg Soviet) 209 – 17.6. Demonstration on October 18 218 – 17.7. Meeting with Polish revolutionaries 219 – 17.8. Strike and the eight-hour working day 220 – 17.9. The defensive period. The role of Vladimir Lenin 223 – 17.10. At the head of the Soviet 224 – 17.11. Trial of the members of the Soviet 229 – 17.12. Assessments and influence 237 – Ch. 18. "Nasha Revolyutsiya" (*Our Revolution*; "Itogi i perspektivy", *Results and Prospects*) 242 – 18.1. Description and history 243 – 18.2. Main provisions and their criticism 244 – 18.3. Influence 255 – 18.4. Editions 257 – 18.5. Translations 259 – Ch. 19. "Novyy Kurs" (*The New Course*) 267 – 19.1. History and Description 268 – 19.2. Criticism 272 – 19.3. Influence 280 – 19.4. Editions and translations 282 – Ch. 20. "Stalinskaya Shkola Fal'sifikatsiy" (*The Stalin School of Falsification*) 286 – Ch. 21. "Predannaya Revolyutsiya" (*The Revolution Betrayed: What is the Soviet Union and Where is it Going?*) 297 – 21.1. Description and History 298 – 21.2. Criticism 299 – About Stalinism 299 – Basic Questions and Answers 301 – Pessimism, Adventurism and Self-Deception 304 – 21.3. Influence. Editions and Translations 305 – Publisher "Gendai Shichō Shinsha" 306.

Instead of a Conclusion. "Soviet NEP and the Modern Chinese Economy" 309 – About the author and editor 311 – List of illustrations and licenses 317 – Subject index 323 – Appendices 334 – A1. "Who provoked the Kronstadt mutiny" (*Kommersant Vlast*, 2011) 334 – A2. "Unused resource" (*Kommersant SPb*, 2001) 346 – A3. Louis Sinclair 348.

Roman M. Balabin, PhD
BWAN, Technopark Zurich, Switzerland

ORCID iD: 0000-0001-9374-1809
Scopus Author ID: 15049329900
Wikidata ID: Q42851750

Научно-популярное издание

Роман Михайлович Балабин

**НАЧАЛО И КОНЕЦ НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ:
КРОНШТАДТСКОЕ ВОССТАНИЕ И ШАХТИНСКОЕ ДЕЛО**

Научные редакторы:

д.и.н. Д. Е. Мартынов, Ю. В. Луцкай, А. Н. Мухранов

Корректоры: А. Доунарович, Ю. Сухомлинова, А. Бондарь, А. Львова

Компьютерная верстка К. Виноградова, Р. Балабина

Подписано в печать 19.02.2019

Формат 60х90/16

Печать офсетная

Гарнитура Garamond

Усл.печ.л. 20,2

Тираж 500 экз.

АНО «Неоэкономика»

ОГРН 1127799009513

ИНН 7720490513, КПП 770301001

125009, г. Москва, Брюсов пер., д. 4, пом. II

8 965 324 39 85, 8 910 436 10 21

www.neoeconomica.ru

info@neoeconomica.org

Отпечатано в типографии «Новый Формат»

Директор: И. А. Колмогоров

ОГРНИП 304222134900018

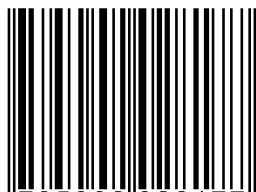
ИНН 222109824167, Рег. №000627390

656049, г. Барнаул, пр. Социалистический, д. 85

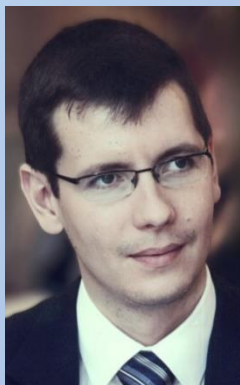
8 3852 36 18 29, 8 3852 36 18 36, 8 383 213 63 52

Заказ №141

ISBN 978-5-00202-817-7

9 785002 028177 >

БАЛАБИН Роман Михайлович – кандидат наук, журналист. Работал в Гейдельбергском и Гёттингенском университетах в Германии, являлся научным сотрудником в Базельском университете и Швейцарской высшей технической школе Цюриха. Автор более 60 научных работ. Сотрудничает с целым рядом российских и зарубежных изданий, включая «Наша Газета.ch» и портал «Деловая Швейцария». Пишет научно-популярные статьи и книги по российской и зарубежной истории первой половины XX века.

ISBN 978-5-00202-817-7

9 785002 028177 >